РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLI-й. МАЙ. 1910 годъ.

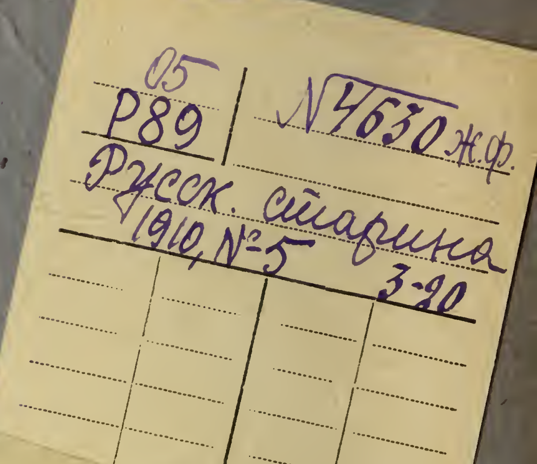
СОДЕРЖАНІЕ:

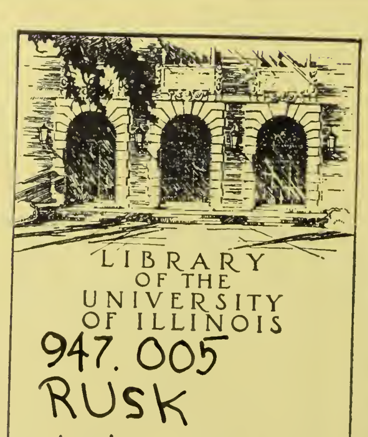

Приложеніе: Портретъ барона Александра Андреевича Будберга.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1910 года.
Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.
Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

V-я книга „Русской Старины" вышла 1-го мая 1910 года.

05
P89
№4630 ж.ф.
Русск. старина
1910, №5
3-20

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
947.005
RUSK
1910
no. 5

Баронъ
Александръ Андреевичъ
Будбергъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА"
на 1910 годъ.

Вступая въ 1910 году въ сорокъ первый годъ своего существованія, **„Русская Старина"**, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакція предполагаетъ напечатать въ 1910 году: **А. Ф. Кони** — „Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля". — „Житейскія встрѣчи". **П. О. Пирлинга.** — „Переписка Карла IX съ самозванцами".—„Поѣздка въ Самборъ". **П. М. Ковалевскаго.**—„Встрѣча на жизненномъ пути.—„Николай Алексѣевичъ Некрасовъ". Воспоминанія **И. И. Янжула.** „О пережитомъ и видѣнномъ 1864—1909 гг.", при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Толстого, Тургенева, Достоевскаго, Полонскаго, Гайдебурова, Писемскаго, Островскаго, Щедрина, Юрьева, Елисѣева, Михайловскаго, Шелгунова, Успенскаго, Кони, Соловьева, Баршева, Бѣляева, Лешкова, Крылова, Чичерина, Муромцева, Ковалевскаго, Чупрова, Стороженко, Плеве, Витте, Бунге, Делянова, Боголѣпова, Побѣдоносцева и многихъ другихъ. „Воспоминанія жизни" **Ѳ. Г. Тернера**, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Ламанскаго, Рейтерна, кн. Оболенскаго, Самарина, Соловьева, Безобразова, баронессы Раденъ, Бисмарка, Вирхова и многихъ другихъ. „Депутатъ отъ Россіи". Воспоминанія и переписка **Ольги Алексѣевны Новиковой. М. В. Безобразовой**—„Дневникъ академика В. П. Безобразова". **Барона А. Э. Штромберга**—„Изъ воспоминаній о Некрасовѣ". **С. И. Глѣбова**—„Объ ученическихъ годахъ Гоголя". **В. И. Храневичъ**—„Достоевскій въ воспоминаніяхъ ссыльнаго поляка". **А. Г. Полянская**—„Къ біографіи Л. А. Мея."—„Письма П. И. Чайковскаго къ М. А. Мельникову". **А. А. Чебышева**—„Письма П. А. Катенина И. А. Бахтину". **М. И. Кіяновскій**—„Дневникъ министра финансовъ графа Канкрина". **Н. К. Полевой**—„Два года 1864 и 1865 изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Минской губерніи". **Е. А. Рагозиной**—„Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 гг." **Ю. Д. Татищевъ**—„Дѣло о покушеніи на жизнь Домейки". „Отчетъ М. Н. Муравьева по управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ". **Г. Т. Синюхаевъ**—„Пугачевскія знамена у Терскихъ казаковъ". **Н—ъ—**„ Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ". **Б. М. Колюбакинъ**—„Воспоминанія графа Бенкендорфа". О Кавказской лѣтней экспедиціи 1845 г. **Е. С. Каменскій**—„Записки гр. Ланжерона 1812 г.—Кутузовъ главнокомандующій турецкой арміей". **Е. К. Андреевскій** — „Драгомировъ въ Главной Квартирѣ Прусской Арміи въ кампанію 1866 г.". **В. Ф. Рудневъ**—„На крейсерѣ „Африка". **В. И. Шереметевскій**—„Темное царство" (черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка). Изъ бумагъ **Ал. Н. Попова**—„Генералъ Моро въ русскихъ войскахъ". Воспоминанія Д. Санглена, Леваковскаго, Семенова и др. Воспоминанія изъ русско-японской войны, изъ жизни духовенства.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

Редакторъ-издатель **П. Н. Вороновъ**. Тип. т-ва н. ф. „Эл.-тип. Н. Я. Стойковой". Знаменская, 27.

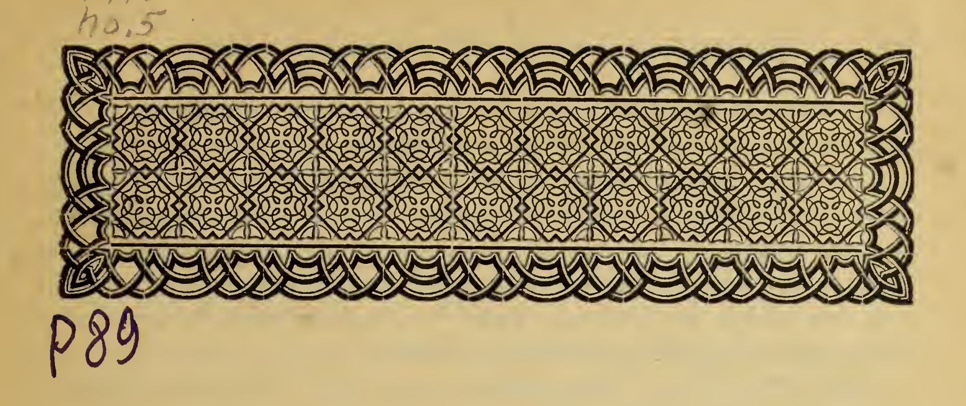
Виленскій временникъ. Изданіе Виленскаго Генералъ-Губернаторскаго Управленія. Книга II. Вильно. 1907.

Въ книгѣ помѣщены двѣ небольшія статьи—„Описаніе крестьянскаго жилого дома въ дер. Загорьѣ Гродненской губ". С—на, „Свѣдѣнія о бѣлорусскихъ крестьянскихъ постройкахъ въ Вилейскомъ уѣздѣ" П. С., и два крупныя изслѣдованія—„Нечистики, сводъ простонародныхъ въ Витебской Бѣлоруссіи сказаній о нечистой силѣ" Н. Никифоровскаго и „Славянское жилище въ Сѣверо-Западномъ краѣ" А. Харузина. Демонологическій сводъ, составленный г. Никифоровскимъ, настоящій справочникъ о всевозможныхъ видовъ и наименованій чертяхъ, читается съ большимъ интересомъ; жаль только, что составитель не приводитъ дословно народныхъ разсказовъ и не указываетъ точно, въ какихъ мѣстахъ пришлось ему ихъ слышать. Составитель „передаетъ типичныя особенности разнообразныхъ нечистиковъ—внѣшній и внутренній складъ, образъ жизни, странности и привычки, отношенія къ людямъ и собратьямъ, родъ дѣятельности, мѣсто и время послѣдней, при чемъ даетъ разграниченіе нечистиковъ по тремъ категоріямъ. Къ первой отнесены повсюдные, вольные нечистики, ко второй—человѣкоподобники, прикованные дѣятельностью къ опредѣленному мѣсту, и къ третьей—демоноподобники". Своеобразный и чрезвычайно разнообразный міръ демонологическихъ народныхъ представленій заслуживаетъ внимательнаго изученія: онъ тѣсно соприкасается съ областями миѳологіи и религіи, съ исторіей и проливаетъ свѣтъ на народную психику. Многомилліонная деревенская Русь даетъ въ этомъ отношеніи огромный матеріалъ.—Замѣчательное по освѣдомленности автора, по образцовой тщательности пріемовъ и щедро иллюстрированное изслѣдованіе Харузина, съ двумя алфавитными указателями терминовъ,—богатый вкладъ въ антропологію и исторію внѣшней культуры.

Григорій Писаревскій. Изъ исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи въ XVIII вѣкѣ. По неизданнымъ архивнымъ документамъ. (Записки Московскаго Археологическаго института. Т. V.) М., 1909.

Къ исторіи поселеній иностранцевъ въ Россіи въ нашей литературѣ до сихъ поръ подходили рѣдко и при томъ больше съ публицистической стороны. Между тѣмъ самый предметъ еще далеко не изученъ, и трудъ г. Писаревскаго, въ основаніе котораго положены главнымъ образомъ документы столичныхъ архивовъ, является первымъ крупнымъ и серьезнымъ трудомъ въ этой области. „Авторъ старался выяснить тѣ общія условія времени, которыя опредѣляли собою популяціонистскую политику не только нашего правительства, но и правительствъ другихъ государствъ Европы, въ особенности же болѣе близкихъ намъ географически, какъ-то—Пруссіи, Австріи и Даніи. Всѣ эти государства усиленно поощряли иммиграцію иностранцевъ въ свои владѣнія, опираясь на господствовавшія въ тогдашней наукѣ теоріи народонаселенія. Эти же послѣднія отражали собой интересы государственной власти и правящихъ зажиточныхъ классовъ общества... Выяснивъ общія и мѣстныя условія, побуждавшія наше правительство вызывать иностранцевъ въ Россію, авторъ счелъ нужнымъ съ возможной полнотой изучить организацію вызова въ первые годы царствованія Екатерины II. Это изученіе раскрыло существованіе двухъ категорій колонистовъ—„коронныхъ" и „вызывательскихъ". Первые навербованы были правительственными агентами и находились въ непосредственномъ вѣдѣніи правительства; вторые, набранные частными предпринимателями, такъ называемыми „вызывателями", становились къ нимъ въ своеобразныя зависимыя отношенія, обязывались, напр., платить въ ихъ пользу десятину урожая. Въ общемъ устройство вызывательскихъ колоній было попыткой на русской почвѣ установить, правда, въ значительно смягченной формѣ, тѣ отношенія, которыя существовали во Франціи до революціи 1789 г. между крестьянами и дворянствомъ. Но эта попытка не имѣла успѣха: зависимыя, и то скорѣе de jure, чѣмъ de facto, отношенія колонистовъ къ вызывателямъ просуществовали до 1779 года, когда вызывательскія колоніи окончательно обращены были въ коронныя, а сами вызыватели, за утрату своихъ правъ, получили денежное вознагражденіе отъ правительства. Попытка Екатерины II широкими льготами иммигрантамъ вызвать эмиграцію въ Россію изъ западно-европейскихъ государствъ вызвала противодѣйствіе со стороны этихъ государствъ, въ особенности со стороны мелкихъ владѣній юго-западной Германіи, гдѣ ея манифесты и рекламы ея вербовщиковъ создали настоящую эмиграціонную горячку въ низшихъ обездоленныхъ классахъ населенія. Повсемѣстныя жалобы владѣтелей юго-западной Германіи въ концѣ концовъ побуждаютъ императора Іосифа II издать въ 1768 г. эдиктъ противъ эмиграціи. Съ этимъ эдиктомъ, лишившимъ Россію главнаго поставщика колонистовъ — юго-западной Германіи, правительство Екатерины II принуждено было считаться, а между тѣмъ совершавшійся въ ея царствованіе ростъ русской государственной территоріи и въ особенности включеніе въ составъ имперіи пустынныхъ или малонаселенныхъ земель на югѣ поддерживали стремленіе правительства пользоваться для цѣлей колонизаціи иностраннымъ элементомъ. Вотъ почему правительство хватается за малѣйшій предлогъ, пользуется всякимъ случаемъ, не останавливается ни передъ какими жертвами, чтобы привлечь возможно большее число иностранцевъ для колонизаціи русской территоріи. Работа г. Писаревскаго цѣнна не столько выводами, сколько матеріалами. Располагая знаніемъ предмета и источниковъ, авторъ можетъ продолжать свои изученія и изложить болѣе чѣмъ столѣтнюю исторію жизни и развитія иноземныхъ колоній въ Россіи.

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Глава XXII [1]).

Наступила послѣдняя четверть 1875 года.

Отголоски броженія на Балканскомъ полуостровѣ проникали къ намъ только благодаря компанійскимъ пароходамъ, которые привозили изъ Одессы и портовъ Средиземнаго моря газеты и журналы.

Строгость цензуры при Абдулъ-Азисѣ была чрезмѣрна: мѣстная печать хранила упорное молчаніе о кровавыхъ столкновеніяхъ мусульманъ съ христіанами и, восхищаясь мудростью султана, утверждала, что все обстоитъ благополучно въ странѣ полумѣсяца, и только интриги русской дипломатіи мѣшаютъ мирному теченію жизни.

Вскорѣ послѣ посѣщенія насъ дамами гарема, прошелъ слухъ, что опальный до сего времени Мидхатъ-паша теперь по настоянію Англіи возвращается изъ Багдада въ Константинополь, чтобы занять отвѣтственный постъ у кормила правленія.

Вслѣдъ затѣмъ и отъ самого Мидхата была получена дядей моимъ телеграмма, въ которой говорилось о горячемъ его желаніи повидаться съ лучшимъ и вѣрнѣйшимъ другомъ своимъ.

И дѣйствительно, личныя отношенія обоихъ были чрезвычайно сердечнаго характера, несмотря на нѣкоторую разницу убѣжденій и взглядовъ.

---

[1]) См. „Русская Старина“ апрѣль 1910 г.

Въ назначенный срокъ одинъ изъ пароходовъ „Messageries Maritimes“ привезъ на Хіоскій рейдъ знаменитаго англомана.

Прибылъ онъ къ намъ послѣ визита къ губернатуру и объявилъ, что поживетъ у насъ нѣсколько дней до слѣдующаго французскаго рейса.

Долго о чемъ-то шептались и спорили мужчины въ пріемной, куда мы, дамы, не входили, чтобы не мѣшать имъ. Но вотъ накрыли столъ для ужина—позвали и меня.

Впечатлѣніе гость нашъ произвелъ на меня совершенно обратное по сравненію съ Кіамиль-пашой.

Довольно плотнаго сложенія, съ круглымъ лицомъ, которое казалось еще шире отъ надвинутой на лобъ фески, онъ скорѣе напоминалъ веселаго нѣмецкаго бюргера, чѣмъ важнаго, степеннаго магометанина. Со мной раскланялся очень развязно, пристально разсматривая меня, что совсѣмъ не принято у турокъ при разговорѣ съ женщиной.

— Я только-что узналъ,—обратился онъ ко мнѣ на прекрасномъ французскомъ языкѣ,—что здѣсь вамъ дали прозвище „прекрасной розы Сибири“,—сравненіе не совсѣмъ удачное: едва-ли въ странѣ льдовъ и медвѣдей цвѣтутъ розы? Позвольте мнѣ называть васъ просто „русскимъ цвѣточкомъ“?

— Какъ угодно будетъ вашему превосходительству,—отвѣтила я, присѣдая.

— Превосходительству... протянулъ онъ, поднимая брови,—надѣюсь со временемъ заслужить отъ васъ другое наименованіе моей особы, напримѣръ „добраго свата“! Когда я сошелъ на прекрасный берегъ Хіоса, душистый вѣтерокъ шепнулъ мнѣ кое-что на ушко... Сердечно порадуюсь, если увижу роскошный цвѣтъ сѣвера въ садахъ Магомета...

Мои родные какъ-то странно переглянулись между собой, а я, догадываясь въ чемъ дѣло, поспѣшила уйти въ сторону отъ болтливаго сановника, чтобы скрыть предательскую краску, заливавшую лицо мое.

За ужиномъ онъ пилъ запрещенное Кораномъ виноградное вино и съ увлеченіемъ разсказывалъ о своихъ похожденіяхъ и пирушкахъ въ Лондонѣ и Парижѣ.

Потомъ снова занялся мною и спрашивалъ: видѣла ли я турокъ въ Россіи, что̀ о нихъ тамъ говорятъ, и страшно ли мнѣ было ѣхать въ ихъ страну?

Я отвѣчала, что турокъ никогда прежде не видѣла; но читала о нихъ очень много, а также знакома съ ними по урокамъ исторіи въ институтѣ.

— Воображаю себѣ эти лекціи!.. съ ироніей проговорилъ Мидхатъ-паша,—ну, сознайтесь, русскій цвѣточекъ, я не обижусь—увѣряю васъ, что учителя ваши говорили вамъ о насъ, какъ о кровожадныхъ звѣряхъ, гонителяхъ христіанъ и т. п. ужасахъ?—

— Совершенно напротивъ,—съ живостью возразила я,—насъ учили, что вы очень храбрый, честный и, вообще, интересный народъ для изученія...

Собесѣдникъ мой закусилъ губы отъ смѣха и молча кивнулъ головой.

— Только одно не нравится мнѣ,—продолжала я въ поучительномъ тонѣ,—это горькая доля вашей женщины: она раба мужчины, а не равноправное существо. И у насъ было также до Петра I; но великій Государь освободилъ затворницу, и что же? Развѣ мы стали хуже отъ того?

— Хуже, хуже, молодая дѣвица,—почти сердито протянулъ паша и, строго взглянувъ на меня, спросилъ:

— Чѣмъ же плохо положеніе нашей женщины по вашему мнѣнію? Мужъ кормитъ ее, одѣваетъ—чего ей еще надо?

— Какъ чего?—съ изумленіемъ переспросила я,—образованія и равноправія, конечно! вотъ вы, напримѣръ, учились за границей, потому что каждому человѣку свойственна жажда новыхъ знаній,—такъ почему и ей не имѣть того же?—Развѣ душа у нея не такая, какъ и у васъ?

— Именно не такая,—хмуро перебилъ меня Мидхатъ.—Однако, вы большая фантазерка, милая барышня, позвольте сослаться въ этомъ случаѣ на самого Господа Бога: Онъ не установилъ одинаковой мѣрки для своихъ созданій, и если бы желалъ равноправія, то и сотворилъ бы одну разновидность. А между тѣмъ, наблюдая природу, мы замѣчаемъ совершенно иной порядокъ вещей—ужъ такова воля Творца вселенной... Впрочемъ, оставимъ въ покоѣ эту неудобную для вашего самолюбія тему—все равно мы съ вами по ней не столкуемся, а лучше объясните мнѣ: откуда вы взяли, что науки дадутъ нашей затворницѣ, какъ зовутъ у васъ турчанку, счастье, а не наоборотъ. Все, что необходимо знать мусульманкѣ, она получаетъ и у себя въ гаремѣ и въ школахъ общинъ: ее учатъ рукодѣлію, хозяйству, чтенію изреченій Корана, иностранному языку, наконецъ, танцамъ для забавы мужа—чего не достаетъ ей, скажите?

Тутъ я, не долго думая, принялась критиковать программу школьнаго обученія турецкихъ дѣвушекъ и указала на неудобства того невѣжества, какъ, напримѣръ, понятіе о затменіи луны.

Мидхатъ-паша на это громко расхохотался и, махнувъ рукой,

какъ бы давая понять, что не стоитъ труда спорить со столь наивной особой, обратился къ дядѣ:

— Ваша племянница только-что упрекала насъ въ эгоизмѣ,— такъ началъ онъ, видимо задѣтый моими возраженіями и, замѣтно волнуясь, продолжалъ:

— Европеецъ никакъ не можетъ разобраться въ такой чудовищной, по его мнѣнію, аномаліи: турокъ, получивъ на западѣ высшее образованіе, становится еще строже къ своей женщинѣ и упорнѣе, чѣмъ прежде противится ея просвѣщенію. Это фактъ—не правда-ли?

Мои родные подтвердили то же самое и указали на высоко образованнаго Кіамиль-пашу, какъ на самый убѣдительный примѣръ только-что сказаннаго.

— И вашего покорнѣйшаго слугу попрошу занести въ тотъ же списокъ,—разсмѣялся онъ,—мои дочери, надѣюсь, умрутъ въ невѣдѣніи, что имѣли счастье прожить на планетѣ, которая дважды вращается... Для ихъ же спокойствія, увѣряю васъ, такъ будетъ и лучше и удобнѣе,—договорилъ передовой сановникъ, насмѣшливо взглянувъ на меня. Послѣдующая рѣчь его крайне удивила меня: куда дѣвалось врожденное каждому турку чувство деликатности и сдержанности: казалось, что трактуемая тема была самымъ больнымъ мѣстомъ горячаго патріота и фанатичнаго мусульманина. Онъ безпощадно осуждалъ, не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ, все европейское: нравы, обычаи, законы, парламенты, а въ особенности женщинъ, называя ихъ „безстыдными Иродіадами“.

Голосъ его звучалъ вызовомъ кому-то, когда онъ обратился къ намъ съ такими словами:

— По какому праву европеецъ съ присущимъ ему самомнѣніемъ считаетъ себя единственнымъ носителемъ культуры, забывая, что свѣтъ знаній и мудрости пришелъ къ нему отъ тѣхъ, кого онъ презрительно зоветъ „восточными варварами“. Вспомните исторію Египта, Индіи и другихъ древнѣйшихъ народностей: въ то время, когда цивилизація у нихъ достигла уже своего зенита, вы безпомощными младенцами блуждали по равнинамъ и плоскогорьямъ Средней Азіи, или подобно звѣрямъ, прятались въ дремучихъ лѣсахъ. Наша культура неизмѣримо старше вашей, и не вы, а мы васъ просвѣтили,—горячо доказывалъ Мидхатъ-паша.

— Совершенно вѣрно,—спокойно возразилъ ему дядя,—колыбель человѣчества—востокъ, а слѣдовательно: и цивилизація ваша древнѣй нашей, но разница между ними та, что первая остановилась въ зенитѣ, а вторая идетъ дальше...

— Т. е. къ закату,—саркастически улыбаясь, перебилъ гость,—

съ этимъ вполнѣ согласенъ!.. И довольный удачнымъ каламбуромъ продолжалъ развивать свою мысль.

— Не будемъ спорить о превосходствѣ по давности лѣтъ той или иной культуры, лучше разберемся въ достоинствахъ и заслугахъ ихъ предъ человѣчествомъ. Какъ вамъ извѣстно, высшее образованіе я получилъ въ Европѣ, гдѣ имѣлъ возможность наблюдать жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. И что же видѣлъ я тамъ кругомъ себя: алчность, обманъ, грабежъ, насиліе—вотъ плоды вашей хваленой цивилизаціи! И тогда я возненавидѣлъ европейца всѣми своими чувствами и всѣмъ сердцемъ, простите за откровенность,—такъ говорилъ либеральнѣйшій изъ турокъ, какъ называла его народная молва. Мои родные въ свою очередь, хотя и очень осторожно, возражали ему въ такомъ смыслѣ, что вѣдь и у носителей восточной культуры не все же одни положительныя качества, найдутся, пожалуй, и отрицательныя...

— Прекрасно понимаю намекъ вашъ,—волнуясь и краснѣя, заговорилъ паша,—насъ обвиняютъ въ звѣрствахъ и избіеніяхъ невинныхъ христіанъ! Но такъ ли это? будьте справедливы—вы давно живете здѣсь и не можете не знать, что рѣзню вызываютъ обыкновенно сами же угнетаемые своей безсовѣстной эксплоатаціей пріютившаго ихъ народа и оскорбленіемъ религіозныхъ чувствъ его.

Съ такими доводами нельзя было не согласиться.

— А женщины ваши, Аллахъ мой Великій!—снова принялся громить милыхъ дамъ нашихъ такой, повидимому, любезный и галантный кавалеръ.

— Я наблюдалъ ихъ достаточно въ салонахъ и будуарахъ, куда имѣлъ свободный доступъ и былъ тамъ желаннымъ гостемъ,—чему-то улыбаясь протянулъ онъ задумчиво.

— Понятія о чести, супружескихъ обязанностяхъ у нихъ почему-то совершенно навыворотъ, и послѣ того еще удивляются, что мы, побывавъ на западѣ, не желаемъ имѣть у себя дома подобныхъ женъ и дочерей!—съ негодованіемъ воскликнулъ турецкій либералъ.

— Скажите,—спросилъ онъ вдругъ самымъ наивнымъ тономъ:—неужели вашимъ дамамъ не стыдно являться почти голыми въ собраніяхъ, гдѣ такъ много мужчинъ?

Мы улыбались, пожимая плечами.

— Ваша племянница ратуетъ за эмансипацію турчанокъ и огорчается, что послѣдняя не изучаетъ астрономію!—насмѣшливо замѣтилъ Мидхатъ-паша и, обращаясь уже прямо ко мнѣ, продолжалъ:

— На это я даю вамъ такой отвѣтъ, добрая барышня: не обре-

меняйте себя заботами о просвѣщеніи нашей женщины и оставьте ее въ невѣдѣніи причинъ затменія луны. Да охранитъ Аллахъ магометанку отъ вліянія запада. Ваша цивилизація, освѣщая умъ, въ то же время разрушаетъ нравственность, чистоту нравовъ и религію, что совсѣмъ не желательно...

— Но почему же вы сами, ваше превосходительство,—перебила я обиженно его,—не довѣряя европейцу, ѣздили учиться къ нему?

Вопросъ мой нисколько не смутилъ убѣжденнаго противника женской эмансипаціи: онъ снисходительно улыбнулся и спокойно отвѣтилъ:

— Требованія жизни и государственная необходимость вынуждаютъ насъ, мужчинъ, къ тому: нельзя же управлять страною, не зная сосѣдей своихъ. Что же касается нашихъ гаремныхъ обитательницъ, то имъ хорошо и дома. Однако вы затронули слишкомъ обширную тему для обыкновенной дружеской бесѣды—пожалуй и не одолѣемъ ее, а потому давайте лучше потолкуемъ о чемъ-нибудь болѣе интересномъ!..

Роль обличителя видимо надоѣла ему, и онъ снова преобразился въ веселаго и остроумнаго собесѣдника. Прогостивъ у насъ еще два дня, въ продолженіе которыхъ я успѣла наговориться съ нимъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, онъ уѣхалъ, оставивъ по себѣ очаровательное впечатлѣніе.

Глава XXIII.

Въ положенное время было лунное затменіе, о чемъ я прочла столь неудачную лекцію дочери Кіамиль-паши. Едва земная тѣнь начала вползать на дискъ луны, какъ на валахъ крѣпости появились силуэты людей и началось вавилонское столпотвореніе: солдаты, цѣлясь въ небеса, палили изъ ружей, били въ барабаны и пускали вверхъ ракеты, а женское населеніе высыпало на крыши домовъ. Всѣ вооружены были горшками, тазами, кастрюлями и прочими кухонными принадлежностями, въ которыя онѣ ударяли изо всей силы. Крикъ, визги, вопли потрясали тишину воздуха и стономъ неслись по окрестности. Мы также поспѣшили къ стѣнамъ цитадели, откуда удобнѣе всего было наблюдать эту въ высшей степени забавную сценку.

Но вотъ прогнали, наконецъ, коварнаго дракона, завладѣвшаго любимымъ свѣтиломъ пророка, и турки, мирно бесѣдуя, стали расходиться и запирать крѣпостныя ворота.

Вскорѣ послѣ сказаннаго событія, мы отправились съ визитомъ къ дамамъ губернатора.

Я неохотно собиралась, предчувствуя повтореніе насмѣшекъ и издѣвательствъ; но на этотъ разъ ошиблась: меня встрѣтили очень привѣтливо и, къ удивленію моему, чрезвычайно почтительно съ выраженіемъ робкаго благоговѣнія на лицахъ.

— Что за притча?—недоумѣвала я.

Вскорѣ однако все объяснилось само собой.

— Mademoiselle Eugénie, вы, вѣроятно, чѣмъ-нибудь особеннымъ угодили Аллаху—не иначе?—спросила Элиме, усаживая меня рядомъ съ собой.

— Не понимаю васъ!—былъ мой отвѣтъ.

— Дѣло вотъ въ чемъ: паша, мой отецъ, а онъ рѣшительно все знаетъ, что дѣлается на свѣтѣ,—съ непоколебимымъ убѣжденіемъ и сильно ударяя на словѣ „все", заявила турчанка,—объяснилъ намъ, что вы просто шутили, когда разсказывали мнѣ о движеніи земли и о другихъ чудесахъ — ничего подобнаго, конечно, не существуетъ въ дѣйствительности; но вотъ что удивительно,—продолжала она, пытливо всматриваясь въ мои черты,—какимъ образомъ, да еще съ такою точностью, удалось вамъ предсказать день и часъ затменія, т. е. приближенія дракона къ лику небесной лампады?

— Возьмите календарь, Элиме, и вы сами убѣдитесь...

— Ахъ, нѣтъ!—съ испугомъ перебила она меня,—никогда не дотронусь я до книги дьявола и вамъ не совѣтую читать подобныхъ вещей! Лучше разскажите мнѣ, дорогой ягненочекъ,—неожиданно заговорила ласково и нѣжно эта странная дѣвушка,—какой у него видъ, и о чемъ онъ съ вами бесѣдовалъ?

— Кто онъ?—широко раскрывая глаза, спрашивала я.—Какъ кто?—удивилась и она въ свою очередь,—ну, конечно Гавріилъ архангелъ! Развѣ не онъ, по волѣ Аллаха, явился вамъ, подобно Агари въ пустынѣ для того, чтобы черезъ васъ предупредить правовѣрныхъ о замыслахъ демона—сознайтесь же, что такъ оно и было?..

Вначалѣ мнѣ казалось, что Элиме просто дурачится и мститъ за уроки космографіи. Но нѣтъ! она продолжала въ очень серьезномъ тонѣ о томъ же, съ упоминаніемъ именъ Аллаха и пророка, что исключало всякую возможность шутки со стороны магометанки.

— Вѣроятно, вы еще не успѣли много нагрѣшить,—говорила она,—и вотъ за ваши добродѣтели вамъ и послано было видѣніе, а это особенное счастіе, такъ какъ архангелъ Гавріилъ являлся всегда только очень праведнымъ людямъ, напримѣръ: Измаилу въ пустынѣ,

Аврааму, когда онъ строилъ Каабу и, наконецъ, онъ носилъ самого пророка на седьмое небо.

— Такъ высоко?—еле удерживаясь отъ смѣха, спросила я,— что же онъ тамъ дѣлалъ?

— Какъ что? — досадливо возразила турчанка, — и этого не знаете? Разговаривалъ съ Аллахомъ и читалъ книгу жизни, а потомъ вернулся на землю и просвѣщалъ людей.

Съ турчанками, какъ мною уже было сказано, разговаривать очень мудрено, такъ какъ понятія ихъ о жизни и природѣ самыя сумбурныя, а потому я не стала оспаривать ея доводовъ и разувѣрять въ своей святости.

Теперь я опишу домашнюю обстановку губернатора—можетъ быть, кому-нибудь это покажется интереснымъ.

Жилище каждаго турка обязательно раздѣляется на двѣ половины: мужскую, называемую „селямликъ“ и женскую — гаремъ. Семья не имѣетъ доступа въ первую, гдѣ хозяинъ дома живетъ одинъ со своими слугами и даже имѣетъ отдѣльную кухню. Зато во вторую онъ вхожъ, когда ему это заблагоразсудится, и если обѣдаетъ здѣсь, то садится за столъ одинъ, а жены, дочери и даже сыновья прислуживаютъ ему.

Вся роскошь дома сосредоточена на женской половинѣ. Но не слѣдуетъ думать, что комнаты гарема убраны только въ восточномъ вкусѣ: въ этомъ отношеніи турки не брезгаютъ заимствовать для домашняго комфорта кое-что и у гяуровъ. Такъ пріемный залъ губернаторши былъ наполненъ мебелью европейскаго издѣлія: диванъ, кресла, крытыя бархатомъ; зеркала, люстра и лампы подъ абажурами; но чудные, смирнскіе ковры, въ которыхъ нога тонула, какъ въ пуховикѣ, шелковыя съ причудливыми узорами подушки, разбросанныя вдоль стѣнъ, низенькіе, украшенные великолѣпной инкрустаціей столики для куренія, наргиле, уже заправленныя вокругъ мангала съ угольями—все это напоминало посѣтителю, что онъ въ гостяхъ у восточнаго жителя.

Такая же помѣсь востока съ западомъ обнаруживается въ одѣяніи, манерахъ и привычкахъ обитателей этихъ жилищъ.

Принято думать, что въ домашнемъ быту турчанки носятъ національный костюмъ, т. е. шальвары, драгоцѣнные пояса и пр.

Ничего подобнаго не видѣла я, хотя приходилось бывать какъ въ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ гаремахъ, только выходя на улицу, онѣ облачаются, какъ требуетъ того законъ, въ широкія турецкія одежды.

Пристрастіе къ парижскимъ фасонамъ давно обратилось у нихъ прямо въ манію какую-то, и онѣ съ упоеніемъ щеголяютъ другъ передъ другомъ въ нарядахъ своихъ.

Что же касается причесокъ, то дѣло обстоитъ здѣсь совсѣмъ наоборотъ: всѣ магометанки безъ исключенія придерживаются по этой части своей собственной моды: дѣвушки заплетаютъ волосы въ мельчайшія косочки, перевязывая ихъ ленточками, а замужнія чешутся въ двѣ косы и носятъ всегда, даже подъ шляпой внѣ дома, шелковыя или атласныя шапочки, украшая ихъ драгоцѣнностями, смотря по состоянію. Баня—главныя арена для состязанія въ туалетахъ гаремныхъ затворницъ. Сюда надѣваются самые дорогіе и лучшіе костюмы, а также вся ювелирная наличность. Кромѣ того, къ головному убору нерѣдко прикалываются даже ордена мужей. Такъ, напримѣръ, въ Константинополѣ я видѣла въ банѣ жену Османъ-паши, надъ челомъ которой красовались военные знаки отличія.

Глава XXIV.

И такъ мы вошли въ пріемную гарема. Въ моментъ нашего прихода Кіамиль-паша былъ тамъ.

Послѣ обмѣна изысканныхъ селямовъ, насъ усадили на почетныя мѣста; но жена и дочь, ввиду присутствія хозяина дома, продолжали стоять, почтительно склонивъ головы. Замѣтивъ это, прогрессивный сановникъ немного смутился, какъ показалось мнѣ, и жестомъ пригласилъ ихъ садиться.

Поговоривъ немного, онъ сталъ прощаться съ нами, ссылаясь на неотложныя дѣла.

Турчанки немедленно встали и проводили его низкимъ поклономъ.

Вѣроятно забывъ что-то въ комнатѣ, паша тотчасъ же вернулся: дамы его опять приподнялись и вытянулись передъ нимъ.

Такое усердіе со стороны ихъ, повидимому, окончательно сконфузило его передъ нами: онъ досадливо махнулъ рукой и поспѣшно вышелъ.

Евнухи внесли подносы со сластями и кофе. Появились также обѣ невольницы: Лазя и Базя.

Онѣ о чемъ-то пошептались съ Элиме, задорно оглядывая меня.

— Завтра мы ѣдемъ въ баню,—громко сказала дочь губернатора, обращаясь къ моей теткѣ,—Ханумъ и я убѣдительно просимъ васъ, madame Дариво, отпустить съ нами племянницу вашу. Будетъ очень весело,—продолжала она съ оживленіемъ,—жена коменданта, Зера, надѣнетъ новое платье, которое привезъ ей мужъ изъ Александріи, а Фатима обѣщала разсказать новую сказочку. Лулу споетъ намъ пѣсенку гуріи въ раю Магомета, и баядерокъ мы также позовемъ.

Соблазнъ былъ великъ, и я вопросительно взглянула на Marie. Послѣдняя охотно дала свое согласіе.

— Только совѣтую вамъ, Éugénie, нарядиться въ самое лучшее, парадное платье,—озабоченно говорила Элиме,—а то Зера воображаетъ, что лучше ея никто не понимаетъ въ этомъ толку,—видимо желая досадить соперницѣ по части туалетовъ, упрашивала она.

— Мнѣ надо потолковать съ вами, но только по секрету, объ одномъ очень важномъ обстоятельствѣ,—совершенно неожиданно шепнула мнѣ на ухо Элиме, улучивъ моментъ, когда на насъ никто не смотрѣлъ,— здѣсь неудобно, какъ видите,—показала она глазами на присутствующихъ.

Заинтересованная въ высшей степени, я не смогла преодолѣть любопытства и стала умолять ее сообщить мнѣ немедленно въ чемъ дѣло.

— Нѣтъ! нѣтъ!—рѣшительно возразила она,—завтра въ банѣ вы узнаете все, а пока ни слова!—Пришлось съ огорченіемъ покориться.

На слѣдующій день евнухъ привелъ въ поводу бѣлую арабскую лошадь алеппской породы и подалъ записку, въ которой Элиме напоминала мнѣ обѣщаніе одѣться какъ можно эффектнѣй.

Я вышла на подъѣздъ въ голубомъ легкомъ платьѣ, въ бѣлой шляпѣ съ цвѣтами и усѣлась амазонкой на коня, а нубіецъ взялъ его подъ уздцы и пошелъ впередъ. Такимъ образомъ, получился видъ наѣздницы на аренѣ цирка. Такъ казалось мнѣ, но не мѣстному жителю, для котораго подобное зрѣлище самая обыкновенная и привычная вещь, такъ какъ всѣ европейскія дамы, не говоря уже о гречанкахъ и турчанкахъ, ѣздятъ верхами не только въ визитныхъ или городскихъ туалетахъ; но даже и въ бальныхъ—напримѣръ, въ Константинополѣ, Смирнѣ и другихъ большихъ центрахъ.

Да иначе и быть не можетъ тамъ, гдѣ въ большинствѣ улицы до того узки, что ни одинъ экипажъ не пролѣзетъ въ нихъ. Вотъ почему на востокѣ лошадь служитъ не для забавы и прогулокъ, а замѣняетъ нашего извозчика.

Въ пути мнѣ вздумалось освободиться отъ опеки проводника и самостоятельно управлять красавцемъ аравійскихъ степей. Замѣтивъ намѣреніе мое овладѣть поводами, нубіецъ погрозилъ пальцемъ и свистнулъ. Дрессированный скакунъ громко фыркнулъ и попятился назадъ, сильно качнувъ меня въ сѣдлѣ. Тогда проводникъ что-то крикнулъ, и умное животное моментально превратилось въ ягненка. Евнухъ сверкнулъ бѣлками и улыбнулся—видимо ему хотѣлось наказать меня за ослушаніе.

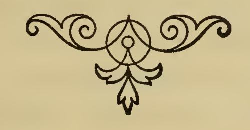
Когда я подъѣхала къ конаку паши, то губернаторша съ дочерью, закутанныя въ свои неуклюжія верхнія одежды, уже сидѣли верхами по-мужски также на арабскихъ коняхъ.

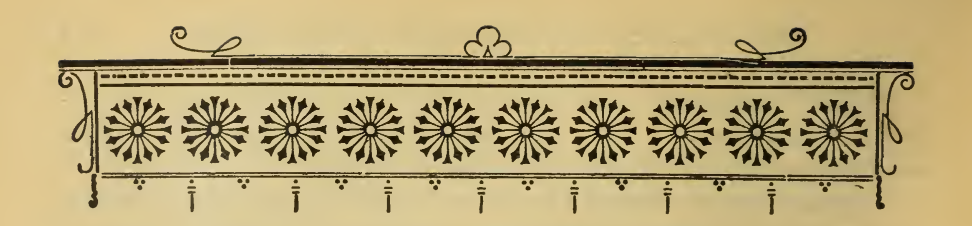
Пришло время тронуться въ путь: нубіецъ отошелъ въ сторону, и мы шагомъ направились за городъ. Выѣхавъ на широкую долину, всѣ три скакуна сразу взяли съ мѣста и понеслись впередъ необыкновенно легкимъ и плавнымъ галопомъ. Это было прямо высокое наслажденіе чувствовать себя на спинѣ такого великолѣпнаго созданія!

Проскакавъ, такимъ образомъ, нѣкоторое время, мы вернулись къ цитадели, внутри которой и были турецкія бани.

Е. А. Рагозина.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Пріемы законопослушныхъ финновъ при проведеніи въ законодательномъ порядкѣ Устава о воинской повинности 1878 г.

Вниманіе всего міра обращено на Финляндію и ту борьбу, которая ведется съ одной стороны *безправными* въ Финляндіи русскими и угнетенными хозяевами Финляндіи—финнами. Ловкіе шведы, потомки аньяльскихъ заговорщиковъ, съумѣли втянуть въ борьбу противъ Россіи представителей ученаго міра, пытающихся доказать существованіе отдѣльнаго Финляндскаго государства. Стремясь обезпечить исключительное положеніе Финляндіи, финляндцы не брезгаютъ ничѣмъ: въ періодъ 1895—1899 года они втянули въ интригу нѣкоторыхъ коронованныхъ особъ Европы, пытаясь, при ихъ содѣйствіи, помѣшать русскому правительству въ его справедливой попыткѣ ввести объединительныя мѣропріятія въ Финляндіи.

Здѣсь, для характеристики пріемовъ, къ которымъ прибѣгаютъ „законопослушные" финны, будетъ умѣстно привести кой-какіе факты изъ очень недавняго прошлаго для указанія, какими способами создается миѳъ о самостоятельности Финляндіи и достигается ограниченіе правъ Монарха. Эпизодъ, о которомъ я хочу привести свѣдѣнія, относится къ царствованію Императора Александра II и касается ни больше, ни меньше какъ скрытія отъ Военнаго Министра г.-а. Милютина четырнадцати параграфовъ Устава о воинской повинности и о приданіи имъ силы *основныхъ* законовъ, вслѣдствіе чего измѣненіе ихъ возможно только по соглашенію Монарха съ земскими чинами, при чемъ требуется согласіе всѣхъ четырехъ сословій. Сообщаемыя свѣдѣнія позаимствованы изъ оффиціальнаго изданія Статсъ-Секретаріата „Матеріалы по вопросу о воинской повинности въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ",

книжки, изданной въ очень ограниченномъ количествѣ спеціально для членовъ Высочайше учрежденной Комиссіи сенатора Таганцева по разграниченію общегосударственнаго и мѣстнаго финляндскаго законодательствъ. Появленіе этихъ данныхъ въ печати вызвало бурю негодованія со стороны финляндскихъ членовъ Комиссіи противъ члена Комиссіи, завѣдывавшаго дѣлопроизводствомъ (нынѣ сенатора), В. Т. Судейкина—и понятно почему: дѣло шло объ утайкѣ и непередачѣ до Высочайшаго доклада на заключеніе Военнаго Министра ни больше, ни меньше какъ 14 §§, составлявшимъ суть Устава о воинской повинности въ Финляндіи.

При введеніи въ Имперіи всеобщей воинской повинности возникъ вопросъ о распространеніи этой мѣры и на Финляндію, и было повелѣно Сенату принять заблаговременно зависящія мѣры для предварительнаго всесторонняго обсужденія этого дѣла. Съ этой цѣлью была назначена комиссія, составившая проектъ, который и былъ препровожденъ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ Министру статсъ-секретарю для всеподданнѣйшаго доклада. Военный Министръ, г.-а. Милютинъ, на заключеніе котораго былъ препровожденъ проектъ, высказалъ слѣдующее: „главное различіе означеннаго проекта отъ Устава о воинской повинности въ Имперіи состоитъ въ томъ, что онъ касается не только этой повинности, но и опредѣляетъ однажды навсегда численность финляндскихъ постоянныхъ войскъ, ихъ управленіе и устройство, а также потребныя на то денежныя средства и ихъ источники“...

Начальникомъ войска назначается генералъ-губернаторъ Великаго Княжества; „генералы же, штабъ и оберъ-офицеры этихъ войскъ должны состоять исключительно изъ финляндскихъ подданныхъ и вообще устраняется какая бы то ни была связь финляндскихъ войскъ съ русскою арміею. Вникнувъ въ сущность этихъ предположеній—продолжаетъ Военный Министръ—нельзя не прійти къ тому заключенію, что съ утвержденіемъ ихъ, какъ бы узаконится существованіе въ предѣлахъ Имперіи совершенно отдѣльнаго самостоятельнаго войска, которое не будетъ имѣть ничего общаго съ русскими войсками“...

Сдѣланныя Военнымъ Министромъ замѣчанія были переданы Финляндскому Сенату, который и составилъ проектъ, переданный вновь на заключеніе Военнаго Министра. Послѣдній и сообщилъ, что Сенатъ не согласился съ его заключеніемъ по проекту Комиссіи по важнѣйшимъ вопросамъ: 1) о лицѣ, которому должно быть ввѣрено завѣдываніе финскими войсками, 2) о дислокаціи ихъ, полевыхъ упражненіяхъ и служебныхъ занятіяхъ, 3) и о допущеніи на службу въ финскія войска русскихъ подданныхъ и т. д.

Переданный въ редакціи Сената на разсмотрѣніе Сейма 1877—78 года проектъ Устава былъ принятъ земскими чинами съ нѣкоторыми измѣненіями. Военный Министръ, которому былъ, предварительно всеподданнѣйшаго доклада, посланъ отзывъ земскихъ чиновъ, хотя и не согласился по существу съ предположенными измѣненіями, не встрѣтилъ, однако, препятствій къ представленію на Высочайшее Государя Императора утвержденіе Устава о воинской повинности въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, принятаго земскими чинами Финляндіи на Сеймѣ 1877—1878 года. Проектъ Устава былъ утвержденъ 6 (18) декабря 1878 г., при чемъ Высочайшимъ Манифестомъ отъ того же числа §§ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 9, 13, 19, 20, 120, 121, 122 и 123 были признаны основными законами (т. е. не подлежащими измѣненію одностороннимъ актомъ Монарха, а требующими согласія четырехъ сословій).

Вмѣстѣ съ этимъ по Всеподданнѣйшему докладу Министра статсъ-секретаря было исходатайствовано особое жалованье Военному Министру въ 7 т. р. (вопреки его желанія), но г.-а. Милютинъ отказался отъ принятія таковыхъ, указавъ, что разъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе, и онъ отказаться не можетъ, то пусть ихъ затрачиваютъ на улучшеніе довольствія финляндскихъ войскъ. Этого же держался и замѣститель гр. Милютина—П. С. Ванновскій [1]).

Уставъ 1878 г. былъ утвержденъ, введенъ въ дѣйствіе, и казалось бы дѣлу конецъ, но вотъ что обнаружилось черезъ двадцать лѣтъ.

„Въ 1898 г. Высочайше утвержденная при Главномъ Штабѣ Комиссія по составленію проекта новаго Устава о воинской повинности для Финляндіи, разсмотрѣвъ документы по исторіи утвержденія прежняго Устава о воинской повинности, *не нашла въ нихъ указанія на то, чтобы всеподданнѣйшее ходатайство Сейма 1877—1878 г. объ отнесеніи 14 параграфовъ Устава къ числу основныхъ законовъ края было сообщено на заключеніе бывшаго Военнаго Министра, гр. Милютина, предварительно представленія этого ходатайства на Высочайшее благовоззрѣніе*".

Изъ возникшей по этому поводу переписки между вр. и. д. Министра статсъ-секретаря, генералъ-лейтенантомъ Прокопе, и Военнымъ Министромъ ген.-лейтенантомъ Куропаткинымъ, выяснилось, что *въ хранившемся въ дѣлахъ Статсъ-Секретаріата черновикѣ отношенія Министра статсъ-секретаря барона Шернваль-Вал-*

---

[1]) Подлинное дѣло хранится въ Архивѣ Статсъ-Секретаріата.

лена, отъ 14 іюня 1878 г. за № 512, содержится указаніе на упомянутое ходатайство земскихъ чиновъ, въ подлинномъ же отношеніи, находящемся въ дѣлахъ Главнаго Штаба, соотвѣтствующее мѣсто выпущено".

Генералъ-лейтенантъ Прокопе при этомъ пояснилъ, что за смертью лицъ, составлявшихъ въ 1878 г. отношеніе за № 512, нельзя съ точностью опредѣлить причинъ несогласованности черновика съ подлинникомъ, и что, вѣроятно, по недосмотру регистратуры, въ черновой отпускъ не были внесены сдѣланные самимъ министромъ статсъ-секретаремъ сокращенія; сокращенія же эти были произведены ввиду того, что ходатайство Сейма касалось вопросовъ, относящихся „къ области внутренняго законодательства края" и не требующихъ отзыва военнаго министра, то, согласно § 119 Устава о воинской повинности, названный министръ не докладываетъ дѣлъ касающихся законодательства.

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 14 ноября 1898 г. за № 18, генералъ-лейтенантъ Куропаткинъ, опровергая мнѣніе генералъ-лейтенанта Прокопе, указалъ на несостоятельность ссылки на 119 § Устава, такъ какъ въ моментъ составленія отношенія за № 512 этотъ параграфъ еще не былъ утвержденъ. По содержанію же тѣхъ параграфовъ, которымъ земскіе чины просили придать силу основныхъ законовъ, видно, что они не ограничивались исключительно областью внутренняго законодательства, а имѣли прямое и непосредственное отношеніе къ вопросамъ спеціально военнаго характера.

Равнымъ образомъ выяснилось и другое обстоятельство. При всеподданнѣйшемъ докладѣ мнѣнія Комитета финляндскихъ дѣлъ, отъ 18 (30) ноября 1876 г., Государь Императоръ собственноручно начерталъ редакцію § 119 (127 по первоначальному проекту Сената). Редакція эта гласила: „генералъ-губернаторъ В. К. Финляндскаго, командующій войсками Финляндскаго военнаго округа, есть вмѣстѣ съ тѣмъ Начальникъ финскихъ войскъ".

Въ мартѣ 1877 г. Комитетъ финляндскихъ дѣлъ ходатайствовалъ о томъ, чтобы разрѣшено было редактировать иначе. А именно: „генералъ-губернаторъ В. К. Финляндскаго, командующій войсками Финляндскаго военнаго округа, есть вмѣстѣ съ тѣмъ, *въ качествѣ генералъ-губернатора*, начальникъ финскихъ войскъ [1])". Его Величество не изъявилъ согласія на проектъ редакціи, предложенный

[1]) Т. е. должностного лица, которое финляндцы считаютъ принадлежащимъ къ финляндскому управленію, командующій же войсками является лицомъ имперской службы.

Комитетомъ, и собственноручно надписалъ на докладѣ: „Редакцію § 127 оставить въ томъ видѣ, какъ она мною была измѣнена“. Несмотря на таковую резолюцію, земскіе чины передѣлали параграфъ, вернувшись къ смыслу той редакціи, которая ранѣе была придана ему Сенатомъ, и которая не была одобрена Монархомъ, несмотря на особое о томъ ходатайство Комитета. Впослѣдствіи Государь Императоръ, при всеподданнѣйшемъ докладѣ, утвердилъ предложенную Сеймомъ редакцію.

Приведенный эпизодъ со скрытіемъ 14 §§ Устава вполнѣ характеризуетъ тѣ пріемы даже оффиціальныхъ лицъ, которыми пользуются „законопослушные“ финны, когда стремятся достигнуть какихъ-либо цѣлей для упроченія независимости Финляндіи и умаленія правъ Монарха. Наше простодушное, довѣрчивое русское общество совсѣмъ не представляетъ себѣ, до какой степени виртуозности достигаютъ финляндцы въ области политической интриги![1]).

X.

[1]) О подобныхъ же дѣйствіяхъ финляндскихъ властей при проведеніи финляндскаго Уголовнаго Уложенія въ 1889 году — см. Н. С. Таганцевъ. Высочайшій манифестъ 1890 г. и Финляндское Уголовное Уложеніе (Юридич. Лѣтопись 1891 г., № 2) и его же—По поводу предстоящаго введенія Особаго Уложенія для Финляндіи. Записка 1890 г. Спб. 1910. *О.*

Какъ заставляли финляндцы православныхъ соблюдать лютеранскіе праздники и за неисполненіе штрафовали[1]).

Копія съ копіи.

Господину Статсъ-Секратарю Великаго Княжества Финлядскаго.

Препровождая при семъ къ Вашему Превосходительству всеподданнѣйшее представленіе Общаго собранія Финляндскаго Сената отъ 17/29 апрѣля текущаго года со всѣми приложеніями, въ коемъ Сенатъ изъявляетъ *затрудненія на увольненіе Финляндскихъ грекороссійскихъ исповѣдниковъ отъ празднованія дней евангелическо-лютеранской вѣры*, покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, при докладѣ дѣла сего Государю Императору довести до Высочайшаго свѣдѣнія слѣдующее мое мнѣніе.

Еще 22 марта 1810 года тогдашній Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода князь Александръ Николаевичъ Голицынъ объявилъ Государственному Секретарю для исполненія, что поелику жители грекороссійскаго исповѣданія въ новопріобрѣтенной Финляндіи народящіеся и составляющіе погосты Либелицкой и Иломанцской обязаны были шведскимъ правительствомъ отправлять большіе церковные праздники въ одно время съ лютеранами, не взирая на разность стиля, и что въ противномъ случаѣ подвергались за неисполненіе сего положенному штрафу, то блаженныя памяти Государь Императоръ Александръ Павловичъ Высочайше повелѣть соизволилъ *по состоянію нынѣ Финляндіи подъ всероссійскою державою*, праздники въ церквахъ грекороссійскаго исповѣданія отправлять по уставу онаго и за неотправленіе ихъ въ одно время съ лютеранами не взыскивать опредѣленнаго прежнимъ правительствомъ штрафа.

---

[1]) Отношеніе Финляндскаго Генералъ-Губернатора 7 іюля 1826 г. № 2278 съ препровожденіемъ всеподданнѣйшаго представленія Финляндскаго Сената относительно праздничныхъ дней грекороссійскихъ исповѣдниковъ, обитающихъ въ Финляндіи (Арх. Г. Г. № 10 стр. 4).

*

Хотя предмѣстникъ мой съ сего отношенія князя Голицына, а равно и съ отношенія Государственнаго Секретаря отъ 8 апрѣля 1810 года доставилъ въ Финляндскій Сенатъ шведскіе переводы при предложеніи отъ 30 числа того же мѣсяца за № 58-мъ, какъ сіе видно изъ влагаемыхъ здѣсь копій, однако *Сенатъ*, давъ вслѣдствіе того предписанія Ландсгевдингамъ и Консисторіямъ 25 іюня того же 1810 года сказалъ токмо въ сихъ бумагахъ, что жителямъ Финляндіи грекороссійскаго исповѣданія позволяется отправлять большіе церковные праздники по уставу грекороссійской церкви, то есть по старому лѣтосчисленію, не повергаясь за то штрафу, *но объ увольненіи ихъ отъ празднованія дней по лютеранскому календарю умолчалъ, не взирая, что въ семъ одномъ заключался всеподданнѣйшій докладъ и что на сіе одно Высочайшее повелѣніе обращалось*; ибо грекороссійскимъ исповѣдникамъ не могло быть возбраняемо отправленіе праздниковъ согласно уставу своей церкви по постановленіямъ шведскимъ о вѣротерпимости, Сеймовому отъ 29 января 1779 и Королевскому отъ 24 января 1781 года; равномѣрно и по 10-й статьѣ Нейштатскаго мирнаго договора отъ 30 августа 1721 года, въ коей между прочимъ сказано, что въ уступаемыхъ земляхъ вѣра греческаго исповѣданія свободно и безъ всякаго помѣшательства отправляема быть имѣетъ [1]). Слѣдственно, когда грекороссіяне въ Новой Финляндіи понуждаемы были соглашать дни своихъ праздниковъ съ таковыми же днями лютеранскими, то сіе признавать должно было противузаконнымъ притѣсненіемъ.

Таковое упущеніе, сдѣланное въ Финляндскомъ Сенатѣ по причинамъ мнѣ неизвѣстнымъ, *поддерживаемое даже и теперь Прокуроромъ*, который утверждаетъ, яко бы на увольненіе грекороссіянъ отъ праздниковъ лютеранскихъ помянутое Высочайшее повелѣніе не подаетъ повода, произвело то дѣйствіе на *грекороссіянъ не токмо въ Новой Финляндіи, до коихъ оное непосредственно относилось, но и по Старой, присоединенной къ новой чрезъ 20 мѣсяцевъ позже, что начали подвергать штрафамъ судебными приговорами находимыхъ за работами въ лютеранскіе праздничные дни*, какъ сіе изъ дѣлъ извѣстно. *И сіи то оскорбленія побудили меня предложить Сенату объ исполненіи Высочайшаго повелѣнія*, изданнаго уже 16 лѣтъ. Сенатъ въ невозможности освобождать грекороссійскихъ исповѣдниковъ отъ участвованія въ праздникахъ лютеранскихъ, опирается теперь по мнѣнію Прокурора на §§ 6, 7 и 8 III-ей Главы Отдѣленія о Преступленіяхъ, дѣйствующаго въ Фин-

---

[1]) Объясненіе сего находится въ журналѣ или поденныхъ запискахъ Петра Великаго ч. 2 стр. 636.

ляндіи Шведскаго уложенія, изданнаго 1734 года и токмо изъ нѣкотораго снисхожденія дозволяетъ грекороссіянамъ въ тѣ дни торгъ, купли или другія работы и ремесла внутри домовъ своихъ, вопреки закона, въ которомъ ни для кого подобное изъятіе не сдѣлано. Я прочелъ оное уложеніе со вниманіемъ и нахожу, что въ немъ содержатся правила благочестія, относящіяся единственно до исповѣдующихъ евангелическо-лютеранскую вѣру, но немогущія вполнѣ обязывать иновѣрцевъ, которые не соединяются съ ними по обрядамъ вѣры и молитвословія. Въ семъ обѣждаетъ меня § 3 Главы I, Отдѣленія о Преступленіяхъ, и § 4 Главы VII, Отдѣленія о Наслѣдствѣ, гдѣ говорится о наказаніи, коему подвергается человѣкъ, отпадшій отъ евангельскаго ученія; а равно и § 8, Главы III, Отдѣленія о Преступленіяхъ, въ коемъ требуется, чтобъ никто не предпринималъ путешествія прежде окончанія службы божественной, и чтобы совершающій оное останавливался и приходилъ бы въ стоящую на дорогѣ церковь для выслушанія обѣдни; прочіе же параграфы упомянутой главы, касающіеся до нарушенія Церковнаго Устава, по мнѣнію моему, также не могутъ распространяемы быть точно на иновѣрцевъ, поелику всякая религія имѣетъ свой особенный Церковный Уставъ. Но ежели бы сіи законы строго обязывали всѣхъ безъ изъятія подданныхъ одной державы, то безъ сомнѣнія рѣшено бы было въ оныхъ, напримѣръ какъ слѣдуетъ поступать съ евреемъ, который оставя законъ отцовъ своихъ прилепится или къ католическому, либо къ греческому вѣроисповѣданію и что дѣлать иновѣрцу при предпринятіи путешествія и нахожденія своего въ дорогѣ въ дни для лютеранина праздничные, а для него простые, въ каковые и священнослуженія въ церкви его не бываетъ и чѣмъ должны заниматься въ послѣднемъ случаѣ пребывающіе въ своихъ жилищахъ. Поелику о сихъ случаяхъ законъ не упоминаетъ; между тѣмъ если требуютъ отъ иновѣрца, чтобъ онъ исполнялъ все то, что для лютеранина предписано, *то иновѣрецъ, въ дорогѣ ли находится или дома, обязанъ такъ сказать сидѣть, поджавши руки, доколѣ лютеранское священнослуженіе будетъ окончено, или пока минуетъ день праздника лютеранскаго, проводимый по обычаю народа финляндскаго въ разныхъ увеселеніяхъ, и не можетъ смѣть приступить ни къ какому занятію, даже и въ самую рабочую пору, въ которую потеря шести или десяти дней тѣмъ для него дороже, что она большею частію противъ лютеранскихъ исповѣдниковъ удвояется.*

Въ прочемъ нельзя не замѣтить, что въ шведскихъ постановленіяхъ о вѣротерпимости 1779 и 1781 года ни слова не сказано, чтобъ иновѣрцы обязаны были участвовать въ праздникахъ лютеранскихъ, соглашать дни своихъ праздниковъ со днями, чтимыми

у лютеранъ и не заниматься въ оные торговлею и работами. Мнѣ кажется молчаніе сіе есть слѣдствіе королевскихъ словъ, что евангелическая вѣра въ душѣ каждаго шведа напечатлѣна твердо, и что для оной не можетъ быть никакой опасности отъ введенія вѣроисповѣданій чуждыхъ. Король въ то время толико снисходилъ къ иновѣрцамъ, что когда Сеймъ постановилъ между прочимъ, чтобъ употребительныя въ чужихъ религіяхъ публичныя процессіи и церемоніи были имъ воспрещены, въ отвращеніе соблазна между простымъ народомъ; Его Величество черезъ два года ограничилъ сіе токмо публичными мѣстами, площадьми, улицами и дозволилъ процессіи и церемоніи внутри церквей и кладбищныхъ оградъ.

Доселѣ я говорилъ вообще о иновѣрцахъ, теперь *скажу особо о грекороссіянахъ*, въ Финляндіи обитающихъ и въ ней находящихся. По мнѣнію моему къ нимъ еще менѣе можно примѣнять законы изъ Шведскаго Уложенія и изъ Сеймоваго постановленія 1799 года. Тамъ упоминаются токмо иностранцы, поселившіеся въ Шведскомъ государствѣ; но въ Финляндіи знатнѣйшая часть грекороссійскихъ исповѣдниковъ состоитъ, какъ изъ коренныхъ сей страны жителей, кареловъ, которые обитали здѣсь прежде, нежели шведы отторгли ихъ и Финскую Емь или Тавастландію отъ подданства россійскаго, такъ и изъ природныхъ русскихъ, которые поселились тамъ за цѣлое столѣтіе предъ симъ. То же и другіе составляютъ приходы: Въ городахъ: Выборгѣ, Фридрихсгамѣ, Вильманстрандѣ, Нейшлотѣ, Кексгольмѣ, Сердоболѣ, въ Роченсальмскомъ портѣ; въ селеніяхъ: Сестрорѣцкѣ, Линдаль, Тюрсола, Шуйстолѣ, Кадели, Сальмисѣ, Корбосели, Кюрюмъ, Суоярви или Суезерѣ, Либелицѣ и Иломанцѣ. А какъ по мнѣнію Финляндскаго Сената дѣйствіе Уложенія Шведскаго на все Княжество Финляндское равно простирается; то слѣдутъ *во первыхъ*, что сіи грекороссіяне, несмотря на обитаніе знатнѣйшей ихъ части отдѣльно отъ лютеранъ, должны чтить праздники послѣднихъ, дабы не быть позванными въ судъ и платить штрафъ въ пользу судьи и доносчику, *во вторыхъ* не должны существовать тамъ монастыри Валаамскій и Коневецкій; ибо хотя въ Высочайшемъ имянномъ указѣ, данномъ Святѣйшему Синоду въ 11 день декабря 1811 года, сказано, что при соединеніи Старой и Новой Финляндіи въ одно гражданское управленіе, духовное вѣдомство церквей и монастырей православнаго грекороссійскаго исповѣданія остается во всемъ на прежнемъ ихъ основаніи подъ главнымъ управленіемъ Святѣйшаго Синода и настоящаго ихъ епархіальнаго начальства съ присоединеніемъ къ оному вѣдомству и всѣхъ православныхъ грекороссійскихъ церквей, въ Финляндіи состоящихъ; но въ сеймовомъ постановленіи 1779 года запрещено терпѣть въ Шведскомъ госу-

дарствѣ монастыри и монаховъ, какой бы вѣры они ни были; и *въ третьихъ*, наконецъ, что россійскія войска, расположенныя по Финляндіи, равнымъ образомъ должны чтить всѣ лютеранскіе праздники и не быть допускаемы въ публичныхъ церковныхъ процессіяхъ парадовъ ни въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, ни въ день Богоявленія, ни въ высокіе торжественные дни Рожденія и Тезоименитства царствующаго Императора.

Казалось бы, не должно никогда выпускать изъ вида словъ 6-й статьи Фридрихсгамскаго трактата отъ 17 сентября 1809 года, гдѣ сказано: что *Императоръ Всероссійскій по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія обезпечилъ жителямъ пріобрѣтенныхъ областей свободное отправленіе ихъ вѣры*, права собственности и ихъ преимущества. Никто безпристрастный не усумнится, что Всероссійскій Монархъ, сохраняя финляндскому народу гражданскіе и политическіе его законы, безъ насилія совѣсти своей, не имѣлъ намѣренія пожертвовать уваженіемъ и достоинствомъ собственнаго своего вѣроисповѣданія господствовавшаго въ Его державѣ для края пріобрѣтеннаго Его оружіемъ, какъ сіе и обнаруживается изъ Высочайшаго повелѣнія отъ 22 марта 1810 года. Если же кто имѣетъ мысль сему противную, тотъ свободенъ уже будетъ возглашать, что по образу правленія, изданному 21 августа 1772 года, Государь Императоръ и всѣ особы при мѣстахъ находящіяся обязаны слѣдовать евангелическому исповѣданію непремѣнно.

И такъ сообразивъ все, относящееся до настоящаго предмета, смѣю думать, что грекороссіяне въ Старой и Новой Финляндіи должны бы быть освобождены отъ участвованія въ праздникахъ лютеранскихъ, приходящихъ не въ одни дни, чтимые равно тѣми и другими, какъ тамъ, гдѣ составляютъ особенные приходы, такъ и тамъ, гдѣ живутъ совмѣстно. Но поелику грекороссіяне и лютеране суть сыны христіанства; различаются токмо обрядами и обязаны взаимно хранить къ своимъ вѣроисповѣданіямъ уваженіе: ибо и въ судахъ Финляндіи даютъ они однообразную присягу по силѣ § 9 главы XIV и § 16 главы XVII Отдѣленія о Судопроизводствѣ, то въ городахъ Финляндскихъ, гдѣ устроены или впредь устроются открытыя церкви греческія и лютеранскія во время совершеннаго священнослуженія въ воскресенье и праздничные дни въ той или другой не должны бывать въ окольности сихъ храмовъ открыты изъ благопристойности торговыя лавки, корчмы, трактиры; ниже позволяемы бы быть публичные на то время ремеслы и работы. Ясное о семъ постановленіе отвратило бы извѣстныя мнѣ по дѣламъ предмѣстника моего происшествія *въ Выборгѣ, гдѣ 21 мая 1821 года противъ тамошняго грекороссійскаго собора во время*

торжественнаго молебствія наказанъ былъ тѣлесно у позорнаго столба преступникъ, по распоряженію мѣстной гражданской власти, а 20 декабря того же года, въ новый годъ по новому стилю среди молитвословія прогнано было сквозь строй нѣсколько солдатъ Выборгскаго гарнизоннаго полка, близь дороги ведущей изъ кирки, по предписанію россійскаго военнаго начальства. Поелику же по § 7 главы XI, и по § 23 главы XXV Отдѣленія о Судопроизводствѣ запрещено позывать въ судъ человѣка во время нахожденія его въ церкви, и срокъ подачи просьбъ въ дѣлахъ аппелляціонныхъ не велѣно назначать въ воскресные, торжественные или другіе праздничные дни; то и сіе распространить бы на грекороссійскихъ исповѣдниковъ Финляндіи; сообразно издаваемой ежегодно отъ Россійской Академіи наукъ въ календаряхъ росписи о праздникахъ, я полагаю, что все сіе составило бы не отмѣну общаго закона, но токмо поясненіе и принаровленіе къ настоящимъ обстоятельствамъ. Остается мнѣ упомянуть еще о мнѣніи Прокурора и Сената, якобы у жителей Финляндіи лютеранскаго исповѣданія произойдетъ непріятное впечатлѣніе отъ подобныхъ перемѣнъ, кои колебля обычаи ихъ и предразсудки, *могутъ родить безпокойство для настоящаго и опасеніе для будущаго времени.* Представленныя въ таковомъ мнѣніи причины кажутся мнѣ весьма увеличенными; на теперешній духъ народа взирается тамъ токмо умственно, а не около опыта. Всякій финляндецъ, зная твердо, что Монархъ, утвердивъ ему права собственности и преимущества, не препятствуетъ ему въ праздновании торжественныхъ дней и ни малѣйше не предосуждаетъ въ свободѣ религіи, конечно не пожелаетъ униженія вѣры, исповѣдуемой его Государемъ. Добрый подданный финъ или карелъ гораздо легче приметъ всѣ распоряженія до достоинства ея относящіяся, нежели различаясь отъ шведовъ и языкомъ и обычаями будетъ сносить принужденіе, обязывающее его вести всѣ судебныя дѣла свои на чуждомъ и невѣдомомъ ему языкѣ шведскомъ, и принадлежа къ коренному и многочисленному племени, видѣть надъ собою властителей въ правительствѣ и судѣ токмо однихъ шведовъ.

Подписалъ Генералъ-Адъютантъ

Закревскій.

Копія.

Нашему Генералъ-Губернатору Финляндіи.

Соизволяя на представленіе ваше, Мы признали за благо повелѣть, что бы пребывающимъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, Грекороссійскимъ вѣроисповѣдникамъ разрѣшено было, въ тѣ праздничные дни, которые по введенному въ томъ краю численію времени, празднуются токмо Лютеранскою церковью, произво-

дить безъ всякаго взысканія, послѣ совершенія тамъ Божественной службы, позволенную торговлю и заниматься работою и ремеслами.

Предоставляемъ Нашему Финляндскому Сенату, посредствомъ циркулярныхъ предписаній Гофгерихтамъ, Ландсгевдингамъ и Консисторіямъ того края, объявить о сей Нашей волѣ для свѣдѣній и исполненія со стороны ихъ и подвѣдомственныхъ имъ Судебныхъ и Присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ.

Въ С.-Петербургѣ 17 ноября 1826 года.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„НИКОЛАЙ".

Контрасигнировалъ: Статсъ-Секретарь Графъ Ребиндеръ.

Копія.

Нашему Генералъ-Губернатору Финляндіи.

По представленію вашему соизволяя, что бы подлежащія лица въ Финляндіи соблюдали, въ отношеніи къ пребывающимъ тамъ Грекороссійскимъ вѣроисповѣдникамъ, положеніе общаго Закона, въ 7 § XI Главы отдѣленія о судопроизводствѣ, запрещающее въ церквѣ призывать кого либо къ суду, Мы по поводу вашего жъ представленія признали за благо повелѣть: Заключающееся въ 23 § XXV Главы того жъ отдѣленія Узаконеніе о томъ, что когда срокъ принесенія жалобъ или подачи просьбъ, по аппелляціоннымъ дѣламъ придется въ праздничный день, то подача жалобы или прошенія имѣетъ послѣдовать въ первый послѣ того день въ недѣли, распространить относительно находящихся въ Финляндіи Грекороссійскихъ вѣроисповѣдниковъ и на тѣ означаемые въ ежегодныхъ календаряхъ здѣшней Академіи Наукъ, торжественные дни Грекороссійскія церкви, въ которые по существующему въ Финляндіи численію времени не бываетъ праздника у исповѣдующаго Лютеранскую вѣру.

Объ исполненіи сего вы предложите Нашему Финляндскому Сенату, который имѣетъ, посредствомъ циркулярныхъ предписаній, довести изображенную здѣсь волю Нашу до свѣдѣнія и исполненія Гофгерихтовъ и Ландсгевдинговъ, равно подвѣдомственныхъ имъ мѣстъ и лицъ.

Въ С.-Петербургѣ 1 декабря 1826 года.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ".

Контрасигнировалъ: Статсъ-Секретарь Графъ Ребиндеръ.

I.

ЖИВОЙ ЦЫПЛЕНОКЪ ВЪ КИВЕРѢ.

На прежнихъ инспекторскихъ смотрахъ бывали всякіе курьезы. Но, кажется, по своей невѣроятности, можетъ побить рекордъ нижеприводимый эпизодъ. Вотъ, что было объявлено командиромъ Житомірскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона (нынѣ 165 пѣх. Луцкій полкъ) въ приказѣ по баталіону отъ 5 августа 1835 г.: „при бытности на ученьѣ замѣтилъ, что многіе нижніе чины были въ замараныхъ панталонахъ, а нѣкоторые имѣли въ киверахъ съѣстные припасы, а у рядового 2 роты Варфоломея Квасниковскаго въ киверѣ найдены хлѣбъ, огурцы и *живой цыпленокъ*; одѣты были неопрятно; командиру 2 роты за сіе объявляю строгое замѣчаніе“.

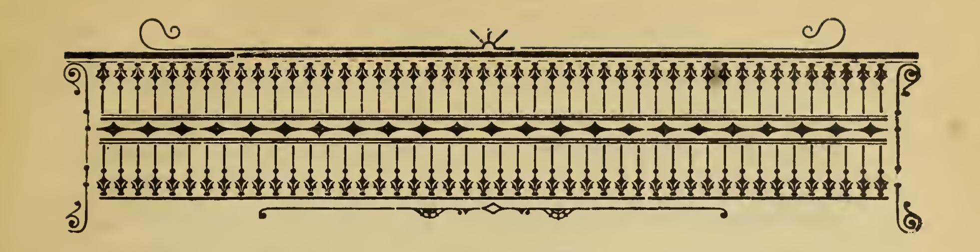

II.

ПЕРЕМѢНА НЕПРИСТОЙНОЙ ФАМИЛІИ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1825 г. по войскамъ былъ разосланъ циркуляръ главнаго штаба о перемѣнѣ непристойныхъ фамилій у нижнихъ чиновъ. Приводимый ниже приказъ по 2-ому Бугскому уланскому полку (нынѣ 10-ый уланскій Одесскій) показываетъ, что циркуляръ приводился въ исполненіе. Вотъ что читаемъ въ приказѣ по этому полку отъ 27 января 1826 г. за № 19: „На основаніи циркулярнаго предписанія инспекторскаго департамента главнаго штаба Его Императорскаго Величества, по военному вѣдомству въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1825 г. разосланнаго, о перемѣнѣ у нижнихъ чиновъ непристойныхъ фамилій и по выправкѣ во ввѣренномъ мнѣ полку оказался 5 дѣйствующаго эскадрона рядовой Петръ Кривогузокъ, коего предписываю писать по спискамъ не Кривогузокъ, а по отчеству— Григорьевъ, и подтвердить ему, чтобы и при перекличкѣ отзывался, т. е. Петромъ Григорьевымъ“.

Сообщилъ Михаилъ Соколовскій.

Еще о драмѣ въ жизни писателя.

Статья г. Голомбіевскаго „Драма изъ жизни писателя" (А. Сухово-Кобылинъ и француженка Симонъ) въ № 2 „Русскаго архива" за 1910 годъ читается съ большимъ интересомъ [1]).

Со времени этого трагическаго происшествія прошло болѣе 60 лѣтъ, всѣ непосредственные его участники и свидѣтели давно сошли въ могилы и унесли тайну съ собой. Тщетно было бы пытаться въ настоящее время воскрешать истину, ея и не добились въ свое время и всѣ инстанціи тогдашняго судилища, по ступенямъ котораго отъ нижней до верхней дѣло восходило дважды, и безъ всякаго результата.

---

[1]) Сущность излагаемаго ниже процесса заключается вкратцѣ въ слѣдующемъ: 9 ноября 1850 года въ Москвѣ за Прѣсненской заставой было найдено тѣло убитой молодой женщины съ перерѣзаннымъ горломъ и съ тремя переломленными ребрами въ лѣвомъ боку. На трупѣ были одежда, серьги и кольцо, но шубы и салопа не было.

Убитая оказалась француженкой Луизой Ивановной Симонъ-Деманшъ, жившей на содержаніи у отставного титулярнаго совѣтника А. В. Сухово-Кобылина. У покойной были въ услуженіи крѣпостные Сухово-Кобылина: кучеръ Галактіонъ Козьминъ, дворовыя дѣвки—Аграфена Иванова, Пелагея Алексѣева и поваръ Ефимъ Егоровъ. Убитая была нрава вспыльчиваго и бивала прислугу; Сухово-Кобылинъ, по наговорамъ Симонъ-Деманшъ, грозилъ прислугѣ розгами, отдавалъ московскихъ своихъ горничныхъ замужъ за мужиковъ въ деревню и билъ прислугу.

По подозрѣнію въ убійствѣ были арестованы крѣпостные Сухово-Кобылина, жившіе у Симонъ-Деманшъ, а затѣмъ и самъ Сухово-Кобылинъ ввиду обнаруженныхъ кровавыхъ пятенъ на его квартирѣ. Черезъ четыре дня Сухово-Кобылинъ былъ освобожденъ, такъ какъ поваръ Ефимъ Егоровъ

Я въ настоящей замѣткѣ и не пытаюсь проливать какой-либо свѣтъ на это дѣло, но полагаю, что дополнить интересную статью г. Голомбіевскаго нѣсколькими лишними штрихами будетъ, можетъ быть, не безынтересно.

Я познакомился съ покойнымъ А. В. Сухово-Кобылинымъ въ качествѣ его ближайшаго сосѣда по имѣнію Тульской губ., Чернскаго уѣзда, въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, и затѣмъ до

сознался въ убійствѣ Симонъ-Деманшъ на ея квартирѣ при содѣйствіи Козьмина, Ивановой и Алексѣевой, а затѣмъ въ отвозѣ тѣла за заставу.

13 сентября 1851 г. состоялось рѣшеніе московскаго надворнаго суда, который обвинилъ всѣхъ четырехъ прислугъ, жившихъ у Симонъ Деманшъ, въ убійствѣ послѣдней. Ввиду разногласія между членами суда относительно мѣры наказанія для обвиняемыхъ, дѣло перешло на разсмотрѣніе въ московскую уголовную палату, которая большинствомъ голосовъ измѣнила наказаніе обвиняемымъ. Московскій генералъ-губернаторъ, графъ Закревскій, представилъ приговоръ въ Сенатъ ввиду того, что приговоръ уголовной палаты не былъ единогласнымъ.

Вскорѣ всѣ осужденные отреклись отъ своихъ показаній и заявили, что они дали ложныя показанія, себя оклеветали, и въ убійствѣ они невиновны, при чемъ Козьминъ утверждалъ, что онъ былъ обольщенъ приставомъ Хотимскимъ, который будто-бы по собственному письму Сухово-Кобылина убѣждалъ его взять на себя участіе въ убійствѣ за деньги и отпускную, а Ефимъ Егоровъ далъ показаніе, что оговорилъ себя во всемъ, не стерпѣвъ безчеловѣчныхъ побоевъ пристава Стерлигова при допросѣ.

Дѣло перешло въ 6-й Московскій Департаментъ Правительствующаго Сената, гдѣ также единогласія не было, затѣмъ препровождено министру юстиціи, при чемъ министръ юстиціи предложилъ учредить новую слѣдственную комиссію и вновь разобрать все дѣло, но и это предложеніе не встрѣтило единогласія сенаторовъ и все производство направлено въ Государственный Совѣтъ.

17 декабря 1853 г. общее собраніе Государственнаго Совѣта рѣшило назначить новую комиссію для переизслѣдованія и для судебнаго разсмотрѣнія во всѣхъ инстанціяхъ. Въ началѣ 1854 года новая комиссія энергично повела дѣло, и Сухово-Кобылинъ съ половины мая до начала ноября былъ подъ арестомъ, а потомъ выпущенъ на поруки своей матери. Дѣло опять прошло всѣ инстанціи, и 25 октября уже 1857 года состоялось большинствомъ 23 голосовъ слѣдующее рѣшеніе соединеннаго засѣданія департаментовъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта: „Въ настоящемъ дѣлѣ показанія крѣпостныхъ Сухово-Кобылина людей, Егорова, Козьмина и Иванова, въ коихъ они сознавались въ совершеніи убійства Симонъ-Деманшъ, не могутъ быть признаны за достовѣрныя и удовлетворяющія требованіямъ закона, ибо они не подтверждены обстоятельствами дѣла ни въ главныхъ своихъ основаніяхъ, ни въ подробностяхъ“, почему и было рѣшено дворовыхъ людей Сухово-Кобылина отъ всякой отвѣтственности по предмету убійства Симонъ-Деманшъ оставить свободными, а Сухово-Кобылина приговорить къ церковному покаянію за любовную связь. 3 декабря 1857 г. эта меморія Государственнаго Совѣта была Высочайше утверждена. *В. П.*

1903 г., года его смерти, былъ съ нимъ въ непосредственныхъ и близкихъ сношеніяхъ. Ко времени нашего знакомства А. В. былъ уже 60-лѣтній старикъ, но старикомъ его можно было назвать лишь по его годамъ, въ сущности это былъ средняго роста, съ черными какъ смоль волосами, коренастый, необыкновенно крѣпкаго сложенія, черноглазый, энергичный мужчина, которому на первый взглядъ трудно было бы дать болѣе 45 лѣтъ.

И въ немъ, и въ его внѣшности, въ костюмѣ, въ говорѣ, можно сказать, великорусскомъ добраго стараго времени, переходившемъ внезапно на французскую рѣчь съ чисто парижскимъ жаргономъ, опять-таки отзывавшимся и Ламартиномъ и Викторомъ Гюго, и въ обстановкѣ его чисто русскаго помѣщичьяго дома, но съ меблировкою французскаго Style Empire, и дорогими картинами иностранныхъ мастеровъ, все было двойственно, тутъ на каждомъ шагу переплеталась матушка Русь и Западъ съ его вѣяніями. Какъ теперь помню, что послѣ первыхъ словъ знакомства А. В. повелъ меня показывать свое хозяйство, свой винокуренный заводъ, которымъ онъ видимо занимался съ большимъ жаромъ.

Дѣло было зимой, А. В. облекся въ полушубокъ и доморощенные валенки. По заводу мы ходили долго, хозяинъ безпрестанно горячился, возвышалъ голосъ, недовольный тѣмъ или другимъ. Видна была кипучая энергія. Вернулись въ домъ, А. В. выразилъ надежду, что я останусь у него обѣдать, и удалился. Меня ввели въ небольшую уютную столовую, гдѣ гостепріимно горѣлъ каминъ, посрединѣ былъ накрытъ круглый обѣденный столъ на три прибора. И столовое бѣлье и сервировка носили несомнѣнный заграничный отпечатокъ.

Послѣ долгаго ожиданія появился хозяинъ дома, къ немалому моему изумленію онъ оказался во фракѣ и бѣломъ галстукѣ! Кромѣ насъ двухъ, обѣдалъ у него его управляющій Рудневъ, кстати сказать, впослѣдствіи его значительно обокравшій, за что былъ судимъ и оправданъ присяжными засѣдателями...

Познакомившись такимъ образомъ съ Сухово-Кобылинымъ, я, какъ уже сказано выше, поддерживалъ это знакомство въ продолженіе почти 30 лѣтъ, до его окончательнаго переселенія въ Болье вслѣдствіе сгорѣвшаго его дома, при чемъ сгорѣла вся его значительная и очень полная библіотека, и имѣніе было сдано въ аренду.

На всемъ существованіи Сухово-Кобылина, въ его Чернской Кобылинкѣ лежала эта упомянутая мною двойственность. Съ одной стороны, это былъ несомнѣнный русскій баринъ, съ присущими этому типу достоинствами и недостатками, баринъ прежней крѣпостной эпохи съ ея тенденціями, съ другой, по вкусамъ и симпатіямъ,

онъ былъ западникъ. Помимо этого тульскаго имѣнія, онъ долгое время владѣлъ помѣстьемъ на югѣ Франціи близъ Бордо, именовавшимся Гайросъ. Женатъ онъ былъ дважды, первый разъ на англичанкѣ, второй на француженкѣ (не Симонъ), и оба раза недолговременно: и та и другая умерли въ молодыхъ годахъ.

Переселившись по окончаніи своего знаменитаго процесса объ убійствѣ Симонъ-Деманшъ въ Кобылинку, Сухово-Кобылинъ часто отлучался за границу, гдѣ проживалъ иногда подолгу, частью въ своемъ Гайросѣ. Мнѣ довелось видѣть въ сараѣ Кобылинки замѣчательный дормезъ, въ которомъ А. В. ѣзжалъ на лошадяхъ изъ Кобылинки въ Парижъ. Дормезъ этотъ къ сожалѣнію сгорѣлъ въ пожарѣ со всѣмъ остальнымъ имуществомъ, теперь онъ представлялъ бы изъ себя антикварную рѣдкость.

Невзирая на то, что Сухово-Кобылинъ съ большой, даже иногда кипучей энергіей, приносившей ему часто вредъ, занимался сельскимъ хозяйствомъ, вставая иногда въ 4 часа утра, и проводя цѣлые дни въ полѣ и на заводѣ, нельзя было не замѣтить, что онъ тутъ какъ бы не по своей волѣ, что его званіе помѣщика, сельскаго хозяина ему не совсѣмъ по душѣ, и что истинныя симпатіи его лежатъ гдѣ-то внѣ. Отъ земской дѣятельности, службы по выборамъ, уѣздной жизни, онъ уклонялся совершенно и никакого участія въ нихъ не принималъ. И тѣмъ не менѣе, менѣе всего онъ чтилъ себя литераторомъ, писателемъ, скажу болѣе, къ этому сословію, вообще, онъ чувствовалъ нѣкоторое явное нерасположеніе. Я думаю, что онъ прямо бы обидѣлся, если бы ему сказать: вы писатель.

За долгое мое знакомство съ Сухово-Кобылинымъ, мы подолгу и почасто коротали съ нимъ долгіе зимніе вечера въ деревнѣ. Въ карты онъ не игралъ, и по отношенію къ карточной игрѣ былъ совершенный младенецъ. Подъ-часъ и въ минуты увлеченія онъ былъ чрезвычайно интересный разсказчикъ, рѣчь его, всегда образная и оригинальная, была часто увлекательна, при всѣхъ присущихъ ему парадоксахъ, спорщикъ онъ былъ также очень энергичный и подъ-часъ очень горячій. О дѣлѣ Симонъ-Деманшъ онъ говорилъ рѣдко и неохотно. Но подъ-часъ и на него находили порывы откровенности. Главное, что я уяснилъ себѣ, изъ его разсказовъ по этому дѣлу, это то, что слѣдователи того времени и низшіе, и нѣкоторые изъ высшихъ воспользовались возможностью привлечь его къ этому дѣлу съ цѣлью его эксплоатировать и поживиться на его счетъ. Слѣдуетъ замѣтить, что родители его, тогда еще живые, располагали значительнымъ состояніемъ. Кусочекъ былъ лакомый, и имъ воспользовались. Дѣло это, по его словамъ, обошлось его родителямъ очень дорого.

Вотъ между прочимъ версія, которую я слышалъ изъ собственныхъ

его устъ: въ одну изъ перипетій дѣла, когда оно поступило въ Сенатъ, Сухово-Кобылинъ пріѣхалъ въ Петербургъ справиться, въ какомъ оно положеніи; ему сообщили, что дѣло находится въ рукахъ извѣстнаго въ то время дѣльца N, что все зависитъ отъ того, какое направленіе дастъ въ своемъ заключеніи Сенату этотъ N, но что съ пустыми руками къ этому N не ѣздятъ; внявъ этому совѣту, Сухово-Кобылинъ направился въ Сенатъ къ этому N, запасшись предварительно билетомъ опекунскаго Совѣта въ 5.000 руб. ассигнаціями на имя неизвѣстнаго, и положивъ его въ боковой карманъ жилета, сложеннымъ вчетверо. Весьма представительный N съ великолѣпно расчесанными бакенбардами принялъ Сухово-Кобылина въ своемъ сенатскомъ кабинетѣ и далъ ему самыя успокоительныя свѣдѣнія, завѣривъ его, что его заключеніе будетъ совершенно въ его пользу, и что онъ можетъ быть увѣренъ въ томъ, что выйдетъ чистъ изъ дѣла. Весьма обрадованный этимъ, Сухово-Кобылинъ, прощаясь съ прокуроромъ, и пожимая ему руку, вручилъ въ нее билетъ на подобіе того, какъ вручаютъ гонораръ доктору. По выходѣ изъ кабинета, Сухово-Кобылину, однако, пришло въ голову удостовѣриться въ точности словъ прокурора, и убѣдиться въ этомъ изъ подлиннаго дѣла. Онъ направился въ департаментъ, въ столъ, гдѣ дѣло производилось, и тамъ помощію гонорара, уже въ микроскопическомъ размѣрѣ противъ прокурорскаго, предъ нимъ раскрыли дѣло. Онъ съ жадностью сталъ пробѣгать заключеніе прокурора и къ ужасу своему убѣдился, что смыслъ этого заключенія значительно разнился отъ того, что ему только что сказалъ прокуроръ, а именно, ему показалось, что въ этомъ заключеніи нагромождены несуществующія противъ него улики. Человѣкъ весьма горячій и вспыльчивый, онъ внѣ себя, стремглавъ, врывается вновь въ кабинетъ N и начинаетъ его упрекать въ двоедушіи. N на сей разъ принимаетъ его довольно холодно и предлагаетъ успокоиться и говорить тише, такъ какъ здѣсь присутственное мѣсто, зерцало. „Какой тутъ тише?“ восклицаетъ уже совсѣмъ внѣ себя Сухово-Кобылинъ, „я сейчасъ крикну на весь департаментъ, что я далъ вамъ взятку въ 5.000 руб., у меня записанъ № билета, васъ обыщутъ и найдутъ билетъ въ вашемъ карманѣ!“ и съ этими словами Сухово-Кобылинъ взялся за ручки двери. Тогда N съ присущимъ ему олимпійскимъ величіемъ, ничтоже не сумняшеся, вынулъ сложенный билетъ изъ кармана, торжественно положилъ его себѣ въ ротъ и проглотилъ! и затѣмъ спокойно промолвилъ: „зовите департаментъ! а я велю васъ вывести. Не забудьте, что здѣсь высшее присутственное мѣсто въ Имперіи, здѣсь зерцало!“ Картина.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ, могу и я повторить вмѣстѣ съ читателемъ, ручаясь лишь за то, что разсказанный мною эпизодъ я доподлинно и въ почти подлинныхъ словахъ слышалъ отъ самого Сухово-Кобылина. Сцена эта, по словамъ Сухово-Кобылина, воспроизведена имъ хотя и въ другомъ варіантѣ въ его комедіи „Дѣло", шедшей послѣ 25-лѣтняго нахожденія подъ спудомъ подъ наименованіемъ „Отжитое время", на сценѣ. Тамъ Муромскій вручаетъ директору департамента Варравину пакетъ съ деньгами, тотъ уноситъ пакетъ за сцену, опоражниваетъ его, и вынося пустой пакетъ на сцену, укоряетъ Муромскаго въ намѣреніи дать ему взятку. Сцена эта въ образцовомъ исполненіи Давыдова и Варламова на Александринскомъ театрѣ производила потрясающее впечатлѣніе. По словамъ того же Сухово-Кобылина, его комедія „Дѣло" есть собственное его, Кобылина, дѣло. Въ предисловіи къ изданной имъ книгѣ „Картины прошлаго", его трилогія пьесъ, между прочимъ, я думаю, составляющей теперь библіографическую рѣдкость, онъ такъ и говоритъ: „подлинное, сущее, съ кровью сердца вырванное дѣло".

Такъ какъ зашла рѣчь о произведеніяхъ Сухово-Кобылина, то скажу то, что я слышалъ о нихъ отъ самого автора. О Свадьбѣ Кречинскаго", капитальнѣйшей изъ трехъ написанныхъ имъ пьесъ, онъ говорилъ мало и неохотно, какъ бы предавъ ее забвенію за давностію времени. Слышалъ я только отъ него мимоходомъ, что фабулу этой пьесы онъ заимствовалъ изъ разсказа какого-то офицера, бывшаго проѣздомъ въ ихъ семьѣ въ Москвѣ, очень хорошаго разсказчика, по словамъ Сухово-Кобылина, и человѣка вообще очень даровитаго.

Въ эпоху моего знакомства съ Сухово-Кобылинымъ, онъ былъ поглощенъ заботами объ исходатайствованіи разрѣшенія постановки на сценѣ „Дѣла", которое, наконецъ, и воспослѣдовало въ началѣ 80-хъ годовъ въ министерство гр. Игнатьева, послѣ безконечныхъ мытарствъ, передѣлокъ, купюръ и съ перемѣной названія вмѣсто „Дѣло"—„Отжитое время". „Дѣло" впервые увидѣло свѣтъ ранѣе на сценѣ Суворинскаго театра въ Петербургѣ и имѣло шумный успѣхъ. Можно себѣ представить, какой бы успѣхъ оно имѣло, будучи дано своевременно. Съ Суворинскаго театра пьеса перешла и на Императорскій, но послѣ шумнаго успѣха на репертуарѣ не удержалась и была снята.

Въ то же время Сухово-Кобылинъ былъ занятъ безконечными передѣлками своей третьей комедіи „Смерть Тарелкина", которая также послѣ многихъ купюръ и перемѣнивъ заглавіе на „Расплюевскіе веселые дни", наконецъ, появилась на сценѣ. Успѣхъ она

имѣла относительный, и несмотря на многія комическія въ ней сцены, изображающія рядъ низшихъ дѣльцовъ, съ которыми очевидно имѣлъ дѣло авторъ въ своемъ дѣлѣ, она представляетъ изъ себя слабѣйшую изъ трехъ его пьесъ.

Возвращаясь къ „Свадьбѣ Кречинскаго“, слѣдуетъ сказать, что авторъ ея всю жизнь мечталъ видѣть ее на сценѣ, въ переводѣ на французскій языкъ въ Парижѣ. Владѣя литературно-французскимъ языкомъ, онъ самъ перевелъ ее, и въ одну изъ частыхъ своихъ поѣздокъ въ Парижъ свезъ ее на просмотръ къ знаменитому въ то время Александру Дюма-сыну. Александръ Дюма вполнѣ одобрилъ пьесу и предрекъ ей успѣхъ въ Парижѣ, при условіи совершенной передѣлки конца или заключенія пьесы. „Мы французы“, говорилъ Дюма „при всей нашей прогрессивности, въ театральной драматургіи большіе ретрограды, и наша рутина требуетъ, чтобы въ концѣ драмы непремѣнно торжествовала добродѣтель, а порокъ понесъ заслуженное наказаніе, а у васъ въ вашей „Свадьбѣ Кречинскаго“ что? Кречинскій смошенничалъ, Лидочка говоритъ, что это ошибка, и вручаетъ ростовщику брилліантовую булавку, Кречинскій находитъ, что это очень хорошо, что онъ отлично выпутался изъ дѣла и можетъ вновь возобновить свою мошенническую дѣятельность“. При подобномъ финалѣ, Дюма предсказывалъ полный провалъ пьесы въ Парижѣ и совѣтовалъ Сухово-Кобылину передѣлать конецъ пьесы. Внявъ его совѣту, авторъ принялся за эту передѣлку, и вновь написанный финалъ былъ таковъ: въ моментъ появленія полиціи, Кречинскій вооружается не ручкой отъ кресла или кіемъ, какъ было въ первоначальной редакціи, а схватываетъ лежащій на письменномъ столѣ револьверъ, которымъ и застрѣливается въ моментъ, когда его мошенническая продѣлка оказывается обнаруженною. Въ этой новой редакціи комедія и шла однажды въ Тулѣ, въ спектаклѣ музыкально-драматическаго кружка въ началѣ 80-хъ годовъ въ постановкѣ самого автора и съ участіемъ пишущаго эти строки въ роли Кречинскаго. Впослѣдствіи авторъ пытался поставить пьесу въ этой новой редакціи въ театрѣ Корша въ Москвѣ, но Коршъ категорично отъ этого отказался, мотивируя отказъ тѣмъ, что пьеса слишкомъ хорошо извѣстна въ первоначальной ея редакціи, чтобы можно было ее мѣнять черезъ 30 лѣтъ. Полагаю, что Коршъ былъ совершенно правъ.

Относительно „Свадьбы Кречинскаго“ слѣдуетъ сказать, что она впервые была поставлена на Маломъ театрѣ въ Москвѣ въ бенефисъ артиста Шумскаго въ 1855 году, и какъ бенефисная пьеса сдѣлалась даровой собственностью дирекціи, и за 55 лѣтъ ея пребыванія на сценѣ авторъ ея не получилъ отъ дирекціи Император-

скихъ театровъ ни одной копѣйки гонорара, а при ея долговѣчности, и при томъ, что она и сейчасъ не сходитъ съ репертуара, гонораръ не могъ быть незначительнымъ. Всѣ домогательства автора въ этомъ отношеніи впослѣдствіи, когда матеріальныя дѣла его значительно разстроились, оказались безуспѣшны. Лишь въ половинѣ 90-хъ годовъ онъ, по особому докладу министра двора, получилъ изъ кабинета Его Величества единовременно 5.000 рублей.

Если сравнить это случайное вознагражденіе съ тѣмъ, напримѣръ, что заработаетъ во Франціи на своихъ пѣтухахъ въ Шантеклерѣ Ростанъ, то по-истинѣ нельзя не признать положеніе русскихъ драматурговъ печальнымъ. Въ утѣшеніе покойнаго Сухово-Кобылина и его наслѣдниковъ, развѣ одно можно сказать, что и Грибоѣдовъ за свое „Горе отъ ума“, и Гоголь за „Ревизора“ врядъ-ли заработали больше его. Съ тѣхъ поръ положеніе русской драматургіи, конечно, нѣсколько измѣнилось къ лучшему.

Столь же безуспѣшны были и старанія Сухово-Кобылина увидѣть свое произведеніе на сценѣ въ Парижѣ. Чуть-ли не послѣ его смерти оно было дано на какомъ-то второстепенномъ парижскомъ театрѣ, но судя по газетамъ въ такой мизерной обстановкѣ и въ такомъ изуродованномъ каррикатурномъ видѣ, что лучше, если бы этого и не было вовсе.

Автору, очевидно, не довелось дожить до того времени, когда русское искусство начинаетъ завоевывать себѣ подобающее мѣсто на Западѣ, что впрочемъ относится больше до сценическихъ дѣятелей разныхъ видовъ оперы и балета, чѣмъ до сценической литературы.

Чтобы покончить со „Свадьбой Кречинскаго“, слѣдуетъ сказать, что при переводѣ ея на французскій языкъ, въ чемъ и пишущій эти строки принималъ нѣкоторое участіе, камнемъ преткновенія для насъ служило знаменитое „сорвалось!“ Долго мы ломали себѣ головы, чтобы подыскать соотвѣтствующее по экспрессіи французское выраженіе, и наконецъ остановились и врядъ-ли удачно на словѣ „Raté...“ Очевидно, что духъ языковъ индивидуаленъ.

Возвращаюсь къ цѣли моей настоящей статьи—къ пролитію свѣта на „Драму въ жизни писателя“.

Отъ покойнаго Евгенія Михайловича Ѳеоктистова, бывшаго начальника управленія по дѣламъ печати, а впослѣдствіи сенатора, жившаго въ то время въ Москвѣ и близкаго къ дому графини Саліасъ, сестры Сухово-Кобылина, я слышалъ слѣдующую версію: когда обнаружилось убійство Симонъ-Деманшъ, въ московскомъ обществѣ, въ которомъ вращался Сухово-Кобылинъ, распространился слѣдующій слухъ: Сухово-Кобылинъ охладѣлъ къ француженкѣ и замѣнилъ ее новымъ предметомъ страсти. Француженка была крайне

ревнива. 7-го ноября 1850 года вечеромъ, она, прійдя неожиданно на квартиру Сухово-Кобылина, застала тамъ г-жу Н., между двумя соперницами произошла бурная сцена, пылкая француженка оскорбила Н. дѣйствіемъ, ударивъ ее по лицу. Не менѣе пылкій Сухово-Кобылинъ, внѣ себя, схватилъ первый попавшійся ему предметъ подъ руку, тяжелый канделябръ съ камина, пустилъ имъ во француженку, попалъ ей прямо въ високъ и убилъ ее наповалъ! Тогда что дѣлать? Онъ якобы призываетъ своихъ крѣпостныхъ людей и, подкупивъ ихъ деньгами [1]) и обѣщаніемъ выдать вольныя, убѣждаетъ ихъ вывезти трупъ за заставу и принять вину на себя, обѣщая сверхъ всего свое покровительство и заступничество передъ судомъ!

Спрашивается, откуда, съ чего могла возникнуть столь мало вѣроятная версія? Мнѣ кажется, что тутъ невольно опять приходитъ на память уже упомянутый здѣсь, безсмертный Грибоѣдовъ. Стоило одному, двумъ вздорнымъ болтунамъ пустить сдуру, что Чацкій сошелъ съ ума, какъ этому сразу повѣрили безъ всякихъ къ тому основаній, и стоустая молва готова была пойти по городу. Здѣсь невольно, безъ всякой натяжки напрашивается сравненіе между Грибоѣдовскимъ Чацкимъ и подлиннымъ Сухово-Кобылинымъ. Кобылинъ, отставной титулярный совѣтникъ, не служащій дворянинъ, что уже само по себѣ въ тѣ времена не служило признакомъ благонамѣренности, помимо того, онъ, и по воззрѣніямъ своимъ, и по образу жизни, былъ довольно независимымъ, и нельзя сказать, чтобы пользовался особенными симпатіями высшаго московскаго общества, въ которомъ вращался. Связь его съ француженкою была извѣстна, француженокъ въ то время въ Москвѣ было немного; не менѣе извѣстенъ былъ въ обществѣ и новый его романъ съ дамой изъ высшаго общества всѣмъ извѣстной, и вотъ „пошла писать губернія!“ Всесильный начальникъ этой губерніи знаменитый графъ Закревскій очевидно подъ вліяніемъ этихъ слуховъ предписываетъ коллежскому совѣтнику Шлыкову принять энергичныя мѣры къ открытію виновныхъ. Шлыковъ дѣлаетъ обыскъ въ старомъ запущенномъ флигелѣ, куда временно перешелъ Сухово-Кобылинъ; на стѣнѣ не то прихожей, не то залы, находятъ кровавое пятно величиною въ серебряный пятачекъ, въ бумагахъ Деманшъ находятъ письмо къ ней Сухово-Кобылина, въ которомъ онъ очевидно въ шуточной формѣ

---

[1]) Въ самомъ дѣлѣ сказано, что А. В. Сухово-Кобылинъ давалъ деньги полиціи, а по словамъ знающихъ это дѣло лицъ, Сухово-Кобылинъ далъ сто рублей пришедшимъ къ нему агентамъ сыскной полиціи для скорѣйшаго розыска Симонъ-Деманшъ. *В. П.*

*

угрожаетъ пронзить ее своимъ кастильскимъ кинжаломъ (объ этомъ письмѣ, какъ уликѣ противъ него, мнѣ часто говорилъ самъ Сухово-Кобылинъ, онъ придавалъ этому письму совсѣмъ другой игривый любовный смыслъ). И вотъ улики готовы, и Сухово-Кобылинъ арестованъ.

Обратимъ вниманіе на всю несообразность этихъ уликъ. Въ подлинномъ судебно-медицинскомъ протоколѣ вскрытія тѣла Деманшъ врачемъ Тихоміровымъ, приведенномъ г. Голомбіевскимъ въ его статьѣ, изъ подлиннаго дѣла видно, что у Деманшъ было перерѣзано горло насквозь, при чемъ рана была въ три вершка шириною, и была непосредственною причиною ея смерти, помимо того у нея было переломано четыре ребра, и все тѣло носило знаки побоевъ и насилія съ кровоподтеками. Значитъ, допустивъ московскую версію, надо допустить, что Сухово-Кобылинъ, пустивъ въ нее канделябромъ, сталъ ее добивать, т. е. перерѣзалъ ей горло, переломалъ ребра и доколачивалъ еще какимъ-либо тяжелымъ, тупымъ орудіемъ!

Очевидно, что на этомъ пути мы придемъ къ абсурду.

Прослѣдимъ далѣе это многотомное знаменитое въ свое время судебное дѣло. Сухово-Кобылинъ на всѣхъ слѣдственныхъ допросахъ относительно вечера 7-го ноября показывалъ, что онъ этотъ вечеръ съ 9-го часа и до 2 ночи провелъ на вечерѣ у Нарышкиныхъ [1]). Слѣдуетъ предполагать, что у Нарышкиныхъ было, можетъ быть, довольно много гостей, домъ ихъ былъ одинъ изъ самыхъ аристократическихъ въ Москвѣ, казалось, было бы очень не трудно провѣрить это alibi изъ дома Сухово-Кобылина въ вечеръ 7 ноября.

Ни малѣйшихъ попытокъ къ тому во всемъ судебномъ дѣлѣ мы не видимъ.

Между тѣмъ арестованный и содержавшійся въ части поваръ Сухово-Кобылина, Ефимъ Егоровъ, 20 ноября учинилъ признаніе въ убійствѣ Симонъ-Деманшъ. Онъ разсказываетъ его такъ:

Въ вечеръ 7 ноября онъ пришелъ къ Симонъ-Деманшъ за приказаніями, такъ какъ одновременно служилъ и у нея. Деманшъ не было дома; служившія у нея женщины, Пелагея и Аграфена, стали повторять свои безконечныя жалобы на свою госпожу въ томъ, что она обращается съ ними жестоко и за малѣйшую провинность колотитъ ихъ по щекамъ, содержитъ дурно и жалованья не платитъ.

---

[1]) По словамъ знавшихъ дѣло лицъ, А. В. Сухово-Кобылинъ всѣ свои показанія писалъ безъ всякихъ поправокъ, не излагая ихъ вчернѣ.

В. П.

Замѣтимъ отъ себя, что это жестокое обращеніе француженки съ своей прислугой подтверждается всѣми обстоятельствами дѣла. Извѣстно при томъ, какъ заѣзжія иностранки быстро усвоивали себѣ нравы и обычаи окружающей ихъ среды. Изъ дѣла несомнѣнно явствуетъ, что, къ сожалѣнію, значительно виновенъ въ этой жестокости и самъ Сухово-Кобылинъ. Онъ неоднократно и при томъ жестоко колачивалъ свою прислугу, и даже женщинъ по наговорамъ Деманшъ. Въ этомъ отношеніи онъ не составлялъ исключенія въ нравахъ своего времени и крѣпостной эпохи.

Итакъ Ефимъ Егоровъ, наслышавшись въ сотый разъ жалобъ женской прислуги Деманшъ на ея жестокое обращеніе, принялъ внезапную рѣшимость ее убить, женщины оказали его намѣренію слабое противодѣйствіе, совѣтуя лишь *отложить* дѣло. Конюхъ Галактіонъ Козьминъ, которому сообщилъ о своемъ намѣреніи Ефимъ Егоровъ, выразилъ пассивное согласіе. Убійство было назначено на ту же ночь. Во 2 часу ночи Егоровъ пришелъ вновь въ квартиру Деманшъ, дверь съ черной лѣстницы по уговору была открыта. Ефимъ Егоровъ въ своемъ признаніи возстановляетъ полную картину убійства до мельчайшихъ подробностей. Такъ онъ не забылъ упомянуть, что предварительно послалъ горничную Аграфену убрать изъ спальной Деманшъ находившуюся тамъ собачку, чтобы она своимъ лаемъ не подняла бы тревогу. Затѣмъ Ефимъ Егоровъ показываетъ, что они всѣ вчетверомъ вошли въ спальную Деманшъ Ефимъ Егоровъ бросился душить ее подушкой, и когда она стала сопротивляться и кричать, нанесъ ей сильный ударъ кулакомъ въ лѣвый глазъ, а Галактіонъ сталъ наносить ей удары по бокамъ утюгомъ, который у него изъ рукъ вырвался, утюгъ этотъ впослѣдствіи при обыскѣ былъ найденъ на кухнѣ и оказался съ погнутой ручкой. Горничная Аграфена подала Егорову платокъ, чтобъ заткнуть ротъ Деманшъ и перетянуть ей горло. Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ они вывезли тѣло Деманшъ за Прѣсненскую заставу и свалили его въ оврагъ. Тамъ уже на мѣстѣ, Ефимъ Егоровъ изъ опасенія, чтобы Деманшъ не ожила, перерѣзалъ ей горло складнымъ ножемъ, находившимся у Галактіона. Замѣтимъ, что сознаніе это было сдѣлано Ефимомъ Егоровымъ въ Серпуховской части, гдѣ онъ содержался.

Въ тотъ же день, сдѣлали то же признаніе и Галактіонъ, Пелагея и Аграфена, въ тѣхъ же подробностяхъ, ни въ чемъ существенномъ съ показаніями Ефима Егорова не расходящихся, сдѣлали они это признаніе въ Прѣсненской части, гдѣ содержались отдѣльно отъ Ефима Егорова. Замѣтимъ, что Серпуховская и Прѣсненская части въ Москвѣ находятся одна отъ другой на значительномъ

разстояніи, и изъ дѣла нигдѣ не видно, чтобы обвиняемые съ момента ихъ ареста до 20 ноября имѣли какое-либо между собою общеніе.

Для полнаго освѣщенія картины убійства, слѣдуетъ сказать, что убійцы весьма предусмотрительно рѣшили салопъ своей жертвы сжечь, чтобы отвлечь отъ себя подозрѣніе и допустить мысль, что Деманшъ была ограблена и убита какимъ-нибудь извощикомъ. Салопъ и сожгли прислуги женщины, въ то время, какъ мужчины вывозили трупъ. Достойно примѣчанія, что слѣдователи не обратили на это обстоятельство никакого вниманія, а казалось бы, въ печкѣ могли остаться своеобразные остатки пепла мѣхового салопа. Равномѣрно, для отвлеченія отъ себя подозрѣнія, убійцы оставили при убитой ея серьги, супиры и кольца. Только Ефимъ Егоровъ при семъ удобномъ случаѣ не преминулъ воспользоваться ея портмонэ съ 50 руб. денегъ, часами и булавкой, которые впослѣдствіи при обыскѣ и были найдены на чердакѣ въ квартирѣ Сухово-Кобылина, гдѣ жилъ Ефимъ Егоровъ въ качествѣ повара. Часы и булавка оказались завернутыми въ какое-то любовное письмо камердинера Макара. Если стать на точку зрѣнія позднѣйшихъ слѣдователей и судей, которые непремѣнно хотѣли видѣть убійцу въ лицѣ самого Сухово-Кобылина, то оставалось бы допустить, что онъ, убивъ Деманшъ, воспользовался ея кошелькомъ, часами и булавкой.

Изъ показаній убійцъ Ефима и Галактіона видно далѣе, что они, совершивъ убійство и сваливъ трупъ въ оврагъ, отправились въ трактиръ „Сучокъ" на Моховой, гдѣ пили водку и оставались до 6 часовъ утра. Достойно примѣчанія, что въ дѣлѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, чтобъ это показаніе убійцъ было чѣмъ-либо провѣрено, и чтобы въ трактирѣ „Сучокъ" произведены были какія-либо розысканія. Да, по истинѣ, если сравнить слѣдственное производство этого злополучнаго дѣла съ виртуозностью, съ которою велось напр. недавнее столь нашумѣвшее дѣло Гилевича, то нельзя не признать, что въ судебной криминалистикѣ мы ушли гигантскими шагами впередъ, и нельзя лишній разъ не благословить мысленно судебную реформу 1864 года.

Какъ бы то ни было, казалось несомнѣннымъ, что убійцы найдены, и что остается судебной власти произнести свой справедливый приговоръ. Такъ и взглянулъ на дѣло Московскій надворный судъ въ 1-ой инстанціи, онъ, разобравъ дѣло, призналъ четырехъ вышеупомянутыхъ подсудимыхъ виновными въ убійствѣ Симонъ-Деманшъ, приговорилъ ихъ къ соотвѣтствующимъ наказаніямъ по законамъ того времени. Но нѣтъ, тутъ-то и начинается „дѣло", то подлинное „съ кровію вырванное дѣло", которое такъ ярко и талантливо изобразилъ на сценѣ покойный Сухово-Кобылинъ.

Изъ надворнаго суда, такъ какъ приговоръ состоялся не единогласно, а лишь по большинству голосовъ, дѣло перешло въ Московскую уголовную палату. Палата въ сущности постановила тотъ же приговоръ, лишь нѣсколько смягчивъ его по отношенію количества ударовъ плетей и лѣтъ каторжной работы для обвиненныхъ. Съ приговоромъ согласился и губернскій прокуроръ.

Но генералъ-губернаторъ графъ Закревскій опять таки въ виду того, что приговоръ палаты былъ не единогласный, представилъ дѣло въ Сенатъ.

Этими оттяжками дѣла воспользовались съ своей стороны и обвиненные, и потребовали знаменитаго „рукоприкладства“.

Рукоприкладство это, очевидно, было составлено опытнымъ ходокомъ въ дѣлахъ подобнаго рода, такъ какъ заканчивалось у всѣхъ четверыхъ обвиняемыхъ одними и тѣми же стереотипными и характерными выраженіями, а именно: „Не имѣя ничего прибавить къ своему оправданію, умоляю высокоименитыхъ судей обратить свое милостивое вниманіе на всѣ изложенные въ семъ рукоприкладствѣ доводы и облегчить сколь можно мои страданія; не быть строгими въ присужденіи наказанія за преступленіе, тайна коего извѣстна одному Всевышнему Творцу, отъ котораго не скрыто, что онъ жертва случая“.

Достойно примѣчанія, что обвиненные въ своемъ рукоприкладствѣ ни однимъ словомъ ни прямо, ни косвенно не намекаютъ, что убійство совершено ихъ господиномъ Сухово-Кобылинымъ. Впрочемъ одинъ изъ обвиненныхъ Галактіонъ Кузьминъ показывалъ, что онъ былъ „обольщенъ“ приставомъ Хотимскимъ, который будто-бы показывалъ ему собственноручное письмо (къ кому?) Сухово-Кобылина, убѣждавшее его, Кузьмина, принять вину на себя, за что ему обѣщалось 1.050 руб. денегъ и вольная, и при этомъ еще упоминалось, что скоро послѣдуетъ какой-то Манифестъ.

Слѣдуетъ предполагать, что теперь, при настоящихъ судебныхъ порядкахъ, это письмо было бы во что бы то ни стало розыскано, пріобщено къ дѣлу, и явило бы собою драгоцѣнный документъ.

При тогдашнихъ порядкахъ, это пресловутое письмо такъ и исчезло въ туманѣ. Ефимъ Егоровъ съ своей стороны сталъ показывать, что у него добились принятія на себя вины безчеловѣчными истязаніями и пытками въ части пристава Стерлигова, которыя, замѣтимъ отъ себя, по духу времени и могли имѣть мѣсто, но которыя однако не измѣняютъ сути дѣла. Какъ бы то ни было, дѣло перешло въ 6-й Московскій Департаментъ Сената, гдѣ опять таки это злополучное дѣло раздѣлило мнѣнія сенаторовъ, и единогласія не получилось, и дѣло направилось на заключеніе министерства юстиціи.

Министерство юстиціи дало по дѣлу весьма пространное заключеніе. Заключеніе это, казалось, запутало дѣло окончательно. Если въ описуемую эпоху была плоха полиція (не въ авантажѣ, какъ извѣстно, обрѣтается она и по нынѣ), плохи слѣдственныхъ и судебныхъ дѣлъ мастера, то это по условіямъ времени не удивительно, но удивительно то, что въ столицѣ въ центральномъ вѣдомствѣ не находилось, повидимому, образованныхъ и свѣдущихъ юристовъ, а находились казуисты способные совершенно затемнить дѣло и придти къ заключеніямъ совершенно необоснованнымъ и произвольнымъ. Что напр. дало поводъ вновь образованной слѣдственной комиссіи придти къ довольно неожиданному заключенію, что Деманшъ могла быть зарѣзана только въ стоячемъ положеніи (sic) и безусловно не въ ея квартирѣ! Къ этому убѣжденію новые слѣдователи пришли на томъ основаніи, что кровяныя пятна были расположены на бѣльѣ и платьѣ убитой сверху внизъ! Какъ будто это не могло произойти само собою и въ лежачемъ положеніи трупа, напр. при наклонномъ положеніи тѣла въ оврагѣ. Такое новое заключеніе новыхъ слѣдователей невольно наводитъ на мысль, что они непремѣнно желали видѣть въ Сухово-Кобылинѣ лицо, которое пустило въ свою жертву сначала канделябромъ, потомъ не только пронзило ея шею своимъ кастильскимъ кинжаломъ, но и сдѣлало этимъ кинжаломъ разрѣзъ на шеѣ въ три вершка шириной, а въ заключеніе переломало ей ребра и покрыло все тѣло синяками! Тутъ мы прямо приходимъ къ абсурду, такъ какъ если ужъ допустить участіе канделябра, то слѣдуетъ предполагать, что отъ его удара жертва должна была упасть на полъ, слѣдовательно, рана въ шею ужъ никакъ не могла быть нанесена въ стоячемъ положеніи жертвы, вопреки мнѣнію комиссіи.

Въ концѣ концовъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 25 октября 1857 г. большинствомъ 28 голосовъ обвиняемые Егоровъ, Козминъ и Иванова (Пелагея успѣла умереть) были по возведенному на нихъ обвиненію оправданы, а Сухово-Кобылинъ, за любовную связь съ Деманшъ, преданъ церковному покаянію.

Такимъ образомъ закончилось это много нашумѣвшее въ свое время знаменитое судебное дѣло.

Мы, конечно, не беремъ на себя право высказывать рѣшительное мнѣніе, были ли правы многочисленные его судьи, оправдавъ обвиняемыхъ, первоначально сознавшихся въ своей винѣ, и лишь впослѣдствіи увидя судебную волокиту, и какъ бы желаніе непремѣнно отыскать другихъ или другого виновнаго, отказавшихся отъ своего признанія и не приведшихъ въ свое оправданіе никакихъ суще-

ственныхъ данныхъ, даже хотя бы прямого оговора предполагаемаго виновнаго, но тѣмъ не менѣе полагаемъ прямымъ долгомъ безпристрастнаго лѣтописца, хотя бы и спустя столь продолжительный промежутокъ времени, снять всякую тѣнь подозрѣнія съ этого предполагаемаго виновнаго и тѣмъ возстановить его доброе имя, что и пытаемся сдѣлать настоящею статьей.

Въ заключеніе мнѣ остается добавить изъ личныхъ наблюденій, что злосчастное это дѣло имѣло огромное моральное вліяніе на покойнаго А. В. Сухово-Кобылина и на всю его дѣятельность, онъ отказался отъ свѣта, отъ всякой общественной дѣятельности, зарылъ себя въ деревнѣ и умеръ на чужбинѣ, гдѣ и похороненъ, всѣми забытый, хотя и дожилъ до весьма преклонныхъ лѣтъ.

А. Рембелинскій.

Изъ дневника А. В. Сухово-Кобылина.

19-го декабря 1899 года былъ уничтоженъ пожаромъ весь домъ А. В. Сухово-Кобылина, гдѣ была библіотека съ находившимся въ ней переводомъ Гегеля, трудами философіи, частными бумагами и всей корреспонденціей.

Кобылинка.

1855 г. Октябрь 24. Всталъ. Столярничалъ. Чувствовалъ себя отлично. Переводъ шелъ превосходно: переводилъ главу о христіанствѣ. Ѣздилъ въ купленную у Гадейна рощу. Валятъ дубы..... Вечеромъ, воротясь, получилъ извѣстіе о смерти моей милой и доброй „Дуду“, точно будто изъ сердца что ножемъ отняли. Послѣднее живое воспоминаніе о моей милой и всегда въ сердцѣ живой, тихой и неизгладимой Луизы. Святая и тихая жизнь сердца—не цѣнилъ я тебя тогда, когда ты проникала все мое существо, а теперь, когда вокругъ меня страшно пусто, знаю я твою цѣну и свято храню воспоминанія. Какъ нѣжная и легкая роса, послѣ денного жара, возникаютъ въ памяти малѣйшія событія, слова, иногда только взглядъ или движеніе и мило и нѣжно становится на душѣ. Хорошо жилъ тотъ, у кого запали эти минуты въ сердечную память.

Ноябрь 7. День моей милой Луизы. Занимался переводомъ. У меня обѣдали Афремовы, Карцевъ и Зыбины.

Москва.

Ноябрь 18. Былъ у Закревскаго, у Шумскаго. Первыя вѣсти: 1-е о рѣшеніи дѣла [1]) и о комедіи. Странная судьба,—въ то время какъ, съ одной стороны, піэса моя мало по малу становится въ рядъ замѣчательныхъ произведеній литературы, возбуждаетъ все-

---

[1]) По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ лицъ, знавшихъ А. В. Сухово-Кобылина, оказывается, что онъ игралъ въ московскомъ обществѣ передъ процессомъ выдающуюся роль по своему обширному уму, образованію и богатству. Его остраго, какъ бритва, языка боялись многіе, не исключая всемогущаго въ то время генералъ-губернатора. *В. П.*

общее вниманіе, подлѣйшая чернь нашей стороны, безсовѣстные писаки судебнаго хлама собираются ордою клеймить мое имя закономъ охраняемой клеветою.

Ноябрь 21. Нынче была первая репетиція піэсы. Достоинство ея начинаетъ изъ цѣнности удачи быть возводимо къ цѣнности литературной. Сказывали, что Садовскій въ роли Расплюева уморилъ всѣхъ со смѣху—даже суфлеръ кисъ со смѣху надъ своимъ манускриптомъ.

Вообще нынѣшній день надо замѣтить, какъ переходный пунктъ отъ просто театральной піэсы къ литературному произведенію. Ев. Ѳеоктистовъ высказалъ это за столомъ и пишетъ по этому статью въ газеты, которая должна имѣть этотъ смыслъ. Интересъ въ городѣ оказывается всеобщій. Что-то будетъ? какъ пройдетъ этотъ замѣчательный день. Припоминаю я себѣ, какъ любящій и во всей простотѣ своей любовію далеко зрящій глазъ моей Луизы видѣлъ во мнѣ эту будущность; когда случалось мнѣ являться передъ нею въ черномъ фракѣ и уборѣ свѣтскаго человѣка, часто говорила мнѣ: „comme vous avez l'air d'un homme de lettres“.

Декабрь 11. Воскресенье. Утромъ явился Соколовъ и доставилъ копію рѣшенія. Вѣрить ли глазамъ—такъ сбывается непостижимѣйшее и невозможнѣйшее въ жизни. Два великія событія рядомъ, одно нежданно-негаданно даетъ мнѣ вѣнокъ лавровый,—другое безсовѣстной рукою надѣваетъ на голову терновый и говоритъ: „Ecce homo“. Противъ того и другого я равнодушенъ. Что я вытерпѣлъ, выжилъ или страшно много во мнѣ силы. Куда ведетъ судьба, не знаю. Странная судьба или она слѣпая, или въ ней высокій сокрытый отъ насъ разумъ. Сквозь двери сырой сибирки, сквозь Воскресенскія ворота привела она меня на сцену Московскаго театра и, протащивши по грязи, поставила вдругъ прямо и торжественно супротивъ того самого люда, который ругался мнѣ и, какъ Пилатъ, связавши руки назадъ, билъ по ланитамъ. Теперь далѣе ведетъ судьба—публичному позору и клейменію предаетъ честное имя, и я покоренъ тебѣ, судьба—веди меня—я не робѣю, не дрогну, если и не вѣрю въ твой разумъ. Утромъ на могилѣ моей бѣдной Луизы. Все тихо тамъ—все прошло; все умолкло, и вотъ я прихожу на тихую могилу въ то время, когда потокъ событій тащитъ меня въ свой водоворотъ, крутитъ и вертитъ, и всяческимъ смятеніемъ, и шумомъ наполняетъ духъ.

Петербургъ.

1856 г. Май 12. Суббота. Утро сидѣли вмѣстѣ съ маменькой. Въ 12 часовъ доложили, что директоръ департамента Тонильскій

желаетъ ее видѣть. Его приняли—онъ объявилъ, что Министръ Юстиціи желаетъ ее видѣть и будетъ самъ по окончаніи засѣданія въ Государственномъ Совѣтѣ. Я бросился сказать Голицынымъ, и мы остались дожидаться Министра. Были оба въ волненіи. Условились, чтобы маменька начала говорить о дѣлѣ,—а я буду ей помогать и что тѣмъ самымъ войду въ разговоръ. Въ 5 часовъ Министръ пріѣхалъ. Вотъ его слова: „Madame vous avez adressé une lettre à Sa Majesté l' Impératrice".—Oui, Monsieur.—„L'Impératrice me l'a envoyé avec ordre que l'affaire soit terminée. Elle sera terminée... et que je prenne en consideration les details de cette affaire, ils seront pris en consideration. Maintenant, Madame, aves vous quelque chose... à y ajouter—je suis pret à vous entendre".—Monsieur le Comte voila mon fils.. Я раскланялся. Графъ тоже всталъ и раскланялся, и повторилъ мнѣ тѣ же слова. Я началъ нѣсколько смутившись, началъ прямо съ открытія вещей—ударилъ на этотъ пунктъ, какъ на капитальный всего процесса. Въ изложеніи придерживался не историческаго хода, а старался опровергать обвинительные противъ меня пункты. Вообще, для ясности дѣла, думаю, что это была ошибка. Коснулся писемъ—притязаній слѣдователей,—противорѣчій,—моей невозможности совершить преступленіе. Все начало разсказа онъ слушалъ, потупя голову и не говоря ни слова. Къ концу сдѣлался какъ бы расположеннѣе. Маменька вмѣшалась въ разговоръ неудачно, сказавъ нѣсколько словъ противъ Ильинскаго. Министръ остановилъ ее и всталъ. Предложивъ мнѣ изложить все это на бумагѣ, онъ вышелъ. Онъ очень высокъ ростомъ, сутуловатъ, дурно сложенъ. Лицо холодное, умное,—глаза сѣрые круглые,—нижняя губа нѣсколько выдавшаяся впередъ. Голосъ медленный и беззвучный. Вообще натура холодная, нѣсколько англійская, но не безъ доброты. Движеній сердца нѣтъ, но служитель правды, какъ ее самъ пойметъ. Нѣсколько... хандрикъ. Надо было немедленно приниматься за записку. Сѣлъ за нее въ тотъ же вечеръ.

Май 16. Утромъ прочелъ всю записку и написалъ письмо къ Панину, и тутъ же выѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Москву.

Май 26. Утромъ былъ въ часовнѣ Луизы. Тамъ все тихо и мило. Явился Соколовъ съ копіей предложенія; оказалось, что и преступники равнымъ образомъ оправдываются. Вотъ и рѣшеніе!.... Весь день я имъ былъ пораженъ.

Августъ 18. Ходилъ пѣшкомъ въ Лефортовъ. Тамъ одинъ далекъ отъ шума столько, сколько далекъ отъ честолюбія; тихо, благоговѣйно, въ сокрушеніи сердца припалъ я къ холодному мрамору, на которомъ вырѣзано имя, еще глубже нарѣзанное въ моемъ

сердцѣ—и просилъ милаго друга о мирномъ, тихомъ и уединенномъ и полезномъ окончаніи жизни.

Августъ 25. Всталъ въ 7 часовъ,—въ 8-мъ отправился пѣшкомъ въ католическую церковь—нынче имянины моей милой, тысячу разъ милой и доброй Луизы.

Сентябрь 16. Одинъ только разъ въ жизни случилось мнѣ вдохнуть въ себя эту живую, живящую и полевымъ ароматомъ благоухающую атмосферу. Живо и глубоко залегло въ глубинѣ души это воспоминаніе. Это было въ 1848 или 1849 году (т. е. мнѣ было или 31 или 32 года), мы были съ Луизой въ Воскресенскомъ. Былъ лѣтній день, и начался покосъ въ Пульковѣ, въ Мокромъ оврагѣ. Мы поѣхали съ нею туда въ телѣжкѣ. Я ходилъ по покосу, она пошла за грибами. Наступалъ вечеръ, парило, въ воздухѣ было мягко, тепло и пахло кошеной травою. Мѣрно и тихо шуркали косы. Я началъ искать ее и не вдалекѣ между двухъ простыхъ березовыхъ кустовъ нашелъ ее на коврѣ у самовара въ хлопотахъ, чтобы приготовить мнѣ чай и добыть отличныхъ сливокъ. Солнце было уже низко, прямо противъ насъ. Я сѣлъ, поцѣловалъ её за милыя хлопоты и за мысль устроить мнѣ чай. По ея бѣлокурому лицу пробѣжало то вольное, ясное выраженіе, которое говоритъ, что на сердцѣ страхъ какъ хорошо. Я вдохнулъ въ себя и воздухъ и тишину этой картины, и подумалъ—вотъ гдѣ оно мелькаетъ и вьется, какъ вечерній туманъ, это счастье, которое иной идетъ искать въ Москву,—другой въ Петербургъ, третій,—въ Калифорніи. А оно вотъ здѣсь, подлѣ насъ вьется каждый вечеръ, когда заходитъ и восходитъ солнце, и вечерній паръ осѣдаетъ на цвѣты и зелень луговую.

1857 г. Ноябрь 19. Выѣхалъ въ Москву. 20-го пріѣхалъ въ 8 часовъ. 21-го былъ у моей милой и вѣчно мнѣ милой Луизы.

1858 г. Апрѣль 1. По утру Становой уѣхалъ. Ѳедоръ воротился изъ Черни и привезъ свидѣтельство Земскаго Суда на выѣздъ и извѣстіе, что оправданные преступники пріѣхали въ Чернь. Это извѣстіе привело меня въ страшное положеніе: мнѣ казалось, что я дышу тѣмъ же самымъ воздухомъ, который былъ у нихъ въ легкихъ. Мое настроеніе оставить имѣніе и переселиться за границу. Я далъ приказъ, чтобы ихъ не впускали въ имѣніе, а Семена Иванова послалъ въ станъ, чтобы ихъ помѣстить тамъ. Время ненастное—снѣгъ—я никуда не выхожу.

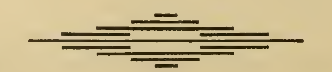
Апрѣль 2. Рано утромъ морозъ. Выѣхалъ верхомъ въ Чернь. У самаго шоссе встрѣтилъ этихъ страшныхъ людей и немедленно отправилъ ихъ въ станъ.

Апрѣль 4. Отправилъ Горина въ станъ, отвезти этихъ людей въ Казельскую.

Апрѣль 7. Всталъ рано. Разбиралъ свои бумаги и піэсу, что-то будетъ изъ этой?.. Съ Лавровымъ отправился въ Гражданскую Палату. Совершилъ запись—выдалъ ему 2500 руб. Потомъ поѣхалъ къ Губернскому Предводителю—потомъ въ губернскую Канцелярію за паспортомъ—назначено въ 2 часа могу получить. Оттуда къ Архіерею; разговоръ съ нимъ—его пристрастіе къ Славянофиламъ. Воротился въ Канцелярію Губернатора и въ 3 часа получилъ свой паспортъ!! . . . .
Вотъ она свобода! Привѣтствую тебя, чудное созданіе, любовница моя, невѣрная, но вѣчно милая любовница. Жизнь всю желаю. Зачѣмъ только на моемъ сорокъ первомъ году дала ты мнѣ первый поцѣлуй. Смотри, онъ теперь почти холоденъ. Ласки мои не жгучи; зачѣмъ не явилась ты тогда, когда жаждалъ я тебя, какъ олень на источницы водни, когда денно и нощно звалъ я тебя и цѣною мученій и цѣною трудоваго пота—я бы еще болѣе, еще вѣрнѣе, еще крѣпче и долговѣчнѣе любилъ тебя. Можетъ быть это и такъ. Потому теперь еще глубже, интенсивнѣе люблю я тебя. Теперь же не промѣняю я тебя ни на какія блёстки, ни на какую внѣшность. Теперь я обручаюсь съ тобой, свобода моя, свободушка, и клянусь по гробъ быть тебѣ вѣрнымъ слугою, рабомъ, другомъ, всѣмъ—всѣмъ, чѣмъ только дышетъ еще мое сердце.

Парижъ.

1859 г. Іюль 28. Послѣ обѣда вялость, вялость. Принесли отъ Делиля купленныя матеріи. Все это меня не занимаетъ, чуждо, внѣшне. О, годы, годы прошли, вы, мимо и, какъ туманъ, стоите вы сзади меня—среди васъ бродятъ образы, лица прошедшаго—тихіе лики смотрятъ на меня грустно—вѣтеръ и буря жизни оторвали ихъ отъ меня и вырвали вмѣстѣ съ ними и мое сердце. Туманный образъ Луизы съ двумя большими слезами на глазахъ, смотритъ на меня не спуская голубыхъ любящихъ глазъ, и въ этихъ глазахъ двѣ слезы—на шеѣ рана—въ сердцѣ другія раны. Боже мой, какъ же это я не зналъ, что такъ ее любилъ. Прощай прошедшее, прощай юность, прощай жизнь, прощайте силы, я бреду по землѣ. Шагъ мой сталъ тихъ и тяжелъ.

„Секретное дѣло по предложенію синодальнаго члена преосвященнаго казанскаго съ объявленіемъ Высочайшаго повелѣнія объ учиненіи выговора епископу бѣлорусскому Анастасію“ [1]).

Въ 1798 г. 22-го ноября Св. Синодъ, по словесному предложенію синодальнаго члена архіепископа казанскаго Амвросія [2]), заслушалъ слѣдующее:

„Государь Императоръ по поводу дошедшаго до Его Величества свѣдѣнія о послѣдовавшемъ въ Св. Синодѣ отъ епископа бѣлорусскаго Анастасія [3]) донесенія, по секрету, относительно происшед-

---

[1]) Секретное дѣло архива Св. Синода 1798 г. ноября 22 за № 218.

[2]) *Амвросій Подобѣдовъ* род. въ 1742 г. во Владимірской губ. Изъ ректоровъ Славяно-греко-латинской академіи въ 1778 г. возведенъ въ санъ епископа сѣвскаго, викарія Московской епархіи; съ 1762 г. епископъ крутицкій (крутицкіе епископы жили въ Москвѣ, на Крутицахъ; съ 1799 г. живутъ въ Калугѣ и именуются калужскими и боровскими); съ 1785 г. архіепископъ казанскій; съ 1799 г. с.-петербургскій; съ 1801 г. митрополитъ; съ 1818 г. митрополитъ новгородскій; вслѣдъ за этимъ уволенъ на покой въ Московскій Златоустовъ монастырь и тамъ скончался 21 мая 1818 года.

[3]) Въ 1632 г. польскій король Владиславъ IV, для оставшихся въ православіи учредилъ епархію Могилевскую. Архіереи этой епархіи хиротонисались въ Москвѣ и утверждались польскими королями. По присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи, въ 1772 г. декабря 14, была учреждена епархія Могилевская, Мстиславская и Оршанская; съ 1795 г. ея архіереи стали именоваться могилевскими и полоцкими, съ 1797 г. бѣлорусскими и могилевскими, а съ 1833 г. именуются могилевскими и мстиславскими. Съ 1797 г. по 1805 г. Могилевскую каѳедру занималъ *Анастасій Братановскій-Романенко.* Въ мірѣ онъ носилъ имя Андрея; сынъ протоіерея; родился

шаго въ Вѣтской слободѣ [1]), по случаю выемки Бѣлицкимъ земскимъ судьею старообрядческаго вѣтскаго попа, непокоренія, Высочайше повелѣть соизволилъ ему, епископу Анастасію, за названіе того происшествія „бунтомъ", означающимъ оное весьма немаловажнымъ и клонящимся къ нарушенію общаго спокойствія, которое уже тамъ возстановлено, учинить выговоръ".

Синодъ въ этомъ же засѣданіи своемъ постановилъ:

„Объ ономъ Высочайшемъ Его Императорскаго Величества повелѣніи епископу бѣлорусскому Анастасію дать знать секретно указомъ, съ тѣмъ, чтобы впредь при донесеніяхъ своихъ Св. Синоду поступалъ съ крайнею осторожностью, употребляя приличныя случающимся происшествіямъ выраженія".

А. Н. Сергѣевъ.

16 октября 1761 г. въ Полтавской губерніи, селѣ Барышевкѣ. Учился въ Переяславской семинаріи. Былъ преподавателемъ въ семинаріяхъ—Сѣвской, Вологодской и Александро-Невской и законоучителемъ кадетскаго корпуса. Въ 1794 г. былъ избранъ членомъ Россійской академіи и назначенъ членомъ Св. Синода и настоятелемъ Новоспасскаго монастыря. Съ 1797 г. по 1805 г. епископъ, а потомъ архіепископъ бѣлорусскій. Въ 1805 г. переведенъ въ Астрахань и тамъ скончался 9 декабря 1806 г.

[1]) *Вѣтка* (7 т. жит.) посадъ въ Могилевской губ., Гомельскомъ уѣздѣ, на р. Сожѣ. Въ XVIII стол. служилъ главнымъ пріютомъ раскольниковъ поповскаго согласія.

Воспоминанія графа Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 года. [1]).

(Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845).

Въ описываемую мною эпоху, въ 1845-мъ году, графъ Воронцовъ, по моей просьбѣ, поручилъ мнѣ командованіе баталіономъ и совершенно случайно я получилъ I-ый баталіонъ Куринскаго егерскаго полка, одного изъ лучшихъ полковъ Кавказской арміи. Это обстоятельство привело меня въ восторгъ тѣмъ болѣе, что въ 1842-мъ году я прослужилъ въ полку 5 мѣсяцевъ подрядъ и у меня установились съ чинами полка дружескія отношенія; даже у нижнихъ чиновъ я оставилъ хорошую память, такъ какъ, однажды, когда карабинерная рота полка, неудачно заведя дѣло и очутившись далеко отъ какой-либо поддержки, со всѣхъ сторонъ была окружена противникомъ и уже почти погибала подъ ударами чеченцевъ, тогда мои казаки, по счастью, во-время явились на выручку роты. На войнѣ же войска особенно цѣнятъ такія дружескія услуги; солдатъ же никогда не стыдится сознаться, что его выручили.

Когда я пріѣхалъ въ *Андреево* и принялъ свою должность, всѣ тѣ, кто служилъ въ это время въ баталіонѣ, встрѣтили меня съ тѣми особыми дружескими восклицаніями, которыя въ русской арміи заключаютъ въ себѣ нѣчто трогательное и устанавливаютъ какое-то особое сыновнее отношеніе части къ своему командиру [2]).

---

[1]) См. „Русская Старина" апрѣль 1910 г.

[2]) Очень характерное впечатлѣніе и наблюденіе отношеній, присущихъ старой Кавказской арміи, въ чемъ и была ея сила. Можетъ быть, что встрѣча эта, съ точки зрѣнія преобладающихъ тогда у насъ въ Россіи воззрѣній, и показалась бы странной, но на Кавказѣ форма вообще мало значила, готовились не къ смотрамъ, а къ смертному бою и потому духовная сторона стояла на первомъ планѣ. *Б. Кол—ъ.*

Въ общемъ, я нашелъ передъ ротами хорошихъ командировъ. Первой карабинерной ротой командовалъ капитанъ *Пассьетъ,* человѣкъ еще молодой, кроткій и скромный, краснѣющій, какъ молодая дѣвушка, но могучій какъ левъ, когда нужно было нанести ударъ. Его рвеніе и разумъ издавна пріучили его ко всѣмъ требованіямъ Кавказской войны и пріобрѣли ему всѣ необходимыя качества: неустанную бдительность, способность предугадывать опасность, быстро принимать рѣшенія, энергію исполненія дѣла и всегда холодное и спокойное мужество [1]).

Для пѣхоты эта война заключается большей частью въ поддерживаніи ружейнаго огня, т. е. въ перестрѣлкѣ на болѣе или менѣе близкихъ разстояніяхъ. Эта перестрѣлка ведется на маршѣ или на мѣстѣ, будучи болѣе или менѣе тревожима противникомъ, который пользуется малѣйшей оплошностью, особенно же минутами какихъ-либо замѣшательствъ. Служба пѣхотнаго офицера въ бою преслѣдуетъ одновременно двѣ задачи: одна заключаетъ въ себѣ обязанности по отношенію своего прикрываемаго отряда, когда, по просту говоря, необходимо стоять стѣной, грудью, принимая на себя непріятельскій огонь и ограждая отъ него прикрываемыя и сзади расположенныя части; другая задача—обязанности по отношенію чиновъ непосредственно ввѣренной офицеру части, когда долгъ человѣка и офицера обязываетъ его оберегать эту часть и, по всей возможности, беречь жизнь солдата.

Въ соображеніи и исполненіи этихъ задачъ и заключается обыкновенно служба пѣхотнаго офицера въ бою.

Какъ! Скажутъ мнѣ! Но вѣдь приходится зачастую идти въ штыки, предпринимать наступленія, брать непріятельскія позиціи, наконецъ,—атаковать!

Да, конечно и это случается, но въ серіи наиболѣе дѣйствительныхъ трудовъ подобной войны, эти обстоятельства представляютъ явленія наиболѣе краткія, наиболѣе занимательныя и веселыя и наиболѣе легкія. Къ тому же здѣсь стимулъ побѣды дѣйствуетъ менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и на Кавказѣ скоро проходитъ увлеченіе блескомъ атаки, когда наличный опытъ убѣждаетъ, что послѣдствія подобной атаки никогда не даютъ никакихъ реальныхъ результатовъ.

Держаться на занимаемомъ мѣстѣ, оборонять его или оставлять—вотъ въ чемъ заключаются трудности войны и вотъ что составляетъ камень преткновенія для многихъ репутацій. Я получилъ свой Георгіевскій крестъ за одинъ успѣшный штурмъ, и это меня огорчало, и я гордился бы гораздо болѣе получить таковой за блиста-

---

[1]) Превосходная оцѣнка качествъ боеваго офицера. *Б. К.*

тельно исполненное отступленіе, но статутъ этого ордена не предусматриваетъ, что этотъ послѣдній случай заслуживаетъ такой чести, и въ этой войнѣ этимъ орденомъ не награждаются лучшіе виды воинской доблести, а потому наиболѣе выдающіеся и храбрѣйшіе офицеры не получаютъ этого креста, что особенно примѣнимо къ офицерамъ, служащимъ на Чеченскомъ театрѣ дѣйствій.

Нужно имѣть честное и благородное сердце, чтобы удовольствоваться проявленіемъ только хладнокровія и спокойнаго и пассивнаго мужества, а между тѣмъ именно эти качества и представляютъ наибольшія заслуги строевого офицера Кавказской арміи; особенно необходимо здѣсь нравственное мужество и, чтобы подолгу выдерживать и тянуть подобную службу, нужно забыть всякое другое существованіе. Но, зато никто не пользуется на Кавказѣ такимъ глубокимъ уваженіемъ, какъ хорошій боевой офицеръ.

Офицеръ, о которомъ я веду рѣчь, не требовалъ въ этомъ отношеніи ничего лучшаго и на-ряду съ своими качествами былъ настоящимъ отцомъ и кумиромъ роты, которой никогда не видать лучшаго командира!.. Послѣ того многіе изъ старыхъ усачей этой роты вскорѣ послѣдовали въ лучшій міръ за своимъ отцомъ-командиромъ, такъ какъ храбраго *Пассьета* нѣтъ болѣе въ живыхъ. Онъ умеръ той безвѣстной и безъ славы смертью, которую много героевъ находятъ на Кавказѣ: спрятавшійся за дерево горецъ всадилъ ему пулю въ ногу съ раздробленіемъ кости и, быть можетъ, ампутація ноги и спасла бы ему жизнь, но подъ руками не было ни хирурга, ни инструментовъ и послѣ восьмидневнаго тасканія съ бивака на бивакъ, подъ непрестаннымъ снѣгомъ и дождемъ, его доставили, наконецъ, въ госпиталь, когда ампутація ноги уже не имѣла смысла, и бравый Пассьетъ отдалъ Богу душу.

Но память о немъ пережила его, и кто зналъ его такъ близко, какъ я, считающій себя счастливымъ воздать должное памяти боевого товарища, тотъ никогда его не забудетъ; увѣренъ, что и карабинеры его роты все еще его оплакиваютъ, а что можетъ быть трогательнѣе слезы благодарности стараго солдата [1]). 1-ой егерской ротой [2]) командовалъ офицеръ, о которомъ мало что можно сказать, и онъ умеръ отъ ранъ, полученныхъ въ этомъ походѣ.

2-ой егерской ротой командовалъ *Эссенъ*, старый офицеръ, застрявшій въ этой должности и въ чинѣ и представлявшій въ этомъ

---

[1]) Въ этотъ походъ кап. Пассьетъ также былъ раненъ, но здѣсь ли погибъ или уцѣлѣлъ ли здѣсь и окончательно погибъ только нѣсколько лѣтъ спустя, остается неизвѣстнымъ.

[2]) Въ егерскихъ полкахъ того времени первыя роты каждаго баталіона назывались карабинерными и сохраняли номеръ своего баталіона, остальныя роты назывались егерскими.

*

отношеніи рѣдкій примѣръ въ арміи, гдѣ движеніе по службѣ идетъ довольно быстро; Эссенъ командовалъ ротой еще въ сраженіи подъ Краономъ (въ 1814-мъ году). Огромнаго роста, геркулесовскаго сложенія, съ бѣлой—какъ лунь—головой, не имѣя по выносливости никого среди насъ себѣ равнаго, *Эссенъ* шелъ всегда пѣшкомъ, во главѣ своихъ егерей; о немъ рѣчь будетъ еще впереди.

3-ей егерской—командовалъ офицеръ, хорошо извѣстный на Кавказѣ—*Николай Петровичъ Колюбакинъ* [1]). За 10 лѣтъ его пребыванія на Кавказѣ, его всегда цѣнили за его дѣйствительно замѣчательный умъ и, одновременно, избѣгали за неуживчивость съ кѣмъ бы то ни было; его прозвали „львомъ рыкающимъ и кидающимся" („le lion rugissant et bondissant"). Я его изучилъ съ двухъ сторонъ и кончилъ тѣмъ, что отлично съ нимъ поладилъ и относился къ ниму съ участіемъ и дружески. Я знаю, что и онъ искренно платилъ мнѣ тѣмъ же. Я не буду говорить о тѣхъ якобы обязательствахъ, которыя онъ питалъ ко мнѣ, а перейду къ главному обстоятельству—онъ относился ко мнѣ съ большимъ уваженіемъ, вотъ почему мы съ нимъ и поладили, такъ какъ Колюбакинъ сдерживался только передъ тѣми, кого онъ уважалъ, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ былъ чрезвычайно разборчивъ. Кромѣ меня, замѣчу, отбрасывая всякую скромность, что онъ оказывалъ эту честь не. болѣе, какъ 4—6 лицамъ. Его необщительность создала ему массу враговъ и много вредила ему по службѣ, что однако не мѣшало тѣмъ, кто нуждался въ его помощи, въ его указаніяхъ и въ его талантахъ, терпѣливо переносить его, такъ какъ Колюбакинъ, по своему образованію,—умѣнью владѣть перомъ, знанію края и по своему разумному и испытанному умѣнью обращаться съ туземцами, безспорно являлся однимъ изъ наиболѣе выдающихся офицеровъ Кавказа [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ офицеръ блистательной храбрости; весь покрытый ранами, изъ коихъ, къ сожалѣнію, треть имъ была получена на дуэляхъ, онъ былъ постоянно въ поискахъ за новыми.

---

[1]) Н. П. Колюбакинъ до описываемыхъ событій былъ уже два раза разжалованъ въ рядовые, послѣдній разъ изъ Гродненскаго гусарскаго полка, и послѣдній разъ выслужился въ офицеры изъ Нижегородскаго драгунскаго полка. Къ 1845-му году онъ дослужился уже до капитанскаго чина и, числясь адъютантомъ ген.-адъют. Анрепа, по своему усиленному ходатайству, участвовалъ въ этомъ походѣ.

Графъ Воронцовъ тогда же обратилъ на него большое вниманіе.

Б. К—ъ.

[2]) Такъ называемый — немирной Колюбакинъ, впослѣдствіи—управ. Мингреліею, Сухумск. воен. окр.,—эриванскій воен. губ.,—кутаисскій воен. губерн. и съ 1868 г.—сенаторъ въ Москвѣ. См. о немъ „Русск. Арх." и „Русск. Старина".

Я не буду останавливаться на прочихъ офицерахъ баталіона, между которыми я обрѣлъ одного преданнаго друга, бывшаго моимъ спасителемъ цѣной собственной жизни.

Всего въ баталіонѣ было 10 человѣкъ офицеровъ и, кромѣ того, къ нимъ же была причислена значительная партія юнкеровъ, находившихся подъ общимъ попеченіемъ капитана Пассьета.

Особая, присущая Кавказу, категорія такъ называемыхъ „несчастныхъ“, къ счастью, не была многочисленна. Этими „несчастными“ называли здѣсь тѣхъ, кто, принадлежа къ высшему классу общества, ссылался сюда на службу, рядовыми, за всякаго рода провинности. Необходимо замѣтить, что ореоломъ этой категоріи служила добрая память, оставленная еще декабристами и ссыльными послѣ возстанія 1830-го года поляками.

Участь ихъ была значительно смягчена. На Кавказѣ было принято (считалось порядочностью) относиться къ нимъ внимательно и предупредительно, возможно облегчая имъ выходъ изъ ихъ положенія. Подобное отношеніе, исходя конечно изъ благородныхъ и великодушныхъ побужденій и желанія облегчить несчастныхъ, доходило однако до крайности. Лица этой категоріи не только не были полезными, но, наоборотъ, были сущей обузой своимъ начальникамъ, особенно теперь, когда составъ этой категоріи измѣнился къ худшему.

Но добрая память, оставленная многими изъ ихъ предшественниковъ, возвращенныхъ теперь родинѣ и семьѣ, сохранила еще такую силу, что нынѣшніе долго еще будутъ пользоваться этими счастливыми и выгодными для ихъ положенія воспоминаніями.

31-ое мая было назначено днемъ открытія кампаніи.

Въ русской арміи всякое военное предпріятіе начинается съ благословенія церкви. Войска, построенныя колоннами, составили квадратъ, центръ котораго былъ занятъ служившимъ молебствіе церковнымъ причтомъ.

По окончаніи богослуженія, полковые священники обошли разступавшіеся передъ ними ряды и окропили святой водой, начиная съ главнокомандующаго и кончая послѣднимъ рядовымъ. Барабаннымъ боемъ закончилась церемонія и, я думаю, не одна теплая молитва вознеслась къ небу.

Солдатъ искренно отдается религіозному настроенію, но это настроеніе не можетъ быть однако продолжительнымъ. Лишь только закончилась церемонія, какъ фуражки были лихо заломлены на бекрень, одежда и снаряженіе было прилажено и переложено „по походному“, пѣсельники вышли передъ роты, плясуны съ ужимками

и гримасами пошли продѣлывать свои скачки и прыжки; въ мгновенье бубны, цимбалы, дудки и треугольники вынуты изъ ранцевъ, гдѣ эти символы солдатской утѣхи всегда найдутъ себѣ мѣсто съ сухарнымъ запасомъ и смѣной бѣлья.

Зашумѣли бубны и всѣ, кто умѣлъ, красивыми и звонкими голосами затянули родныя пѣсни—неизмѣнныя спутницы солдата на походѣ.

Весело выступать въ походъ съ доблестными войсками и идешь на войну, какъ бывало въ 18 лѣтъ идешь на любовное свиданіе.

Такъ какъ я только-что принялъ батаціонъ, то долженъ былъ пройти черезъ обрядъ вступленія въ должность и обрядъ солдатскаго одобренія, а потому подвергнуться во всѣхъ 4-хъ ротахъ и по очереди нѣжному качанію сильными солдатскими руками.

Таковы традиціонные обычаи нашей арміи и нужно весьма остерегаться ихъ затрагивать, такъ какъ съ ними тѣсно связаны всѣ наши славныя воспоминанія.

Все было уже въ движеніи, такъ какъ все разсказываемое происходило на маршѣ. Мы проходили по открытой мѣстности, и такъ какъ вовсе не предвидѣлось близости противника, то наиболѣе надежныя части (къ числу коихъ принадлежалъ и 1-й баталіонъ Куринцевъ) двигались въ срединѣ колонны [1]). Насъ берегли для дѣла.

Я предоставилъ своимъ людямъ веселиться вволю.

Слово—экспедиція или походъ, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго отдыха, привѣтствуется нашими кавказскими войсками съ тѣмъ же чувствомъ радости, съ какимъ, по возвращеніи съ похода, они встрѣчаютъ привѣтливыя станицы по надъ Терекомъ, съ ихъ красавицами-казачками и ихъ добрымъ виномъ, что составляетъ по истинѣ Капую этихъ мѣстъ для кавказскаго офицера и солдата [2]).

Налѣво, передъ нами, развертывалась Кумыкская плоскость, а направо, въ отдаленіи, высились лѣсистыя высоты *Салатау*, покрытыя въ нижней части своихъ сѣверныхъ склоновъ зловреднымъ кустарникомъ „держи-дерева“, злѣйшимъ врагомъ всякой шерстяной одежды, особенно шароваръ.

Мы слѣдовали вдоль подножія этихъ горъ вплоть до стариннаго аула *Чиръ-Юртъ*, бывшаго въ развалинахъ послѣ осенняго похода

---

¹) Къ этой категоріи наиболѣе надежныхъ частей прежде всего слѣдуетъ отнести *Кабардинцевъ* и *Куринцевъ*, а затѣмъ и *Навагинцевъ* и *Апшеронцевъ*, это были старыя кавказскія войска, остальныя же части пѣхоты составили полки 5-го пѣх. корпуса, спеціально для этого похода прибывшіе изъ Россіи.

²) Во главѣ этихъ станицъ должна быть поставлена знаменитая *Червленая*, затѣмъ идутъ *Щедринская* и *Шелкозаводская* и др.

Шамиля въ 1843-мъ году, а затѣмъ достигли береговъ р. *Койсу*, получающей отсюда названіе Сулака. Пробивъ себѣ, за Чиръ-Юртомъ, путь черезъ гранитныя массы, рѣка эта, помощью которой всѣ воды внутренняго окруженнаго горами бассейна (средній и сѣверный Дагестанъ) несутся къ морю, у Чиръ-Юрта оставляетъ позади себя послѣдніе контрфорсы горъ и бѣжитъ по равнинѣ Кумыкской плоскости. Здѣсь повернули мы круто направо, навсегда покинувъ равнину, и углубились въ скалистую тѣснину, слѣдующую направленію рѣки. Мы слѣдовали по довольно удобной старой военной дорогѣ, проложенной еще въ тѣ времена, когда край этотъ былъ мирный и спокойный, и не было опасеній разрушительныхъ набѣговъ скопищъ Шамиля.

Графъ Воронцовъ приказалъ разбить палатки главной квартиры у самаго входа въ тѣснину и тамъ же впослѣдствіи возвелъ онъ укрѣпленіе съ цѣлью, какъ обезпеченія безопаснаго здѣсь перехода тѣснины, такъ и обезпеченія кратчайшаго сообщенія отряда съ крѣпостью *Внезапной* и основаніемъ нашихъ дѣйствій *Темиръ-Ханъ-Шурой*. Я съ своимъ баталіономъ пошелъ впередъ, чтобы присоединиться къ авангарду подъ начальствомъ генерала *Безобразова*, расположенному въ 3-хъ верстахъ выше, по теченію рѣки, и на который было возложено, пользуясь ночью, возстановить небольшой, сожженый противникомъ, мостъ и разработать нѣсколько участковъ дороги, которая, пролегая на тѣсномъ пространствѣ скатовъ горъ и рѣки, была размыта дождемъ.

Первый начальный ночлегъ похода никогда не бываетъ удачнымъ: люди не умѣли поставить наши двѣ палатки и не умѣли примѣниться къ походнымъ условіямъ въ великомъ дѣлѣ приготовленія ужина, въ чемъ позднѣе они достигли столь похвальной и благодѣтельной сноровки.

Что за блаженныя минуты—время походнаго ужина! Обыкновенно, за цѣлый день, это единственное время ѣды! Какъ хорошо идетъ за этимъ ужиномъ бесѣда! Какое проявляютъ здѣсь всѣ остроуміе! Однако, въ этотъ день этихъ блаженныхъ минутъ пришлось ждать довольно долго. Правда, что и погода не благопріятствовала стряпнѣ на открытомъ воздухѣ: дождь падалъ крупными каплями, и мой поваръ Семенъ, бывшій поваренокъ моего покойнаго дяди графа Бенкендорфа, первый разъ въ своей жизни готовилъ въ кухнѣ, не имѣвшей крыши и ничѣмъ не прикрытой отъ вліяній непогоды, и онъ совершенно растерялся. Къ счастью, подвернулся ему на подмогу молодчина Андрей. Андрей—лакей моего пріятеля Лобанова—типъ кавказскаго слуги, чему значительно способствовало пятилѣтнее

полное опасностей странствованіе его господина по самымъ дикимъ и неизвѣстнымъ частямъ Кавказа. Бѣдняга, что называется, прошелъ огонь и воду, а потому пріобрѣлъ знанія условій соединенія этихъ двухъ элементовъ для приготовленія супа на бивакахъ.

Андрей—чудо своего рода, что онъ неоднократно и проявлялъ въ теченіе всего времени этого тягостнаго похода, и съ этимъ чудомъ, со всѣми этими совершенствами Лобановъ разлучился—онъ уступилъ его мнѣ по дружбѣ. Это была настоящая жертва, такъ какъ хорошій слуга въ походѣ—неоцѣнимое сокровище. Онъ явился мнѣ очень кстати! Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга, мой старый лакей заболѣлъ, и такъ какъ онъ не могъ меня сопровождать, то я искалъ себѣ другого. Однажды, выходя изъ-за стола у князя Эспера Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, такъ печально вскорѣ умершаго, ко мнѣ подошелъ одинъ изъ его ливрейныхъ лакеевъ и сообщилъ мнѣ, что я долженъ его знать, такъ какъ въ кампанію 1836-го года онъ служилъ у одного изъ моихъ товарищей, убитаго въ этотъ періодъ въ долинѣ *Баксана*, и къ этому добавилъ, что онъ просится ко мнѣ въ услуженіе и тѣмъ охотнѣе, что онъ хочетъ еще разъ поклониться праху своего господина, похороненнаго въ Анапѣ.

Мнѣ это понравилось, и я подумалъ: „вотъ, въ самомъ дѣлѣ, хорошій человѣкъ". Могу сказать, дѣйствительно, онъ оказался таковымъ и, даже скажу больше,—онъ былъ достоинъ райскаго блаженства, но не былъ созданъ для доставленія мнѣ такового же.

Лишь только принялъ я его услуги, какъ оказалось, во-первыхъ, что онъ носитъ мое имя—Константина, что мнѣ немедленно испортило расположеніе духа, во-вторыхъ, что его глупость превосходитъ всякія границы. Промучившись съ нимъ около 2-хъ мѣсяцевъ, я убѣдился, что во время похода онъ будетъ для меня сущей обузой, а потому я его устроилъ на полномъ содержаніи у казаковъ Червленой станицы. Вернувшись съ похода, я нашелъ его болѣе чѣмъ когда-либо потолстѣвшимъ и разжирѣвшимъ и чревомъ и разумомъ.

Въ полученномъ же мною Андреѣ я нашелъ прямо сокровище.

Со мной въ одной палаткѣ жилъ мой другъ *Шеппингъ* [1]). Нашъ домашній персоналъ составляли: денщикъ Шеппинга, Андрей, поваръ Семенъ и гребенскій казакъ для ухода за моими лошадьми. Къ этому кадровому составу не преминули присоединиться—баталіонный горнистъ *Игумновъ* и нѣсколько барабанщиковъ, лица, которыя, въ силу оказываемыхъ ими разныхъ маленькихъ услугъ и свойственнаго имъ аппетита, обыкновенно присосѣживались къ походному котлу баталіоннаго командира.

---

[1]) Поручикъ конной гвардіи, спасъ позднѣе автора похода отъ вѣрной смерти, но и самъ былъ убитъ въ этомъ походѣ.

За моимъ столомъ всегда ставилось отъ 4-хъ до 8-ми приборовъ, и каждый разъ, когда отрядъ получалъ довольствіе, я уже ни въ чемъ не нуждался.

Таковъ былъ мой домашній обиходъ.

Въ этотъ вечеръ, несмотря на палатку, мы продолжали мокнуть до костей и равно не истощалась, несмотря на наши аппетиты, и появившаяся, наконецъ, миска. Я припоминаю, что въ этотъ вечеръ, въ числѣ моихъ гостей, находился нѣкій *Едлинскій*, бывшій офицеръ австрійской службы [1]). Онъ получилъ порученіе отъ генерала Безобразова сообщить въ главной квартирѣ, что возстановленіе моста исполнено войсками авангарда и что остальныя работы, несмотря на дождь, будутъ закончены къ утру. Мы находились въ 3-хъ верстахъ отъ главной квартиры, и Едлинскому, прежде, чѣмъ до нея добраться, нужно было два раза пройти черезъ наши передовые посты, такъ какъ авангардъ и главныя силы, будучи расположены отдѣльно, отдѣльно и охранялись.

Темень была адская и дождь лилъ не переставая, а потому понятно, что бѣдняга не особенно-то былъ польщенъ порученіемъ. „Мнѣ рѣшительно все равно, если я встрѣчу непріятеля, шатающагося у нашихъ лагерей“, говорилъ Едлинскій, „но я только не желалъ бы быть подстрѣленнымъ своими“. Колюбакинъ сталъ ему доказывать, что въ сущности это совершенно безразлично. „Ну, нѣтъ“, продолжалъ Едлинскій, „если случится послѣднее и это дойдетъ до Вѣны, то тамъ будутъ смѣяться не только надо мной, но и надъ моимъ братомъ, а у него семья, и мнѣ это будетъ очень обидно“.

На утро слѣдующаго дня мы продолжали слѣдовать вверхъ по Койсу до *Міатлы*, гдѣ тѣснина расширяется, чѣмъ и воспользовались для второго ночлега.

Вся эта страна когда-то была очень населена. Разведенные

---

[1]) Артуръ Альбертовичъ, впервые появившійся въ Россіи и привезенный на Кавказъ Воронцовымъ, былъ сводный братъ графини Воронцовой (рожд. графиней Браницкой). Едлинскій былъ знаменитъ своими каламбурами и остротами на весь Кавказъ; остроты были подчасъ очень злы и мѣтки и его побаивались, хотя онъ и былъ общимъ любимцемъ. Остроты и каламбуры Едлинскаго весьма характерны. и за 30 лѣтъ его службы ихъ набралось очень много; ихъ стоитъ собрать. Оставивъ Кавказъ въ срединѣ 70-хъ годовъ, Едлинскій пріютился у фельдмаршала князя А. И. Барятинскаго въ Скерневицахъ, гдѣ фельдмаршалъ доживалъ свой вѣкъ, и на первое же привѣтствіе князя, по своемъ пріѣздѣ, не замедлилъ отвѣтить ему злой остротой. *Б. Кол—ъ.*

здѣсь, по преимуществу армянами, виноградники составляли главное богатство края. Въ настоящее же время все носило на себѣ печать разрушенія. Населеніе бѣжало, жилища раззорены, и виноградныя лозы, разстилаясь по землѣ, перемѣшались сорными травами. Мой баталіонъ шелъ снова въ резервѣ. Непріятель нигдѣ не показывался.

Проходя около горячаго источника, обильно наполняющаго родъ естественнаго бассейна, я разрѣшилъ желающимъ погрузиться. Въ мгновенье ока весь баталіонъ очутился голъ, какъ праотецъ Адамъ. Рѣдко, что такъ полезно, и что такъ любитъ нашъ солдатъ, какъ горячую баню и въ походѣ всегда стараются доставить ему это удовольствіе.

Русскій человѣкъ сложенъ атлетомъ: хорошо развитая грудь, широкія плечи, тонкая талія, скорѣе маленькая, чѣмъ большая голова и обыкновенно длинныя ноги, все это, въ общей совокупности, сообщаетъ его фигурѣ извѣстную грацію и типичность.

Моя палатка была красиво разбита на берегу небольшого ручья.

Одна изъ моихъ ротъ, 4-ая, была выдѣлена (вправо) и занимала наблюдательный пунктъ на довольно значительной высотѣ, которая командовала всей мѣстностью вправо. Помню, что, послѣ обѣда, взявъ палку съ желѣзнымъ наконечникомъ, безъ которой въ Дагестанѣ нельзя ступить шагу, я пошелъ ее осматривать. Я встрѣтилъ Его Высочество принца Гессенскаго, избравшаго цѣлью своей прогулки ту же высоту, такъ какъ было очевидно, что съ нея открываются прекрасные виды.

Оттуда, съ высоты птичьяго полета, была видна вся зеленая долина съ извивающейся на ней рѣчкой, испещренная красивыми группами деревьевъ и бѣлыми палатками, оживленная тѣми разнообразными группами, которыя порождаются скопищами людскихъ массъ, и эти группы, особенно на Кавказѣ, принимаютъ причудливыя формы[1]. Человѣкъ очень скоро примѣняется здѣсь къ характеру страны; все принимаетъ живописный оттѣнокъ. Какое замѣчательно красивое зрѣлище для глазъ и воображенія всѣ эти кавказскіе виды; зрѣлище, особенно поразительное для тѣхъ, кто впервые вырвался изъ холоднаго однообразія большихъ городовъ.

---

[1]) Въ данномъ случаѣ это разнообразіе и пестрота формъ группъ происходила еще вслѣдствіе разнородности состава отряда, въ который входили, помимо частей пѣхоты и артиллеріи кавказскихъ войскъ и пришедшихъ изъ Россіи, еще и казачьи части всѣхъ видовъ казачества Кавказа и Дона и всѣ виды нашихъ милицій Кавказа, какъ изъ Грузіи, Имеретіи, Мингреліи, Осетіи, такъ и покоренныхъ нами—Кабарды, такъ называемыхъ татарскихъ дистанцій Закавказья и кончая особо пестрыми курдами, давшими Дигорскую милицію.

Солнце жгло нестерпимо. Достигнувъ расположенія роты, мы зашли въ находящуюся по близости пещеру, съ цѣлью нѣсколько освѣжиться. Первое, что насъ поразило въ этой пещерѣ, это исполненный на стѣнѣ углемъ рисунокъ, изображающій кавказскаго горца, падающаго подъ ударами штыка солдата Куринскаго полка; подъ первымъ изображеніемъ находилась на французскомъ языкѣ подпись—*Шамиль*, а подъ вторымъ и большими буквами — Michel Brousset; все было исполнено прекрасно.

Обстоятельство это насъ заинтриговало. Я вышелъ и обратился къ ротѣ, прося открыть мнѣ имя этого послѣдователя Рафаэля. На это обращеніе мнѣ отвѣтилъ одинъ молодой солдатъ: „это я, Ваше Высокоблагородіе, я французъ, мой отецъ—полковникъ временъ Имперіи, женился на очень богатой русской дѣвушкѣ, все состояніе которой заключается въ помѣстьяхъ; какъ иностранецъ, я не могу наслѣдовать это имѣніе иначе, какъ сдѣлавшись русскимъ дворяниномъ, вотъ почему я здѣсь, и я долженъ торопиться убить Шамиля, такъ какъ тогда я навѣрно выслужу офицерское званіе, а если мнѣ это не удастся, то все состояніе моей матери достанется одному злому дядюшкѣ!“

Мнѣ это очень понравилось. Я полюбилъ Мишеля Бруссе и пріютилъ его въ своей палаткѣ, гдѣ онъ обыкновенно спалъ, взявъ себѣ, вмѣсто подушки, подъ голову, мои большіе сапоги и конечно я бы способствовалъ ему взбѣсить его злого дядю, но, къ моему великому сожалѣнію, бѣдняга былъ убитъ; этимъ обыкновенно и кончаются всѣ необыкновенныя исторійки на Кавказѣ. Мишель Бруссе былъ одной изъ послѣднихъ жертвъ этой кампаніи, и его злой дядя выигралъ дѣло.

На слѣдующій день мы покинули берега Койсу и снова подъ прямымъ угломъ повернуля направо. Отрядъ двигался глубокой долиной, и войска лѣваго и праваго прикрытій сопровождали колонну по обѣ стороны марша, двигаясь на разстояніи ружейнаго выстрѣла по самому гребню высотъ, окаймлявшихъ долину.

Таковъ былъ обычный порядокъ движенія для всѣхъ нашихъ отрядовъ на Кавказѣ, основанный на продолжительномъ опытѣ этой войны и установленный просвѣщеннымъ авторитетомъ величайшаго генерала, какой только когда-либо былъ на Кавказѣ, которому слѣдуетъ приписать все то, что составляетъ теорію веденія войны на Кавказѣ и ея примѣненія на практикѣ, равно всѣ порядки (сторожевые, походные и боевые) и самую систему веденія здѣсь операцій,—все это установлено авторитетомъ генералъ-лейтенанта *Алексѣя Александровича Вельяминова.*

Подъ начальствомъ именно этого замѣчательнаго дѣятеля я имѣлъ честь начать мои первые шаги на боевомъ поприщѣ.

Генералъ Вельяминовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые производятъ глубокое впечатлѣніе и оставляютъ неизгладимую о себѣ память. При жизни генералъ Вельяминовъ былъ мало любимъ какъ русскими, такъ и туземцами; онъ былъ весьма уважаемъ многими изъ нихъ, но всѣ одинаково его боялись; по его смерти всѣ чтутъ его память, и каждый стремится похвастать полученіемъ отъ него слова одобренія или поощренія, такъ какъ Вельяминовъ былъ очень скупъ на то и на другое.

До сихъ поръ еще вамъ укажутъ среди черкесъ субъекта, о которомъ при этомъ замѣтятъ: „онъ былъ другомъ Вельяминова", и старый горецъ—гордъ этимъ титуломъ.

Прямой и искренній, съ чувствами благородными и возвышенными, съ умомъ сильнымъ и положительнымъ и непоколебимый во всемъ томъ, что онъ считалъ хорошимъ и справедливымъ, Вельяминовъ былъ созданъ по античному образцу. Эрудиція его была громадна; онъ все изучилъ, надо всѣмъ размыслилъ, и произведенія его пера служили образцомъ точности и военнаго изложенія [1]).

Обладая живымъ и глубокимъ умомъ, не лишеннымъ иногда казуистики, Вельяминовъ, подъ вліяніемъ чтенія излюбленныхъ имъ предметовъ и авторовъ, пришелъ къ скептицизму; онъ представлялъ изъ себя одновременное сочетаніе философа XVIII-го вѣка и восточнаго паши-деспота.

Въ эпоху, въ которую я его зналъ, вся его жизнь, все его существованіе непрерывно и послѣдовательно въ теченіе цѣлыхъ 20-ти лѣтъ протекали и заключались единственно только въ условіяхъ кавказской боевой и походной службы.

---

[1]) Образцомъ изложенія Вельяминова можетъ послужить уже одно необычайно глубокое, ясное и образное опредѣленіе пониманія нами задачи покоренія Кавказа, и онъ говоритъ: „Кавказъ можно уподобить сильной крѣпости, чрезвычайно твердой по мѣстоположенію, искусно огражденной укрѣпленіями и обороняемой многочисленнымъ гарнизономъ. Одна только безразсудность можетъ предпринять эскаладу противъ такой крѣпости; благоразумный полководецъ увидитъ необходимость прибѣгнуть къ искусственнымъ средствамъ, заложитъ параллели, станетъ подвигаться впередъ сапой, призоветъ на помощь мины и овладѣетъ крѣпостью. Такъ, по моему мнѣнію, должно поступать съ Кавказомъ, и если бы ходъ сей не былъ предварительно предначертанъ, дабы постоянно сообразоваться съ онымъ, то сущность вещей вынудитъ къ сему образу дѣйствій, только успѣхъ будетъ гораздо медленнѣе по причинѣ частыхъ уклоненій отъ истиннаго пути". Изъ этого опредѣленія видно, насколько экспедиція 1845 года, да и вся борьба съ горцами послѣ Ермолова и до 1857 года расходилась съ идеями Вельяминова. *Б. Кол—ъ.*

Привычка управлять людьми сообщила ему міровоззрѣніе, свойственное правителямъ высокаго положенія,—глубокое презрѣніе ко всему человѣчеству.

Полное отсутствіе женскаго общества и его личное одиночество (онъ оставался постоянно или одинъ самъ съ собой или былъ окруженъ людьми только съ цѣлью исполненія его воли) привело къ тому, что онъ очерствѣлъ сердцемъ, становясь подчасъ даже жестокимъ; если онъ и былъ когда-либо мягкосердеченъ и чувствителенъ, то эти качества у него скоро вывѣтрились подъ вліяніемъ условій непрестанной и непрерывной боевой и походной жизни [1]).

Таковъ былъ Вельяминовъ—какъ человѣкъ.

Все хорошее на Кавказѣ—создано Вельяминовымъ; до сихъ поръ все еще обсуждаются намѣченные имъ проекты и, къ счастью, нѣкоторые изъ нихъ иногда приводятся въ исполненіе [2]).

Это онъ указалъ намъ систему и способы веденія войны въ этомъ краѣ, это онъ преподалъ намъ принципы веденія здѣсь войны и указалъ ихъ примѣненіе и можетъ быть именно потому, что онъ самъ всегда слѣдовалъ этимъ принципамъ, онъ былъ здѣсь *единственнымъ генераломъ, никогда не испытавшимъ неудачи и всегда достигавшимъ разъ поставленной имъ цѣли* [3]).

Все это слѣдуетъ объяснить еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что никто лучше и основательнѣе его не постигнулъ свойствъ театра войны, особенностей условій веденія здѣсь войны и свойствъ и качествъ нашего здѣсь противника.

Также рѣшительно во всемъ обнаруживалъ онъ замѣчательный даръ находчивости (esprit d'à-propos), что особенно ярко проявлялось, каждый разъ, когда ему приходилось говорить, что впрочемъ бывало очень рѣдко.

Обыкновенно онъ былъ очень молчаливъ, невозмутимъ, очень лѣ-

---

[1]) Другой современникъ и близкій ему человѣкъ въ своихъ воспоминаніяхъ приводитъ случаи проявленія Вельяминовымъ добраго сердца, но эти проявленія были глубоко скрыты его угрюмой и непроницаемой внѣшностью. *Б. Кол—ъ.*

[2]) Прямодушный Бенкендорфъ все же здѣсь деликатно щадитъ и создателей плана 1845-го года и его исполнителей, въ душѣ раздѣляя идеи Вельяминова, бывшаго для него большимъ авторитетомъ; вообще авторъ воспоминаній избѣгаетъ осужденій, и таковыя съ трудомъ читаются между строчками. *Б. К.*

[3]) Любопытнымъ въ этомъ отношеніи образчикомъ настойчивости и искусства Вельяминова служитъ эпизодъ похода въ Чечнѣ въ 1832-мъ году, когда Вельяминовъ рѣшилъ вернуть обратно потерянныя нами орудія, запрятанныя въ трущобахъ Чечни, что блистательно и исполнилъ.

Б. К.

нивъ въ движеніяхъ, и ничто не могло его вывести изъ неизмѣнно присущаго ему хладнокровія [1]).

Это Вельяминову обязанъ Ермоловъ своей славой [2]), Паскевичъ—побѣдой при Елизаветполѣ [3]) и баронъ Розенъ блистательнымъ окончаніемъ экспедиціи 1832-го года [4]).

Все преклонялось на Кавказѣ передъ „рыжимъ генераломъ" (генераломъ плижеръ), какъ назвали его горцы.

Не пользуясь любовью войскъ, Вельяминовъ за то пользовался неизмѣнно ихъ безграничнымъ довѣріемъ.

На Кавказѣ Вельяминовъ былъ послѣднимъ представителемъ той плеяды нашихъ здѣсь генераловъ, которые окружали себя ореоломъ внушенія паническаго ужаса и потрясенія,—источникъ всякой силы въ Азіи и чему въ царствованіе Екатерины II-ой мы главнымъ образомъ и обязаны легкостью нашихъ успѣховъ на Востокѣ и незначительности нашихъ потерь въ людяхъ, потерь совершенно ничтожныхъ, сравнительно съ полученными результатами. Превосходство духа было всегда на нашей сторонѣ, и въ глазахъ нашихъ враговъ каждый русскій казался гигантомъ.

Обратимся къ исходному пункту разсказа, къ порядку нашего марша, который представляетъ одновременно и боевой порядокъ, основную идею котораго передадимъ въ двухъ словахъ. Санитарный обозъ (вообще обозы) располагается въ центрѣ общаго прямоугольника (каре), размѣры котораго естественно и неизбѣжно будутъ различны въ каждомъ частномъ случаѣ, при постоянномъ однако

[1]) Эту правдивую и превосходную характеристику слѣдуетъ поставить въ большую заслугу графу Бенкендорфу. Много на эту тему разсказываютъ баронъ Торнау и Филипсонъ. *Б. К.*

[2]) Какъ ни кажется это заключеніе смѣлымъ и увлеченіемъ, но въ немъ большая доля справедливости; дружба Ермолова съ Вельяминовымъ и объясняется однородностью ихъ понятій, воззрѣній и склада ума.

[3]) Это справедливо. Здѣсь Ермоловъ показалъ много благородства и великодушія, давъ Вельяминова своему врагу и тайному замѣстителю—Паскевичу. Какъ извѣстно, Паскевичъ уже приказалъ отступать, и только авторитетъ и твердость Вельяминова удержали это пагубное отступленіе. Здѣсь войска слушались только Вельяминова. *Б. К.*

[4]) Не только блистательнымъ окончаніемъ похода въ Дагестанъ—взятіемъ Гимръ и смертью имама Кази-муллы, но и предварительной экспедиціею въ Чечнѣ, гдѣ таланты Вельяминова проявились не менѣе ярко и гдѣ, въ этомъ году, Вельяминовъ съ ничтожными потерями прошелъ черезъ всю Большую Чечню къ Дарго, Беною, Гурдали и др. ауламъ, т. е. какъ разъ тамъ, гдѣ въ описываемомъ Бенкендорфомъ походѣ шелъ бѣдственный отрядъ графа Воронцова, понесшій неслыханныя потери.

Б. Кол—ъ.

стремленіи возможной сплоченности расположенія обозовъ и войскъ, дабы каре это не вышло растянутымъ.

Четыре фаса этого каре, на дальность ружейнаго выстрѣла отъ колонны, занимаются спеціально войсками, назначенными для охраненія колонны на маршѣ.

Аріергардъ составляетъ основаніе для всѣхъ войскъ охраненія, такъ какъ онъ преставляетъ часть, наиболѣе тревожимую непріятелемъ, почему на немъ сосредоточивается все вниманіе и съ его движеніемъ и дѣйствіями сообразуются движенія, и дѣйствія всѣхъ остальныхъ частей колонны (и, что особенно важно, и авангардъ).

Авангардъ сообразуетъ свое движеніе съ движеніемъ колонны и продвигается впередъ только при условіи достиженія передовыми частями колонны высоты движенія этого авангарда, и каждый разъ, когда движеніе колонны пріостанавливается и передовыя ея части не показываются, то движеніе авангарда пріостанавливается; въ этомъ заключается единственный способъ сохраненія порядка движенія.

Понятно, что при подобныхъ условіяхъ движенія оно было медленно и, напримѣръ, Вельяминовъ, зачастую, дѣлалъ въ сутки не болѣе 6-ти верстъ, но зато не было примѣра, чтобы фасы его каре были когда-либо прорываемы (не говоря уже о ничтожныхъ у него потеряхъ). Но, тѣмъ не менѣе, въ частныхъ случаяхъ, напримѣръ, когда приходилось преслѣдовать противника, показавшагося передъ нашей оборонительной линіею, или въ цѣляхъ—отрѣзать ему отступленіе, то Вельяминовъ двигался съ той же быстротой, какъ и другіе [1]).

Въ этотъ день предусматривалась ружейная перестрѣлка въ нашей правой цѣпи, на высотахъ весьма пересѣченныхъ и частью лѣсистыхъ, а потому всѣ три баталіона Куринскаго полка были назначены въ правую цѣпь и мой баталіонъ своимъ правымъ флангомъ касался аріергарда.

Такъ какъ я говорю о тактикѣ, то необходимо войти въ подробности боевого порядка, котораго мы держались, прикрывая каре

---

[1]) Движенія Вельяминова происходили обыкновенно въ большомъ порядкѣ, и онъ не любилъ торопливости, порождавшей суету и замѣшательства, тѣмъ болѣе, что противникъ, будучи обыкновенно слабо обезпеченъ продовольствіемъ, тяготился затяжкой движенія и боя, а получая всюду хорошій отпоръ, скоро падалъ духомъ. Иногда Вельяминовъ нарочно долго стоялъ на мѣстѣ, ничего не предпринимая, и когда его вызывали на движеніе или бой, говаривалъ: „интендантъ у него плохой, какъ поѣдятъ свое пшено, да чужихъ барановъ, такъ съ голоду разойдутся". *Б. К—нъ.*

войсками правой и лѣвой цѣпи. Смотря по численности отряда и свойству мѣстности, баталіоны или роты обрамляли отрядъ съ обѣихъ сторонъ боевыми линіями (участками), которыя, въ свою очередь, прикрывались боевыми цѣпями со взводами въ поддержкахъ. По уставу, звено цѣпи состояло изъ 2-хъ человѣкъ стрѣлковъ, обязанныхъ возможной взаимной поддержкой.

Въ войнахъ, подобно кавказской, полныхъ случайностей, 2-хъ человѣкъ въ звенѣ совершенно недостаточно. При первомъ же столкновеніи, одинъ изъ нихъ бывалъ обыкновенно убитъ, другой бѣжалъ или тоже бывалъ убитъ и цѣпь бывала прорвана прежде, чѣмъ резервъ могъ ее поддержать.

Еще въ Венсеннѣ, у орлеанскихъ стрѣлковъ, организація и маневрированіе которыхъ были построены на опытѣ почти подобномъ кавказской войнѣ, я обратилъ вниманіе на звено ихъ цѣпи въ 4 человѣка, что я нашелъ правильнымъ. У насъ же, на Кавказѣ, для звена мало и 4-хъ человѣкъ, вотъ почему, въ послѣдніе годы, и главнымъ образомъ по указанію генерала Фрейтага, лучшаго знатока этого дѣла, испытаннаго въ походахъ въ Чечнѣ,—всюду было установлено имѣть звено въ составѣ взвода численностью въ 20—30 человѣкъ, подъ командой офицера или унтеръ-офицера, съ придачею ему горниста (сигналиста). Звено подобной численности обладало уже достаточной силой сопротивленія, смѣло могло подчасъ и бросаться на замѣченнаго противника и, наконецъ, ему уже, въ полномъ смыслѣ слова, можно было довѣрить и поручить извѣстный боевой участокъ.

Эти взводы не должны только терять другъ друга изъ вида, внимательно выбирать себѣ при расположеніи на мѣстѣ пункты, имѣющіе тактическое значеніе, и сообразоваться другъ съ другомъ при всѣхъ передвиженіяхъ (преслѣдуя взаимную поддержку).

Въ подобныхъ условіяхъ, въ войскахъ цѣпи росла нравственная увѣренность, такъ какъ они видѣли, что они окружены и поддержаны своими, а противникъ утрачивалъ свою смѣлость.

Такимъ образомъ, резюмируя сказанное, замѣтимъ, что баталіоны и роты (составлявшія боковыя цѣпи) были раздѣлены на группы—взводы, слѣдовавшіе, или въ шахматномъ по отношенію другъ друга порядкѣ, или же въ затылокъ другъ другу.

Сообщилъ Б. М. Колюбакинъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ.

(1864—1909 г. г.) [1].

ГЛАВА VI [2].

Мои встрѣчи и знакомства съ нашими извѣстными писателями. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.—Три встрѣчи съ нимъ и бесѣда въ Парижѣ объ относительномъ достоинствѣ русскихъ и французскихъ женщинъ.—Примѣры нашей некультурности.—Левъ Николаевичъ гр. Толстой.—Первое съ нимъ знакомство и мои впечатлѣнія сравнительно съ Тургеневымъ.—Его относительная оригинальность и рѣзкость.—Порученіе Льва Николаевича въ Америку.—„Царство Божіе внутри насъ" и г-жа Варвара Гэпгудъ (Hapgood).—Г-жа Делано и развязка порученія.—Статья Кеннана въ журналѣ „Century" о его посѣщеніи „Ясной Поляны" по просьбѣ политическихъ ссыльныхъ.—Душевная доброта и сердечное отношеніе Льва Николаевича къ знакомымъ въ годину несчастья.—Встрѣчи съ другими русскими писателями: М. Е. Салтыковъ, Н. К. Михайловскій, Н. В. Шелгуновъ, Ѳ. М. Достоевскій, П. А. Гайдебуровъ, Я. П. Полонскій и др.—Отрицательный типъ русской журналистики: Евгеній Львовъ-Кочетовъ.

Къ тѣмъ же семидесятымъ-восьмидесятымъ годамъ прошлаго вѣка, которымъ посвящены предшествующія главы моихъ воспоминаній, относится и время знакомства моего съ большинствомъ нашихъ писателей, указанныхъ выше въ оглавленіи. Съ И. С. Тургеневымъ, напримѣръ, я имѣлъ удовольствіе познакомиться именно въ семидесятыхъ годахъ, во время его пріѣзда въ Москву, еще до Пушкинскихъ празднествъ; Льва же Николаевича и прочихъ литераторовъ, кромѣ москвичей, я узналъ лично нѣсколько лѣтъ позднѣе, во время моихъ многочисленныхъ наѣздовъ въ С.-Петербургъ.

---

[1]) См. „Русская Старина", апрѣль 1910 года.

[2]) До настоящей главы въ изложеніи моихъ „Воспоминаній" я слѣдовалъ исключительно хронологическому порядку, передавая, годъ за годомъ, важнѣйшіе факты изъ моей жизни, какъ они сохранились въ памяти; но съ приближеніемъ къ настоящему времени, къ сожалѣнію, память начинаетъ мнѣ болѣе и болѣе измѣнять, а потому съ настоящей главы шестой— я рѣшилъ измѣнить этотъ порядокъ изложенія и передавать „Воспоминанія" уже по однороднымъ вопросамъ, группируя ихъ вмѣстѣ.

Съ Иваномъ Сергѣевичемъ по странной игрѣ судьбы я встрѣчался въ трехъ различныхъ пунктахъ Европы: въ Москвѣ, Лондонѣ и Парижѣ, въ Петербургѣ лишь провожалъ его прахъ до Волкова кладбища.

Въ Москвѣ, если не ошибаюсь, меня представилъ Ивану Сергѣевичу мой другъ М. М. Ковалевскій, кажется, въ квартирѣ г. Управляющаго Государственными Имуществами или Удѣловъ Маслова, въ которой Иванъ Сергѣевичъ останавливался тогда. Затѣмъ онъ былъ нѣсколько разъ въ нашемъ домѣ (у Харитонія въ Огородникахъ д. Миллера), обѣдалъ у Максима Максимовича и провелъ одинъ вечеръ у меня. Безполезно говорить, что онъ сразу завоевалъ наши симпатіи своимъ умомъ, живой и увлекательной рѣчью и необыкновенно мягкимъ характеромъ своей бесѣды: онъ никого не затрогивалъ, ни надъ кѣмъ не смѣялся, держалъ себя съ нами, молодыми профессорами, какъ добрый папаша или дѣдушка съ дѣтьми. На обѣдѣ у Ковалевскаго было много говорено, напримѣръ, рѣчей, но къ сожалѣнію у меня ничего не врѣзалось въ памяти. Конечно, старались говорить лишь пріятное нашему дорогому гостю: такъ П. Д. Боборыкинъ говорилъ, помнится, по его выраженію какъ „рядовой отъ литературы передъ генераломъ отъ литературы", желая выразить въ деликатной формѣ наши чувства уваженія къ почетному писателю.

Въ антрактахъ между рѣчами, или когда была свобода отъ нихъ, обыкновенно Иванъ Сергѣевичъ притягивался къ разговору, и его заставляли что-нибудь разсказывать, при чемъ мнѣ припоминаются лишь два главные пункта его разсказовъ—описаніе происхожденія типа Базарова, котораго онъ списалъ, въ главныхъ чертахъ, съ какого-то доктора, ѣхавшаго съ нимъ по Николаевской дорогѣ (почему-то, добавилъ онъ, по Новгородской губерніи) и меня поразило его объясненіе, что онъ искренно полюбилъ и привязался къ Базарову послѣ его изображенія. Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, чтобы Тургеневъ списывалъ какой-либо типъ, а въ томъ числѣ и Базарова, съ натуры цѣликомъ, какъ это дѣлаютъ неопытные и малоталантливые писатели... Нѣтъ, Тургеневъ, встрѣчая въ жизни нѣсколько схожихъ типовъ, такъ сказать, обобщалъ, создавалъ новое лицо, и этотъ вновь созданный типъ, объяснялъ Иванъ Сергѣевичъ, не давалъ ему покоя, стоялъ передъ его глазами... Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока онъ не занесъ новый типъ на бумагу, написалъ произведеніе...

Во-вторыхъ, я помню, какъ трогательно Иванъ Сергѣевичъ объяснялъ у меня на вечерѣ передъ обществомъ дамъ, на этотъ разъ преобладавшихъ (и изъ нихъ главнымъ образомъ дѣвицъ), что онъ

къ сожалѣнію не свилъ себѣ гнѣзда у себя на родинѣ... Тамъ же Иванъ Сергѣевичъ заинтересовался личностью одной молоденькой дѣвушки, тогда еще гимназисткой П., и предсказалъ въ разговорѣ съ моей женой, что изъ нея должно выйти что-нибудь выдающееся. Предсказаніе это отчасти и оправдалось: изъ нея вышла не только хорошая мать семейства, но и очень изрядная художница-жанристка, къ сожалѣнію, мало пишущая.

Осенью 1880 года, когда мы съ женой находились въ Лондонѣ, въ одно прекрасное утро, довольно рано, не позднѣе 11 часовъ,— почему-то мы еще находились дома и не ушли въ Музей—прибѣжала горничная предупредить, что къ намъ снизу идетъ какой-то Russian gentleman—огромный. Скоро послышались шаги, и я увидалъ сверху по узенькой лѣстницѣ поднимающуюся къ намъ крупную фигуру Ивана Сергѣевича: онъ не безъ труда добрался до нашей маленькой комнаты и вывелъ насъ изъ смущенія своимъ добрымъ привѣтствіемъ. Оказалось, что онъ пріѣхалъ въ Англію изъ Парижа всего лишь на нѣсколько дней поохотиться въ имѣніи одного своего англійскаго пріятеля и, узнавши нашъ адресъ у Ковалевскаго, еще въ Парижѣ, пожелалъ воспользоваться случаемъ, чтобы насъ видѣть. Онъ просидѣлъ у насъ съ полчаса, много разсказывая интереснаго, кажется, о Пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ, въ коемъ участвовалъ, и о многомъ другомъ, говорилъ о болѣзни Ковалевскаго, котораго мы тогда поджидали въ Лондонъ. Мнѣ припоминается два факта изъ тогдашнихъ его разсказовъ: какъ на Пушкинскомъ праздникѣ къ нему обратился вдругъ, заискивая расположеніе, Катковъ, и онъ вынужденъ былъ отвернуться отъ этой назойливости. Затѣмъ въ этотъ же разъ, кажется, Иванъ Сергѣевичъ передалъ намъ случай изъ знакомства съ извѣстнымъ англійскимъ писателемъ и общественнымъ дѣятелемъ—Ashton Dilke. Изъ этого разсказа Ивана Сергѣевича припоминается мнѣ слѣдующій случай, доказывающій необыкновенную энергію и настойчивость британскаго характера.

„Нѣсколько лѣтъ назадъ“, разсказывалъ Иванъ Сергѣевичъ, „когда я пріѣхалъ въ Англію, въ Оксфордъ и провелъ тамъ нѣсколько времени, мнѣ удалось посѣтить тамъ студенческое, такъ называемое „діалектическое общество“ (Dialectical Society), гдѣ студенты упражняются въ краснорѣчіи на разныя трудныя темы, причемъ одинъ студентъ разсматриваетъ вопросъ обыкновенно съ одной точки зрѣнія, а другой—съ противоположной. Вѣроятно, ради моего посѣщенія была назначена какая-то русская тема: кажется, сближеніе Россіи съ Европой во время Петра; одинъ студентъ говорилъ за это сближеніе, другой противъ него. Послѣдній студентъ говорилъ

чрезвычайно остроумно въ пользу своего очень труднаго положенія, и я попросилъ, чтобы меня съ нимъ познакомили и имѣлъ коротенькую съ нимъ бесѣду"... „Представьте себѣ мое удивленіе", закончилъ Иванъ Сергѣевичъ, „въ нынѣшнемъ году недавно прислуга передаетъ мнѣ русскую визитную карточку: „Антонъ Антоновичъ Дилькъ". Я, конечно, принялъ его: оказалось, это тотъ самый студентъ Ashton Dilke, который, окончивши Оксфордскій университетъ, выучился очень изрядно по-русски, чуть ли не побывалъ въ Россіи и захотѣлъ навѣстить меня, очень интересуясь всѣмъ русскимъ... и здѣсь я опять съ нимъ встрѣтился, почему и заговорилъ о немъ"...

Наиболѣе всего, т. е. чаще всего я видѣлъ, однако, Ивана Сергѣевича на Рождествѣ 1880—81 года, когда вслѣдствіе давняго настойчиваго приглашенія М. М. Ковалевскаго пріѣхалъ къ нему въ Парижъ, вмѣстѣ съ женой, на двѣ недѣли погостить, повеселиться и посмотрѣть городъ, мало намъ знакомый. Безполезно говорить, что въ лицѣ М. М. мы нашли радушнаго хозяина, который старался всячески развлекать насъ и забыть, что такое скука, смѣняя одно развлеченіе другимъ и таская насъ по всѣмъ увеселеніямъ, какія давало спеціальное оживленное время Noël. Парижъ представилъ намъ полную противоположность серьезному и семейственному, хотя, можетъ быть, нѣсколько чопорному Лондону. Въ письмѣ моемъ къ родственникамъ въ Россію 1 января 1881 года я заключаю Парижскія впечатлѣнія мои слѣдующимъ рѣзкимъ сужденіемъ: „Общій мой выводъ," пишу я, „это, что Парижъ—городъ мотовства и кутежей par excellence; даже Ковалевскій сознается, что Парижъ во всякомъ безпутствѣ усовершенствовался со времени республики—такъ что руками разведешь! Въ театрѣ, прессѣ и самой политикѣ—все кокотки, да кокотки: французы, серьезно говоря, перестаютъ вѣрить въ существованіе честныхъ женщинъ!!!"

Само собой понятно, что при такихъ поспѣшныхъ выводахъ и обобщеніяхъ я долженъ былъ часто спорить съ поклонниками Парижа и всего Парижскаго—прежде всего съ моимъ другомъ М. М. Ковалевскимъ, и чаще всего наши споры вращались около вопроса о сравнительныхъ достоинствахъ, по понятнымъ причинамъ, французскихъ и русскихъ женщинъ; за первыхъ горой стоялъ М. М., за вторыхъ я. Каждый изъ насъ приписывалъ своей странѣ наибольшее количество добродѣтелей. На удивленье всѣхъ пѣшеходовъ и проѣзжихъ, помню я, мы съ Ковалевскимъ прогуливались цѣлые часы по Булонскому лѣсу, привлекая общее вниманіе громкими разговорами и маханьемъ рукъ по поводу добродѣтелей и недостатковъ женской половины двухъ великихъ націй. Наконецъ, когда наши аргументы истощились, а мы съ мѣста въ убѣжденіяхъ не сдвину-

лись и каждый стоялъ на защитѣ своихъ дамъ, то почти одновременно намъ пришла мысль обратиться къ посредничеству какъ третейскаго суда, Ивана Сергѣевича Тургенева. Сказано—сдѣлано и мы чуть не стремглавъ пѣшкомъ въ чудное, помню я, солнечное зимнее утро побѣжали, привлекая общее вниманіе своими крупными фигурами и смѣхомъ, въ квартиру Тургенева. При этомъ было заключено пари на двѣ бутылки шампанскаго.

Необходимо сдѣлать однако одну оговорку: вышеозначенный споръ и рѣшеніе произошло уже въ концѣ нашего пребыванія въ Парижѣ; я же былъ у Тургенева тотчасъ же по пріѣздѣ въ Парижъ и былъ принятъ чрезвычайно радушно и сердечно. Иванъ Сергѣевичъ немедленно рѣшилъ, что я долженъ у него обѣдать съ Ковалевскимъ и все разспрашивалъ о нашихъ общихъ знакомыхъ, желая узнать, кого бы еще пригласить къ обѣду, чтобы мнѣ было пріятно. Какъ вдругъ на другой день Ковалевскій получилъ маленькую записочку отъ Ивана Сергѣевича, что онъ въ ночь заболѣлъ опять своей старой болѣзнью спины и ногъ, очень мучается и лежитъ вплотную въ постели, такъ что обѣдъ приходится отмѣнить, а если можно, чтобы мы посѣтили его на одрѣ болѣзни, запросто на короткое время. Разумѣется, мы были у него немедленно и нашли въ постели очень удрученнымъ; это была та самая болѣзнь, которая свела его черезъ непродолжительное время въ могилу: онъ лежалъ въ постели, не двигая корпусомъ, и малѣйшая попытка помочь ему приподняться сопровождалась страшнѣйшими болями и стономъ, при чемъ М. М., несмотря на меньшую силу, производилъ эти манипуляціи—поправлять подушки и поднимать больного гораздо болѣе ловко, нежели я. Мы просидѣли первый разъ у больного всего лишь четверть часа, потомъ повторили наше посѣщеніе еще раза два, такъ что нашъ внезапный визитъ съ просьбой посредничества по вопросу о женщинахъ былъ счетомъ четвертымъ моимъ посѣщеніемъ Тургенева въ этотъ разъ въ Парижѣ. Иванъ Сергѣевичъ былъ уже нѣсколько бодрѣе и выглядывалъ веселѣе, но когда мы, спорщики, къ нему появились, онъ все еще былъ въ постели и только потомъ, при нашей совмѣстной помощи, приподнимался и сидѣлъ на постели, или въ креслѣ, обложенный подушками, выслушивая насъ и отвѣчая намъ.

По соглашенію съ М. М. я первый обратился къ Ивану Сергѣевичу съ маленькимъ вступленіемъ и объясненіемъ по поводу нашей спеціальной цѣли посѣщенія. Я сначала разсказалъ въ сжатомъ видѣ предметъ нашего разговора и въ концѣ привелъ аргументы въ пользу и противъ женщинъ каждой изъ двухъ націй. Затѣмъ, обращаясь къ Ивану Сергѣевичу, я сказалъ ему, что такъ

какъ мы съ моимъ другомъ находимся передъ лицомъ одного изъ лучшихъ знатоковъ женской души и авторомъ такихъ чудныхъ женскихъ типовъ, какъ Лиза въ „Дворянскомъ Гнѣздѣ“, Ася и многія другія, то я убѣжденъ, что найду въ немъ искреннюю поддержку относительно достоинствъ русской женщины, и что онъ подастъ непремѣнно голосъ за меня, а не за Ковалевскаго съ его француженками... Добавлю къ этому сообщенію ручательство за точность моей памяти въ этомъ случаѣ, такъ какъ мнѣ слово въ слово припоминается все то, что говорилъ по этому поводу Тургеневъ, тогда какъ М. М., котораго я недавно объ этомъ спрашивалъ, половину бесѣды съ Тургеневымъ, повидимому, забылъ.

Иванъ Сергѣевичъ, какъ я себѣ ясно представляю его физіономію, добродушно улыбаясь, нѣсколько минутъ какъ будто колебался отвѣтомъ, а затѣмъ своимъ тихимъ, ровнымъ голоскомъ сказалъ слѣдующее: „Конечно“, началъ онъ, „я нѣсколько знакомъ съ этимъ вопросомъ и постараюсь отвѣтить вамъ вполнѣ безпристрастно. Нѣтъ сомнѣнія, что француженки настоящаго времени имѣютъ за собой значительные недостатки: изъ нихъ самый главный, это клерикализмъ—значительное вліяніе на нихъ поповъ, что отражается очень вредно. Но зато въ другихъ отношеніяхъ француженки обладаютъ большими достоинствами, отчасти, быть можетъ, привитыми культурой. Француженка, которая любитъ, вѣрна своему слову и на нее можно вполнѣ полагаться“... „Съ другой стороны“, перешелъ онъ, „русскія женщины—кто же въ этомъ усумнится, несомнѣнно имѣютъ превосходныя качества: ни одна женщина въ мірѣ не можетъ быть способна на такое самопожертвованіе, на такую готовность отдать любимому человѣку все, что имѣетъ и чуть ли не больше того“... „Но въ то же время я долженъ сознаться, что нельзя поручиться за самую лучшую русскую женщину, что она въ важную, серьезную минуту своей жизни неожиданно для всѣхъ вдругъ пер.... (здѣсь Тургеневъ употребилъ одно неприличное сравненіе, желая, очевидно, имъ выразить нелѣпый, легкомысленный въ моральномъ отношеніи поступокъ). „Это очень печально“, сказалъ онъ, „но къ сожалѣнію правда. Въ то же время француженка, которая любитъ, никогда подобной неожиданностью не наградитъ, и на нее можно твердо разсчитывать“....

„Такъ изрекъ нашъ почтенный судья по поводу предмета нашего спора съ М. М., который, конечно, торжествовалъ, утверждая, что онъ именно такого рѣшенія и ожидалъ отъ Ивана Сергѣевича—этого наилучшаго, тѣмъ не менѣе, творца многихъ симпатичнѣйшихъ русскихъ типовъ женщины.

Насколько я понялъ Ивана Сергѣевича, его рѣшеніе относи-

тельно превосходства французской женщины вмѣстѣ съ признаніемъ многихъ достоинствъ русской вызывалось, главнымъ образомъ, если не исключительно, признаніемъ нашей общей малокультурности. „Общая культура страны“, говорилъ Тургеневъ, „отражается непремѣнно въ столь важныхъ вопросахъ, какъ легкомысленные поступки женщинъ (которые, очевидно, имѣлъ въ виду Тургеневъ, какъ въ самыхъ мелочахъ жизни). На нихъ можно видѣть разницу общественнаго просвѣщенія народовъ и взаимнаго уваженія людей и ихъ правъ. Тутъ я припоминаю длинный рядъ всевозможныхъ примѣровъ и иллюстрацій по данному поводу, приведенныхъ почтеннымъ Иваномъ Сергѣевичемъ; къ моему прискорбію я долженъ былъ согласиться съ тѣмъ, что описанные имъ образцы поведенія являются истинными выразителями нашей некультурности. Ограничусь двумя его примѣрами. „Вы говорите, обращаясь къ своему посѣтителю и пріятелю, положимъ, въ моментъ его ухода отъ васъ: вотъ у меня приготовлено письмо, которое необходимо поскорѣе отправить; будьте добры, возьмите его и отпустите въ почтовый ящикъ“... „Замѣчайте“, говоритъ онъ, „какъ въ этомъ случаѣ поступитъ вашъ посѣтитель. Если онъ русскій, то онъ въ большинствѣ случаетъ посмотритъ, кому письмо адресовано, что написано на конвертѣ и затѣмъ спрячетъ письмо съ обѣщаніемъ его опустить въ ящикъ“... „Если вашъ посѣтитель французъ“, добавилъ Иванъ Сергѣевичъ, „то можно положительно сказать, что онъ спрячетъ письмо въ карманъ, не взглянувши, кому оно адресовано...“ Другой примѣръ: „Вы встрѣтили на улицѣ пріятеля съ кѣмъ-то вамъ незнакомымъ. Если вы русскій, то очень часто, хотя бы шепотомъ, спросите, съ кѣмъ онъ идетъ, или шелъ; что же касается француза, то подобное дѣйствіе онъ сочтетъ за неприличіе и никогда его не сдѣлаетъ“.

Въ обоихъ случаяхъ людьми культурными уважается право на интимность извѣстныхъ дѣйствій, тогда какъ малокультурный человѣкъ совсѣмъ этого не понимаетъ и безцеремонно залѣзаетъ иногда своими лапами въ чужую область, которой касаться ему не подобаетъ.

Мое знакомство съ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ началось въ 1882 году во время статистической переписи г. Москвы. Какъ извѣстно, Левъ Николаевичъ захотѣлъ въ ней принять участіе, при чемъ былъ допущенъ въ качествѣ, такъ сказать, добровольца и посѣщалъ преимущественно пріюты городской нищеты, такъ называемые „ночлежные дома“ и „коечныя квартиры“, которымъ онъ и посвятилъ нѣсколько своихъ превосходныхъ очерковъ.

Кромѣ лично самого Льва Николаевича былъ еще участникъ

переписи изъ его семейства, а именно его старшій сынъ Сергѣй Львовичъ, въ то время студентъ-естественникъ Московскаго университета; какъ всѣ лица изъ молодежи, допущенныя до участія въ переписи, Сергѣй Львовичъ былъ записанъ въ такъ называемые „счетчики"—низшій рангъ участниковъ въ цензѣ и совершенно случайно онъ былъ занесенъ въ списокъ Срѣтенской части Москвы, гдѣ сосредоточены всевозможные вертепы порока и подонки населенія. Это послѣднее обстоятельство и послужило поводомъ къ нашему знакомству. Левъ Николаевичъ нашелъ неудобнымъ такую дѣятельность своего сына, въ его юномъ возрастѣ, въ части города, гдѣ онъ могъ видѣть лишь представителей порока и преступленія, поэтому онъ обратился къ кому-то изъ главныхъ распорядителей переписи (вѣроятно къ А. И. Чупрову), съ просьбой перевести своего сына для статистическихъ работъ въ другую, болѣе приличную часть города. Такъ какъ въ это время распредѣленіе „счетчиковъ" уже закончилось, то принятіе новаго вполнѣ зависѣло отъ воли „участковаго", и Льву Николаевичу указали тотчасъ же на меня, завѣдующаго Пречистенской частью, гдѣ проживалъ и самъ Левъ Николаевичъ, при томъ же недалеко отъ моей квартиры (оба жили тогда въ Денежномъ переулкѣ). Я, разумѣется, съ удовольствіемъ согласился принять такого счетчика и заявилъ ему тотчасъ же, встрѣтившись случайно въ магазинѣ книгопродавца Васильева на Страстномъ бульварѣ; Левъ Николаевичъ нашелъ нужнымъ сдѣлать мнѣ визитъ, и наше знакомство началось.

Мои посѣщенія Льва Николаевича относятся преимущественно къ нѣсколько болѣе позднему времени, когда онъ уже пріобрѣлъ собственный домъ въ Хамовникахъ и туда переѣхалъ изъ Денежнаго переулка; до переселенія моего на постоянное житье въ Петербургъ въ 1898 году, мы видались съ нимъ, примѣрно, разъ десять каждую зиму, при чемъ Левъ Николаевичъ заходилъ ко мнѣ за англійскими и американскими книгами, и по этому поводу возникали у насъ довольно длинные разговоры, если не споры. Жена моя вскорѣ также познакомилась съ графиней Софіей Андреевной и съ удовольствіемъ ее изрѣдка посѣщала. Ближайшимъ поводомъ къ нашимъ бесѣдамъ были преимущественно книги и книги, которыя всѣ мы одинаково любили и обмѣнивались новостями англо-американской литературы.

Помимо взаимныхъ посѣщеній мы встрѣчались съ Львомъ Николаевичемъ на улицѣ, и наши встрѣчи превращались иногда, такъ какъ мы оба были хорошими ходоками, въ длинныя безконечныя прогулки и проводы другъ друга по московскимъ бульварамъ и улицамъ, при чемъ Левъ Николаевичъ говорилъ и говорилъ, я же

больше слушалъ и поучался, прерывая его изрѣдка своими пытливыми разспросами...

Тихіе и спокойные Смоленскій и Зубовскій бульвары и Дѣвичье Поле нерѣдко превращались, такимъ образомъ, въ своего рода „Древне-греческія Академіи". Я живо помню, напримѣръ, въ одну изъ прогулокъ, его объясненіе о финалѣ „Анны Карениной". Онъ разсказалъ о дѣйствительномъ случаѣ, какъ одна барыня на его глазахъ бросилась подъ поѣздъ желѣзной дороги. Я припоминаю, во время прогулокъ на Дѣвичьемъ Полѣ, его интересныя разсужденія о важности полной свободы мысли и изслѣдованій п т. под. „Никогда не бойтесь практическихъ возраженій", говорилъ онъ, „и особенно господствующихъ кружковъ противъ вашихъ логическихъ построеній, если исходная посылка вѣрна, и выводили правильно, иначе", добавлялъ Левъ Николаевичъ, „вы никогда не скажете и не создадите ничего оригинальнаго".

Нашему дальнѣйшему сближенію способствовало, какъ извѣстно, не мало одно случайное событіе, а именно мой рефератъ въ „Обществѣ Естествознанія" объ островахъ Фиджи, гдѣ я сообщалъ нѣкоторыя данныя о вредномъ вліяніи денежныхъ сборовъ съ первобытныхъ жителей этихъ островов на ихъ благосостояніи. Какъ извѣстно, Левъ Николаевичъ воспользовался данными моего реферата, какъ примѣромъ или иллюстраціей о зловредности денегъ вообще въ своемъ остроумномъ очеркѣ о деньгахъ, гдѣ ссылается на мой рефератъ и дѣлаетъ изъ него выдержки.

Далѣе, Левъ Николаевичъ сдѣлалъ у себя на квартирѣ маленькое засѣданіе изъ нѣсколькихъ лицъ, на которомъ и я присутствовалъ для обсужденія этого вопроса. Левъ Николаевичъ старался доказать, что деньги составляютъ существенное зло для человѣка, и ихъ надо уничтожить, но, какъ у насъ водится, большинство осталось при своихъ старыхъ мнѣніяхъ и всѣ присутствующіе, насколько мнѣ помнится, утверждали, что такое уничтоженіе денегъ, какъ знаковъ обращенія, не измѣнитъ ничего къ лучшему въ гражданскомъ оборотѣ и только затруднитъ его и поведетъ за собой большія неудобства безъ всякой пользы дѣлу и прогрессу человѣчества [1]).

Уже указанные примѣры достаточно даютъ понять, насколько мнѣнія Льва Николаевича отличаются, сравнительно съ мнѣніями Ивана Сергѣевича Тургенева своей оригинальностью и въ то же время рѣзкостью выраженій. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи ихъ

[1]) См. подробности въ книгѣ „О Толстомъ". Международный Толстовскій Альманахъ. Составилъ П. Сергѣенко. 1909. „Мое знакомство съ Толстымъ". Академикъ И. И. Янжулъ. Стран. 409 и пр.

даже сравнивать невозможно. Все, что ни высказывалъ Иванъ Сергѣевичъ, хотя бы это было совершенно противно вашимъ убѣжденіямъ, какъ, напримѣръ, о сообщенномъ выше фактѣ его мнѣнія о русской женщинѣ съ моимъ, все это говорилось въ такой елейной формѣ, такъ мягко и кротко, что и не приходило въ голову Тургеневу настойчиво возражать и тѣмъ болѣе на него гнѣваться...

Насколько припоминаю, всѣ „вечера съ Тургеневымъ", которые я проводилъ, т. е. въ присутствіи его, въ большомъ обществѣ, отношенія публики, окружавшей великаго писателя, всегда напоминали отношенія учениковъ къ своему уважаемому учителю; всѣ молча, или почти молча прислушивались съ напряженнымъ вниманіемъ къ тому, что говорилъ Иванъ Сергѣевичъ, вставляя лишь отдѣльныя реплики. Это настроеніе удерживалось въ теченіе всего, напримѣръ, обѣда или вечера, которые приходилось съ нимъ проводить, но едва Иванъ Сергѣевичъ удалится, какъ бы „учитель ушелъ", немедленно поднимался общій говоръ, споръ, совершенно, какъ у дѣтей въ классную перемѣну. Таково было впечатлѣніе мое и вполнѣ согласное съ нимъ моей жены.

Совершенно иначе обстоитъ, по моимъ наблюденіямъ, дѣло при встрѣчахъ въ многолюдномъ обществѣ, напримѣръ, на вечерахъ съ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ. Несмотря на всю его рѣзкость (которой я дальше приведу еще примѣры) и на высокую степень уваженія къ нему; онъ почему-то, противно съ Тургеневымъ, совсѣмъ не импонируетъ, такъ сказать, не подавляетъ своимъ авторитетомъ—всѣ держатъ себя какъ обыкновенно, какъ будто Толстой и не присутствуетъ, между тѣмъ его мнѣнія именно и поражаютъ своей замѣчательной оригинальностью и поддаются объясненію, лишь послѣ долгаго размышленія и продолжительнаго знакомства съ его взглядами.

Приведу одинъ весьма наглядный примѣръ для подтвержденія своей мысли: мнѣ, однажды, пришлось посѣтить великаго писателя въ его гнѣздѣ, въ Ясной Полянѣ, и гуляя въ прекрасные зимніе дни по широкимъ полямъ и перелѣскамъ, мы проводили цѣлые дни въ нескончаемыхъ разговорахъ, наша бесѣда коснулась моихъ, недавно напечатанныхъ тогда статей въ „Вѣстникѣ Европы" о новомъ гуманитарномъ движеніи въ Англіи—„въ народъ" и „для народа": какъ молодежь изъ богатыхъ классовъ, не исключая самыхъ аристократическихъ фамилій, покидая домашній комфортъ и всѣ привычныя удобства жизни, поселялась въ Восточномъ Лондонѣ, посреди подонковъ общества, съ единой благородной цѣлью—служить народу, учить народъ и даже развлекать народъ... Для выполненія этой высокой задачи англійская образованная молодежь жерт-

вовала всѣмъ, чѣмъ люди обыкновенно такъ дорожатъ:—матеріальными средствами, своими дѣловыми успѣхами, временемъ и даже безъ всякаго разсчета на благодарность...

Разговоръ мой на эту тему велся, собственно, съ кѣмъ-то изъ старшихъ сыновей хозяина, тутъ присутствовавшихъ, — Сергѣемъ или Львомъ Львовичами; самъ Левъ Николаевичъ сначала только терпѣливо слушалъ наши реплики и молчалъ, какъ вдругъ внезапно, къ моему великому смущенію, разразился такой рѣчью по адресу моихъ англійскихъ героевъ...

„Знаете ли, что я вамъ скажу; конечно, молодежь очень хорошо дѣлаетъ въ англійскихъ университетахъ, что вмѣсто пьянства, или чего-либо иного дурного устраиваетъ для народа разныя удовольствія, или обучаетъ рабочихъ съ ихъ ребятами. Но я, извините меня, не могу на это смотрѣть какъ на серьезное дѣло, и мнѣ лишь припоминаются наши гусары добраго стараго времени: вотъ какой-нибудь изъ нихъ, бывало, кутитъ безъ конца, а затѣмъ, напившись, лѣзетъ въ первую зеркальную или посудную лавку, вынетъ палашъ и давай рубить и сокрушать направо и налѣво... Въ заключеніе вытаскиваетъ кошелекъ и платитъ испуганному торговцу тысячи за побитое... „Ай, да молодцы, моему нраву не препятствуй!“ „Чѣмъ въ сущности англійскіе джентльмены будутъ лучше этихъ гусаръ? Вѣдь подкладка въ сущности одна и та же—игра тщеславія, лишь проявляемая въ разныхъ формахъ, у насъ пожалуй болѣе дико... И только“.

У меня на лицѣ, вѣроятно, ясно было написано великое огорченіе такимъ смѣлымъ сопоставленіемъ уважаемыхъ мною молодыхъ англичанъ съ дикими русскими кутилами, точно также Сергѣй Львовичъ запротестовалъ противъ этого сравненія, и Левъ Николаевичъ немедленно поспѣшилъ, если и не взять слова назадъ, то по крайней мѣрѣ старался всячески ихъ смыслъ смягчить, а меня утѣшить, но это, разумѣется, выходило уже неловко, и мы почти молча поспѣшили вернуться домой.

Безполезно говорить, что Иванъ Сергѣевичъ не въ состояніи былъ бы высказать такое рѣзкое сужденіе о моихъ герояхъ Восточнаго Лондона, если бы мнѣ пришлось коснуться ихъ въ разговорѣ съ нимъ, причина вполнѣ понятная: міровоззрѣніе Ивана Сергѣевича Тургенева не отличалось и не отходило отъ господствующаго міровоззрѣнія лучшихъ людей буржуазной Европы, среди которыхъ онъ жилъ, воспринимая тѣ же мнѣнія и убѣжденія всей своей впечатлительно-воспріимчивой натурой; совсѣмъ иначе было и есть съ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ, отчасти подъ воздѣйствіемъ и вліяніемъ Шопенгауера, отчасти его собственныхъ самостоятельно

выработанныхъ убѣжденій. Толстой всегда высказывался за широкое переустройство быта цѣлой вселенной, а таковое должно было последовательно поглотить и уничтожить усилія и жертвы отдѣльныхъ лицъ, обществъ и государства... Кромѣ того къ существованію и дѣятельности государства онъ вообще относился отрицательно. Поэтому, разумѣется, несогласія или контроверзы во мнѣніяхъ должны были казаться великому писателю ничтожными и поверхностными сравнительно съ будущимъ въ выполненіи всѣхъ его плановъ и мечтаній.

Въ 1893 году, когда счастливая судьба, въ лицѣ С. Ю. Витте, дала мнѣ возможность посѣтить Америку для исполненія разныхъ научныхъ, экономическихъ и финансовыхъ порученій министерства, никто изъ моихъ знакомыхъ, кажется, такъ не обрадовался, вслѣдъ за мной этой доброй случайности, какъ именно Левъ Николаевичъ: Америка была всегда страной, гдѣ его имя гремѣло больше всѣхъ, а его сочиненія и ученія находили большое число учениковъ и послѣдователей. Постоянный обмѣнъ мыслей, книгъ и журналовъ и сочиненій доставляли, вмѣстѣ съ указанными причинами, Льву Николаевичу, такъ называемыхъ „знакомыхъ незнакомцевъ" или заочныхъ знакомыхъ, поэтому, когда зимой, въ 1892—93 году былъ уже окончательно рѣшенъ вопросъ о моей командировкѣ въ Америку, въ Чикаго на Колумбійскую выставку, Левъ Николаевичъ великодушно предложилъ меня снабдить въ разныя мѣста Америки своими рекомендаціями и указаніями къ тому за чѣмъ обратиться; зная хорошо уже, по примѣру, нѣсколько сходной страны Англіи, какую великую роль играетъ рекомендація такого человѣка, какъ Толстой, я, разумѣется, отвѣчалъ изъявленіемъ моей глубочайшей благодарности, заранѣе радуясь успѣху порученнаго мнѣ министерствомъ дѣла. Я надѣялся и не безъ основанія найти въ письмахъ и карточкахъ Льва Николаевича въ Америкѣ тотъ волшебный „Сезамъ, Сезамъ, отворись!", который откроетъ мнѣ всѣ нужныя двери, для интересовъ дѣла въ Америкѣ!..

Въ свою очередь, я, разумѣется, предложилъ Льву Николаевичу и всему его почтенному семейству свои услуги, какія только въ состояніи выполнить, и они найдутъ нужными. Высокоуважаемая Софія Андреевна съ Татьяной Львовной поймали меня на словѣ и заявили желаніе воспользоваться ими,—доставить въ Америку и передать въ цѣлости два набора простородныхъ женскихъ костюма Тульской губерніи, праздничный и будничный. Сюда входили, такъ называемыя паневы, кацавейки, огромные платки и прочія части женскаго костюма. Я съ радостью обѣщалъ все это доставить, когда пріѣду въ Нью-Іоркъ г-жѣ Варварѣ Гэпгудъ. Но по правдѣ, пришелъ въ чистый ужасъ, когда получилъ огромный узелъ разныхъ бабьихъ

тряпокъ и потребовалось очистить значительную часть нашего чемодана отъ собственныхъ вещей, чтобы уложить на днѣ эту рухлядь, перемѣшивая, по возможности, съ принадлежностями нашихъ костюмовъ, чтобы менѣе дразнить вниманіе таможенныхъ.

Левъ Николаевичъ пожелалъ отъ меня имѣть другую болѣе легкую услугу, чтобы я свезъ въ Америку и передалъ той же Гэпгудъ, извѣстной переводчицѣ съ русскаго на англійскій языкъ, его новое сочиненіе; разумѣется, я обѣщалъ исполнить его просьбу, но зная хорошо, что воззрѣнія Льва Николаевича часто расходятся съ существующими у насъ цензурными, я рѣшилъ заранѣе просить передать мнѣ это сочиненіе закрытымъ пакетомъ для передачи Гэпгутъ, чтобы я могъ съ чистой совѣстью не знать, какое сочиненіе было привезено мною отъ Толстого въ Америку.

Въ свою очередь я получилъ полезныя мнѣ отъ Льва Николаевича 20 писемъ и карточекъ во всевозможныя мѣста въ Америкѣ, такъ что, несомнѣнно, если бы мнѣ командировка была дана не на нѣсколько мѣсяцевъ, а на много лѣтъ, я бы могъ ее съ успѣхомъ вести! Значительной частью этихъ рекомендацій я даже не успѣлъ воспользоваться и привезъ ихъ назадъ.

Мой отъѣздъ изъ Москвы въ началѣ апрѣля 1893 г. прямо въ Америку, черезъ Берлинъ и Гамбургъ, какъ я предполагалъ первоначально, совершился съ особенной неожиданной торжественностью. Всѣ панёвы и платки были давно уложены въ нашемъ сундучкѣ, но о рукописи было мнѣ сообщено, что ее пришлютъ прямо на Брестскій вокзалъ; къ моему великому удивленію и удовольствію, первое лицо, которое я увидѣлъ, было—рано туда пріѣхавшій самъ Левъ Николаевичъ, пожелавшій лично проститься, вслѣдъ за нимъ явился одинъ изъ близкихъ знакомыхъ или учениковъ, котораго я изрѣдка встрѣчалъ у Толстого въ кабинетѣ, но фамилію не зналъ. Онъ держалъ большой толстый свертокъ какихъ-то бумагъ въ синей обложкѣ; оказалось, это и былъ столь желанный и стоившій столькихъ хлопотъ манускриптъ графа. Я хотѣлъ взять у него этотъ свертокъ, унести въ свой вагонъ къ вещамъ, но тотъ протестовалъ, желая передать мнѣ рукопись не иначе, какъ въ самомъ вагонѣ, такъ и было сдѣлано. Билеты были мною взяты заранѣе, спальное купэ перваго класса, и я потребовалъ отъ кондуктора показать мнѣ его, и тамъ уже я раскрылъ свой ручной чемоданчикъ или сакъ, отперъ его и освободилъ цѣлую половину для рукописи, которую туда и положилъ торжественно довѣренный Толстого, а я тщательно обложилъ всю рукопись, чтобы она менѣе привлекала вниманіе таможенныхъ, запасомъ своего бѣлья и увѣрилъ его, что до Америки эту половину чемодана открывать не буду.

Левъ Николаевичъ ждалъ насъ на вокзалѣ и вмѣстѣ со мной вернулся въ вагонъ проститься съ моей женой, тамъ мы обмѣнялись взаимными пожеланіями всего лучшаго, я поблагодарилъ его еще разъ за рекомендательныя письма и обѣщался немедленно написать изъ Нью-Іорка, какъ только выполню порученіе графа и его почтенной супруги.

Путь нашъ до Берлина совершили вполнѣ благополучно, тамъ я взялъ билеты на пароходъ „Нормандія“, принадлежащій германскому гамбургскому обществу, соединяющему Гамбургъ съ Нью-Іоркомъ. До отхода парохода оставалась еще цѣлая недѣля, на которую падала въ томъ году Святая недѣля. Желая провести ее, по возможности, пріятнѣй, посреди знакомой обстановки, мы рѣшили съ женой немедленно, въ тотъ же день, переѣхать въ знакомый и близкій нашему сердцу Дрезденъ, гдѣ и встрѣтить праздникъ среди нашихъ соотечественниковъ. Такъ мы и сдѣлали.

Черезъ недѣлю, проведя дѣйствительно пріятно время въ полуродномъ для насъ Дрезденѣ, гдѣ еще было порядочно знакомыхъ людей, начиная съ почтеннаго священника Іакова Григорьевича Смирнова, мы перенеслись быстро съ экспрессомъ въ Гамбургъ и представьте наше огорченіе!? Едва мы явились въ контору германскаго гамбургскаго пароходства, намъ объявили, что судно „Нормандія“ требуетъ починки и можетъ выйти лишь черезъ недѣлю, а ближайшее судно и гораздо болѣе тихоходное пойдетъ лишь черезъ три дня! Что намъ дѣлать и что предпринять? Послѣ короткихъ размышленій и справокъ въ путеводителяхъ, оказалось, что черезъ два дня вечеромъ идетъ изъ Ливерпуля въ Нью-Іоркъ одинъ изъ лучшихъ пароходовъ общества „Cunard Line“, „Etruria“, могущій вмѣстить болѣе 1.500 пассажировъ. Мы немедленно телеграфировали въ лондонское бюро общества—оставить два мѣста и съ экспрессомъ выѣхали изъ Гамбурга въ Англію. Поспѣли вò-время къ отходу парохода и 22 апрѣля новаго стиля благополучно прибыли въ Нью-Іоркъ, при чемъ строгіе, чуть не жестокіе, таможенные чиновники Соединенныхъ Штатовъ Заатлантической республики отнеслись милостиво къ тульскимъ панёвамъ, кацавейкамъ и платкамъ, принимая ихъ, вѣроятно, за нормальный костюмъ моей жены и вмѣстѣ съ манускриптомъ Льва Николаевича выпустили насъ на свободу на темныя, грязныя улицы Нью-Іорка.

Одинъ изъ первыхъ моихъ визитовъ въ Нью-Іоркѣ, раньше, чѣмъ я успѣлъ что-нибудь осмотрѣть или кого-нибудь видѣть, былъ къ г-жѣ Гэпгудъ. Хотя я и засталъ ее дома, но она не могла меня принять, вѣроятно, была неодѣта; поэтому я оставилъ ей письмо Софіи Андреевны и обременяющіе мои руки узлы съ паневами и

платками и съ объясненіемъ прислугѣ, что мнѣ необходимо видѣть г-жу Гэпгудъ по извѣстному ей дѣлу. Дня черезъ два Гэпгудъ появилась у насъ въ квартирѣ (кстати, я остановился въ Нью-Іоркѣ, по рекомендаціи моихъ русскихъ друзей, довольно центрально, въ пансіонѣ, содержимомъ г. Бѣляковымъ, нѣкогда предводителемъ дворянства Симбирской губерніи, сдѣлавшимся въ Америкѣ хорошимъ поваромъ).

Г-жа Гэпгудъ, женщина, какъ мнѣ показалось, по крайней мѣрѣ, необыкновенно большого роста — настоящій гренадеръ, говоритъ громкимъ, почти мужскимъ голосомъ и производитъ вообще сильное впечатлѣніе, какъ дама съ вѣсомъ и значеніемъ. Она очень благодарила насъ съ женой за трудъ доставить ей „эти прекрасные русскіе костюмы“, какъ выразилась вѣжливо она про тульскія паневы. Кстати, говорила она все время на ломанномъ русскомъ языкѣ и отклоняла попытки моей жены, владѣющей совершенно свободно англійскимъ языкомъ, говорить по-англійски. По благородному американскому обычаю, какъ и всѣ другія рекомендованныя намъ лица, г-жа Гэпгудъ задала немедленно вопросъ, чѣмъ она можетъ быть намъ полезна? Я попросилъ ее, въ виду того, что имѣлъ уже много рекомендацій и безъ того, дать письмо, кажется, къ начальнику порта Нью-Іорка, чтобы собрать свѣдѣнія для Министерства Финансовъ о портовыхъ сборахъ; относительно же жены г-жа Гэпгудъ не ограничилась словомъ, но перешла прямо къ дѣлу. Узнавши, что она интересуется школами и благотворительными учрежденіями, взяла ее съ собой и немедленно повезла по разнымъ школамъ, пріютамъ и прочее; вездѣ ей не только показывали посѣщаемыя учрежденія, но Гэпгудъ, такъ сказать, авансомъ брала любезность и для будущаго, предупреждая, что г-жа Янжулъ появится еще не разъ и чтобы были готовы оказать ей всякое содѣйствіе къ ознакомленію съ учрежденіями. Эта любезность стѣсняла мою жену, такъ какъ, и въ данномъ случаѣ и въ будущихъ, насъ выдвигали какъ друзей Толстого, что немедленно обнаруживалось на любезности въ пріемѣ.

Вообще мнѣ не разъ приходило въ голову извѣстное библейское выраженіе: „Нѣтъ пророка въ отечествѣ своемъ“. Я воочію убѣдился, какъ высоко стоитъ имя Льва Николаевича и уваженіе къ нему въ Америкѣ, сравнительно съ Россіей и даже съ Европой. Иногда, являясь или обращаясь къ лицу безъ всякой рекомендаціи въ Америкѣ, достаточно было сказать, что мы знакомые Льва Николаевича и имѣемъ отъ него разныя рекомендаціи, чтобы немедленно заинтересовать собой и получить желаемыя свѣдѣнія, или помощь. Газетные интервьюеры не давали намъ скоро покоя, пронюхавши о

насъ и являясь къ намъ на квартиру за разспросами о Толстомъ и его семействѣ. Всѣ эти разговоры, часто совсѣмъ не интересные, съ страшными искаженіями нашей фамиліи и сообщаемыхъ фактовъ, хотя видимо безъ всякаго злого умысла, появлялись потомъ въ газетахъ. Одна молоденькая газетная интервьюерша, которую, во время продолжительнаго у насъ сидѣнія, я вздумалъ угостить шоколадными конфетами, полученными нами отъ знакомыхъ въ Лондонѣ, нашла нужнымъ упомянуть въ газетѣ, какія прекрасныя конфеты приготовляются въ Россіи!

Спустя нѣсколько дней, фигура огромной г-жи Гэпгудъ опять появилась на порогѣ нашего скромнаго жилища. Мы, разумѣется, ее привѣтствовали очень любезно, но на этотъ разъ, къ нашему удивленію, нашли ее въ самомъ дурномъ настроеніи духа. Съ большимъ раздраженіемъ, можно сказать съ гнѣвомъ, она бросила мнѣ на столъ огромный свертокъ рукописи, ей врученной ранѣе, и быстро заговорила: „Я удивляюсь, какъ мнѣ подобная рукопись могла быть прислана для перевода! Я хорошая христіанка и не могу сочувствовать распространенію этого анархическаго сочиненія: знаете ли вы, профессоръ, что въ немъ заключается? Читали ли вы его?“ Я ей заявилъ, что не читалъ и даже не развертывалъ. „Ну, вотъ это и видно, иначе вы не рѣшились бы мнѣ передать такую рукопись, которая никѣмъ, уважающимъ себя, не можетъ быть одобрена. Она не должна быть переведена и не можетъ распространяться въ Америкѣ!!“ кричала она рѣзкимъ, сердитымъ тономъ.

Когда Гэпгудъ, наконецъ, немного успокоилась, остановилась и дала себѣ передышку, я ее увѣрилъ опять, что манускриптъ мною не только не читанъ, но что я умышленно передалъ ей завернутымъ пакетъ съ рукописью, не развертывая его, и зналъ только, что рукопись Льва Николаевича, не имѣя понятія о ея содержаніи, а потому и не могу входить въ критику произведенія Льва Николаевича. Теперь для меня является вопросъ, что мнѣ дѣлать съ рукописью, не отсылать же ее обратно въ Россію?! По словесному наставленію Льва Николаевича, я имѣю право передать ее для изданія желающему и компетентному лицу, если таковое найдется, у меня есть между прочимъ одно письмо къ г-жѣ Делано въ Бостонѣ (русской по происхожденію), которая издавала кое-что и переводила съ русскаго на англійскій. Г-жа Гэпгудъ не отвѣтила мнѣ ни да, ни нѣтъ и, послѣ моего заявленія, скоро простилась съ нами и ушла, и больше мы ее не видали. На прощаньи я просилъ ее безъ нужды не распространяться о порученіи Льва Николаевича о моемъ посредничествѣ, что, впрочемъ, впослѣдствіи, какъ оказалось, Гэпгудъ рѣзко нарушила, разболтавъ

всю эту исторію, подъ вліяніемъ, вѣроятно, обиженнаго самолюбія, въ американской газетѣ, когда появился чужой для нея переводъ новой книги Толстого.

Немедленно послѣ сего инцидента я написалъ г-жѣ Делано письмо въ Бостонъ съ объясненіемъ всего дѣла и предложилъ, если она пожелаетъ, получить изъ рукъ въ руки или черезъ вѣрнаго человѣка рукопись. Очень скоро я получилъ отъ нея утвердительный отвѣтъ, что она съ удовольствіемъ согласна принять условія (помнится, очень немногія—ничего не выбрасывать и не искажать въ переводѣ). Въ серединѣ мая 1893 года ко мнѣ явился, по рекомендаціи отъ г-жи Делано, Theodore M. Osborne of the Civil Superior Court of Boston. Этому г-ну Теодоръ Осборнъ, судьѣ изъ гражданскаго высшаго суда въ Бостонѣ, я и передалъ подъ росписку манускриптъ Толстого и на обратной сторонѣ той же росписки находилась русская надпись слѣдующаго содержанія: „Рукопись Льва Николаевича Толстого получила, условія его выслушала и на нихъ согласна Александра Делано“.

Разсчитывая на великодушіе Льва Николаевича, я приношу повинную, что и до настоящаго дня я еще не удосужился прочесть „Царство Божіе внутри насъ“, которое отвезъ въ Америку, хотя, разумѣется, читалъ очень много отзывовъ и даже не менѣе гнѣвныхъ, чѣмъ выходка разсерженной Гэпгудъ. Какъ бы то ни было, порученіе такимъ образомъ было мной исполнено, и я благополучно сдалъ его съ рукъ.

Разскажу еще одно любопытное приключеніе изъ моихъ воспоминаній и сношеній съ высокоуважаемымъ писателемъ. Однажды въ зимнее утро, гуляя по Смоленскому бульвару, я встрѣтилъ Льва Николаевича, какъ это было много разъ, и мы пошли вмѣстѣ усердно маршировать по обширнымъ пространствамъ города Москвы. „Вы, кажется, получаете журналъ: „Century?“—„Точно такъ“. „Есть ли у Васъ, и прочли ли Вы статью извѣстнаго Кеннана о поѣздкѣ ко мнѣ въ Ясную Поляну?“ Опять утвердительный отвѣтъ. „Въ такомъ случаѣ, не одолжите ли Вы мнѣ ее прочитать, я обращался ко многимъ знакомымъ, но эта книжка, большею частью, или конфискована, или статья вырѣзана“.—„Съ великимъ удовольствіемъ“, отвѣтилъ я, „мы находимся теперь недалеко отъ моей квартиры, если угодно зайти ко мнѣ на минутку, то я немедленно желаемую книжку передамъ“. Такъ и произошло, и я тотчасъ вручилъ ее Льву Николаевичу; это происходило, сколько помнится, въ серединѣ 80-хъ годовъ, т. е. задолго до моей поѣздки на Чикагскую выставку, которая, какъ извѣстно, произошла въ 1893 году.

Содержаніе статьи Кеннана, столь заинтересовавшее Льва Нико-

лаевича, было въ дѣйствительности чрезвычайно любопытно и даже не для одного Льва Николаевича. Кеннанъ, посѣщая Сибирскія тюрьмы и каторги, потомъ имъ описанныя въ его извѣстной книгѣ, получилъ отъ многихъ политическо-ссыльныхъ горячую и настойчивую просьбу передать, на обратномъ проѣздѣ въ Америку, посѣтивши спеціально для этого Ясную Поляну, Льву Николаевичу Толстому о тѣхъ якобы страданіяхъ и лишеніяхъ, которыя они выносятъ отъ произвола администраціи. Жестокіе приставники и строгость всѣхъ мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ съ ссыльными, разжалобили Кеннана, и онъ согласился съ ними, что дѣйствительно Левъ Николаевичъ Толстой есть единственный человѣкъ въ Россіи, который можетъ безопасно для себя вступиться за ссыльныхъ передъ высшимъ правительствомъ и просить для нихъ всякой милости.

Въ этомъ собственно и заключалась цѣль поѣздки; статья, вообще, написана весьма живо и интересно; суть заключается въ слѣдующемъ: когда Кеннанъ уже пріѣхалъ въ Ясную Поляну и обратился, по порученію политическо-ссыльныхъ, съ ихъ просьбой къ Льву Николаевичу, то онъ долго во время его печальныхъ описаній молчалъ, а затѣмъ, когда Кеннанъ категорически сталъ спрашивать, окажетъ ли онъ имъ свою защиту, выскажетъ ли свое мощное слово въ ихъ пользу, то графъ Толстой отвѣчалъ отрицательно, что онъ-де ничего не можетъ для нихъ сдѣлать, ибо они сами силою зла боролись съ такой же другой силою и сами виноваты въ происходящемъ. „Кто подниметъ оружіе, тотъ отъ оружія и погибнетъ“. Они только несутъ послѣдствія своего поведенія. Единственный правильный способъ дѣйствовать, по его мнѣнію, какъ всѣмъ извѣстно, въ непротивленіи злу, а они борются съ такимъ же зломъ и неправильными средствами насилія, онъ этому сочувствовать не можетъ, а потому и защищать ихъ не въ состояніи.

Кеннанъ продолжалъ далѣе, что, слушая этотъ неутѣшительный для ссыльныхъ отвѣтъ Льва Николаевича, онъ употребилъ всѣ старанія — склонить Толстого въ ихъ пользу; такъ онъ, напримѣръ, старался живо и наглядно описать ему столь обычное въ Россіи средство борьбы въ подобныхъ случаяхъ „Hunger Strike“ („голодная стачка“), какъ ее выносили и страдали ужасно, иногда даже женщины, чуть не дѣти... Левъ Николаевичъ морщился, его передергивало, и, видимо, страдалъ, но упорно стоялъ на своемъ. „Мнѣ ихъ очень жалко по чувству, но я не могу ничего сдѣлать для людей, которые употребляютъ для защиты такое же насиліе“. „Единственный допустимый способъ борьбы“, твердилъ онъ, „это непротивленіе злу“.—„Но что же другое могутъ сдѣлать эти

несчастные, чтобы помочь своему горю и облегчить участь, когда нѣтъ никакихъ другихъ способовъ?“

„Такой способъ, какъ говорилъ я раньше—въ непротивленіи злу. Власть и сила государства состоитъ: 1) въ солдатахъ, 2) въ собираніи путемъ налоговъ денегъ. Итакъ, чтобы бороться, единственное допустимое средство, по мнѣнію Толстого, заключается въ девизѣ: „не служить въ солдатахъ и не платить налоговъ“. Этимъ будто бы способомъ они могутъ добиться своего, т. е. всякихъ уступокъ и снисхожденій отъ государства...

— „Я съ удивленіемъ выслушалъ предложеніе почтеннаго Льва Николаевича и скромно ему указалъ, что едва ли такой способъ можетъ привести къ благопріятному для политическо-ссыльныхъ результату, ибо невозможно ждать, чтобы сразу всѣ отказались отъ рекрутчины, и сразу всѣ согласились не платить налоговъ уже по весьма многимъ причинамъ. Левъ Николаевичъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ въ голосѣ повторилъ на это“, говоритъ Кеннанъ, „что другихъ способовъ вполнѣ допустимыхъ и дѣйствительныхъ онъ не видитъ, что лишь этимъ способомъ можно и должно бороться съ насиліемъ, не усугубляя зла“; тогда, добавляетъ Кеннанъ, онъ оставилъ дальнѣйшія напрасныя старанія переубѣдить писателя и уѣхалъ изъ Ясной Поляны.

Черезъ недѣлю или двѣ мы съ женой посѣтили Льва Николаевича въ обычный пріемный день (кажется, суббота), и онъ мнѣ вручилъ обратно съ благодарностью книжку журнала „Century“ со статьей Кеннана. Я больше для вѣжливости, такъ какъ ожидалъ такого отвѣта, спросилъ: „Вѣрно ли Кеннанъ изобразилъ свое посѣщеніе въ вашу деревню, Левъ Николаевичъ?“ „Конечно, вѣрно“, отвѣчалъ онъ, „вѣдь Кеннанъ не какой-нибудь корреспондентъ русской газеты, который четверть часа проболтаетъ, а потомъ сообщитъ три короба разнаго вздора изъ головы. Кеннанъ истинный джентльменъ и человѣкъ своего слова“... „Въ такомъ случаѣ, не позволите ли мнѣ, многоуважаемый Левъ Николаевичъ, спросить у васъ принципіально нѣкоторыхъ объясненій по поводу высказаннаго Вами въ разговорѣ съ нимъ девиза: „не служить въ солдатахъ и не платить налоговъ“, не будетъ ли нѣсколько фантастически, я затруднился подобрать выраженіе болѣе приличное, „ожидать практическаго осуществленія отъ такого способа? Развѣ черезъ многія сотни лѣтъ, въ будущемъ, а тогда вѣдь и самый девизъ потеряетъ значеніе и смыслъ“.—„Я не знаю“, отвѣчалъ мнѣ Левъ Николаевичъ замѣтно недовольнымъ тономъ, „другого дозволительнаго способа въ настоящемъ случаѣ, обратить вниманіе правительства на свое желаніе: только такой пассивный способъ не приноситъ зла и мо-

жетъ быть допустимъ". Я убѣдился отсюда, что спорить дальше безполезно, и оставилъ этотъ вопросъ безъ движенія, никакъ не ожидая, что въ будущемъ появится когда-либо такой неразумный шагъ, какъ буквальное примѣненіе вышеуказаннаго девиза въ пресловутомъ Выборгскомъ воззваніи и еще страннѣе, что въ немъ будетъ участвовать много несомнѣнно выдающихся, по своимъ умственнымъ силамъ, членовъ русскаго образованнаго общества!!? Весь вопросъ сводится къ тому, какъ надо понимать настоящій оригинальный девизъ изъ философіи непротивленія злу и многихъ иныхъ положеній, выраженныхъ въ многочисленныхъ произведеніяхъ Толстого, не менѣе оригинальныхъ.

Многіе читатели Толстого наклонны нѣкоторыя положенія его міросозерцанія и нравственной философіи понимать и толковать прямо и непосредственно, какъ, напримѣръ, всецѣлое „непротивленіе злу", какъ основной тезисъ всей философіи Льва Николаевича,

Между тѣмъ, изъ всѣхъ своихъ довольно многочисленныхъ бесѣдъ съ нимъ, болѣе нежели за 15 лѣтъ, и по многимъ однороднымъ вопросамъ, я пришелъ къ рѣшительному заключенію, что такая точка зрѣнія совершенно фальшива, и что всѣ подобныя положенія философіи Толстого надо понимать исключительно лишь условно, какъ тенденцію въ извѣстномъ направленіи и не болѣе, а вовсе не конечный выводъ... Напримѣръ, непротивленіе злу не значитъ вовсе подставлять лѣвую щеку, когда ударили по правой, а означаетъ лишь тенденцію, т. е. стараніе всячески избѣгать съ людьми ссоръ и вражды и беречься безъ крайней необходимости прибѣгать къ насилію. Только принявши такое ограничительное толкованіе, мнѣ кажется, возможно устранить такъ часто встрѣчаемый упрекъ Толстому въ непослѣдовательности или невыдержанности многихъ его убѣжденій...

Я уже сообщалъ выше, что Левъ Николаевичъ, вообще, кажется мнѣ, несмотря на нѣкоторую, по временамъ, рѣзкость—проще, доступнѣе и болѣе вызываетъ къ себѣ довѣрія публики, чѣмъ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, несмотря на всю утонченную деликатность послѣдняго. Въ 1894 году, именно, у меня случилась непріятность во время лекцій, которая дала проявиться удивительно деликатной добротѣ ко мнѣ Льва Николаевича. Кучка студентовъ 19 февраля старалась устроить демонстрацію, сорвать лекціи профессоровъ. Я рѣшительно не согласился на просьбы студенческихъ депутатовъ, назвалъ положительною нелѣпостью праздновать великое событіе 19 февраля ничегонедѣланіемъ и не согласился пропускать въ этотъ день свою лекцію ради демонстраціи ввиду правительственнаго распоряженія. Я предложилъ вмѣсто этого собрать по-

жертвованіе на основаніе народной читальни: въ это время какъ разъ Императорское Вольно-экономическое Общество предлагало для такой цѣли свое посредничество, и я самъ первый заявилъ желаніе пожертвовать сто рублей, но все было тщетно, и въ результатѣ получился скандалъ на лекціи: небольшая часть слушателей шикала и свистала, другая аплодировала, пока свистуны не удалились. Студенты, конечно, понемногу образумились, и волненіе улеглось, но мой курсъ былъ прерванъ изъ-за этого на цѣлую недѣлю, и я въ первый разъ въ жизни былъ въ самомъ подавленномъ, угнетенномъ состояніи духа—безъ вины виноватый...

Большинство моихъ пріятелей и друзей относилось равнодушно къ случившейся со мной непріятности и несправедливости, и у многихъ я даже читалъ въ глазахъ неодобреніе моей настойчивости и корректности, и только два вліятельныхъ, среди молодежи, лица (покойный А. И. Чупровъ и Ф. Ф. Эрисманъ), по моей просьбѣ, говорили со студентами и старались всячески ихъ образумить.

И вотъ въ эти тяжелые для меня дни, когда я мысленно уже рѣшилъ покинуть возможно скорѣй свою „alma mater“ и скоро впослѣдствіи это исполнилъ, уйдя въ Академію Наукъ, ко мнѣ внезапно явился Левъ Николаевичъ, чтобы выразить свое сочувствіе потерпѣвшему безъ вины, и онъ говорилъ обо всемъ этомъ смѣло, прямо и рѣзко безъ всякихъ обиняковъ. Изъ всѣхъ моихъ многочисленныхъ знакомыхъ онъ одинъ лишь, не связанный лживой рутиной, догадался это сдѣлать.

„Вы мнѣ, пожалуйста, не трудитесь разсказывать эту печальную исторію“, обратился онъ ко мнѣ, „я вѣдь знаю Васъ достаточно, чтобы вѣрить, что Вы были правы, да и было бы смѣшно на минутку допустить, что Вы менѣе, нежели студенты, цѣните день освобожденія крестьянъ...

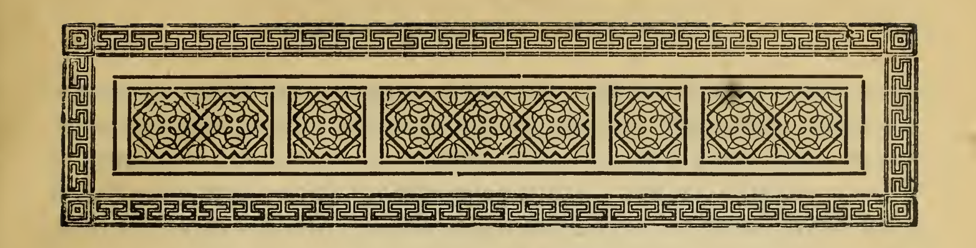
„Мы, общество, всячески избаловали, испортили молодежь и вселили въ нее духъ нестерпимаго самомнѣнія, на которое оно, конечно, никакого права не имѣетъ: вѣдь русская молодежь весьма не зрѣла и мало знаетъ... Мнѣ больше всего наша теперешняя молодежь“, сказалъ графъ Толстой, „напоминаетъ ту анекдотическую дѣвицу, которая будто бы привыкла твердить, какъ попугай: „Ахъ, я—невинна, я—невинна, я—невинна“ и т. д. и т. д. А молодежь наша, обращаясь къ русскому обществу, точно также твердитъ: „Ахъ, вѣдь я—молодежь, я—молодежь, и т. д.“ Но что же, спрашивается, изъ этого?! Развѣ одна молодость или невинность даютъ открытый листъ на всѣ права и достоинства! Конечно, нѣтъ и нѣтъ!“

Лишь въ годину несчастья узнается истинная доброта друзей, и откликъ добраго сердца къ непріятности, меня въ первый разъ постигшей, доказываетъ, что внѣшняя шероховатость и даже рѣзкость сужденія Л. Н. составляютъ лишь форму, а не содержаніе отношенія даннаго лица къ его ближнимъ, и подъ этой формой скрывается самое широкое добросердечіе и человѣколюбіе.

Иванъ Янжулъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I[1].

(Великій князь Николай Михаиловичъ. Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I. т. III. Спб. 1909).

1824-й годъ принесъ Императрицѣ рядъ новыхъ огорченій: въ январѣ мѣсяцѣ, Государь сильно занемогъ рожистымъ воспаленіемъ ноги. Болѣзнь эта случилась съ нимъ не впервые, онъ хворалъ ею во время Вѣнскаго Конгресса, цѣлыхъ три недѣли. Сильная лихорадка и сильная боль въ ногѣ, въ связи съ большой слабостью, внушали первые дни серьезныя опасенія; врачи Вилліе и Тарасовъ были очень озабочены исходомъ болѣзни, но, послѣ двухъ недѣль, теченіе ея приняло благопріятный оборотъ и опасность миновала.

Эта болѣзнь очень сблизила царственныхъ супруговъ; Государыня по нѣсколько разъ въ день навѣщала больного и ухаживала за нимъ съ самой нѣжной заботливостью, радуясь, когда она могла чѣмъ-нибудь облегчить его страданія; она возмущалась тѣмъ, что близкіе не достаточно оберегали его, что вдовствующая Императрица, навѣщая сына, занимала его безконечными разговорами о разныхъ пустякахъ въ то время, когда у него былъ сильный жаръ; оставивъ свою обычную сдержанность, Елисавета отстаивала его покой, ссылаясь на предписаніе врачей, просила, чтобы его не утомляли, говорили съ нимъ только о неотложныхъ дѣлахъ. Марія Ѳеодоровна была недовольна этими замѣчаніями, ревновала свою невѣстку къ сыну, не хотѣла, чтобы она была постоянно при немъ. Эти мелочи жизни только усугубляли душевную тревогу, которую испытывала Императрица во время болѣзни Александра Павловича; зато какой радостью, какой трогательной заботливостью и любовью дышатъ тѣ строки, въ которыхъ она сообщаетъ матери, что Импера-

[1]) См. „Русская Старина“ апрѣль 1910 г.

тору стало немного лучше, что „онъ первую ночь спалъ спокойно, благодаря подушечкѣ“, которую она принесла и положила ему подъ голову, что отдохнувъ, онъ благодарилъ ее и сказалъ, что „онъ ей будетъ обязанъ своимъ выздоровленіемъ“.—„Я же принесла ему и скамеечку“, пишетъ она, „которая оказалась удобной для его ноги, такъ что онъ могъ пересѣсть въ кресло“.

Когда Александру Павловичу стало настолько лучше, что онъ могъ сидѣть въ креслѣ, было отпраздновано бракосочетаніе Великаго Князя Михаила Павловича съ принцессой Шарлоттой Виртембергской, получившей имя Великой Княгини Елены Павловны.

Предстоявшее торжество очень волновало Елисавету Алексѣевну, она боялась, чтобы оно не отразилось на здоровьи Императора, которому доктора все еще совѣтовали полный покой.

„Бракосочетаніе Великаго Князя Михаила назначено неожиданно на будущую пятницу“, пишетъ Елисавета маркграфинѣ 5 (17) февраля 1824 г.; „по причинѣ болѣзни Императора оно было отложено до послѣ поста, но вдовствующая Императрица, съ нетерпѣніемъ ожидающая заключенія этого брака, не могла помириться съ этимъ, и вотъ, обрядъ вѣнчанія совершится самымъ невѣроятнымъ образомъ. Императоръ выразилъ желаніе, чтобы бракосочетаніе совершилось безъ него, но этого не захотѣли; рѣшено, что вѣнчаніе совершится въ залѣ, примыкающей къ большому кабинету Императора, гдѣ онъ лежитъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ заболѣлъ. На время болѣзни въ залѣ поставлена, по его желанію, походная церковь и, такимъ образомъ, отперевъ двери, онъ можетъ слушать обѣдню. Въ этой-то походной церкви и будетъ совершенъ обрядъ вѣнчанія. Я не понимаю, *какъ* это произойдетъ, такъ какъ мѣста мало, а вдовствующая Императрица хочетъ помѣстить туда какъ можно больше людей. Императоръ будетъ лежать за ширмами въ сосѣдней комнатѣ—какое грустное зрѣлище! я до сихъ поръ не могу помириться съ этимъ. Весь дальнѣйшій церемоніалъ будетъ выполненъ, какъ ни въ чемъ не бывало, какъ будто въ присутствіи Императора. Онъ хочетъ, чтобы я присутствовала на торжествѣ бракосочетанія; я подчиняюсь его волѣ, но признаюсь, при всемъ моемъ расположеніи къ Еленѣ, я охотно уклонилась бы отъ него, такъ какъ въ отсутствіи Императора оно представляется мнѣ чѣмъ-то совершенно необычайнымъ“.

Только-что успѣлъ выздоровѣть Императоръ, какъ судьба послала Елисаветѣ Алексѣевнѣ новый ударъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ скончалась герцогиня Антуанетта Виртембергская, съ которой Государыня была очень дружна.

„Смерть дорогой герцогини А. Виртембергской чрезмѣрно огор-

чила Императрицу Елисавету Алексѣевну, которая была съ нею дружна“, писалъ Карамзинъ Дмитріеву 5 марта 1824 г. „Судьба отнимаетъ у нея всѣхъ ей милыхъ, какъ бы для того, чтобы она не имѣла никакой земной привязанности“.

Въ концѣ іюня готовилось новое испытаніе. Скончалась отъ чахотки 18 лѣтняя дочь М. А. Нарышкиной, бывшая уже невѣстой графа Андрея Шувалова. Государыня выказала своему супругу, въ этомъ случаѣ, большое участіе и старалась всячески утѣшить его.

Характерно откликнулась на это событіе юная Великая Княгиня Елена Павловна, еще невѣстой снискавшая особое расположеніе Елисаветы Алексѣевны, которое по мѣрѣ дальнѣйшаго сближенія перешло въ прочную дружбу.

„Вы хотите знать, какое доказательство дружескаго расположенія могла дать мнѣ Елена, писала Государыня маркграфинѣ (23 іюля (4 авг.) 1824 г.); мнѣ такъ пріятно сказать что-нибудь въ ея похвалу, что я спѣшу удовлетворить ваше любопытство. Недѣль 5—6 тому назадъ, Императоръ испыталъ большое огорченіе: онъ потерялъ единственнаго ребенка, который остался у него отъ его связи съ Нарышкиной; молодой дѣвушкѣ шелъ девятнадцатый годъ. Мать и дочь только осенью возвратились изъ-за границы, послѣ продолжительнаго отсутствія. Молодая дѣвушка тогда уже прихварывала; весною она заболѣла воспаленіемъ легкихъ, которое перешло въ скоротечную чахотку. Императоръ повѣрялъ мнѣ свои опасенія съ самаго начала ея болѣзни; онъ всегда говорилъ со мною объ этомъ откровенно, за что я ему была признательна. Это тяжкое испытаніе постигло его на другой день послѣ того, какъ онъ ѣздилъ первый разъ въ Красное Село, въ то утро, когда должны были начаться маневры, и Вилліе былъ настолько неделикатенъ, что сообщилъ ему объ этомъ въ тотъ моментъ, когда онъ садился на лошадь. Онъ не могъ скрыть своего огорченія, и это придало гласность тому, что легче было бы пережить наединѣ. Въ тотъ же день вечеромъ онъ самъ письменно сообщилъ мнѣ о своемъ горѣ. Елена была въ то время въ Красномъ и узнала о томъ, что было раньше, и о томъ, что случилось теперь; оказывается, до сихъ поръ ей ничего не было извѣстно. Она написала мнѣ письмо, изъ котораго я поняла, что она взволнована, хотя она и не объясняла мнѣ причины“.

Это письмо было прислано ночью. Подозрѣвая въ чемъ дѣло, я однако не рѣшилась сама заговорить объ этомъ, не зная, что именно ей извѣстно; мнѣ бы не хотѣлось, ни за что въ мірѣ, первой сообщить ей подобную вещь. Поэтому, на утро я отвѣтила, что меня очень огорчаетъ ея волненіе, и я боюсь, что ее довели до этого состоянія какія-нибудь личныя причины. На слѣдующій день я получила отъ нея трога-

тельное письмо, въ которомъ она, со всевозможными оговорками и опасеніями насчетъ того, что она можетъ лишиться моей дружбы, писала, что она готова подвергнуться всему этому, ради моихъ интересовъ; она видитъ, что мнѣ неизвѣстно о потерѣ, понесенной Императоромъ, между тѣмъ, мнѣ необходимо знать это болѣе чѣмъ кому-либо другому, ибо съ этимъ связаны самые дорогіе для меня интересы; говоря это, она тысячу разъ извинялась и кончала письмо тѣмъ, что если я не одобряю того, что она говоритъ объ этомъ, если я лишу ее своего дружескаго расположенія, то для нея все потеряно. Ея письмо глубоко тронуло меня, сдѣланный ею шагъ показалъ мнѣ правильность ея сужденія и прямоту ея души. Я отвѣчала ей съ величайшимъ чувствомъ, что мнѣ сообщилъ обо всемъ самъ Императоръ. Развѣ это не трогательно, въ 17 лѣтъ? Я никогда не забуду этого. Когда мы увидѣлись, она сказала мнѣ: „Вы не можете себѣ представить, какъ я мучилась! мнѣ такъ тяжело было думать, что вы единственная особа въ Царскомъ Селѣ, которой неизвѣстно о случившемся, тогда какъ могли найтись люди, которые были бы рады, что вы этого не знали и не могли выказать Императору сочувствія“.

Въ отношеніи Елены Павловны къ ней Государыня нашла то, чего она тщетно искала въ своей новой семьѣ тридцать лѣтъ: привязанность, правдивость и довѣрчивость; она полюбила ее всѣмъ сердцемъ.

Весну и лѣто 1824 г. Императрица Елисавета провела въ Царскомъ Селѣ и Петергофѣ; здоровье ея въ это время сильно пошатнулось, она чувствовала большую слабость; плохой сонъ, отсутствіе аппетита, упадокъ силъ—вотъ тѣ признаки серьезнаго недомоганія, которые появились въ ту пору. Императрицѣ хотѣлось поѣхать на морскія купанья, которыя однажды принесли ей большую пользу, но отъ этой мысли пришлось отказаться: Императоръ не любилъ, чтобы она предпринимала самое малѣйшее путешествіе съ нимъ или безъ него.

„Я не знаю, чѣмъ это объяснить, говоритъ Елисавета, но я страдаю отъ этого не первый годъ, мнѣ постоянно приходится дѣлать усиліе, чтобы покориться и перенести лишеніе, въ которомъ я не вижу ни съ какой стороны ни малѣйшей пользы; я объясняю это волей Божіей; онъ хочетъ, чтобы во мнѣ было подавлено всякое личное желаніе“.

Государыня съ грустью ожидала августа, когда Александръ Павловичъ долженъ былъ отправиться въ продолжительное путешествіе. Ее пугала мысль провести осень въ Царскомъ Селѣ, въ полномъ бездѣйствіи, которое прерывалось только поѣздками въ Гатчино, которыя были еще утомительнѣе для души, нежели для

тѣла, не имѣя никого, съ кѣмъ бы она могла подѣлиться своими думами.

Недомоганіе Императрицы сильно тревожило Александра Павловича. Грустно настроенный, вернулся онъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ изъ своей продолжительной поѣздки по Россіи и усиленно совѣщался съ врачами о томъ, гдѣ бы его больной супругѣ провести зиму. Говорили объ Италіи, но помимо политическихъ соображеній, сама Императрица и слышать не хотѣла о поѣздкѣ за границу. Такимъ образомъ эти совѣщанія не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, тѣмъ болѣе, что вниманіе Государя было временно отвлечено страшнымъ наводненіемъ, постигшимъ Петербургъ, тотчасъ по его возвращеніи. Государынѣ пришлось провести зиму въ Петербургѣ, что еще болѣе подкосило ея здоровье. Къ веснѣ оно настолько ухудшилось, что врачи заявили рѣшительно, что Императрица не можетъ провести осень на сѣверѣ.

Послѣ долгихъ переговоровъ, выборъ палъ на Таганрогъ. Вопросъ о ея мѣстопребываніи былъ рѣшенъ Императоромъ съ врачами безъ участія Елисаветы Алексѣевны. Вѣрная своему принципу ни во что не вмѣшиваться, она молча согласилась на все; въ сущности это было для нея безразлично, нѣкоторое значеніе имѣло лишь болѣе или менѣе легкое сообщеніе съ Петербургомъ. Хотя выборъ Таганрога едва-ли можно считать удачнымъ, но во всякомъ случаѣ Государыня была довольна, что, наконецъ, остановились на чемъ-то опредѣленномъ, потому что безконечные переговоры только раздражали ея нервы; ее радовала мысль избавиться на время отъ тяготившихъ ее обязанностей ея сана, отъ постоянныхъ пріемовъ и визитовъ, которые ее утомляли и не давали возможности располагать временемъ, какъ она хотѣла.

Конецъ лѣта прошелъ въ приготовленіяхъ къ дальней поѣздкѣ. Архитектору Шарлемань было поручено съѣздить въ Таганрогъ и, выбравъ соотвѣтствующее помѣщеніе, привести все въ порядокъ къ пріему высокихъ гостей.

Александръ Павловичъ находился все время въ очень мрачномъ настроеніи; болѣе всего его безпокоило состояніе здоровья супруги, но одинаково непріятно поразилъ его и доносъ Шервуда о тайныхъ обществахъ, членами которыхъ были многіе офицеры арміи.

Императоръ отправился изъ Царскаго Села на югъ 1 сентября 1825 г. и прибылъ 13 числа въ Таганрогъ. Два дня спустя, 3 сентября, покинула столицу императрица Елисавета Алексѣевна; она ѣхала тѣмъ же путемъ, но гораздо тише, чтобы не утомляться, и пріѣхала въ Таганрогъ десятью днями позже Государя.

На третій день путешествія, изъ Боровичъ Императрица писала

матери, что благодаря заботливости Императора, который самъ составилъ маршрутъ и, проѣзжая впередъ, дѣлалъ всѣ нужныя распоряженія и предусматривалъ все до мельчайшихъ подробностей,— ея путешествіе было обставлено всевозможными удобствами и она не чувствовала ни малѣйшаго утомленія, напротивъ, она высказывала матери свою радость по поводу того, что она уѣхала изъ Петербурга и могла отдохнуть отъ той жизни, которая ее тяготила.

„Plus de visites, plus de billets à répondre, plus d'interruption pour ceci et celà“, пишетъ Императрица; какая отрада хоть на время чувствовать себя свободной отъ всѣхъ этихъ условностей, отравлявшихъ ей жизнь и бывшихъ ей особенно въ тягость съ тѣхъ поръ, какъ силы стали измѣнять ей.

„Государыню сопровождали на югъ: ген.-ад. князь П. М. Волконскій, статсъ-секретарь Н. М. Лонгиновъ, камеръ-фрейлины Е. П. Валуева и княжна В. М. Волконская.

„Особенно довольна была Елисавета Алексѣевна имѣть при себѣ князя П. М. Волконскаго, умѣвшаго со всѣми ладить и весьма покладистаго характера. Въ одномъ изъ писемъ Елисавета говоритъ: „между нимъ и Кирилломъ Нарышкинымъ (сопровождавшимъ ее за границу) не можетъ быть и сравненія. Въ данномъ случаѣ князь Волконскій для меня истинный кладъ“.

„Кромѣ доктора Стофрегена, въ свитѣ Государыни находились еще два врача: Доббертъ и Рейнгольдъ. Благодаря ихъ настояніямъ перегоны во время дороги были короткіе, и больная доѣхала до Таганрога сравнительно бодрая и не чувствуя особаго утомленія; погода, во время этого длиннаго пути, была въ высшей степени благопріятная.

„Во время остановокъ для отдыха и ночлеговъ Елисавета Алексѣевна писала почти ежедневно Императору и также часто маркграфинѣ. Александръ Павловичъ тоже аккуратно посылалъ письма съ пути навстрѣчу своей супругѣ.

Изъ одного мѣстечка Витебской губерніи Императрица сообщала матери: „Со времени моего отъѣзда изъ Царскаго Села, я получила отъ Императора четыре письма. Онъ выказываетъ мнѣ участіе, которое глубоко трогаетъ меня—qui me touche et me pénètre;— все то, что онъ дѣлаетъ, можетъ окончательно избаловать меня“.

Только остановки въ маленькихъ городахъ утомляли Императрицу, такъ какъ ей приходилось удовлетворять желаніе народа видѣть ее и привѣтствовать; она предпочитала остановки въ глуши, на маленькихъ почтовыхъ станціяхъ.

„Привязанность русскаго народа къ его монархамъ составляетъ одно изъ почтенныхъ качествъ русскаго народа, писала Императ-

рица; сколько крестьянъ осѣняло себя крестомъ, говоря: „Благодарю Бога, что Онъ далъ мнѣ на старости лѣтъ утѣшеніе видѣть тебя, матушка наша!“ Другіе приводили дѣтей и говорили: „Хочу, чтобы они всю жизнь помнили, что видѣли тебя“. Эти добрыя чувства нѣсколько утомляютъ тѣмъ, что приходится при каждой смѣнѣ лошадей разговаривать съ собравшимися; иногда насъ останавливали даже среди дороги мелкопомѣстные помѣщики и подносили намъ фрукты, хлѣбъ, пироги и пр.“.

Населеніе, всюду по пути, встрѣчало путешествующую Императрицу восторженно и сердечно.

Проѣздомъ черезъ Курскую губернію, Императрица посѣтила княгиню Барятинскую, рожд. графиню Келлеръ, въ ея имѣніи Ивановскомъ, которое очень понравилось Императрицѣ Елисаветѣ. Въ Бѣлгородѣ Государыню встрѣтила престарѣлая графиня Анна Родіоновна Чернышева (рожд. Вейдель), вдова графа Захара Григорьевича, не видавшая Елисаветы съ самой ея коронаціи въ 1801 году, т. е. 24 года. Старушка еще знавала маркграфиню мать, когда та пріѣзжала въ Россію съ сестрой своей, бывшей впослѣдствіи недолго замужемъ за великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ и носившей имя Наталіи Алексѣевны. Послѣ наводненія въ Петербургѣ она пожертвовала 30 тыс. рублей въ пользу пострадавшихъ и передала ихъ для раздачи Императрицѣ Елисаветѣ.

„23 сентября Государыня благополучно доѣхала до Таганрога и была встрѣчена на послѣдней станціи Александромъ Павловичемъ. Государь пересѣлъ въ дормезъ Императрицы, и Ихъ Величества вмѣстѣ прибыли въ греческій Александровскій монастырь, гдѣ выслушали благодарственный молебенъ. Елисавета чувствовала себя настолько хорошо, что безъ посторонней помощи вышла изъ экипажа и, стоя, выслушала богослуженіе. Оттуда направились въ приготовленный домъ, называвшійся Таганрогскимъ дворцомъ, но по скромности и простотѣ своей, представлявшій не болѣе, какъ благоустроенное хозяйство или усадьбу зажиточнаго провинціальнаго помѣщика.

Сама Елисавета въ слѣдующихъ словахъ описала матери этотъ домъ:

„Чтобы отвѣтить на ваши вопросы, я вамъ скажу, дорогая мама, что домъ, въ которомъ мы здѣсь живемъ, принадлежитъ казнѣ; въ немъ имѣетъ право жить градоначальникъ. По приказанію Императора онъ очень хорошо обставленъ, частью вещами, присланными изъ Петербурга, частью очень хорошенькой мебелью, мѣстнаго производства; благодаря его по истинѣ трогательнымъ заботамъ обо мнѣ, я устроилась хорошо и уютно. Вездѣ, куда онъ ни пріѣдетъ, начинается дѣятельность: такъ и здѣсь, до сихъ поръ идетъ

работа надъ украшеніемъ города и надъ улучшеніемъ дорогъ. Нашъ домъ одноэтажный. Онъ стоитъ въ концѣ греческой улицы длиннымъ фасадомъ къ улицѣ; противъ дома садъ, обнесенный заборомъ. Изъ комнатъ, выходящихъ во дворъ, за садикомъ, прилегающимъ къ дому, виднѣется море. Въ саду есть терраса, откуда открывается великолѣпный видъ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы скорѣе настало тепло, чтобы я могла понѣжиться на этой террасѣ. Главная комната — зало, занимаетъ домъ во всю глубину; изъ нея дверь направо ведетъ къ Императору, который занялъ для себя всего двѣ комнаты, а налѣво—въ мой салонъ. За нимъ идетъ мой кабинетъ, съ хорошимъ, удобнымъ диваномъ,—вещь для меня драгоцѣнная: сидя въ этомъ кабинетѣ, я пишу вамъ. Далѣе идетъ спальня, которая по расположенію дверей, оконъ и по размѣру, напоминаетъ мнѣ красную комнату въ вашемъ домѣ въ Карлсруэ; маленькая дверь, въ глубинѣ, ведетъ въ уютную комнатку въ одно окно, которую Императоръ назначилъ для моей столовой; изъ этой комнаты входишь, съ одной стороны, въ крохотную уборную, а съ другой—въ довольно просторную комнату, выходящую во дворъ и предназначенную для горничныхъ. Въ концѣ дома есть еще уютный кабинетикъ, гдѣ Императоръ велѣлъ устроить для меня библіотеку, чтобы у меня хоть изъ одной комнаты былъ видъ на море“...

„Въ этомъ домѣ Александръ и Елисавета, почти цѣлый мѣсяцъ, прожили тихо и уютно. Въ октябрѣ Государь на нѣсколько дней ѣздилъ на Донъ и посѣтилъ Новочеркасскъ. Какъ видно, пребываніе на югѣ ему нравилось, и онъ не помышлялъ о скоромъ возвращеніи въ Петербургъ. По крайней мѣрѣ въ письмѣ отъ 8 октября Елисавета сообщала матери: „я просила его на-дняхъ сказать мнѣ, когда онъ разсчитываетъ вернуться въ Петербургъ, такъ какъ я предпочитаю это знать, чтобы свыкнуться съ мыслію объ его отъѣздѣ, какъ свыкаются съ мыслію о предстоящей операціи. Онъ отвѣтилъ: „*Какъ можно позже, еще увидимъ; но во всякомъ случаѣ не раньше новаго года*“. Это привело меня въ хорошее настроеніе на весь день, и вы конечно раздѣлите мою радость, дорогая мама“.

Между тѣмъ графъ М. С. Воронцовъ усиленно приглашалъ Государя, воспользовавшись случаемъ, посѣтить крымское побережье. Успокоившись нѣсколько на счетъ здоровья Государыни, которая, отдохнувъ съ дороги, замѣтно окрѣпла, Александръ, 20 октября, тронулся въ послѣднее, роковое для него путешествіе, изъ котораго онъ возвратился въ Таганрогъ 5 ноября совсѣмъ больной.

О ходѣ его болѣзни съ 5 по 12 ноября, когда въ его состояніи произошло рѣзкое ухудшеніе, подробно разсказано въ дневникѣЕли-

саветы Алексѣевны, хранящемся въ рукописномъ отдѣлѣ собственныхъ Его Величества библіотекъ.

Вотъ что записано въ этомъ дневникѣ:

„Онъ вернулся изъ путешествія въ Крымъ въ четвергъ, 5 ноября, около семи часовъ вечера. Такъ какъ онъ, противъ обыкновенія, долго не шелъ ко мнѣ, то я подумала, не пріѣхалъ ли онъ больнымъ; я испытывала какую-то неопредѣленную тоску и тревогу и, видя фонари, зажженные на улицѣ, какъ тотъ разъ, какъ онъ вернулся изъ Новочеркасска, я сказала себѣ съ грустью: „онъ уѣдетъ отсюда еще разъ, но болѣе не вернется“. Когда онъ пришелъ, мой первый вопросъ былъ: „Здоровы ли Вы“? Онъ сказалъ, что нездоровъ, что у него уже дня два лихорадка; онъ думаетъ, что онъ захватилъ крымскую лихорадку. Я усадила его, онъ весь горѣлъ; онъ сказалъ мнѣ, что полковникъ Саломка и лакей Евстифеевъ также заболѣли лихорадкой. Что касается его, то онъ думаетъ, что причина его болѣзни—прокисшій барбарисовый сиропъ, который онъ выпилъ въ Бахчисараѣ, когда его мучила жажда, и такъ какъ этотъ напитокъ вызвалъ у него поносъ, отъ котораго онъ очень ослабъ, то онъ сдѣлался вслѣдствіе этого болѣе воспріимчивъ къ лихорадкѣ. По его словамъ, послѣ перваго приступа лихорадки, онъ не далъ знать Виллie, а послалъ за нимъ только послѣ второго пароксизма; ему дали пуншу, и въ тотъ день его болѣе не знобило; онъ приказалъ подать себѣ чаю съ лимономъ и, когда доложили о приходѣ Виллie, онъ попросилъ его къ себѣ, и сказалъ ему, что онъ чувствуетъ себя недурно, что его не знобило, но что у него сильный жаръ.

Поговоривъ съ нимъ съ полчаса объ его путешествіи, я уговорила его лечь пораньше. Уходя и прощаясь со мною, онъ сказалъ: „я очень радъ увидѣться съ тобой“. Получивъ извѣстіе о кончинѣ короля баварскаго, онъ писалъ мнѣ, что его тревожитъ, какое впечатлѣніе это произведетъ на меня, и что онъ успокоится только тогда, когда онъ будетъ опять со мною.

„Въ пятницу, 6-го числа, онъ прислалъ сказать мнѣ по утру, что онъ хорошо провелъ ночь. Онъ пришелъ ко мнѣ около 11 часовъ. Онъ былъ желтъ; видно было, что онъ боленъ. Онъ сѣлъ; я показала ему письма, которыя онъ хотѣлъ видѣть наканунѣ; мы говорили о томъ, что произошло во время его отсутствія. Когда онъ уходилъ, я спросила, удобно ли ему, чтобы мы обѣдали вмѣстѣ, не стѣснитъ ли это его. „Напротивъ“, отвѣтилъ онъ. Когда онъ пришелъ къ обѣду, я нашла, что онъ выглядѣлъ хуже, нежели утромъ; онъ просилъ позволенія встать изъ-за стола, какъ только онъ покончитъ свой скудный обѣдъ, сказавъ, что у него въ комнатѣ есть

шуба, въ которую онъ кутается. Ему подали супъ съ крупой, онъ поѣлъ его и сказалъ: „аппетитъ лучше, чѣмъ я думалъ“; затѣмъ подали лимонное желе; онъ замѣтилъ, что оно слишкомъ сладко. Онъ всталъ изъ-за стола. Около 4 часовъ онъ прислалъ за мной; я застала его сидящимъ на диванѣ; придя къ себѣ, онъ легъ и задремалъ, а затѣмъ хотѣлъ приняться за работу, но былъ такъ утомленъ, что долженъ былъ встать изъ-за письменнаго стола; ему хотѣлось прилечь, онъ просилъ меня взять книгу. Онъ пролежалъ нѣкоторое время молча, не засыпая. Мы вспоминали, что завтра годовщина наводненія, и выразили надежду, что въ этомъ отношеніи годъ окончится благополучно. Меня тяготило предчувствіе какого-то бѣдствія, чего-то тягостнаго. Видя, что мнѣ темно читать, онъ велѣлъ принести свѣчи. Въ пять часовъ Федоровъ доложилъ о приходѣ Вилліе; онъ съ трудомъ разслышалъ это, такъ какъ слухъ у него очень притупился: онъ самъ замѣтилъ это и сказалъ, что это отъ лихорадки; то же самое было съ нимъ въ первые дни, когда у него была рожа. Онъ сдѣлалъ лакею замѣчаніе, что тотъ говоритъ тише обыкновеннаго, тогда какъ онъ слышитъ хуже, чѣмъ всегда. Онъ велѣлъ позвать Вилліе и его также просилъ говорить громче: „Я ничего не слышу“; „as deaf as a post, какъ говоритъ Парландъ“, весело прибавилъ онъ. Вилліе совѣтовалъ ему принять лекарство; онъ долго отказывался, обѣщая принять его на другой день утромъ, когда найдутъ нужнымъ, и увѣрялъ, что если онъ приметъ лекарство вечеромъ, то это испортитъ ему сонъ, а онъ надѣялся, что будетъ спать такъ же хорошо, какъ предыдущую ночь. Вилліе увѣрялъ, что дѣйствіе лекарства скажется до ночи; онъ умолялъ принять его, а я, стоя позади Вилліе, глазами молила его о томъ же; наконецъ онъ сказалъ: „Ты раздѣляешь мнѣніе Вилліе?“ Я сдѣлала утвердительный знакъ.

— „Ну что же, хорошо“ и Вилліе пошелъ готовить пилюли. Онъ принесъ ихъ черезъ полчаса. Въ то же время пришелъ князь Волконскій. Двухъ пилюль не хватало; онѣ проскользнули въ рукавъ, гдѣ ихъ и нашли; всѣ смѣялись надъ этой пропажей. Мы пробыли одни до семи часовъ. Тогда онъ попросилъ меня удалиться, такъ какъ лекарство должно было скоро подѣйствовать. Я сказала: „Увидимся ли мы еще сегодня?“

— „Да, вечеромъ“.

Но такъ какъ въ девять часовъ онъ еще не присылалъ за мною, то я позвала Вилліе, который сказалъ, что лекарство подѣйствовало хорошо, что онъ заснулъ и еще не просыпался. Вилліе весело бесѣдовалъ со мною; я поручила ему сказать Императору, если онъ увидитъ его, когда онъ проснется, что я ложусь спать, такъ какъ

уже поздно. Дѣйствительно, онъ проспалъ на диванѣ до полуночи и, проснувшись, легъ въ постель.

Въ субботу, 7-го онъ зашелъ ко мнѣ часу въ двѣнадцатомъ и сказалъ, что онъ чувствуетъ себя лучше.

„Вчера, когда я сидѣлъ тутъ, сказалъ онъ, я чувствовалъ себя очень худо, а вечеромъ, когда я просилъ тебя уйти, потому что лекарство должно было подѣйствовать, это не было главной причиной; оно подѣйствавало только двадцать минутъ спустя, но я чувствовалъ такой пароксизмъ лихорадки, что мнѣ было совѣстно, чтобы меня видѣли въ этомъ состояніи: я не зналъ, куда дѣваться“, и онъ сознался, что пилюли принесли ему пользу; онъ все еще былъ желтъ, но сталъ веселѣе. Мы разсматривали собранныя мною раковины; затѣмъ онъ сказалъ, чтобы я шла гулять, а онъ пойдетъ работать. Я совѣтовала ему не работать такъ много, такъ какъ наканунѣ это принесло ему вредъ.

„Это такъ вошло у меня въ привычку, что я не могу обойтись безъ работы“, сказалъ онъ; „когда я ничего не дѣлаю, у меня въ головѣ какая-то пустота; если бы я оставилъ свое дѣло, мнѣ пришлось бы проглатывать цѣлыя библіотеки, иначе я сошелъ бы съ ума“.

Когда я вернулась, онъ прислалъ мнѣ записочку,—послѣднюю, приглашая меня присутствовать при его обѣдѣ. Я поспѣшила къ нему. Онъ ѣлъ супъ съ крупой и кашу съ подливкой. Онъ принялъ снова слабительное; послѣ своего скуднаго обѣда, онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и, остановившись передъ однимъ изъ комодовъ, сталъ складывать въ пакетъ дѣла, которыя надлежало отправить; нѣсколько времени спустя онъ сказалъ мнѣ: „тебѣ надобно скоро уйти, такъ какъ лекарство дѣйствуетъ, мой желудокъ болѣе не можетъ держать никакой пищи“.

Онъ послалъ меня обѣдать. Часу въ четвертомъ онъ пришелъ ко мнѣ; я лежала на диванѣ, который онъ заказалъ для меня и который служилъ мнѣ одновременно кроватью. Я сказала, что ему слѣдуетъ лежать, а не мнѣ, и предложила ему лечь: онъ съ минуту колебался, но затѣмъ сказалъ, что онъ скоро пойдетъ къ себѣ и ляжетъ. Мы поговорили немного; затѣмъ онъ всталъ, сказавъ: „Я пришелъ взглянуть, почему ты не пошла гулять: сегодня, послѣ полудня, такая прекрасная погода“!

Я отвѣчала, что я дышала воздухомъ, сидя у открытаго окна, и наслаждалась вдвойнѣ, слушая плескъ моря и звонъ колокола греческой церкви Константина и Елены; я съ такимъ жаромъ описывала ему звонъ этого колокола, что онъ сказалъ съ улыбкою: „вотъ увидишь, тебѣ такъ понравится тутъ, что трудно будетъ уѣхать“.

Около семи часовъ онъ прислалъ за мною. Онъ лежалъ, раздѣтый, въ халатѣ, на диванѣ. „Что это значитъ?“ сказала я. Оказывается, лекарство подѣйствовало такъ сильно, что у него похолодѣли конечности и сдѣлалась боль въ животѣ; онъ надѣлъ набрюшникъ, и Вилліе далъ ему чашку чая; онъ чувствовалъ себя теперь хорошо и былъ веселъ; я принесла показать ему фасадъ и планъ нашего дома, сдѣланный Шарлеманемъ, чтобы послать его вдовствующей Императрицѣ; онъ разсматривалъ его и составленное мною описаніе, кое-что одобрилъ, другое критиковалъ, велѣлъ кое-что исправить и сказалъ: „это будетъ пріятно матушкѣ; она покажетъ его кому-нибудь“.

Я принесла ему также модные журналы, полученные въ его отсутствіе. Онъ былъ въ духѣ, чувствовалъ себя лучше, чѣмъ наканунѣ, и много говорилъ. Я разсказала ему о впечатлѣніи, произведенномъ на калмыковъ клавесиномъ полковника Фридрихса. Онъ смѣялся и сказалъ:

„Ты можешь доставить себѣ это удовольствіе, когда они явятся проститься съ нами: скажи имъ, что ты слышала, что они любятъ музыку, и сыграй имъ что-нибудь“.

Но потомъ мы рѣшили, что въ ихъ глазахъ это было бы несовмѣстно съ моимъ достоинствомъ, онъ совѣтовалъ мнѣ попросить князя Волконскаго съиграть что-нибудь, чтобы доставить имъ такое же удовольствіе, какое они испытали у полковника Фридрихса. Въ девять часовъ, пришли Вилліе и князь Волконскій. Вилліе спросилъ, какъ онъ чувствовалъ себя. Онъ сказалъ: „хорошо“, однако Вилліе нашелъ у него жаръ и сказалъ, что онъ, навѣрно, слишкомъ много работалъ послѣ полудня.

„Это для меня потребность, это меня успокаиваетъ“, отвѣчалъ онъ.

Князь Волконскій упомянулъ о балѣ, который долженъ былъ состояться на другой день, въ мѣстномъ клубѣ, и который хотѣли отмѣнить, въ виду придворнаго траура: онъ былъ противъ этого. Когда пришелъ генералъ Дибичъ, онъ велѣлъ въ своемъ присутствіи исправить чертежъ. Потомъ эти господа удалились, и мы остались одни; нѣсколько времени спустя, онъ пожелалъ мнѣ покойной ночи и приподнялся, чтобы мнѣ удобнѣе было поцѣловать его, такъ какъ мнѣ трудно было наклонять голову.

Въ воскресенье, 8-го, онъ позвалъ меня передъ тѣмъ, какъ я пошла къ обѣднѣ, и сказалъ, что ночью у него былъ жаръ; однако онъ одѣлся. Нѣсколько времени спустя, я вышла, чтобы отправиться къ обѣднѣ, и передъ тѣмъ еще разъ зашла къ нему.

„Тебѣ нельзя выходить“, сказалъ онъ,—„погода слишкомъ худа; будетъ буря“.

Я съ удовольствіемъ осталась. Онъ снова заговорилъ—второй разъ послѣ своего возвращенія, о Новочеркасскомъ діаконѣ. Мы говорили о томъ, какія работы были произведены въ его отсутствіе для украшенія города. Я сказала, что работа велась усердно: они „молодцы“ сказалъ онъ.

Я провела у него нѣкоторое время, послѣ чего онъ попросилъ меня оставить его одного. Затѣмъ онъ снова прислалъ за мною, чтобы я присутствовала при его обѣдѣ: ему дали стаканъ яблочной воды съ черносмородиннымъ сокомъ; прежде чѣмъ выпить его, онъ перекрестился, какъ будто онъ садился за столъ и, отпивъ половину, сказалъ, что питье вкусно, и послалъ за Вилліе, чтобы спросить, оставить ли ему половину на ужинъ, или ему дадутъ второй стаканъ. Вилліе сказалъ, что если онъ желаетъ, то ему дадутъ вечеромъ еще стаканъ такого питья. Это питье какъ разъ то, что ему нужно, сказалъ онъ; у князя Волконскаго, случайно, оказался цѣлый запасъ сока, подаренный ему сестрою, а она получила его въ дорогѣ отъ одного знакомаго; онъ слышалъ, что при этой болѣзни это очень полезная вещь.

Часовъ около двухъ онъ послалъ меня обѣдать. Въ шестомъ часу онъ прислалъ за мною, сказалъ, что собирается послать курьера въ Петербургъ, и далъ мнѣ соотвѣтственныя указанія. Онъ чувствовалъ себя, повидимому, очень худо: у него былъ жаръ и болѣла голова. Я пошла къ себѣ, чтобы уложить пакеты, и сообщила ему, сколько ихъ было.

„Отлично“, сказалъ онъ, пошли пакеты генералу Дибичу и когда съ этимъ покончишь, возвращайся сюда“.

Я вернулась часовъ около семи. Онъ чувствовалъ себя лучше; я принесла ему вчерашнія газеты (полученныя въ его отсутствіе), которыя заняли его; онъ попросилъ меня принести продолженіе. Я сказала:

„Тебѣ, кажется, было очень худо, такъ что даже жаль было смотрѣть на тебя, теперь тебѣ лучше?“

„Да, мнѣ получше“, сказалъ онъ.

Нѣсколько времени спустя, онъ сталъ снова читать газеты; я также читала. Затѣмъ онъ улегся поудобнѣе, чтобы уснуть, и видимо чувствовалъ себя такъ хорошо, что пріятно было смотрѣть; онъ уснулъ съ улыбкой на устахъ и проспалъ такимъ образомъ часовъ около двухъ; дышалъ ровно, спокойно; проснулся только одинъ разъ и осмотрѣлся съ такимъ выраженіемъ, которое я приняла за удовольствіе, но которое я подмѣтила въ немъ позднѣе въ самыя ужасныя минуты, и опять уснулъ, улыбаясь. Вошелъ лакей и доложилъ о приходѣ Вилліе, но онъ спалъ такъ крѣпко, что его не разбудили.

*

Наконецъ, въ девять часовъ, онъ проснулся. Вошелъ Виллiе.

„Какъ вы себя чувствуете?“

— „Прекрасно, спокойно, бодро“.

Виллiе сказалъ:

„Вотъ увидите, скоро появится потъ“.

Поговоривъ немного, онъ ему посовѣтовалъ лечь.

„Мнѣ такъ хорошо тутъ“, сказалъ онъ.

Однако я ушла, чтобы онъ могъ лечь; онъ сказалъ мнѣ:

„Возьми съ собой газеты! завтра принеси мнѣ остальныя“.

Въ шесть часовъ я позвала Виллiе и спросила, легъ ли онъ; онъ сказалъ, что онъ не могъ уговорить его, что онъ все улыбался и говоритъ:

„Мнѣ здѣсь хорошо“, но теперь онъ пожелалъ лечь въ кровать. Ночью онъ дѣйствительно пропотѣлъ, какъ слѣдуетъ.

Въ понедѣльникъ, 9-го, Штофрегенъ сказалъ мнѣ, что болѣзнь можно считать прерванной, и что если лихорадка вернется, то она будетъ перемежающаяся; съ ней скоро можно будетъ справиться, и я могу написать въ Петербургъ, что болѣзнь прошла. Я видѣла его передъ прогулкой; затѣмъ онъ послалъ за мною, чтобы я присутствовала при его обѣдѣ. Ему подали овсянку; онъ сказалъ, что у него есть аппетитъ, впервые послѣ 3-го числа. Но супъ показался ему слишкомъ густымъ, и онъ прибавилъ въ него воды; скушалъ его съ аппетитомъ, а затѣмъ ѣлъ черносливъ. Ему хотѣлось ѣсть еще, но онъ сказалъ:

„Надобно быть благоразумнымъ“.

Нѣсколько времени спустя, онъ сказалъ, чтобы я шла обѣдать.

„А я, какъ всякiй порядочный человѣкъ, сказалъ онъ, пойду и сосну“.

Въ седьмомъ часу онъ прислалъ за мною и попросилъ меня принести газеты.

„Ты приносишь мнѣ погремушки, какъ ребенку“, сказалъ онъ. Онъ прочелъ послѣднiя газеты, но ему нездоровилось, у него былъ жаръ. Я читала, въ это время мемуары г-жи Жанлисъ; онъ задалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ по поводу ихъ. Еще въ Петербургѣ онъ просилъ меня взять ихъ съ собою, говоря, что онъ можетъ быть прочтетъ ихъ; я замѣтила, что это очень легкое чтенiе, какъ разъ подходящее для больного.

„Можетъ быть завтра“, сказалъ онъ.

Вечеромъ онъ вдругъ спросилъ меня:

„А трауръ (по случаю кончины короля баварскаго), почему ты его не носишь?“

Я сказала, что я сняла его къ его прiѣзду; съ тѣхъ поръ мнѣ не хотѣлось надѣвать его, но если онъ хочетъ, я надѣну его завтра.

Во вторникъ, 10-го, онъ долженъ былъ по утру принять лекарство. Штофрегенъ заходилъ два раза сообщить мнѣ о дѣйствіи лекарства: онъ до того ослабѣлъ отъ него, что ему сдѣлалось дурно. Я не удивлялась тому, что онъ не присылалъ за мной, я знала, что онъ не любитъ, чтобы ему мѣшали въ то время, какъ дѣйствуетъ лекарство. Я пошла гулять, вернулась, отобѣдала, а онъ все еще не присылалъ за мной. Это встревожило меня, я послала за Вилліе. Вилліе совѣтовалъ мнѣ зайти къ нему, и я застала его въ уборной на постелѣ; у него очень болѣла голова; однако онъ увидѣлъ меня и сказалъ:

„ Я не посылалъ за тобою, потому что я чувствовалъ себя все утро отвратительно, меня тошнило, мнѣ то и дѣло надобно было встать, къ тому же я очень слабъ“.

Окно было открыто, онъ замѣтилъ, что погода была прекрасная.

„12 градусовъ тепла въ ноябрѣ мѣсяцѣ!“ сказалъ онъ, обращаясь къ Вилліе. Вскорѣ послѣ этого онъ задремалъ; дыханіе его было неровное. Мнѣ первый разъ пришло на умъ, что его положеніе опасно. Я провела съ Вилліе часа два—три въ страшной тревогѣ у его постели. Я видѣла, что Вилліе очень встревоженъ и серьезенъ; однако онъ говорилъ:

„Вы увидите, онъ сильно вспотѣетъ“.

Дѣйствительно, онъ вспотѣлъ, но уснулъ такъ крѣпко, что не слыхалъ, какъ Вилліе обтиралъ ему потъ съ лица. Немного погодя, онъ пришелъ въ себя и, взявъ въ руки платокъ, чтобы обтереться, сказалъ:

„Благодарю васъ, я сдѣлаю это самъ! У тебя нѣтъ съ собою книги“, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ. Ему надобно было перемѣнить бѣлье. Я ушла; смѣнивъ бѣлье и улегшись въ кабинетѣ на диванѣ, онъ послалъ за мною; сравнительно съ тѣмъ, какъ я видѣла его послѣ обѣда, онъ выглядѣлъ прекрасно. Я держала въ рукахъ книгу, дѣлая видъ, что читаю, но я наблюдала за нимъ; онъ нашелъ, что у меня разстроенный видъ. Я сказала, что у меня очень болитъ голова, такъ какъ печку, находившуюся подлѣ моей кровати, закрыли слишкомъ рано: это была правда, но у меня лицо опухло отъ слезъ. Онъ спросилъ, кто это сдѣлалъ; я назвала горничную; онъ подробно говорилъ о томъ, какъ надобно топить эту комнату. Онъ спросилъ меня, гуляла ли я; я отвѣчала утвердительно и разсказала ему, что я встрѣтила калмыковъ верхами; говорятъ, будто, узнавъ о его болѣзни, они отслужили молебенъ за его здравіе.

„Кстати“, сказалъ онъ, „они хотятъ проститься съ тобой; я не могу принять ихъ, прими ихъ“.

— Когда? спросила я.

„Да завтра, скажи объ этомъ Волконскому“.

Прощаясь, я поцѣловала его въ лобъ и перекрестила его; онъ улыбнулся.

Во вторникъ, 11-го, онъ велѣлъ передать мнѣ, что онъ провелъ ночь спокойно. Я сказала, чтобы калмыки явились въ 11 часовъ; онъ прислалъ сказать съ княземъ Волконскимъ, чтобы я пришла къ нему послѣ пріема. Онъ чувствовалъ себя недурно: показалъ мнѣ стаканъ съ уксусомъ и альпiйской водой, которую Виллiе приготовилъ, чтобы обмыть ему лицо; „это одно наслажденiе“, сказалъ онъ. Онъ хотѣлъ знать, что говорили калмыки, и играла ли я имъ. Я отвѣтила отрицательно и сказала, что у меня было о чемъ говорить съ ними: я поблагодарила ихъ за то, что они молились за него, и спросила, первый ли разъ имъ случилось войти въ нашу церковь. Я продолжала говорить еще, но онъ меня болѣе не слушалъ и позвалъ лакея, чтобы обтереть ему лицо водою съ уксусомъ; онъ просилъ меня зайти послѣ прогулки. Но я зашла передъ тѣмъ, какъ идти гулять. Онъ освѣдомился, куда я пойду; я сказала, что мнѣ хотѣлось спуститься пѣшкомъ съ горы, къ источнику.

„Ты увидишь тамъ казаковъ“, сказалъ онъ; „ихъ лошади стоятъ теперь въ одномъ изъ пустыхъ пакгаузовъ“.

„Отчего это?“ спросила я.

— Они такъ хотѣли, чтобы быть ближе къ намъ.

Онъ просилъ меня зайти послѣ прогулки. Когда я вернулась, онъ спросилъ, была ли я тамъ, гдѣ хотѣла?

Я сказала, что да.

„Видѣла ли ты казаковъ?“

„Я видѣла только двухъ унтеръ-офицеровъ“.

Я сказала, что наканунѣ, гуляя близъ карантина, я была прiятно удивлена и тронута, видя, что садовникъ Грэй украшалъ мое любимое мѣстечко, и я спросила, дѣлалось ли это по его приказанiю. Онъ отвѣчалъ съ той добротой, которую такъ часто можно подмѣтить въ немъ:

„Да, онъ не можетъ, въ настоящую минуту, работать по другую сторону“ (на томъ мѣстѣ, гдѣ Императоръ хотѣлъ насадить садъ, для чего именно и былъ вызванъ Грэй), „поэтому я сказалъ ему, чтобы онъ устроилъ покуда твое любимое мѣстечко“.

Я поблагодарила его. Онъ выглядѣлъ недурно, и голова перестала болѣть; онъ сказалъ, что мнѣ слѣдуетъ прогуляться еще разъ послѣ обѣда. Я просила уволить меня отъ этого, увѣряя, что мнѣ гораздо лучше дома и спокойнѣе, когда я могу быть подлѣ него; я произнесла это съ нѣкоторымъ волненiемъ.

„Будь же благоразумна“, сказалъ онъ, „будь благоразумна“.

Онъ далъ мнѣ попробовать свое питье; ему казалось, что въ немъ былъ какой-то привкусъ; я нашла то же, и онъ замѣтилъ, что и Егорычъ нашелъ это.

Когда зашелъ Виллie, онъ завелъ рѣчь о своемъ питьѣ и о томъ, какимъ оно намъ показалось. Виллie увѣрялъ, что это не могло быть. Нѣсколько времени спустя вошелъ Штофрегенъ; указывая на меня, Императоръ сказалъ ему:

„Говорила она вамъ, что съ нею приключилось вчера?"

Я не поняла, что онъ хотѣлъ сказать: онъ вспомнилъ объ угарѣ. Въ два часа онъ послалъ меня обѣдать. Часовъ около пяти, я пригласила Виллie и спросила его, какъ здоровье Императора. Виллie былъ веселъ; онъ сказалъ, что у Императора жаръ, но что я могу войти, онъ чувствуетъ себя не такъ, какъ наканунѣ".

На этомъ обрывается, къ сожалѣнію, дневникъ Императрицы: вѣроятно, озабоченная ухудшеніемъ въ положеніи больного, она не могла болѣе писать. Она не отходила отъ одра умиравшаго, сама закрыла ему глаза, принявъ его послѣдній вздохъ.

Невозможно передать словами то состояніе, въ которое впала удрученная горемъ Императрица. Въ самый день смерти Александра I она извѣстила свою мать о понесенной ею утратѣ глубоко трогательнымъ письмомъ, которое начиналось словами: „Нашъ Ангелъ въ небесахъ"—сдѣлавшимися лозунгомъ народной скорби.

Какъ это, такъ и послѣдующія письма ея къ матери полны выраженіями неподдѣльнаго горя и отчаянія, доходящаго до глубокаго трагизма; въ нихъ вылились истинныя чувства Елисаветы Алексѣевны къ своему супругу, которыя она питала, какъ видно, въ глубинѣ души, всю свою жизнь.

„Сближеніе съ мужемъ, происшедшее за послѣдніе годы, Императрица считала наградой свыше, и неожиданная потеря его была для нея еще больнѣе, еще ужаснѣе".

„Пишу Вамъ, дорогая мама, не зная, что сказать", писала Императрица два дня спустя, послѣ кончины Государя, 22 ноября. „Я не въ состояніи дать отчетъ въ томъ, что я чувствую: это одно непрерывное страданіе, это чувство отчаянія, передъ которымъ, я боюсь, моя вѣра окажется безсильной. Боже мой! это кажется выше моихъ силъ! Если бы онъ не оказывалъ мнѣ столько ласки, если бы онъ не давалъ мнѣ до послѣдней минуты столько доказательствъ своего нѣжнаго расположенія. Мнѣ суждено было видѣть, какъ испустилъ духъ этотъ ангелъ, сохранившій способность любить, когда онъ уже потерялъ способность понимать. Что мнѣ дѣлать съ моей волей, которая была подчинена ему, что мнѣ дѣлать съ жизнію,

которую я готова была посвятить ему! Мама, мама, что дѣлать, какъ быть! Впереди все темно...

Рука, которая пишетъ Вамъ это письмо, закрыла ему глаза. Мама, понимаете ли Вы это? Я не могу этого понять! Какъ я несчастна, и какъ Вы будете страдать вмѣстѣ со мною! Я удручена горемъ, я не знаю, что меня ожидаетъ, я очень, очень несчастна!

Дорогая мама, я пишу Вамъ, но еще ничего не могу сказать опредѣленнаго. Я получаю Ваши письма! они говорятъ мнѣ о томъ времени, когда я была счастлива! Я еще не сознаю себя; я прошу помощи у Бога, но, вѣроятно, я прошу не такъ, какъ слѣдуетъ. Я такъ одинока! Все смутно вокругъ меня; я живу только воспоминаніями объ этихъ тяжкихъ дняхъ; для меня въ этомъ теперь настоящее и будущее! Никто не зналъ такъ, какъ я, эту истинно христіанскую душу, которая выказала себя во время болѣзни.

Я окружена самой нѣжной заботливостью и вниманіемъ, но никто не можетъ понять меня.

...Здѣсь все окружающее напоминаетъ мнѣ его нѣжную заботливость, его радость, которую онъ испытывалъ, когда ему казалось, что онъ нашелъ какую-нибудь вещь, которая могла доставить мнѣ лишнее удобство, когда онъ спрашивалъ меня раза три, четыре въ день: „Хорошо ли тебѣ? Все ли у тебя есть?“

Боже мой, Боже мой! Эти воспоминанія убиваютъ меня, но сокровище, которымъ я владѣю съ сегодняшняго дня, доставило мнѣ невыразимое благо. Это его библія, которую вотъ уже десять лѣтъ, онъ читалъ ежедневно, которая лежала всегда у него на столѣ, которую я тысячу разъ видѣла въ его рукахъ, которая испещрена его помѣтами; я потребовала ее и получила сегодня [писано 29 ноября (11 дек.)]. Въ моемъ отчаяніи, я сказала себѣ: „я найду въ ней спокойствіе“ и я нашла его. Немногіе, мама, знали его душу, знали, какъ она была возвышенна. Люди отыскивали его слабости зачастую для того, чтобы воспользоваться ими. Но надобно было видѣть все, что онъ переносилъ, и какъ онъ это переносилъ, чтобы понять, что Господь снискалъ его своей любовію.

...Бываютъ минуты, когда мнѣ кажется, что все это сонъ, что придетъ день, когда настанетъ пробужденіе.

...Что касается меня, я могу сказать совершенно искренно: для меня, отнынѣ, не существуетъ ничто. Для меня все безразлично, я ничего не жду, я ничего не желаю, я не знаю, что я буду дѣлать, куда я поѣду, я знаю одно, что я не вернусь въ Петербургъ: для меня это немыслимо!..

Тяготѣющее надо мною смутное горе начинаетъ принимать болѣе опредѣленныя очертанія. Мое положеніе такъ ново, что подъ

часъ это меня пугаетъ. Я давно уже принесла ему въ жертву свою волю, какъ въ повседневной жизни, такъ и въ болѣе важныхъ дѣлахъ: вначалѣ это требовало усилія, современемъ это стало отрадою; я смѣшивала мою покорность его волѣ съ покорностью волѣ Божіей, такъ какъ я считала это своимъ долгомъ; когда я колебалась въ чемъ-нибудь, я говорила: онъ этого хочетъ! и хотя это не совпадало съ моимъ желаніемъ, но, я была довольна. Теперь я не знаю, какъ устроить свою жизнь".

Приведенные отрывки изъ скорбныхъ писемъ Елисаветы Алексѣевны не только рисуютъ ея душевное состояніе въ первые дни послѣ кончины Александра I, но, какъ замѣчаетъ ея августѣйшій біографъ, разрушаютъ окончательно всѣ сомнѣнія относительно правдивости легенды, превратившей императора Александра въ сибирскаго старца Ѳеодора Козьмича; „неужели", говоритъ онъ, „найдутся еще любители и защитники этой легенды, послѣ прочтенія писемъ Елисаветы Алексѣевны, которую не могли не считать сообщницей своего супруга въ дѣлѣ его мнимаго исчезновенія!"

Пока тѣло Александра I оставалось въ Таганрогѣ, убитая горемъ Императрица, несмотря на свою слабость, ежедневно „два раза въ день аккуратно посѣщала панихиды, не пропустивъ ни одно богослуженіе. Оставаясь почти въ полнѣйшемъ одиночествѣ, Государыня видѣла только приближенныхъ, князя П. М. Волконскаго, Н. М. Лонгинова и фрейлинъ Валуеву и Волконскую. Но даже видѣть немногихъ приближенныхъ утомляло ее и не доставляло ей никакого утѣшенія. Изъ Одессы пріѣхала навѣстить Государыню ея бывшая фрейлина Стурдза, теперь г-жа Эдлингъ, а изъ Петербурга—графиня С. В. Строганова, давнишняя подруга Императрицы, которая умѣла вести подходящія бесѣды и менѣе всего утомляла Государыню".

Послѣ шестинедѣльнаго пребыванія въ Таганрогѣ, графиня Строганова уѣхала въ Петербургъ. Одиноко и терпѣливо Государыня продолжала переносить свое горе и тяжелый крестъ, который ниспослало ей Провидѣніе.

Будущее рисовалось передъ нею совершенно неопредѣленно, она ничего не предрѣшала, однако считала для себя невозможнымъ жить въ Петербургѣ, въ Зимнемъ дворцѣ и помышляла поселиться гдѣ-нибудь подъ Москвою. „Намѣчалось Суханово — имѣніе князя П. М. Волконскаго и Царицыно — казенное имѣніе въ Московской губерніи, или пріобрѣтеніе собственнаго имѣнія", гдѣ, какъ она писала маркграфинѣ, она была бы у себя дома. На предложенія частныхъ лицъ, готовыхъ уступить ей временно свои помѣстья для пользованія, она отвѣчала отказомъ. Что же касалось возможности избрать для себя одинъ изъ загородныхъ дворцовъ близъ Петербурга,

она и слышать объ этомъ не хотѣла. Ей достались, по завѣщанію Александра Павловича, Ораніенбаумскій и Каменноостровскій дворцы. Она ихъ уступила Великому Князю Михаилу Павловичу и его супругѣ".

Скажемъ сейчасъ, что она отказалась и отъ милліоннаго оклада, который Императоръ Николай великодушно назначилъ ей въ годъ и пожелала довольствоваться шестьюстами тысячами рублей, какъ было положено въ актѣ объ Императорской фамиліи еще Императоромъ Павломъ.

Между тѣмъ здоровье Императрицы Елисаветы, подъ вліяніемъ болѣзни, подтачивавшей ея силы, и душевной, скорби, день отъ дня ухудшалось. Она таяла на глазахъ приближенныхъ. Она неоднократно жаловалась матери на свое здоровье, но, какъ видно, еще надѣялась переломить недугъ.

„Если мнѣ суждено жить, признаюсь, я хотѣла бы набраться силъ для всего, что мнѣ еще предстоитъ. Думая объ этомъ, моя душа иногда изнемогаетъ, и если мое тѣло также обезсилитъ, что тогда будетъ? Но я напрасно строю какія-либо предположенія. Всякому дню довлѣетъ злоба его! Господь позаботится о завтрашнемъ днѣ. Онъ сдѣлаетъ все къ лучшему".

„Я забочусь о своемъ здоровьѣ", пишетъ она другой разъ,— „это скучное занятіе, но мнѣ такъ хотѣлось бы имѣть немного силъ для моего путешествія, которое, если на то будетъ воля Божія, назначено черезъ три недѣли (писано 1 апрѣля).

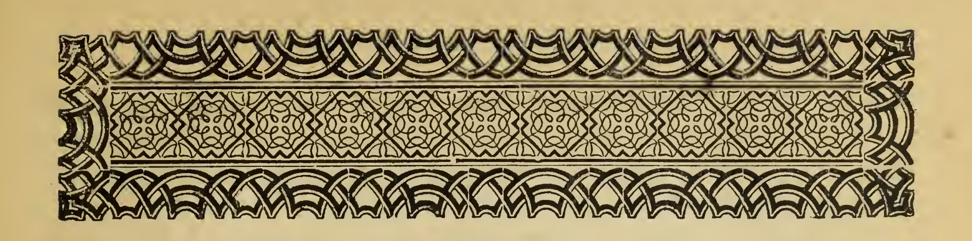
„Прежде чѣмъ Вы получите это письмо, я уѣду отсюда. Завтра я начинаю снова брать солодовыя ванны, которыя принесли мнѣ большую пользу въ 1823 г. въ Царскомъ Селѣ. Правда, я тогда еще не испытала всего того, что я перенесла въ эти два съ половиною года".

Наконецъ, наканунѣ отъѣзда, Императрица писала:

„Я уѣзжаю завтра, въ 9 часовъ утра, изъ церкви греческаго монастыря, куда я пріѣхала, и гдѣ мой Императоръ стоялъ семнадцать дней. Я пробуду тамъ съ минутку, тамъ будетъ отслуженъ краткій молебенъ, но для сердца моего будетъ отрадно уѣхать оттуда. Прощайте, дорогая мама. Итакъ я начинаю новую жизнь, гдѣ мнѣ предстоитъ тысяча новыхъ испытаній. Богъ поможетъ мнѣ, я въ этомъ увѣрена, и дастъ мнѣ физическія силы, которыя мнѣ такъ нужны".

В. В. Тимощукъ.

Наброски изъ моей жизни [1]).

1 мая 1863 года, въ годъ выхода Описанія обороны Севастополя, я получилъ изъ Канцеляріи Генералъ Квартирмейстера предписаніе, въ которомъ было сказано, что я, по приказанію военнаго министра, командируюсь въ распоряженіе генералъ-лейтенанта Вилькена и долженъ отправиться немедленно въ Могилевъ на Днѣпрѣ.

Назначенный въ распоряженіе совершенно незнакомаго мнѣ человѣка и для неизвѣстной мнѣ цѣли, я рѣшился спросить у А. И. Веригина.

— Что же я, Ваше Превосходительство, буду дѣлать у генерала Вилькена?

— Ничего вамъ сказать не могу, ибо иниціатива всего, что касается Сѣверо-Западнаго края, исходитъ отъ генерала Муравьева. Передъ отъѣздомъ вы должны представиться министру; можетъ быть онъ найдетъ нужнымъ передать вамъ какія-нибудь подробности. Больше я вамъ ничего не могу сказать.

Въ назначенный день наканунѣ моего отъѣзда я отправился къ Д. А. Милютину, съ которымъ въ первый разъ въ жизни долженъ былъ столкнуться лицомъ къ лицу.

Я никакъ не могу забыть этой встрѣчи, ибо я былъ первымъ экспропріаторомъ чужой собственности, хотя по необходимости и временно. Войдя въ переднюю и оправляя мундиръ, я, къ ужасу своему, замѣтилъ, что я забылъ надѣть кушакъ. Явиться къ министру въ первый разъ и въ неряшливомъ видѣ могло положить отпечатокъ на мою служебную физіономію. Но тутъ у меня блеснула экспропріаторская мысль. Прежде чѣмъ пустить камердинера съ докладомъ обо мнѣ, я обратился къ нему съ просьбою дать мнѣ

[1]) См. „Русская Старина“ апрѣль 1910 г.

кушакъ Дмитрія Алексѣевича. Камердинеръ, конечно, согласился, и мы, передвинувъ вслѣдствіе различія талій пряжки, оба были вполнѣ удовлетворены, а кушакъ по окончаніи аудіенціи былъ водворенъ на свое мѣсто.

Военный министръ, дѣйствительно, какъ говорилъ А. И. Веригинъ, разъяснилъ мнѣ, но не многое, и это меня не удовлетворило вовсе.

— Вамъ надо не медлить, а отправляться скорѣе; тамъ Горецкая шайка надѣлала Богъ знаетъ что; генералъ Вилькенъ не останется тамъ; можетъ вы его уже не застанете на мѣстѣ; Муравьевъ просилъ меня назначить туда князя Яшвиля, который, вѣроятно, скоро тамъ будетъ. Впрочемъ и князь Яшвиль не долго тамъ пробудетъ. Ему придется получить дивизію. Желаю вамъ счастливаго пути.

Я былъ радъ, что командировка моя кончится, когда князь Яшвиль получитъ дивизію.

Что же это я за несчастный мячикъ, который мое начальство перебрасываетъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, сначала отъ себя къ Вилькену, Вилькенъ къ князю Яшвилю, а послѣдній неизвѣстно къ кому меня заброситъ.

И задумался я болѣе всего на счетъ князя Яшвиля. Въ ранней молодости слышалъ я, что какой-то князь Яшвиль дрался на дуэли съ княземъ Долгорукимъ и, кажется, убилъ его. Потомъ припоминалъ, что въ Лейбъ-Гвардіи Гусарскомъ полку, которымъ онъ командовалъ, его называли Мамаемъ. Ну, думаю, все это не предвѣщаетъ мнѣ ничего хорошаго. Но все кончено, теперь поздно разсуждать; надо ѣхать, немедля, какъ сказано въ предписаніи, въ Могилевъ на Днѣпрѣ.

И я поѣхалъ.

Въ лицѣ Вилькена я нашелъ дряхлаго, артиллерійскаго генерала.

— Честь имѣю представиться: подполковникъ Зыковъ, отрапортовалъ я.

— Очень радъ, отвѣчалъ Вилькенъ, и тутъ же сразу огорошилъ меня вопросомъ:

— А зачѣмъ васъ прислали сюда?

— Я полагаю, чтобы получить отъ васъ какія-либо приказанія.

— Никакихъ приказаній я вамъ дать не могу; можетъ быть вамъ самимъ что-нибудь нужно.

— Я бы желалъ знать только расквартированіе войскъ въ губерніи, но это я могу получить у васъ въ штабѣ.

Черезъ два дня я встрѣтилъ своего однокашника Бориславскаго,

адъютанта Вилькена, и онъ мнѣ передалъ отзывъ обо мнѣ своего принципала.

— Какіе педанты эти офицеры Генеральнаго штаба; только пріѣхалъ, подавай ему росписаніе войскъ, сказалъ онъ Бориславскому.

А между тѣмъ меня интересовало вовсе не простое любопытство, я былъ убѣжденъ, что какъ только пріѣдетъ князь Яшвиль, то прежде всего объ этомъ спроситъ меня; я же рѣшился ожидать князя Яшвиля, никуда не показываться такъ, что даже не зналъ, когда выѣхалъ изъ Могилева Вилькенъ.

Надо замѣтить, что въ тѣ времена въ мѣстечкѣ Горки, въ Могилевской губерніи существовала земледѣльческая Горецкая школа, гдѣ, какъ и во всѣхъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, преобладали, если не поляки, то во всякомъ случаѣ католики. Въ училищѣ образовалась шайка, которая, не долго думая, рѣшила присоединить Могилевскую губернію къ Царству Польскому, гдѣ въ то время шло возстаніе, съ января 1863 года.

И вотъ въ одинъ прекрасный день въ училищѣ происходитъ слѣдующее:

Является вооруженная шайка всякаго сброда, по преимуществу польскаго, нападаетъ на несчастную инвалидную команду, ранитъ, убиваетъ нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ безоружныхъ, захватываетъ денежный сундукъ, и нѣкто Маргулецъ идетъ къ директору училища и заявляетъ ему, что польскія войска подъ начальствомъ воеводы, Топора, вступили въ городъ, а онъ, директоръ, находится въ плѣну.

Въ то же время студентъ Кушелевскій является къ директору фермы, Юрьевичу, и требуетъ у него отъ имени Топора лошадей и фермеровъ для комплектованія своей шайки.

Изъ инвалидной команды было много убитыхъ и раненыхъ; на одного изъ инвалидовъ напало разомъ пятеро студентовъ, однако, онъ продалъ жизнь свою не даромъ, убивъ одного изъ главныхъ— Домороцкаго. Одинъ изъ студентовъ, Козелъ, занималъ въ шайкѣ Топора званіе начальника коннаго отряда. Въ этой же шайкѣ были помѣщики и даже нѣкоторые мировые посредники.

Когда я пріѣхалъ въ Могилевъ, то вся шайка уже была переловлена, и всѣ дѣйствовавшіе въ ней были арестованы.

До прибытія въ Могилевъ князя Яшвиля, я, конечно, ни во что не вмѣшивался, и когда ко мнѣ совершенно неожиданно явился маіоръ Шульгинъ съ просьбою очистить казармы отъ содержавшихся въ нихъ политическихъ арестантовъ, то я, несмотря на его основательные доводы, отказалъ, заявивъ, что до прибытія князя Яшвиля ничего сдѣлать не имѣю права.

Живя нѣсколько дней въ городѣ, я имѣлъ возможность увидѣть одно странное явленіе. Постоянно я вижу, что въ городѣ и на противоположномъ берегу горятъ въ домахъ огни даже среди ночи. Но одинъ изъ мѣстныхъ жителей объяснилъ мнѣ въ чемъ дѣло; оказалось, что противъ города расположено мѣщанское поселеніе Луполово. Со времени появленія Горецкой шайки напалъ страхъ на жителей обоихъ береговъ Днѣпра; горожане стали бояться, какъ бы жители русскаго населенія Луполово не вырѣзали городъ, а луполовцы боялись того же самаго отъ могилевскихъ поляковъ, и это продолжалось довольно долго, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока были казнены главные дѣятели шайки.

Слѣдуетъ сказать, что раненые солдаты, отправленные въ городскую больницу, были встрѣчены медицинскимъ и служебнымъ персоналомъ, состоящимъ изъ поляковъ, весьма недружелюбно и даже враждебно. Къ сожалѣнію тогдашній губернаторъ Беклемишевъ не догадался посѣтить больницу и сказать нѣсколько словъ раненымъ и благодарить ихъ за вѣрную службу. Можетъ быть это охладило бы пылъ польскихъ патріотовъ Могилевской губерніи, и они не встрѣтили бы раненыхъ съ ругательствомъ, какъ заявляли тогда же сами раненые. Надо сказать однако, что Беклемишевъ былъ человѣкъ вполнѣ образованный, русскій и при томъ весьма дѣятельный, хотя пропустилъ время, чтобы предупредить нелѣпое возстаніе. Можетъ быть это было причиною, что Муравьевъ, хотя и оставилъ его на мѣстѣ, но, повидимому, недолюбливалъ его.

Но то, чего не сдѣлалъ Беклемишевъ, впослѣдствіи сдѣлалъ князь Яшвиль и при томъ въ истинно мамаевской формѣ.

Наконецъ, прибылъ и князь Яшвиль. Я предсталъ предъ человѣкомъ высокаго роста, съ суровымъ лицомъ, густо обросшимъ волосами, и весьма внушительною фигурою. Принятъ имъ я былъ просто, и между нами въ первое свиданіе произошелъ весьма короткій разговоръ.

— Очень радъ съ вами познакомиться, ваше имя и отчество.

— Сергѣй Павловичъ.

— Прошу васъ, Сергѣй Павловичъ, поселиться поближе ко мнѣ, такъ какъ я думаю, что намъ неизбѣжно придется часто нуждаться одному въ другомъ.

— Я какъ разъ устроилъ канцелярію въ томъ же домѣ, гдѣ будете жить и вы, ваше сіятельство.

— Ну и прекрасно. А знаете ли вы, что тутъ было съ ранеными въ больницѣ. Мнѣ Муравьевъ разсказывалъ, какъ доктора называли раненыхъ пся кревъ (собачья кровь).

— Да, я это слышалъ.

— Каковы подлецы! Вотъ я имъ покажу, какъ ругать русскаго солдата.

Тѣмъ разговоръ нашъ на этотъ разъ и кончился.

Впечатлѣніе, которое произвелъ на меня князь Яшвиль, было не въ его пользу; ты, братъ, дѣйствительно Мамай и жить съ тобой чѣмъ меньше придется, тѣмъ лучше, подумалъ я, уходя отъ него.

Но я жестоко ошибался; на немъ вполнѣ оправдалась басня Крылова, начинающаяся словами „наружность иногда обманчива бываетъ". Этотъ по наружности суровый человѣкъ былъ добрѣйшей души, готовый на всякое снисхожденіе къ просьбѣ пострадавшихъ и за свое снисхожденіе иногда заслуживавшій порицаніе со стороны Муравьева. Къ тому же онъ былъ чрезвычайно богомоленъ. Что же касается моихъ служебныхъ къ нему отношеній, то я никогда не желалъ бы имѣть лучшаго начальника.

На третій или на четвертый день по пріѣздѣ, князь Яшвиль вошелъ ко мнѣ въ комнату со словами:

— Ѣдемте, Сергѣй Павловичъ.

— Куда прикажете, князь?

— Въ госпиталь, надо навѣстить раненыхъ, давно бы надо было.

Хотя никто не оповѣщалъ объ этой поѣздкѣ, однако по прибытіи нашемъ на мѣсто, насъ встрѣтилъ въ чинномъ порядкѣ весь медицинскій персоналъ съ статскимъ совѣтникомъ въ генеральскихъ эполетахъ во главѣ.

Сдѣлавъ общій поклонъ, князь Яшвиль началъ обходить, спрашивая фамилію каждаго; пройдя всѣхъ, онъ вдругъ отступилъ шага на два и весьма грознымъ голосомъ закричалъ:

— Да что же это такое; вѣдь это не Могилевская губернія, а царство Польское.

Оказалось, что это были все польскія фамиліи.

— И зачѣмъ это вы сюда собрались?--продолжалъ Яшвиль, ваше мѣсто не здѣсь, а въ Польшѣ; туда и убирайтесь, а вы еще смѣете ругать русскаго солдата, который служитъ русскому царю, не какъ вы, а какъ честный человѣкъ.

Я, стоя въ сторонѣ, изумился этой выходкѣ и, полагая, что такому изступленію не будетъ конца, отошелъ еще далѣе.

Однако, этимъ дѣло и кончилось; вслѣдъ затѣмъ князь Яшвиль, въ сопровожденіи того же персонала, началъ обходить раненыхъ, благодаря ихъ за службу и въ то же время снабжая ихъ деньгами.

Убѣжденный, что князь Яшвиль находится въ крайнемъ раздраженіи и говорить съ нимъ о чемъ бы то ни было совершенно безполезно, я молчалъ. Но каково было мое удивленіе, когда, отъѣхавъ

саженъ сто, онъ съ добродушною улыбкою обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— А каково я ихъ отдѣлалъ, Сергѣй Павловичъ? Какъ вамъ это нравится?

— Все это хорошо, но я думаю, что съ вашей стороны было рискованно.

— Это почему?

— Да развѣ вы не замѣтили, что на правомъ флангѣ докторъ былъ въ генеральскихъ эполетахъ? Что, если бы онъ вздумалъ отвѣчать?

— Молоды вы, Сергѣй Павловичъ, оттого такъ и говорите; вѣдь все это п......цы. Вѣдь всѣ они остались здѣсь, чтобы сберечь свою шкуру. Вѣдь вотъ въ шайку-то они не пошли потому, что безопаснѣе и выгоднѣе дѣлать подлости здѣсь, да еще за это и деньги получать.

Противъ такого аргумента нельзя было ничего возразить.

Покончивъ одно, пришлось приняться за другое. Уже до пріѣзда князя Яшвиля, маіоръ Шульгинъ обращался ко мнѣ съ просьбою освободить гарнизонную казарму, въ которой помѣщались политическіе арестанты. До пріѣзда князя Яшвиля я не считалъ себя въ правѣ дѣлать какія бы то ни было распоряженія, а по пріѣздѣ его доложилъ объ этомъ ему. „Поѣзжайте, посмотрите вездѣ, гдѣ арестованные и сдѣлайте, что можно“, сказалъ мнѣ Яшвиль.

Собравъ свѣдѣнія обо всѣхъ арестованныхъ, я узналъ, что всего ихъ вообще было 449 человѣкъ, а помѣщались они, гдѣ только можно было: въ гарнизонныхъ казармахъ, въ острогѣ и, наконецъ, даже въ зданіи богоугодныхъ заведеній.

Для обозрѣнія я обратился только въ казармы гарнизоннаго батальона, гдѣ увидѣлъ рѣдкую картину. Въ помѣщеніи, отведенномъ для арестованныхъ, было 177 человѣкъ самаго разнообразнаго вида: тутъ были помѣщики въ обыкновенныхъ костюмахъ и халатахъ, другіе въ чамаркахъ, крестьяне въ бѣлыхъ свиткахъ и просто въ однѣхъ рубашкахъ и, наконецъ, къ величайшему моему удивленію, нѣкоторыя лица въ дворянскихъ мундирахъ.

При входѣ въ казарму, я былъ встрѣченъ всеобщимъ гвалтомъ, который выражалъ просьбу и заявлялъ свои желанія; кромѣ того, всѣ они говорили, что ни въ чемъ неповинны, а арестованы крестьянами по злобѣ на помѣщиковъ. Можетъ быть многіе говорили правду, но такъ какъ я не имѣлъ права входить въ подробности, то я объяснилъ, что пришелъ только осмотрѣть ихъ помѣщеніе и ничего болѣе.

Болѣе всего меня удивили тѣ изъ арестованныхъ, которые

были одѣты въ дворянскіе мундиры. Объяснилось это однако просто. Когда русскіе крестьяне услышали, что поляки бунтуютъ противъ царя, то бросились въ помѣщичьи дома и принялись арестовывать господъ и представлять ихъ въ Могилевъ въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ застали. Нѣкоторые же помѣщики, желая импонировать крестьянамъ, облеклись въ дворянскіе мундиры, разсчитывая, что это подѣйствуетъ на крестьянъ успокоительно. Но это имъ нисколько не помогло, и ихъ иногда даже связанными также доставляли въ казарму.

Командиръ гарнизоннаго батальона маіоръ Шульгинъ былъ совершенно молодой человѣкъ, бывшій гвардейскій офицеръ. Вѣроятно, дослужившись въ гвардіи до штабсъ-капитанскаго чина, онъ перевелся въ армію маіоромъ и по протекціи получилъ гарнизонный батальонъ, что въ то время было очень выгодно. Все у него было хорошо и спокойно, пока въ Западномъ краѣ не появились *польскія* войска, вздумавшія присоединить Могилевскую губернію къ царству Польскому. Но результатомъ всего этого оказалось только увеличеніе въ его владѣніяхъ населенія, съ которымъ онъ не зналъ, что дѣлать. Отдѣленіе помѣщенія для арестованныхъ стѣсняло остальныхъ; продовольствіе на арестантскія деньги возбуждало неудовольствіе помѣщиковъ и мировыхъ посредниковъ, бывшихъ въ числѣ арестантовъ; прекращеніе сношеній арестованныхъ съ внѣшнимъ міромъ было совершенно невозможно, ибо казарма вовсе не представляла собою тюремнаго зданія.

Все это печалило и страшило бѣднаго Шульгина, горячо просившаго меня все видѣнное мною передать князю Яшвилю съ просьбою облегчить его положеніе.

Выслушавъ ламентаціи Шульгина, я понялъ, что тутъ никакой князь Яшвиль не въ состояніи ничего сдѣлать. Поэтому обѣщавъ, что доложу все подробно князю, я совѣтовалъ Шульгину примириться съ своей судьбой и терпѣливо нести свой крестъ, наложенный на него *польскими* войсками, вступившими подъ начальствомъ довудца (воеводы) Топора въ Могилевъ.

Я, разумѣется, все доложилъ Яшвилю, и между нами завязался слѣдующій разговоръ, характеризующій добрый характеръ его.

— Что же вы сдѣлали? спросилъ онъ.

— Ничего, отвѣчалъ я.

— Но почему? Вѣдь тамъ есть и невинные, которыхъ надо освободить.

— Ничего нельзя сдѣлать, ибо это не мы арестовывали, и у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ производить надъ ними судъ и расправу, это дѣло губернатора и суда.

— Но вѣдь мы на военномъ положеніи.

— Это ничего не значитъ, и вы, князь, конечно въ Вильнѣ представлялись Муравьеву?

— Какъ же.

— И онъ давалъ же вамъ какія-нибудь инструкціи?

— Но эта инструкція коротка. „Не тяните дѣло. Рѣшайте его на мѣстѣ сами; задушите крамолу, въ которой замѣшаны у васъ офицеры, и поменьше всякихъ запросовъ мнѣ“.

— Коротка, это правда, но, мнѣ кажется, довольно ясная. Вѣдь крамолы-то въ Могилевской губерніи уже не существуетъ: вся она заключена въ казармахъ гарнизоннаго батальона, въ острогѣ и даже въ зданіи богоугодныхъ заведеній, слѣдовательно, главная часть инструкціи исполнена, а остальное будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ.

Немного подумавъ, князь Яшвиль спросилъ меня.

— Вы хорошо знаете законы о военномъ положеніи?

— Нѣтъ, во всей точности не знакомъ съ этимъ.

— Ну я тоже. Что же мы будетъ дѣлать?

— Я полагалъ бы вамъ въ это дѣло пока не вмѣшиваться, тѣмъ болѣе, что сегодня я получилъ свѣдѣнія, что въ числѣ арестованныхъ есть три офицера, бывшихъ въ шайкѣ. Вотъ когда дѣло дойдетъ до нихъ, тогда вамъ придется ихъ судить.

Князь не много подумалъ и съ видимою радостью воскликнулъ: а я знаю, что дѣлать; я батюшка, Сергѣй Павловичъ, выпишу вамъ человѣчка, который насъ съ вами не продастъ ни за что.

— Кто же это такой?

— Аудиторъ Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго полка, Чернолуцкій. Пишите пожалуйста сейчасъ же всюду, куда нужно, чтобы немедленно изъ Петербурга выѣхалъ Чернолуцкій.

Черезъ нѣсколько дней Чернолуцкій былъ уже въ Могилевѣ, князь Яшвиль успокоился, и мы съ княземъ принялись за дѣло.

Прежде всего, конечно, нужно было разобрать, насколько возможно, дѣла арестованныхъ, чтобы при посредствѣ губернатора, если не освободить, то облегчить положеніе менѣе заподозрѣнныхъ. Но какъ мы ни старались, ничего сдѣлать не могли. Да наконецъ нужно было подумать и о нижнихъ чинахъ гарнизоннаго батальона; вопли Шульгина имѣли полное основаніе: нижніе чины несли усиленную караульную службу въ трехъ мѣстахъ, не имѣя въ то же время никакой возможности исполнять свой долгъ относильно тюремныхъ правилъ. Арестованные безпрепятственно сносились съ внѣшнимъ міромъ, производили дебоши, дерзко предъявляли разныя требованія, словомъ, не считали себя тѣми арестан-

тами, противъ которыхъ, въ случаѣ надобности, можно употребить силу оружія, они были убѣждены, что правительство не посмѣетъ употребить рѣшительныхъ мѣръ. Конечно, это дѣлали не тѣ несчастные, которые, повѣривъ вожакамъ на слово, пошли за ними какъ бараны и теперь горько оплакивали свою участь. Дебоши устраивали привилегированныя лица, понятія которыхъ о польскомъ возстаніи и о конечныхъ результатахъ его доходили до смѣшного. Многіе изъ этихъ господъ были вполнѣ убѣждены, что вмѣшательство посторонних державъ послѣдуетъ не позже іюля, и что онѣ заставятъ русское правительство освободить Польшу.

Вотъ эти-то интеллигенты и мучили несчастныхъ бѣлоруссовъ, съ однимъ изъ которыхъ я однажды и бесѣдовалъ.

— Скажи мнѣ, зачѣмъ ты пошелъ въ шайку? спросилъ я.

— Панъ говорилъ, что нужно; что каждый вѣрный католикъ долженъ идти въ шайку, такъ желаетъ и Папа.

— А ты ему такъ и повѣрилъ.

— А какъ же пану не вѣрить.

— Да вѣдь ты русскій.

— Нѣтъ, я не русскій, прервалъ меня мой собесѣдникъ, я католикъ.

Видя, что совершенно безполезно вести разговоръ о различіи между національностью и религіею, я продолжалъ:

— Что же тебѣ еще говорилъ твой панъ?

— Онъ говорилъ, что французы и англичане идутъ на Россію, а флотъ французскій уже въ Варшавѣ.

Этотъ мой разсказъ очень забавилъ Яшвиля.

— Я бы этого дурака свезъ въ Варшаву, чтобы показать, какой мошенникъ его панъ. Однако, нужно же что-нибудь сдѣлать.

— У насъ есть свое дѣло, какъ я вамъ уже докладывалъ; Муравьевъ же указалъ на офицеровъ. Надо прежде всего просить Муравьева о присылкѣ чиновъ для слѣдствія и суда; безъ этого мы ничего не можемъ сдѣлать.

— Хорошо. Ну что же мы будемъ дѣлать съ остальными; куда мы ихъ спустимъ?

— Трудно что-нибудь придумать.

— Ну ладно, я подумаю, сказалъ князь Яшвиль.

И дѣйствительно придумалъ. Не прошло недѣли, какъ князь Яшвиль при моемъ докладѣ вдругъ воскликнулъ:

— А я нашелъ!

— Что такое?

— А куда дѣть арестантовъ. Вѣдь недаромъ же Императоръ Николай Павловичъ строилъ крѣпости. Въ двухъ шагахъ отъ насъ находится Бобруйскъ; вотъ мы ихъ туда и сплавимъ. Распорядитесь.

*

Сдѣлавъ сношеніе съ Циммерманомъ, и по докладѣ его Муравьеву мысль князя была приведена въ исполненіе; большая часть арестантовъ была отправлена, и князь Яшвиль былъ освобожденъ отъ обязанности производить слѣдствіе и судъ при полномъ отсутствіи какихъ-либо чиновъ юридическаго вѣдомства, между тѣмъ какъ въ крѣпости все это было налицо.

Когда могилевскіе поляки узнали, что повстанцевъ отправили въ Бобруйскъ, то они нѣсколько пріуныли, они увидѣли, что правительство не шутитъ, и что отъ него можно ожидать и крутыхъ мѣръ. Однако, все-таки они не переставали надѣяться на иностранную помощь, которая въ концѣ концовъ явилась въ Варшавѣ въ образѣ какого-то бѣглаго зуава. Но и этотъ зуавъ, приглядѣвшись къ повстанцамъ, убѣжалъ отъ нихъ.

Воодушевленные дикими мечтами, могилевскіе поляки держали себя довольно надменно въ отношеніи русскихъ вообще и все время никакъ не хотѣли повѣрить, чтобы могли казнить кого бы то ни было.

Какъ только поселился князь Яшвиль въ своей квартирѣ, какъ она сдѣлалась какимъ-то сборнымъ мѣстомъ польской шляхты всѣхъ ранговъ и половъ. Ежедневно появлялись и дамы и мужчины съ разными просьбами и жалобами. Изъ мужчинъ чаще всего появлялся предводитель дворянства князь Любомірскій. Онъ всегда осуждалъ возстаніе, говорилъ о своей преданности, жалѣлъ и тѣхъ, которые были увлечены въ возстаніе, словомъ, это былъ человѣкъ вполнѣ русскій и надежный сынъ отечества. Но часто въ то время какъ князь Любомірскій распинался у князя Яшвиля, выставляя свою преданность, я получалъ свѣдѣнія, что наканунѣ въ такомъ-то его имѣніи повстанцы благополучно ужинали, на счетъ князя; разумѣется, князь былъ тутъ ни при чемъ, виноватымъ всегда былъ или арендаторъ, или управитель княжескаго имѣнія. Никогда никакихъ прямыхъ доказательствъ противъ самого князя нельзя было найти. Муравьевъ тѣмъ не менѣе уволилъ князя Любомірскаго отъ предводительства.

Другой князь Любомірскій, посѣщавшій князя Яшвиля, былъ человѣкомъ совсѣмъ другого типа; насколько тонкія черты лица, умѣренныя позы и тихій голосъ одного напоминали іезуита, на столько все это въ другомъ обличало свѣтскаго человѣка, любящаго пользоваться всѣми утѣхами жизни. Онъ былъ вполнѣ правъ, когда говорилъ князю Яшвилю: Je ne m'occupe que des fleures et des femmes.

И дѣйствительно противъ него не было никакихъ уликъ.

Болѣе всего одолѣвали князя Яшвиля дамы самыхъ разнообраз-

ныхъ лѣтъ и состояній; всѣ онѣ обыкновенно приходили ежедневно, съ разными просьбами, иногда совершенно беззаконными, а иногда просто съ нелѣпыми. Князь Яшвиль держалъ себя вполнѣ корректно, и если онъ одной изъ нихъ удѣлялъ болѣе продолжительное время для разговора, то на это имѣлись весьма важныя причины.

Несмотря на всѣ возможные розыски, долгое время не могли узнать, кто такой Топоръ. Между тѣмъ было извѣстно, что наканунѣ нападенія на Горки Топоръ ночевалъ въ имѣніи мирового посредника Миткевича, гдѣ за отсутствіемъ мужа его принимала г-жа Миткевичъ. Вотъ эта госпожа чуть не ежедневно являлась къ Яшвилю, каждый разъ на что-нибудь жалуясь: то она говорила, что при обыскѣ у нея пропало серебро, то опечатали послѣднія туфли и ей приходится ходить чуть не босою; наконецъ, что ей просто житья нѣтъ отъ губернаторскихъ чиновниковъ, производящихъ слѣдствіе о ея мужѣ.

Сначала князь Яшвиль, разжалобленный слезами хорошенькой молодой временно соломенной вдовы, все это принималъ за чистую монету и возмущался за беззащитную женщину. Это стараніе князя Яшвиля болѣе всего отзывалось на мнѣ.

— Послушайте, Сергѣй Павловичъ, что тутъ дѣлается. Вѣдь это ни на что не похоже; переговорите съ губернаторомъ.

И вотъ я ѣду къ губернатору и передаю ему жалобу, тотъ призываетъ правителя канцеляріи Гортынскаго; тутъ же производится разслѣдованіе, и вся исторія оказывается совершеннымъ вздоромъ или самое большое преувеличеніемъ во сто разъ того или другого факта.

Надо сказать, что очень многіе подъ предлогомъ жалобы являлись только за тѣмъ, чтобы изъ разговоровъ узнать что-нибудь, а въ особенности на счетъ Топора: всѣхъ интересовало, узнали ли, кто такой Топоръ. Князь Яшвиль неоднократно заводилъ разговоръ съ Миткевичъ и спрашивалъ ее, не знаетъ ли она, кто скрывается подъ этимъ псевдонимомъ, но она, конечно, клялась всѣми святыми, что не имѣетъ о немъ ни малѣйшаго понятія.

Справки обо всѣхъ жалобахъ, почти всегда неосновательныхъ, мѣшали мнѣ заниматься дѣломъ, и я просилъ князя Яшвиля не отрывать меня отъ моихъ занятій, на что онъ и согласился. Но какъ-то разъ князь входитъ ко мнѣ и говоритъ:

— Ну. батюшка, извините, а когда сегодня придетъ ко мнѣ мадамъ Миткевичъ, я васъ позову.

— Это по какому же случаю?

— А вотъ увидите, это мой секретъ, только предупреждаю васъ,

не засматривайтесь на нее, а смотрите на меня, пока я съ нею буду разговаривать.

Я, разумѣется, съ нетерпѣніемъ ждалъ время, когда должна была появиться госпожа Миткевичъ. Едва прошло полчаса, какъ князь Яшвиль прислалъ за мною. При входѣ въ комнату я засталъ князя сидящимъ у стола визави съ Миткевичъ, а передъ нимъ развернутый листъ бѣлой бумаги. Она продолжала начатый до меня разговоръ на французскомъ языкѣ.

— Но вы, князь, конечно уже знаете настоящее имя Топора?

— Къ сожалѣнію, есть только подозрѣніе, которое можетъ не оправдаться.

Хотя князь Яшвиль не велѣлъ мнѣ глядѣть на госпожу Миткевичъ, однако, я отъ времени до времени на нее взглядывалъ и видѣлъ на ея лицѣ выраженіе крайняго любопытства. Въ то же время я замѣтилъ, что Яшвиль пальцемъ водитъ по бумагѣ. Оказалось, что онъ довольно крупно начертилъ сначала букву Ж, потомъ довольно быстро слѣдующія: в и р. Это была послѣдняя буква, вслѣдъ за начертаніемъ которой, на глазахъ Миткевичъ навернулись слезы, она поднесла къ глазамъ платокъ и, ни слова не сказавъ, быстро удалилась изъ комнаты. Она поняла, что псевдонимъ Топоръ, прикрывавшій собою настоящее имя офицера генеральнаго штаба Жвирждовскаго, разоблаченъ окончательно, и воеводѣ Могилевской губерніи грозитъ печальная участь. Теперь уже не было никакого сомнѣнія, что Топоръ и Жвирждовскій синонимы.

Съ тѣхъ поръ, госпожа Миткевичъ не переступала порога въ квартиру князя Яшвиля.

Понятно, что все дѣло Горецкой шайки касалось мужа, а отнюдь не госпожи Миткевичъ, съ которой никакихъ дальнѣйшихъ непріятностей не происходило. Жвирждовскій же вскорѣ былъ пойманъ и казненъ.

Что же касается самого Миткевича, то я не знаю, какая судьба его постигла.

Между тѣмъ Муравьевъ безпрестанно напоминалъ Яшвилю, отчего до сихъ поръ ничего не сдѣлано по дѣлу взятыхъ въ шайкѣ трехъ артиллерійскихъ офицеровъ поручика Корсакъ и двухъ прапорщиковъ братьевъ Манцевичахъ и эмигрантѣ Анципѣ. Но дѣло это и не могло идти быстро, ибо у насъ не было никакихъ судебныхъ органовъ. Тогда для суда Муравьевъ прислалъ изъ Вильны какого-то моряка Коломотьяно; для слѣдствія у насъ былъ, какъ я уже сказалъ, выписанный изъ Петербурга аудиторъ—Чернолуцкій.

Дѣло шло очень медленно вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, а между тѣмъ оно очень раздражало Муравьева, тѣмъ болѣе, что

начальники отдѣльныхъ частей, которымъ Муравьевъ далъ право окончательно конфирмовать приговоры, весьма рѣдко пользовались своимъ правомъ, а, вопреки приказу его, окончательные приговоры посылали къ нему. Что касается конфирмаціи Яшвиля, то теперь, по прошествіи 46 лѣтъ, я не могу припомнить, самъ ли князь Яшвиль конфирмировалъ смертный приговоръ или посылалъ Муравьеву. Думаю, что самъ, ибо въ противномъ случаѣ онъ бы получилъ отъ Муравьева выговоръ, чего, кажется, не было.

Утверждать смертный приговоръ приходилось надъ четырьмя лицами, изъ числа которыхъ было три офицера, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ. Два изъ нихъ были совершенно юные прапорщики Манцевичи и подпоручикъ Корсакъ и четвертый Анципа, вернувшійся сюда послѣ амнистіи въ 30-хъ годахъ. Вина Манцевичей, и безъ того уже за свое преступленіе подлежавшая тягчайшему наказанію, усугублялась еще тѣмъ, что они обманомъ увлекли за собою своихъ денщиковъ. Говорили, что будто сама мать благословляла ихъ передъ отправленіемъ въ шайку. Можетъ быть это и не вѣрно, но весьма правдоподобно, при томъ непонятномъ воодушевленіи, какимъ одержимы были въ то время поляки. Когда имъ говорили, что вина Манцевичей вѣроятно повлечетъ за собою смертную казнь, то они едва не смѣялись, утверждая, что въ виду заступничества за нихъ Франціи и Англіи Россія не посмѣетъ это сдѣлать. И только послѣ совершенія приговора, когда они убѣдились, что время шутокъ прошло, впали въ совершенно противоположное состояніе, выражая полную пришибленность.

Когда должна была совершиться смертная казнь, князь Яшвиль обратился ко мнѣ.

— Ну, Сергѣй Павловичъ, я попрошу васъ присутствовать на мѣстѣ.

— Позвольте, князь, вѣдь это вовсе не входитъ въ кругъ моихъ обязанностей.

— Я васъ и не заставляю; я бы могъ приказать это командиру гарнизоннаго батальона, но я желалъ бы, чтобы именно вы были на мѣстѣ, чтобы я могъ точно и подробно узнать, какъ все это произойдетъ, и распорядились бы, если будетъ нужно. Пока вы будете тамъ, я здѣсь прикажу, чтобы люди въ это время не выходили изъ казармъ и были наготовѣ.

— Можно навѣрное сказать, что ничего серьезнаго быть не можетъ; но если это ваше непремѣнное желаніе, то я буду на мѣстѣ.

Какъ ни непріятно было для меня это порученіе, я на слѣдующій день направился на мѣсто, гдѣ уже собралось множество народа, среди которыхъ преобладалъ польскій языкъ. Рѣзко замѣтно

было, что лица, костюмы, оживленные разговоры вовсе не соотвѣтствовали той трагедіи, которая должна была разыграться на ихъ глазахъ, чрезъ нѣсколько минутъ. Повидимому, никто не ожидалъ кровавой развязки. Если не всѣ, то большинство было убѣждено, что все это одна комедія, что въ данный моментъ явится гонецъ и объявитъ, что смертная казнь замѣнена другимъ наказаніемъ.

Что касается приговоренныхъ къ казни трехъ офицеровъ, то надо сказать, что они были уже полуживые, съ трудомъ передвигали ноги, Анципа же до самой послѣдней минуты былъ совершенно спокоенъ и шелъ на казнь, ковыряя въ зубахъ соломенкою.

Я, конечно, не имѣлъ ни права, ни желанія вмѣшиваться въ судебное дѣло, но долженъ сказать, что менѣе всѣхъ былъ виноватъ Анципа, который не заслуживалъ участи Корсака и Манцевичей. Правда, онъ былъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ, но онъ главнымъ образомъ перерѣзывалъ телеграфныя проволоки, усугублялась же вина его только потому, что онъ былъ уже однажды амнистированъ послѣ 1831 года.

Когда послѣдовали выстрѣлы, и когда собравшіеся увидѣли трупы, то раздался громкій крикъ и плачъ.

Всѣ, такъ весело болтавшія за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, дамы теперь съ плачемъ и рыданіемъ бросились бѣжать съ поля.

Когда я по возвращеніи все разсказалъ князю Яшвилю, онъ верхомъ объѣхалъ городъ, а всѣ встрѣчавшіеся снимали шляпы и низко кланялись. Польское настроеніе совершенно исчезло. Что же касается самого воеводы Могилевской губерніи штабсъ-капитана генеральнаго штаба Жвирждовскаго, то онъ впослѣдствіи былъ пойманъ и казненъ, кажется, въ Вильнѣ.

Теперь дѣло Могилевской губерніи можно бы было считать оконченнымъ, если бы въ сосѣдней Минской не безчинствовала большая шайка подъ начальствомъ помѣщика Свенторжецкаго и какого-то инженернаго офицера, если не ошибаюсь—Ласковскаго. Шайка эта, преслѣдуемая въ Минской губерніи, бросалась въ Могилевскую, производя неистовства въ обѣихъ. Надо было покончить съ этимъ во что бы то ни стало. И вотъ мы списались съ командующимъ войсками Минской губерніи генераломъ Русиновымъ и пошли на облаву. Князь Яшвиль пошелъ въ одну сторону, я съ двумя ротами и казачьею сотнею въ другую, а Русиновъ въ третью.

Мы условились съ княземъ Яшвилемъ, что прежде я выступлю изъ Могилева, а онъ на другой день, при чемъ для большей скрытности около полуночи—оба. Мнѣ пришлось выступить въ пятницу. Я уже собрался въ дорогу, какъ въ 11 часовъ ночи за мной присылаетъ князь.

— Дайте мнѣ, Сергѣй Павловичъ, карты Могилевской и Минской губерній.

— Зачѣмъ, князь, онѣ вамъ понадобились? Вѣдь мы съ вами на картахъ ничего не увидимъ кромѣ лѣсовъ, болотъ и весьма часто невѣрныхъ дорогъ. Вѣдь мы съ вами не войну ведемъ, а простую охоту на повстанскія шайки.

— А все-таки присмотрѣться заранѣе лучше.

Дѣлать было нечего; я принесъ карты и сказалъ:

— Напрасно вы только будете утруждать свое зрѣніе; не даромъ говорятъ, что Бобруйскъ среди болотъ искалъ Наполеонъ и никакъ не могъ его найти.

Затѣмъ всѣ дѣйствія князя Яшвиля стали для меня совершенно непонятными. Онъ водилъ какъ-то неопредѣленно по дорогамъ пальцами, останавливался противъ нѣкоторыхъ городовъ, разспрашивалъ меня, не служилъ ли въ этихъ краяхъ, и, узнавъ, что я началъ службу въ Минской губерніи, направилъ разговоръ на тему, которая не имѣла никакого отношенія къ дѣлу. Я только недоумѣвалъ, къ чему все это клонится, и что за любознательность одолѣла моего князя. Но чрезъ нѣкоторое время часы начали бить полночь. Едва раздались первые звуки часового боя, какъ Яшвиль вдругъ отодвинулъ отъ себя карты и, протягивая мнѣ руку, произнесъ:

— До свиданія, Сергѣй Павловичъ, желаю вамъ успѣха и счастья; никакихъ картъ мнѣ не было нужно, а надо мнѣ было задержать васъ, вы забыли, что была пятница, а я въ этотъ день не вѣрю, а потому я хотѣлъ задержать васъ до субботы, вотъ теперь и поѣзжайте съ Богомъ.

Вслѣдъ затѣмъ я разстался съ Яшвилемъ на цѣлую недѣлю и началъ съ своими двумя ротами Смоленскаго и Орловскаго полковъ и сотнею казаковъ таскаться по болотамъ и лѣсамъ двухъ губерній. Очистивъ Могилевскую, я перешелъ въ Минскую, гдѣ свирѣпствовалъ съ своею шайкою Свенторжецкій и Ласковскій. Мнѣ пришлось дней пять дѣлать усиленные переходы среди болотъ, безпрестанно нападать на слѣды шайки, которая очевидно при приближеніи войскъ разбѣгалась, а потомъ въ извѣстномъ пунктѣ снова собиралась, отчего много терпѣли войска. Усталыя, весьма часто голодныя и мокрыя во время дождя, они тѣмъ не менѣе съ охотою поднимались съ бивака и бодро шли, едва только получались свѣдѣнія о мѣстѣ нахожденія шайки; и это не одинъ я могъ засвидѣтельствовать и въ другихъ отрядахъ было то же самое; войска и крестьяне страшно были вооружены противъ мятежниковъ и готовы были терпѣть всевозможныя лишенія, лишь бы только уничтожить ихъ. Вотъ что писалъ намъ губернаторъ Беклемишевъ:

„Шайка Свенторжецкаго человѣкъ въ 400 направилась по слухамъ въ Борисовскій уѣздъ. Агентъ намъ сообщаетъ, что войска наши страшно утомлены и ропщутъ противъ своихъ начальниковъ, утверждая, что они не хотятъ ихъ вести противъ мятежниковъ. Между прочимъ разсказываютъ, что какой-то ротный командиръ расположился для отдыха, и на вопросъ солдатъ, зачѣмъ онъ не ведетъ ихъ далѣе, отвѣчалъ, что нѣтъ хлѣба. Тогда солдаты довольно дерзко закричали: „Вы ужъ только ведите насъ, а мы и голодные пойдемъ“. Крестьяне по показанію агента ожесточены противъ мятежниковъ, но боятся ихъ преслѣдовать, утверждая, что мѣстные полицейскіе чиновники даже наказываютъ ихъ за то и приказываютъ принимать польскія войска хорошо и давать все то, что они потребуютъ“.

Чуть не каждый день мы настигали шайку, которая, лучше насъ зная мѣста, невидимо скрывалась и вновь появлялась въ другомъ мѣстѣ. Наконецъ, мы рѣшились во что бы то ни стало захватить хоть одного человѣка и допытаться о мѣстѣ ея нахожденія. Случай намъ помогъ; при преслѣдованіи удалось захватить одного повстанца, котораго и привели ко мнѣ.

— Ну разсказывай, куда пошла твоя шайка, спросилъ я его.

— А я почему знаю, я не въ шайкѣ.

— А какъ же ты очутился здѣсь въ лѣсу?

Предвидя, что дѣло не обойдется безъ суровыхъ мѣръ, я отошелъ въ сторону и поручилъ штабсъ-капитану Егорову, прапорщику Никольскому и сотенному командиру допросить повстанца. Не достигнувъ никакого результата, они подошли ко мнѣ и просили позволенія употребить дѣйствительныя средства.

— Мы уже который день шляемся по болотамъ и чуть не каждый день голодаемъ, а они насъ дурачатъ, такъ и конца не будетъ. Позвольте, полковникъ, познакомить ихъ съ казачьими нагайками.

— Дѣлать нечего, попробуйте, можетъ, что-нибудь и выйдетъ.

Отойдя въ сторону, я услышалъ крикъ повстанца и хлопанье казачьихъ нагаекъ, не успѣлъ я насчитать и десяти ударовъ, какъ оба офицера прибѣжали ко мнѣ съ извѣщеніемъ, что повстанецъ скажетъ все. До нагаекъ онъ держалъ себя довольно смѣло, но послѣ нагаекъ выложилъ все, что ему было извѣстно. Онъ указалъ имена многихъ и начальника шайки, что впрочемъ мнѣ было извѣстно, и помѣщиковъ, какъ бывшихъ въ шайкѣ, такъ и продовольствовавшихъ ее, и всѣ ея похожденія.

Заручившись такими свѣдѣніями, медлить было нечего, и, несмотря на усталость, мы тотчасъ же поднялись и отправились въ

путь, при чемъ повстанцу было сказано, что если онъ соврет, то будетъ повѣшенъ, а если вздумаетъ бѣжать, то разстрѣлянъ.

13 іюня послѣ почти пятнадцативерстнаго перехода мы нашли шайку Свенторжецкаго за обѣдомъ. Теперь ясно, что все дѣло было кончено. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ съ обѣихъ сторонъ шайка начала разбѣгаться въ разныя стороны. Мнѣ же оставалось только преслѣдовать ихъ, захватывать и, проходя въ пути разныя деревни, ободрять забитыхъ крестьянъ.

Кстати будетъ сказать, что въ то время сельское духовенство въ Минской губерніи было на самой низкой степени общественнаго положенія. Почти повсюду я встрѣчалъ священниковъ, только что обращенныхъ изъ уніатовъ, плохо говорившихъ по-русски и въ страшно унизительномъ положеніи: священникъ дрожалъ передъ каждымъ польскимъ шляхтичемъ и при ласковомъ къ нему отношеніи съ моей стороны пытался цѣловать мою руку. Нисколько не лучше, если не хуже было положеніе и въ такъ называемыхъ древлеправославныхъ приходахъ, гдѣ священники были изъ не-уніатовъ. Какъ мало стѣснялись помѣщики-католики съ православными священниками, можетъ служить фактъ повѣшенія Свенторжецкимъ священника въ Богушевичахъ.

За совершеннымъ разгромомъ шайки Свенторжецкаго крестьяне ободрились и начали ловить разбѣжавшихся въ разныя стороны повстанцевъ. По необходимости части отряда пришлось обратиться въ конвой.

Послѣ усиленнаго перехода надо было остановиться на дневку, во время которой я захотѣлъ познакомиться съ своими плѣнниками.

Разгромленная шайка по составу своему была весьма разнообразна; въ ней были одинъ или два помѣщика, между которыми я помню Карказевича, потѣшавшаго меня своею трусостью и наивностью показанія при допросѣ, арендаторы помѣщичьихъ имѣній, поссессоры, крестьяне, католики и помѣщичьи слуги.

Въ отрядъ съ собою я взялъ исправника Рогачевскаго уѣзда Блохина, какъ хорошо знающаго и мѣстность и жителей уѣзда. Ему-то я поручилъ сдѣлать въ моемъ присутствіи допросъ.

Первымъ предсталъ предъ нами мужчина высокаго роста и внушительнаго вида.

— Кто вы такой? спросилъ его я.

— Я помѣщикъ Карказевичъ.

— Вы снарядили и продовольствовали шайку Свенторжецкаго, не отпирайтесь, намъ извѣстно.

— Али трошки (немного). Такой комичный отвѣтъ развеселилъ всѣхъ присутствующихъ при допросѣ.

— Но вѣдь вы не только продовольствовали шайку, вы и дрались; вы хоть и бросили ружье, но взяты съ оружіемъ въ рукахъ, вы, значитъ, стрѣляли.

При этихъ словахъ къ общему изумленію высокій, здоровый мужчина зрѣлыхъ лѣтъ вдругъ бросился на колѣни, сложилъ крестомъ два пальца и плаксивымъ голосомъ произнесъ:

— Стшѣлялъ, но дали Бугъ (ей Богу) стшѣлялъ съ далека.

Видя и слыша все это, присутствовавшіе, не исключая солдатъ, покатились со смѣху.

Совсѣмъ другимъ типомъ оказался слѣдующій повстанецъ, служившій писцомъ въ какомъ-то уѣздномъ управленіи, по фамиліи Тельшевскій, онъ былъ командированъ Свенторжецкимъ съ командою въ нѣсколько человѣкъ въ деревню Богушевичи, чтобы казнить православнаго священника.

— Вы повѣсили священника въ Богушевичахъ? спросилъ я.

— Да, я, смѣло отвѣчалъ Тельшевскій.

— Какъ же вы на это рѣшились?

— Я получилъ приказаніе отъ начальника.

— Но получивъ такое незаконное приказаніе, какъ вы рѣшились его исполнить.

— Меня никто не принуждалъ идти въ шайку, а вступивъ въ нее, я долженъ былъ повиноваться. Развѣ, г. полковникъ, не исполнили бы вы приказанія своего начальства?

Тѣмъ разговоръ, конечно, и кончился.

Наконецъ, среди арестованныхъ я увидѣлъ мальчика лѣтъ 15 не болѣе.

— Ты что же дѣлалъ въ шайкѣ? спросилъ я, небось тоже дрался?

— Нѣтъ, я не дрался, я пану служилъ.

— А гдѣ же твой панъ?

— Убѣгъ, какъ жолнеры (солдаты) пришли.

— Убирайся ты къ своему пану, сказалъ я, и велѣлъ отпустить его на всѣ четыре стороны. Едва очутившись на свободѣ, мальчишка бросился бѣжать, а солдаты, видя эту сцену, при всеобщемъ смѣхѣ начали кричать: „держи его, ату, лови, лови!"

Допрашивать остальныхъ я предоставилъ Блохину, а самъ, давъ отдыхъ, отряду сталъ готовиться къ возвращенію въ Могилевъ.

Между тѣмъ князь Яшвиль совершенно напрасно колесилъ по болотамъ, не встрѣтивъ мятежниковъ. По этому поводу онъ мнѣ писалъ:

„Извѣщаю васъ, Сергѣй Павловичъ, что экспедиція Минская кончена, и если мы не видали Свенторжецкаго, то я онъ насъ не видѣлъ также.

Что же касается Кракузевича, то мы были у него на дворѣ, а онъ у насъ не былъ, вотъ и все.

При этомъ присовокупляю, что былъ у меня Заболоцкій и Русиновъ, выпросили у меня отрядъ Савицкаго и сотню казаковъ и точно послѣ венгерской кампаніи сказали намъ: merci, adieu.

Представьте себѣ, что единственный членъ земской полиціи былъ у меня на другой день послѣ переправы чрезъ Березину, а на другой день онъ пропалъ, и о немъ у меня нѣтъ ни слуха.

Я предпринялъ маршъ въ Лою, прихожу туда и вмѣсто проводниковъ нахожу: эконома, садовниковъ и мызника Слатвинскаго, которые сейчасъ дали знать о нашемъ прибытіи; намъ же показали шишъ.

Я золъ, какъ я не знаю что; теперь въ мѣстечкѣ Березина жду завтра Митавскихъ гусаръ, съ которыми уѣду на Бѣлыничи въ Могилевъ, чего и вамъ желаю".

Остаюсь приверженнѣйшимъ вашимъ слугою

В. Яшвиль.

14 іюня.

Вскорѣ князь Яшвиль получилъ кавалерійскую дивизію и долженъ былъ уѣхать въ Ковно. Я радостно поздравилъ князя, поблагодарилъ его за наши взаимныя отношенія, пожелалъ ему счастливаго пути и выразилъ надежду, что и я отправлюсь въ Петербургъ.

— И не думайте, батюшка, я васъ не отпущу, поѣдемъ вмѣстѣ въ Ковно. Я буду объ этомъ просить Муравьева.

Сначала я задумался, но потомъ разсудилъ, что надо соглашаться; что мы уже сжились, другъ друга знаемъ, что наши взаимныя отношенія не походили на отношенія подчиненнаго къ начальнику, а потому гораздо хуже будетъ, если Муравьеву вздумается, вмѣсто Яшвиля, сунуть меня къ незнакомому человѣку.

— Ну, хорошо, князь, я поѣду; только вы отпустите меня на нѣсколько дней въ Петербургъ.

— Хорошо, но изъ Ковна. Прошу васъ въ знакъ дружбы принять мою фотографическую карточку.

Вслѣдъ затѣмъ, князь Яшвиль уѣхалъ, а я пока остался нѣкоторое время въ Могилевѣ.

Но не прошло и трехъ дней, какъ уже получилъ изъ Ковна слѣдующую телеграмму: „прошу Циммермана выслать васъ скорѣй сюда съ Чернолуцкимъ. Желаніе отъѣзда исполнится изъ Ковна. Яшвиль".

По прибытіи въ Вильну, я 8 іюля получилъ разомъ три бумаги: въ одной говорилось, что я по желанію командующаго войсками долженъ временно оставаться при князѣ Яшвилѣ, другая, что я долженъ явиться къ Муравьеву, а третья, что я долженъ принять подъ свое начальство двѣ казачьи сотни и направиться съ ними въ Вилькомиръ на соединеніе съ княземъ Яшвилемъ.

Прежде всего я явился Муравьеву.

— Я вами очень доволенъ, полковникъ, сказалъ Муравьевъ, князь Яшвиль отзывался о васъ одобрительно, благодарю васъ, онъ просилъ меня оставить васъ при немъ, а потому, отправляясь въ Ковно, вы возьмете подъ свое начальство двѣ сотни казачьяго полка и оставите ихъ въ Вилькомирѣ. Можете отправляться.

Прибывъ въ Ковно и познакомившись съ тамошними дѣлами, я напомнилъ князю о его обѣщаніи отпустить меня въ Петербургъ.

— Ну, поѣзжайте съ Богомъ, но не засиживайтесь тамъ.

Въ іюлѣ я былъ въ Петербургѣ, а 1 августа получилъ уже телеграмму слѣдующаго содержанія: „Выѣзжайте скорѣй, очень нужно, жду нетерпѣливо; здоровы ли вы, пожалуйста, скорѣй назадъ. Яшвиль“.

Между тѣмъ пребываніе въ Петербургѣ для меня имѣло большую важность. Въ это время шелъ вопросъ о сліяніи инспекторскаго департамента съ департаментомъ генеральнаго штаба. При общей сутолокѣ, всегда происходитъ, что les absents ont toujours tort, поэтому мнѣ хотѣлось уяснить свое будущее положеніе, чтобы въ концѣ концовъ не остаться на воздухѣ.

Ввиду опасности остаться въ неопредѣленномъ положеніи и желанія выяснить свое будущее, я письменно обратился къ своему непосредственному начальству, отъ котораго получилъ слѣдующій отвѣтъ:

Милостивый Государь
Сергѣй Павловичъ.

Военный Министръ, получая со всѣхъ сторонъ самые лестные отзывы о Вашей отличной распорядительности и службѣ, въ особенности же отъ свиты Его Величества генералъ-маіора князя Яшвиля, который съ большою похвалою отзывается о вашихъ трудахъ и дѣятельности, поручилъ мнѣ объявить вамъ, какъ о вышеизложенномъ, такъ и о томъ, что Его Превосходительство оставляетъ Васъ пока въ Виленскомъ военномъ округѣ только въ томъ вниманіи, чтобы доставить Вамъ болѣе случаевъ быть на виду и сдѣлать служебную карьеру, при настоящихъ военныхъ обстоятель-

ствахъ. Но если Вы желаете возвратиться въ Петербургъ, то объ этомъ увѣдомьте меня съ полною откровенностью.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи

Вашъ покорный слуга

Григорій Мещериновъ.

№ 659

9 іюля 1863 г.

Это письмо, конечно, произвело на меня самое отрадное впечатлѣніе, ибо кромѣ обнадеживанія, что я, при новыхъ условіяхъ, не буду выкинутъ за бортъ, оно говорило мнѣ, что на меня обращено вниманіе просвѣщеннаго военнаго министра.

Но еще опредѣленнѣе было слѣдующее письмо того же Мещеринова.

Милостивый Государь

Сергѣй Павловичъ.

По докладѣ Генералъ-Квартирмейстеру Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества письма Вашего, Его Превосходительство отозвался, что при утвержденіи новыхъ штатовъ Департамента Генеральнаго Штаба Вы получите штатную должность и при назначеніи на оную, немедленно вызваны будете въ Петербургъ.

Примите увѣреніе въ истинномъ моемъ почтеніи и преданности.

Григорій Мещериновъ.

№ 7865

22 августа 1863 г.

С.-Петербургъ.

Теперь я совершенно спокойно могъ оставаться при князѣ Яшвилѣ впредь до назначенія начальникомъ штаба 1-ой кавалерійской дивизіи другого лица.

Данныя мнѣ обѣщанія были исполнены въ точности; въ концѣ 1863 года я былъ вызванъ въ Петербургъ и получилъ мѣсто начальника военно-ученаго отдѣленія Главнаго Штаба и Члена Совѣщательнаго Комитета, переименованнаго впослѣдствіи въ военно-ученый.

Въ одинъ изъ вечеровъ князь Яшвиль зашелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Я, Сергѣй Павловичъ, сдѣлалъ представленіе васъ къ наградѣ; думаю, что лучшая награда будетъ чинъ, а теперь вы садитесь и пишите.

— Что же писать?

— Письмо Циммерману.

— О чемъ?

— О вашемъ производствѣ.

— Но какъ же, князь, вы хотите, чтобы я самъ расписывалъ о своихъ заслугахъ. Чѣмъ лучше вы напишете обо мнѣ, тѣмъ для меня пріятнѣе, но самому составлять о себѣ хвалебное и просительное письмо, извините, я не могу. Да и вы, князь, сами перемѣните обо мнѣ мнѣніе, если я на это поддамся. Пишите ужъ вы сами, а что напишете, то я велю перебѣлить. Вотъ и все.

Тогда князь Яшвиль присѣлъ къ столу, на которомъ были разбросаны клочки бумагъ, выбралъ два неполныхъ листика и началъ писать своими особенно оригинальными литерами и своеобразнымъ слогомъ письмо слѣдующаго содержанія:

Милостивый Государь
Аполлонъ Эрнестовичъ.

Я рѣшился прибѣгнуть къ Вашему Превосходительству съ моею всепокорнѣйшею просьбою.

Когда служишь съ человѣкомъ и видишь его безотвѣтнымъ работникомъ и бываешь свидѣтелемъ трудовъ постоянныхъ и убѣждаешься, что безъ его трудовъ и половины бы того не сдѣлалъ, что сдѣлано, то приходишь въ то положеніе, что не знаешь, что бы для него сдѣлать, лишь бы наградить его тѣмъ, именно, что бы дѣйствительно было бы наградою.

Ваше Превосходительство хорошо знаете, что въ наше время почитается дѣйствительно за награду—и потому я Васъ всепокорнѣйше прошу доложить Его Высокопревосходительству, ежели доволенъ былъ дѣйствіями, въ Могилевѣ бывшими, и результатами, тамъ въ непродолжительное время добытыми, то я всепокорнѣйше прошу наградить за все это одного подполковника Зыкова.

Съ начала мая и до сего дня офицеръ этотъ со мною въ трудахъ постоянныхъ, и я смѣю надѣяться, что въ непродолжительномъ времени мы и здѣсь дойдемъ до положенія, за которое заслужимъ спасибо.

Ваше Превосходительство, прошу Васъ убѣдительно или Зыкову дать чинъ или возвратить мнѣ назадъ мое представленіе, дабы мы снова заслужили то, чего просимъ [1]).

Кончивъ это письмо и передавъ его мнѣ, онъ сказалъ:

— Ну, что еще сказать?

Прочитавъ письмо, я поблагодарилъ и сказалъ, что я самъ никогда не написалъ бы лучше.

— Велите переписать; я его завтра же отправлю.

---

[1]) Оригинальное письмо это находится у меня.

— А вашъ собственноручный черновикъ я оставлю у себя на всякій случай, чтобы не быть гречневой кашей, которая сама себя хвалитъ.

Письмо было отправлено 11 августа, а 19 сентября я получилъ письмо отъ Циммермана слѣдующаго содержанія:

Милостивый Государь
Сергѣй Павловичъ.

Спѣшу увѣдомить Васъ, что вчера командующій войсками подписалъ представленіе Ваше къ золотой шашкѣ, и сегодня оно будетъ отправлено въ Петербургъ. Теперь хлопочите въ Инспекторскомъ Департаментѣ, чтобы скорѣе вышло Вамъ.

Будьте здоровы, желаю Вамъ отъ души всего лучшаго.

Весь Вашъ А. Циммерманъ.

Въ заключеніе о моей совмѣстной съ княземъ Яшвилемъ дѣятельности я не могу удержаться, чтобы не привести тотъ приказъ по 1-ой кавалерійской дивизіи, которымъ почтилъ меня князь.

ПРИКАЗЪ.

1-ой кавалерійской дивизіи,
гор. Ковна. Сентября 1863 года.

Исправляющему должность начальника моего штаба Генеральнаго штаба подполковнику Зыкову, оставляющему нынѣ здѣшнія войска, свидѣтельствую мою полную душевную и сердечную благодарность. Съ начала мая мѣсяца дѣйствуя по укрощенію мятежа въ Могилевской губерніи, подполковникъ Зыковъ неутомимою дѣятельностью по управленію войсками и обширнымъ краемъ былъ моимъ единственнымъ помощникомъ.

Освѣщаясь его прозорливостью, я могу смѣло сказать, что если успѣхи наши были быстры и прочны, то этимъ я обязанъ усердію и способностямъ подполковника Зыкова.

Отряды, дѣйствовавшіе противъ шаекъ въ Минской губерніи, были ведены имъ съ энергіею, а настойчивое преслѣдованіе разбитыхъ шаекъ привело къ тому результату, что шайки были разсѣяны, а предводители ихъ переловлены и представлены начальству Минской губерніи.

Здѣсь въ Ковно подполковникъ Зыковъ въ теченіе іюля и августа мѣсяцевъ занимался управленіемъ военнаго отдѣла съ тою же дѣятельностью, съ тѣмъ же безграничнымъ усердіемъ. Своимъ

трудолюбіемъ и своимъ прямодушіемъ заслужилъ здѣсь общее уваженіе.

Благодарю его еще разъ какъ начальникъ, прощаюсь съ нимъ какъ съ другомъ, и какъ начальникъ свидѣтельствую ему мою признательность за его службу со мною, какъ товарища и друга моего благодарю его за жизнь со мною.

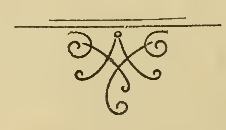
Командующій дивизіей Свиты Его Величества генералъ

князь Яшвиль.

Въ довершеніе всего мнѣ предложено было сдѣлаться могилевскимъ помѣщикомъ, пріобрѣтя на крайне льготныхъ условіяхъ одинъ изъ казенныхъ участковъ. Не имѣя никакихъ познаній въ сельскомъ хозяйствѣ и не будучи въ состояніи отличить рожь отъ ячменя или овса, я съ благодарностью благоразумно отказался; бывшій же у меня въ штабѣ поручикъ Бухманъ воспользовался этимъ правомъ.

С. П. Зыковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Столѣтіе учрежденій по принятію прошеній, приносимыхъ Государю.

Драгоцѣннѣйшая прерогатива короны — право милости и помилованія—издавна осуществлялась у насъ съ помощью особаго учрежденія. 1 января нынѣшняго года праздновалось столѣтіе существованія учрежденій по принятію и направленію прошеній и жалобъ, приносимыхъ на Высочайшее Имя. По этому случаю С. Н. Писаревымъ былъ составленъ прекрасный, обстоятельный историческій очеркъ; заимствуемъ изъ монографіи г. Писарева приводимыя историческія данныя.

I.

Еще при Іоаннѣ Грозномъ былъ учрежденъ Челобитный Приказъ, первымъ главою котораго сталъ благородный Алексѣй Адашевъ. Приказъ впослѣдствіи захудалъ, заржавѣлъ вмѣстѣ со всею государственной машиною московской Руси. Ея великій преобразователь Петръ въ 1720 г. учредилъ должность генералъ-рекетмейстера. Связанный особенною, весьма сложною присягою, онъ располагалъ широкими полномочіями своею властью предписывать коллегіямъ и канцеляріямъ рѣшать дѣла въ установленный закономъ срокъ, ходить самому къ президентамъ коллегій и указывать имъ на допускаемыя ими въ этомъ отношеніи упущенія, а также требовать отчета въ точномъ исполненіи исходящихъ отъ него предписаній. Что же касается жалобъ на неправосудныя рѣшенія, то таковыя онъ долженъ былъ вносить въ Сенатъ. Императора же онъ не могъ безпокоить докладомъ челобитныхъ, и только въ тѣхъ случаяхъ, когда подавались жалобы на неисполненіе рекетмейстерскихъ предписаній, ему вмѣнялось въ обязанность доводить объ этомъ до свѣдѣнія Его Величества.

*

Едва-ли, однако, такая постановка дѣла принятія и разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ прошеній отвѣчала основной цѣли—искорененію злоупотребленій, во имя которой былъ созданъ новый органъ.

Сфера воздѣйствія рекетмейстерской власти оказалась строго ограниченною дѣлами судебнаго и административнаго характера. Между тѣмъ, разнообразіе поводовъ, побуждающихъ подданныхъ обращаться къ своему Государю, далеко не укладывается въ эти узкія рамки. Ходатайства о помилованіи, просьбы о матеріальной помощи, домогательства наградъ и множество другихъ—все это не подлежало вѣдѣнію рекетмейстера.

Послѣдующая эпоха, вплоть до воцаренія Императора Александра I, не внесла ничего новаго въ учрежденіе рекетмейстерской части. Лишь все чаще и чаще раздаются напоминанія не въ мѣру докучнымъ просителямъ, чтобы они не дерзали утруждать Особу Монарха своими всеподданнѣйшими ходатайствами, минуя рекетмейстера, да въ царствованіе Императора Павла вдвое увеличивается штатъ Канцеляріи рекетмейстерскихъ дѣлъ. Зато съ большею опредѣлительностью намѣчается разграничительная черта между подвѣдомственными рекетмейстеру дѣлами и тѣми, которыя къ Петру восходили чрезъ кабинетъ-секретаря. При Аннѣ Леопольдовнѣ была учреждена особая должность придворнаго рекетмейстера, но первый же рекетмейстеръ попался въ какомъ-то преступленіи, и должность была немедленно упразднена.

Екатерина II, вступивъ на престолъ, рѣшила лично принимать всеподданнѣйшія прошенія. Однако, вскорѣ пришлось отъ этого отказаться, ибо, какъ разсказываетъ Сама Императрица, въ одинъ изъ праздниковъ, во время шествія Ея Величества со всѣмъ штатомъ къ обѣднѣ, просители пресѣкли Ей путь, ставъ полукружіемъ на колѣна съ письмами въ рукахъ. Поэтому уже на слѣдующій годъ Она опредѣлила къ пріему и разсмотрѣнію прошеній, неподвѣдомственныхъ генералъ-рекетмейстеру, трехъ лицъ, впослѣдствіи получившихъ наименованіе статсъ-секретарей, и дала имъ подробную инструкцію, обнаруживавшую Ея особую заботу о челобитчикахъ. Этимъ тремъ лицамъ прежде всего вмѣнялось въ обязанность поступать съ просителями „кротко, терпѣливо и снисходительно“. Принявъ прошенія, они должны были войти въ словесныя объясненія съ подателями для полученія необходимыхъ дополнительныхъ свѣдѣній. Если просьбы касались вѣдомствъ, то надлежало просителей туда направить, давъ имъ нужныя указанія, причемъ, въ случаяхъ затрудненій и волокиты со стороны должностныхъ лицъ, слѣдовало оказывать на нихъ воздѣйствіе путемъ переговоровъ съ ихъ начальствомъ. Ходатайства, подлежавшія докладу

Императрицѣ, повергались Ея Величеству въ формѣ краткихъ выписокъ съ приложеніемъ подлинныхъ прошеній, при чемъ Собственноручныя резолюціи, въ копіяхъ, сообщались просителямъ. Если же Высочайшее рѣшеніе заключало въ себѣ какую-либо неясность, должно было безъ стѣсненія вторично докладывать Ея Величеству. Запечатанные же пакеты, предназначенные въ Собственныя руки, представлялись безъ промедленія Государынѣ.

Императоръ Павелъ I, въ желаніи оказывать подданнымъ всевозможное правосудіе и открыть имъ „всѣ пути и способы, дабы гласъ слабаго и угнетеннаго былъ услышанъ", тотчасъ по воцареніи разрѣшилъ всѣмъ являться во дворецъ со словесными и письменными просьбами. Для разбора и доклада ходатайствъ у него, какъ и у Екатерины Великой, состояло нѣсколько статсъ-секретарей.

Чтобы открыть подданнымъ еще болѣе широкій доступъ къ Царскому правосудію и милосердію, на одномъ изъ оконъ нижняго этажа Зимняго Дворца былъ поставленъ желтый желѣзный ящикъ съ прорѣзаннымъ отверстіемъ для опусканія въ него прошеній. Они вынимались статсъ-секретарями, докладывались, и Государь немедленно клалъ на нихъ резолюціи. Иныя, неосновательныя, иногда почтою возвращались подателямъ „съ наддраніемъ", при чемъ съ нихъ взыскивались деньги за пересылку, иногда же публиковались въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ съ мотивированными отказами, въ назиданіе и всеобщее свѣдѣніе.

Въ 1799 г. Государь издалъ указъ, „дабы недѣльными просьбами Его Величество не утруждали", и что „всякъ, дерзнувшій по двукратной просьбѣ еще утруждать Его Императорское Величество, имѣетъ быть посаженъ въ тюрьму на мѣсяцъ". Основательныя же жалобы вызывали тщательныя разслѣдованія и просмотръ Самимъ Государемъ подлинныхъ дѣлъ. Лица заинтересованныя постарались поскорѣе отдѣлаться отъ ненавистнаго имъ ящика. Средство было избрано весьма простое и быстрое — въ него опустили нѣсколько обращеній къ Монарху, изложенныхъ въ недостойныхъ выраженіяхъ. И ящикъ былъ снятъ.

II.

При Александрѣ I, по мысли М. М. Сперанскаго, была учреждена Комиссія Прошеній, и съ преобразованіемъ Государственнаго Совѣта начала свое существованіе въ его составѣ съ 1 января 1810 г. и двадцать пять лѣтъ функціонировала согласно съ первоначальными предначертаніями, положенными въ ея основаніе. Но назрѣла необходимость въ реформѣ, и при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, въ январѣ 1835 г., было введено въ дѣйствіе новое положеніе о коммиссіи прошеній.

Оно прежде всего порвало чисто формальную связь, соединявшую Комиссію Прошеній съ Государственнымъ Совѣтомъ, уничтоживъ правило, дѣлавшее обязательнымъ назначеніе ея предсѣдателя изъ числа Членовъ Совѣта. Отнынѣ Комиссія поставлялась въ непосредственное вѣдѣніе Государя, и личный составъ ея опредѣлялся по усмотрѣнію Его Императорскаго Величества.

Кругъ ея вѣдомства былъ расширенъ тѣмъ, что ей было предоставлено принимать всеподданнѣйшія жалобы не только на Департаменты Сената, но также и на Общее его Собраніе по дѣламъ малолѣтнихъ и умалишенныхъ и по ходатайствамъ объ огражденіи свободы и объ отыскиваніи дворянства.

Право требовать отъ министровъ и главноначальствующихъ свѣдѣнія и объясненія по жалобамъ, на нихъ приносимымъ, оспоренное Комитетомъ министровъ, сохранено за Комиссіею Прошеній во всей полнотѣ, при чемъ упомянутымъ должностнымъ лицамъ вмѣнено въ прямую обязанность такія требованія удовлетворять, такъ же какъ Сенату доставлять свои производства для обозрѣнія Комиссіи.

Для принесенія жалобъ были установлены сроки—годовой для жителей Имперіи и двухлѣтній для пребывающихъ за границею.

Повѣренные по-прежнему не допускались къ подачѣ прошеній и жалобъ, кромѣ случаевъ, когда ходатайства возбуждались одновременно нѣсколькими лицами, сословіями или обществами, или же исходили отъ членовъ одной семьи, отыскивавшей свободу. При этомъ требовалась формальная довѣренность. При обсужденіи этого пункта въ Государственномъ Совѣтѣ статсъ-секретарь Лонгиновъ съ особенною горячностью возставалъ противъ участія повѣренныхъ въ дѣлахъ, возникавшихъ по всеподданнѣйшимъ ходатайствамъ. По его мнѣнію—„повѣренные, бывъ руководимы не столько пользою вѣрителей или истиною, сколько личною корыстію, безсовѣстно и безбоязненно дерзаютъ обременять Государя недѣльными просьбами, дабы питать алчность свою на счетъ тяжущихся, приводя ихъ напослѣдокъ обольстительными видами и коварными обнадеживаніями въ разореніе“.

Далѣе, по личному повелѣнію Государя, отказы объявлялись съ краткимъ объясненіемъ причинъ, и, наконецъ, вводилось правило, что за повторительное неосновательное домогательство просители подвергаются выговору чрезъ мѣстное начальство, а въ третій—уголовному суду по закону о ябедникахъ.

Не прошло и шести лѣтъ со дня распубликованія новаго Положенія 1835 г., какъ Государь призналъ необходимымъ еще болѣе „расширить кругъ дѣйствія Комиссіи Прошеній“ и повелѣлъ сосре-

доточить въ ней всѣ дѣла о помилованіи и смягченіи участи лицъ, подвергнутыхъ карѣ за уголовныя преступленія или за административные проступки. Вскорѣ установился и новый порядокъ разсмотрѣнія прошеній и жалобъ, поступавшихъ на Высочайшее Имя. Основываясь на Учрежденіи Канцеляріи 1841 г. и сопоставивъ его съ Положеніемъ о Комиссіи Прошеній 1835 г., статсъ-секретарь пришелъ къ заключенію, что отнынѣ, по смыслу закона, въ Комиссію должны вноситься только всеподданнѣйшія жалобы на Сенатъ по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, а изъ просьбъ тѣ, которыя требуютъ общаго обсужденія. Сославшись при этомъ на опытъ нѣсколькихъ лѣтъ, онъ находилъ, что такой порядокъ доставитъ Комиссіи возможность „съ большимъ тщаніемъ и безъ всякаго замедленія разсматривать вносимыя въ нее дѣла, а статсъ-секретарю, не далѣе какъ въ теченіе недѣли, заготовлять по просьбамъ записки, по нимъ резолюціи и самое исполненіе“. Поэтому онъ испрашивалъ Высочайшее разрѣшеніе:

1) вносить въ Комиссію только жалобы на рѣшенія Департаментовъ Правительствующаго Сената, равно просьбы, которыя, по усмотрѣнію статсъ-секретаря, подлежатъ общему обсужденію;

2) для скорѣйшаго производства по этимъ жалобамъ предоставить статсъ-секретарю прямо отъ себя требовать копіи съ опредѣленій Сената или подлинныя производства и

3) затѣмъ, остальныя просьбы, сообразно ихъ содержанію, разрѣшать статсъ-секретарю на основаніи существующихъ узаконеній.

На приведеніе въ исполненіе изложенныхъ предположеній, 13 марта 1843 г., послѣдовало Высочайшее соизволеніе съ тѣмъ, чтобы они были приняты „постояннымъ руководствомъ“.

Протекавшая при новыхъ условіяхъ дѣятельность Комиссіи Прошеній охватила собою самыя разнообразныя проявленія жизни. Какъ видно изъ ежегодныхъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ статсъ-секретаря, сюда входили просьбы о сословныхъ правахъ, по имущественнымъ дѣламъ, о помилованіи и смягченіи участи, о претензіяхъ къ казнѣ, объ освобожденіи отъ рекрутской повинности, жалобы на министровъ и Сенатъ и т. д.; словомъ, систематическія таблицы, представлявшіяся при отчетахъ, насчитывали нѣсколько десятковъ видовъ прошеній, которыя удалось обобщить въ отдѣльныя группы, въ дѣйствительности далеко не исчерпывавшія кругъ вѣдомства обновленнаго учрежденія.

III.

Въ 1884 г. просуществовавшая почти три четверти столѣтія Комиссія Прошеній была упразднена, и 30 мая Высочайше пове-

лѣно было: „обязанность принятія и направленія приносимыхъ на Высочайшее Имя прошеній и жалобъ возложить на командующаго Императорскою Главною Квартирою, при которой учредить для дѣлопроизводства Канцелярію по принятію прошеній, а предварительное разсмотрѣніе всеподданнѣйшихъ жалобъ на опредѣленія Департаментовъ Правительствующаго Сената поручить Временному при Государственномъ Совѣтѣ Присутствію".

20 іюня того же года состоялось послѣднее засѣданіе Комиссіи Прошеній. Было прочитано приведенное Высочайшее повелѣніе, выслушавъ которое Комиссія постановила:

„Занести о семъ въ журналъ".

Такъ окончило, говоритъ историкъ, свое существованіе учрежденіе, основанное „для безпрестаннаго надзора за отправленіемъ суда и за наблюденіемъ законовъ и справедливости въ высшихъ мѣстахъ судебныхъ и правительственныхъ".

На протяженіи 74 лѣтъ оно служило правительству орудіемъ борьбы съ судебною неправдою и злоупотребленіями властью, а также дѣлу Монаршаго Милосердія. Разрѣшивъ около 75.000 всеподданнѣйшихъ жалобъ и свыше 600.000 прошеній, Комиссія посильно исполнила свой долгъ.

Преобразованіе судебной части Императоромъ Александромъ II влило новыя силы въ дѣло отправленія юстиціи и лишило смысла дальнѣйшее существованіе Комиссіи Прошеній, какъ судебной инстанціи. Но, на-ряду съ этимъ, цѣлый рядъ коренныхъ реформъ, оживившихъ общественную жизнь и призвавшихъ къ гражданскому бытію новые классы населенія, съ теченіемъ времени породилъ новыя группы взаимоотношеній и интересовъ, столкновеніе которыхъ не всегда могло находить себѣ справедливое разрѣшеніе въ дѣйствующемъ законѣ. Необходимо было, взамѣнъ отжившаго по формѣ органа Монаршаго Милосердія, каковымъ представлялась Комиссія Прошеній въ концѣ царствованія Царя-Освободителя, создать такое установленіе, которое открывало подданнымъ прямой доступъ къ подножію престола, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, было поставлено въ независимость отъ стороннихъ вліяній. Таковымъ, по мысли законодателя, и явилась Канцелярія Прошеній, сначала, въ видѣ опыта, учрежденная при Императорской Главной Квартирѣ, а позднѣе преобразованная уже въ самостоятельное Главное Управленіе, ибо безпристрастный языкъ цифръ, почерпаемыхъ изъ статистики поступающихъ прошеній, привелъ правительство къ убѣжденію, что жизнь столь обширной страны, какъ Россія, съ ея многосторонними требованіями и крайне сложными общественными условіями, будетъ постоянно опережать законъ, выдвигая безчислен-

ныя нужды, которыя никакими правилами предусмотрѣны быть не могутъ. Страдающими въ этой вѣчно бѣгущей впередъ житейской волнѣ являются нерѣдко не испорченные, а слабые члены общества, для которыхъ борьба за существованіе представляется непосильною задачею. Для спасенія этихъ слабыхъ, для помощи имъ въ несчастіи и должно служить обновленное учрежденіе, вѣдающее отнынѣ дѣла Монаршаго Милосердія и призванное примирять вѣчное противорѣчіе между суровымъ закономъ и требованіями высшей справедливости.

Высочайше утвержденными въ 9 день іюня 1884 г. Временными Правилами командовавшій Императорскою Главною Квартирою О. Б. Рихтеръ поставлялся, въ отношеніи пріема и направленія всеподданнѣйшихъ прошеній и жалобъ, въ независимость отъ какой бы то ни было власти, кромѣ Верховной, съ предоставленіемъ ему права засѣдать въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ при обсужденіи дѣлъ, внесенныхъ имъ въ таковыя. Онъ могъ принимать къ своему разсмотрѣнію: 1) жалобы на опредѣленія Департаментовъ Правительствующаго Сената, кромѣ Кассаціонныхъ, и на дѣйствія или распоряженія главныхъ начальниковъ вѣдомствъ и генералъ-губернаторовъ, если жалобщиками были исчерпаны всѣ способы, указанные закономъ, къ защитѣ ихъ правъ и интересовъ; 2) прошенія о милостяхъ, не подходящихъ подъ дѣйствіе общаго закона, когда дарованіе ихъ не нарушало ничьи законные интересы и гражданскія права, и 3) ходатайства о помилованіи и смягченіи участи осужденныхъ или отбывающихъ наказаніе.

Столь широкій, на первый взглядъ, кругъ вѣдомства Канцеляріи Прошеній суживался дальнѣйшими статьями Правилъ до весьма скромныхъ предѣловъ. Жалобы на Сенатъ подлежали передачѣ въ Особое Присутствіе при Государственномъ Совѣтѣ, прошенія о милостяхъ, если они были сопряжены съ изъятіемъ изъ закона или съ интересомъ казны, долженствовали быть препровождаемы въ соотвѣтствующія вѣдомства, а просьбы о помилованіи или о смягченіи участи отсылались къ тѣмъ министрамъ, въ управленіи которыхъ находились суды, постановившіе приговоры.

Такимъ образомъ, дѣятельность учрежденія, образованнаго по мысли Монарха, чтобы „приблизить“ къ Нему заботы о прибѣгающихъ къ подножію Престола, въ дѣйствительности сводилась къ роли передаточной инстанціи, распредѣлявшей всеподданнѣйшія прошенія между заинтересованными вѣдомствами и сохранявшей за собою лишь скромное право оказывать единовременную денежную помощь и воспринимать новорожденныхъ отъ Св. Купели Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Именемъ.

Въ сознаніи ненормальности, созданной такимъ положеніемъ вещей, генералъ-адъютантъ Рихтеръ, уже по истеченіи года со дня открытія дѣятельности ввѣренной ему Канцеляріи, вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ о необходимости расширенія круга ея вѣдомства. Въ этихъ видахъ онъ проектировалъ разрѣшить принесеніе жалобъ на высшія государственныя установленія, а равно возложить на Канцелярію разсмотрѣніе по существу ходатайствъ о помилованіи или смягченіи участи.

Обсужденіе этой мысли Государь поручилъ Особому Совѣщанію подъ предсѣдательствомъ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ графа Толстого, которое признало, однако, болѣе удобнымъ отложить еще на нѣкоторое время разрѣшеніе настоящаго вопроса.

Въ 1889 г. Рихтеръ внесъ на Высочайшее благовоззрѣніе новый проектъ, не только повторившій пожеланія, выраженныя въ предыдущемъ, но и полагавшій необходимымъ предоставить Канцеляріи право рѣшать по существу прошенія о милостяхъ, дарованіе которыхъ сопряжено съ изъятіемъ изъ закона или съ казеннымъ интересомъ. Въ отношеніи же самаго порядка разсмотрѣнія дѣла онъ предполагалъ вернуться къ коллегіальному началу.

Проектъ былъ послѣдовательно обсужденъ въ образованной для этого Комиссіи подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Стояновскаго, а затѣмъ въ Государственномъ Совѣтѣ, которые, согласившись лишь съ мыслью о допущеніи жалобъ на высшія государственныя установленія, высказались за сохраненіе во всемъ прочемъ Временныхъ Правилъ 1884 г.

Это мнѣніе, въ 21 день марта 1890 г., удостоилось Высочайшаго утвержденія.

IV.

Десятилѣтній опытъ по завѣдыванію пріемомъ и направленіемъ всеподданнѣйшихъ прошеній привелъ генералъ-адъютанта Рихтера къ убѣжденію, что соединеніе въ одномъ лицѣ этихъ обязанностей съ другою должностью представляется существенно неудобнымъ, ибо командующій Императорскою Главною Квартирою, раздѣляя свое время между этою послѣднею и Канцеляріею Прошеній, не могъ посвящать себя исключительно на служеніе дѣлу Монаршаго Милосердія. Признавъ поэтому, что польза дѣла безусловно требовала передачи всѣхъ правъ и обязанностей по пріему и направленію всеподданнѣйшихъ прошеній особому лицу, облеченному Монаршимъ довѣріемъ и сравненному, по своему положенію и служебнымъ преимуществамъ, въ виду важности возлагаемой задачи, съ высшими начальниками отдѣльныхъ частей государственнаго управленія, генералъ-адъютантъ Рихтеръ, 25 февраля 1895 г., повергъ

на Высочайшее благовоззрѣніе мысль о выдѣленіи Канцеляріи Прошеній изъ состава Императорской Главной Квартиры, съ подчиненіемъ таковой особому главноуправляющему и съ сохраненіемъ ея прежняго состава и основаній дѣятельности.

На другой день, 26 того же февраля, Его Императорскому Величеству благоугодно было удостоить подписанія составленный въ этомъ смыслѣ Именной Высочайшій Указъ, которымъ повелѣвалось:

„I. Канцелярію Прошеній выдѣлить изъ состава Императорской Главной Квартиры и присвоить ей наименованіе „Канцеляріи Его Императорскаго Величества по принятію прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ“.

II. Впредь до учрежденія законодательнымъ порядкомъ должностей Главноуправляющаго Канцеляріею Его Императорскаго Величества по принятію прошеній и Товарища Главноуправляющаго, главное завѣдываніе пріемомъ прошеній и жалобъ оставить временно на обязанности Командующаго Императорскою Главною Квартирою на существующихъ основаніяхъ.

III. Командующему Императорскою Главною Квартирою немедленно составить и внести на уваженіе Государственнаго Совѣта предположенія объ учрежденіи должностей, означенныхъ выше въ статьѣ II, и о вызываемыхъ сею мѣрою измѣненіяхъ въ дѣйствующихъ правилахъ о порядкѣ принятія и направленія прошеній и жалобъ“.

Во исполненіе Монаршей Воли генералъ-адъютантъ Рихтеръ вошелъ въ Государственный Совѣтъ съ соотвѣтственнымъ представленіемъ, которое въ 20 день марта того же года удостоилось Высочайшаго утвержденія.

О нынѣшней дѣятельности Канцеляріи достаточно краснорѣчиво говорятъ слѣдующія данныя. Ежегодно на Высочайшее Имя поступаетъ болѣе 65.000 прошеній. Въ 1908 году поступило всеподданнѣйшихъ прошеній и жалобъ 65.357, и въ томъ же году по огромному большинству ихъ, 64.174, послѣдовало рѣшеніе. Изъ нихъ Его Величеству было доложено 7.550. Списокъ родовъ дѣлъ свидѣтельствуетъ о разнообразіи нуждъ, вызывающихъ обращенія подданныхъ къ своему Монарху. Такъ въ 1908 году были поданы прошенія— объ изъятіяхъ изъ правилъ объ исповѣданіи вѣры и отправленіи богослуженій, объ изъятіяхъ изъ церковныхъ правилъ о законности и расторженіи браковъ, объ изъятіяхъ изъ правилъ о регистраціи старообрядческихъ браковъ и рожденій, объ изъятіяхъ изъ правилъ о бракахъ военнослужащихъ, о покровительствѣ по дѣламъ о семейныхъ несогласіяхъ, объ узаконеніи дѣтей, усыновленіи и предоставленіи усыновленнымъ правъ сословныхъ и пріобрѣтенныхъ

службою, о присвоеніи или перемѣнѣ фамиліи или отчества, о предоставленіи титуловъ или дворянства и вообще о сословныхъ правахъ, о принятіи на службу, награжденіи за нее и о предоставленіи служебныхъ льготъ, о пожалованіи пенсій и пособій изъ казны или изъ различныхъ спеціальныхъ источниковъ, о постоянныхъ или единовременныхъ денежныхъ выдачахъ отставнымъ нижнимъ чинамъ, о денежныхъ пособіяхъ, о призрѣніи и помѣщеніи въ больницы, объ оказаніи помощи и льготъ по воспитанію и образованію, о предоставленіи казенныхъ, удѣльныхъ и войсковыхъ земель или оброчныхъ статей и о льготахъ при пользованіи ими, о земельномъ устройствѣ и обзаведеніи крестьянъ и переселенцевъ, о выдачѣ ссудъ изъ казны и объ оказаніи льготъ по дѣламъ, сопряженнымъ съ казеннымъ интересомъ, объ обмѣнѣ кредитныхъ билетовъ стараго образца, изъятыхъ изъ обращенія, о сложеніи казенныхъ взысканій, о предоставленіи выморочныхъ имуществъ, о заповѣдныхъ имѣніяхъ и маіоратахъ, объ отступленіи отъ общихъ правилъ о наслѣдованіи, а также объ учрежденіи опекъ и администрацій, о вознагражденіи за увѣчья, о покровительствѣ въ имущественныхъ дѣлахъ, объ освобожденіи отъ взноса 100-рублеваго кассаціоннаго залога, о принятіи въ русское подданство и объ увольненіи изъ него, объ изъятіяхъ изъ спеціальныхъ правилъ о евреяхъ, о льготахъ по исполненію воинской повинности, жалобы на опредѣленія Департаментовъ Правительствующаго Сената, жалобы на постановленія другихъ высшихъ государственныхъ установленій, жалобы на дѣйствія и распоряженія министровъ и главноуправляющихъ, жалобы на дѣйствія прочихъ должностныхъ лицъ, жалобы по уголовнымъ дѣламъ, о помилованіи лицъ, осужденныхъ или подвергнутыхъ административнымъ мѣрамъ взысканія, о предоставленіи лицамъ, исключеннымъ изъ службы, правъ государственной службы и объ исключеніи отмѣтокъ о судимости изъ документовъ, о воспріятіи отъ Св. Купели Высочайшимъ Именемъ и т. д.

V.

Особенно часто простирается Царская милость на дѣтей, молодую будущую Россію. Вниманіе Монарха часто бываетъ озабочено участью дѣтей, родившихся внѣ брака.

Законъ 3 іюня 1902 г. объ улучшеніи ихъ положенія, какъ бы завершившій собою благія начинанія, предпринятыя въ этомъ направленіи Императорами Александромъ I и Александромъ II, открывъ возможность отцу усыновлять своихъ внѣбрачныхъ дѣтей, предусматриваетъ ее лишь въ отношеніи родившихся отъ его сожитія съ незамужнею. Что же касается дѣтей, матери которыхъ состоятъ въ

бракѣ, то всѣ они, даже и рожденныя не отъ мужа, записываются на его имя и не могутъ быть переузаконены даже въ случаѣ последующаго брака матери съ ихъ кровнымъ отцомъ. Между тѣмъ, практика жизни указываетъ, что огромное большинство такихъ дѣтей является плодомъ связи именно съ замужними, при томъ принадлежащими къ низшимъ сословіямъ, чему, въ значительной степени, способствуетъ все усиливающійся приливъ сельскаго населенія къ городамъ съ развитою промышленностью. Правильно ли при такихъ условіяхъ препятствовать отцу, движимому сознаніемъ нравственнаго долга, передать своему кровному ребенку хотя тѣ права состоянія, которыя въ обычномъ порядкѣ сплошь и рядомъ предоставляются при усыновленіи лицамъ, совершенно посороннимъ усыновителю? И, слѣдовательно, законъ 3 іюня 1902 г. едва-ли можетъ быть признанъ вполнѣ соотвѣтствующимъ той широкой цѣли, къ которой стремился Государственный Совѣтъ, неоднократно высказывавшій, что „дѣти не могутъ и не должны отвѣчать за грѣхи своихъ родителей".

Такимъ образомъ, пока законодательная власть не восполнила этого пробѣла дѣйствующихъ правилъ, единственнымъ путемъ для родителей загладить свой грѣхъ предъ неповиннымъ ребенкомъ является обращеніе къ Милосердію Царя. И практика Канцеляріи Его Императорскаго Величества не бѣдна примѣрами Монаршаго снисхожденія къ подобнымъ ходатайствамъ.

Иногда допускаются изъятія изъ закона 12 марта 1891 г., которымъ запрещается лицу привилегированнаго состоянія, имѣющему законныхъ или узаконенныхъ дѣтей, усыновлять чужого ребенка. Часто неимущимъ родителямъ и воспитателямъ оказывается Монаршая помощь въ дѣлѣ образованія дѣтей. Болѣе 100.000 руб. расходуется ежегодно на удовлетвореніе такихъ нуждъ, и болѣе тысячи дѣтей учатся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ за счетъ этого спеціальнаго фонда.

Для руководства при производствѣ дѣлъ, возникающихъ въ большомъ количествѣ на почвѣ семейныхъ несогласій между супругами, нынѣшнимъ Главноуправляющимъ Канцеляріей барономъ А. А. Будбергомъ была выработана особая секретная инструкція, дѣйствующая съ 1 января 1902 г. Въ основу ея были положены указанія опыта, свидѣтельствовавшаго, что большинство всеподданнѣйшихъ ходатайствъ сводится къ просьбѣ одного изъ супруговъ о предоставленіи ему права отдѣльнаго жительства или о разрѣшеніи такихъ споровъ, возникшихъ на почвѣ ихъ личныхъ отношеній и родительскихъ правъ, которые не подлежатъ разсмотрѣнію въ общемъ законномъ порядкѣ. Сюда же относится и разсмотрѣніе вопроса объ

опредѣленіи, при разлукѣ супруговъ, дальнѣйшей судьбы ихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей, который, въ интересахъ этихъ послѣднихъ, нерѣдко требуетъ разрѣшенія также въ путяхъ Монаршаго Милосердія, несмотря на подвѣдомственность его, въ принципѣ, общимъ судебнымъ установленіямъ. Наконецъ, особое мѣсто среди дѣлъ настоящей категоріи занимаютъ ходатайства обоихъ супруговъ объ утвержденіи Верховною Властью такихъ состоявшихся между ними соглашеній по вопросу объ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу или къ ихъ дѣтямъ, которыя съ точки зрѣнія формальнаго закона недѣйствительны, какъ клонящіяся къ разлученію супруговъ, но желательны къ общей выгодѣ разлучающихся. Обобщивъ, такимъ образомъ, сущность возникающихъ при этихъ условіяхъ дѣлъ, Инструкція указываетъ далѣе порядокъ ихъ направленія, при чемъ устанавливаетъ, какъ непремѣнное правило, утвержденіе всѣхъ состоявшихся по Канцеляріи рѣшеній Властью Его Императорскаго Величества.

Поставляя себѣ главнѣйшею задачею прежде всего охраненіе цѣлости семьи, Канцелярія начинаетъ всякое возникающее по всеподданнѣйшему прошенію производство съ попытки примирить враждующія стороны, чего обыкновенно и удается достигнуть по 40% дѣлъ ежегодно. Затѣмъ уже, въ случаѣ неудачи въ этомъ отношеніи, ходатайства получаютъ законный ходъ, при чемъ въ благопріятномъ смыслѣ разрѣшается приблизительно 10% всего поступленія, прочія же или оставляются безъ уваженія, какъ неосновательныя, или прекращаются въ виду того, что просители обратились къ Монаршему Милосердію, не исчерпавъ предоставленные имъ закономъ способы къ улаженію недоразумѣній, возникшихъ между ними на почвѣ обострившихся семейныхъ отношеній.

Въ теченіе первыхъ семи лѣтъ существованія Канцеляріи Его Императорскаго Величества по принятію прошеній всѣхъ прошеній по дѣламъ о семейныхъ несогласіяхъ поступало ежегодно приблизительно нѣсколько болѣе 4.000. Съ 1903 г. картина рѣзко измѣнилась, и эта цифра сразу понизилась до 2.800, а въ настоящее время до 1.500. Ближайшимъ поводомъ послужило новое направленіе измѣнившейся съ 1902 г. практики Правительствующаго Сената по дѣламъ о снабженіи крестьянокъ отдѣльными отъ мужей паспортами, разъяснившаго въ цѣломъ рядѣ опредѣленій, что въ извѣстныхъ случаяхъ мѣстныя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія обязаны принимать къ своему разсмотрѣнію и разрѣшенію по существу просьбы крестьянокъ о выдачѣ имъ документовъ на отлучку изъ семей вопреки волѣ мужей. А такъ какъ большинство ходатайствъ (свыше 50%) возбуждалось женщинами именно изъ этого класса населенія, то само собой разумѣется, что послѣ такого разъ-

ясненія сразу же и обнаружился отливъ поступавшихъ отъ нихъ обращеній на Высочайшее Имя.

Однако приведенныя опредѣленія Сената, послѣдовавшія по отдѣльнымъ дѣламъ, не будучи распубликованными во всеобщее свѣдѣніе, остались неизвѣстными многимъ изъ подлежащихъ должностныхъ лицъ, что и вызвало крайне разнообразную практику въ разрѣшеніи подобныхъ дѣлъ, ибо ходатайства объ отдѣльныхъ видахъ на жительство возбуждались одними—у мѣстныхъ властей, другими—путемъ обращенія къ Монаршему Милосердію. Озабочиваясь установленіемъ необходимаго единства въ направленіи подобнаго рода дѣлъ, Канцелярія Прошеній сообщила объ этомъ нежелательномъ явленіи министру внутреннихъ дѣлъ, который, по ея просьбѣ, преподалъ всѣмъ подлежащимъ учрежденіямъ и лицамъ необходимыя указанія по содержанію состоявшихся разъясненій Правительствующаго Сената. Съ тѣхъ поръ ежегодная цифра всеподданнѣйшихъ прошеній по дѣламъ о семейныхъ несогласіяхъ стала замѣтно уменьшаться. Между прочимъ, усмотрѣвъ ненормальность въ положеніи женъ, мужья которыхъ лишены свободы, и прійдя къ мысли о необходимости измѣненія существующихъ законоположеній въ смыслѣ предоставленія женамъ, при подобныхъ условіяхъ, права на полученіе отдѣльныхъ видовъ на жительство помимо согласія мужей, Канцелярія вошла въ соотвѣтственное сношеніе съ подлежащими вѣдомствами. Слѣдствіемъ этого было внесеніе въ Государственный Совѣтъ настоящаго вопроса, который и былъ разрѣшенъ въ предположенномъ смыслѣ.

Весьма значительной областью дѣятельности Канцеляріи являются производства, возникающія по ходатайствамъ о разнаго рода матеріальной помощи, въ видѣ назначенія пенсій изъ суммъ казны или единовременныхъ выдачъ отъ Монаршихъ щедротъ. Въ 1907 г. было возбуждено подобныхъ ходатайствъ 5.798, и назначено пенсій почти на 180 тысячъ руб. Объ единовременной денежной помощи ежегодно просятъ не менѣе 16 тысячъ человѣкъ, и 3—4 тысячи такихъ ходатайствъ удовлетворяются.

Возникновеніе Русско-Японской войны послужило поводомъ къ проявленію цѣлаго ряда милостей, дарованнымъ Государемъ Императоромъ ея участникамъ и ихъ семьямъ.

Такъ, напримѣръ, офицеры, возвращавшіеся съ войны вслѣдствіе ранъ или болѣзней, должны были, по дѣйствовавшему тогда правилу, представлять особаго рода аттестаты для полученія полностью причитавшагося имъ содержанія. Въ противномъ случаѣ, таковое выдавалось имъ въ размѣрѣ всего одной трети, пока они не добывали этихъ документовъ.

Обративъ Монаршее вниманіе на ихъ тяжелое матеріальное положеніе, Государь Императоръ соизволилъ повелѣть главноуправляющему Канцеляріей Прошеній сообщить объ этомъ военному министру для доклада Его Величеству вопроса объ удовлетвореніи этихъ лицъ полнымъ содержаніемъ, а пока выдавать имъ изъ суммъ Канцеляріи пособіе, по 300 р. женатымъ и 200 р. холостымъ, на что были отпущены особыя средства въ размѣрѣ 178.000 р.

VI.

Чрезвычайно обильную категорію поступающихъ ходатайствъ составляютъ всеподданнѣйшія просьбы о смягченіи участи осужденныхъ судебными приговорами за преступленія. Къ этой категоріи принадлежитъ шестая часть всѣхъ прошеній.

На основаніи своего Учрежденія Канцелярія Его Императорскаго Величества обязана препровождать такія просьбы министрамъ, которымъ подчинены суды, постановившіе приговоръ, ограничивая такимъ образомъ, за весьма рѣдкими исключеніями, свою дѣятельность ролью безучастной передаточной инстанціи. Но, опираясь на указанія, даваемыя многолѣтнимъ опытомъ Канцеляріи, нельзя не засвидѣтельствовать одной непреложной истины, — что подобное направленіе ходатайствъ о помилованіи весьма далеко отъ упованій, питаемыхъ людьми, которые умоляютъ своего Монарха о снисхожденіи: многочисленныя повторительныя прошенія и жалобы, въ случаяхъ отклоненія просьбъ, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что эти лица обманулись въ своей послѣдней надеждѣ, получивъ вмѣсто Царскаго слова прощенія холодный отказъ изъ вѣдомства, въ которое даже и не обращались.

Вопросъ о правѣ помилованія возбуждался не разъ и былъ предметомъ не только научнаго обсужденія, но и спеціальнаго изслѣдованія примѣнительно къ практикѣ еще Комиссіи Прошеній. Въ 1869 г. графъ Паленъ испросилъ Высочайшее повелѣніе, чтобы всеподданнѣйшія ходатайства по дѣламъ, рѣшеннымъ въ новыхъ судахъ, представлялись на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества не иначе, какъ чрезъ министра юстиціи, т. е., говоря проще, отнынѣ всѣ просьбы о помилованіи или смягченіи участи изымались изъ круга вѣдомства Комиссіи. Этотъ порядокъ въ 1883 г. былъ признанъ комиссіей, занимавшейся подъ предсѣдательствомъ д. т. с. Ковалевскаго реформой Комиссіи Прошеній, наиболѣе цѣлесообразнымъ.

По ея мнѣнію, министръ юстиціи, находясь во главѣ судебнаго управленія, не долженъ быть устраняемъ отъ всеподданнѣйшаго доклада этого рода дѣлъ, ибо всякое постороннее вѣдомство

встрѣтилось бы въ этомъ случаѣ съ крайними затрудненіями относительно приведенія въ ясность фактическихъ обстоятельствъ, имѣющихъ существенное значеніе для правильной и всесторонней оцѣнки. По этимъ же соображеніямъ докладъ просьбъ о помилованіи осужденныхъ военными или военно-морскими судами слѣдуетъ ввѣрить военному и морскому министрамъ.

Статсъ-секретарь у принятія прошеній князь Долгорукій не согласился съ этимъ выводомъ.

Сославшись на существо обязанностей министра юстиціи, главною задачею котораго, какъ генералъ-прокурора, является преслѣдованіе преступленій, князь Долгорукій высказалъ, что, представительствуя предъ Государемъ о помилованіи преступниковъ, министръ юстиціи войдетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, ибо будетъ ходатайствовать объ отмѣнѣ приговоровъ, постановленныхъ вслѣдствіе настояній подчиненнаго ему прокурорскаго надзора. Въ подкрѣпленіе справедливости своего взгляда на необходимость устраненія высшаго представителя судебной власти отъ вліянія на исходъ дѣлъ о помилованіи, князь Долгорукій привелъ мнѣнія извѣстныхъ теоретиковъ уголовнаго права.

„Судьямъ должно быть предоставлено ограниченное закономъ право смягченія наказаній, но не право помилованія“,—говоритъ одинъ изъ нихъ.—„Отъ судьи требуемъ мы права, а не милости. По совокупности условій своего положенія, судьи не могутъ имѣть никакого притязанія на право помилованія. Право помилованія есть чадо державности. Въ монархіяхъ оно составляетъ право, до того свойственное главѣ государства, какъ личному представителю державности, что мы не можемъ даже и представить себѣ монархическаго владыку безъ права помилованія. Стоя высоко надъ отдѣльными партіями, несвязанный законами, а потому вполнѣ отвѣтственный предъ своею совѣстью, глава государства является самымъ пригоднымъ органомъ права помилованія. Такъ какъ невозможно, чтобы глава государства разсматривалъ самъ всѣ просьбы о помилованіи, то онъ долженъ прибѣгнуть къ сторонней помощи. Было бы весьма цѣлесообразно, ежели бы подобная помощь была возложена на коллегіальное учрежденіе“.

Другой ученый писалъ: „Безъ юридическаго элемента, конечно, нельзя обойтись при предварительныхъ обсужденіяхъ прошеній о помилованіи. Но ежели къ этому притянуть только однихъ юристовъ, то помилованіе будетъ разсматриваться съ чисто юридической точки зрѣнія, и тѣмъ затмится настоящее значеніе милости“.

Равнымъ образомъ статсъ-секретарь возражалъ и противъ предположенія о передачѣ прошеній этого рода отъ лицъ, осужден-

ныхъ военными судами, военному министру, а морскими—морскому министру. Сосредоточеніе всѣхъ просьбъ о помилованіи въ одномъ учрежденіи, совершенно независимомъ, представляется существенно необходимымъ потому, что только единствомъ и однообразнымъ разрѣшеніемъ ихъ могутъ вполнѣ удовлетвориться требованія справедливости. Съ распредѣленіемъ же этихъ просьбъ между тремя вѣдомствами, въ каждомъ изъ нихъ выработается особая практика, угрожающая совершеннымъ разнообразіемъ въ смягченіи участи лицъ, равно виновныхъ, но осужденныхъ судами разныхъ вѣдомствъ.

Этотъ важный вопросъ, сводящійся къ вопросу объ отношеніи правды формальной къ правдѣ нравственной, вопросъ, быть можетъ, неясный еще для науки права, давно рѣшенъ народною совѣстью. Въ принципѣ монархъ есть представитель частныхъ благъ и выразитель частныхъ воль своихъ подданныхъ, и если у каждаго изъ нихъ есть своя сфера для свободной кары и свободнаго прощенія тѣхъ, кто имъ сдѣлалъ зло, если каждый изъ нихъ часто самъ нуждается въ прощеніи и милосердіи, то монарху такое право принадлежитъ въ несравненно сильнѣйшей степени. Къ правдѣ государственнаго правосудія, подчасъ несовершенно и неполно осуществляемой, Высочайшее милосердіе присоединяетъ правду любви и прощенія. Даже въ странахъ, лишенныхъ монархическаго правленія, право помилованія въ извѣстныхъ предѣлахъ предоставляется верховному представителю государственной власти".

Вопросъ о правѣ помилованія былъ затронутъ и въ настоящемъ царствованіи. Въ апрѣлѣ 1906 г. въ происходившемъ подъ предсѣдательствомъ Государя Императора засѣданіи совѣщанія объ основныхъ законахъ Главноуправляющій Канцеляріею Прошеній всеподданнѣйше обратился къ Его Величеству со слѣдующими словами:

„Къ вопросу о верховномъ правѣ помилованія я желалъ бы пріурочить вопросъ, имѣющій, на мой взглядъ, важное значеніе. Какъ извѣстно Вашему Величеству, въ настоящее время, кромѣ просьбъ о помилованіи и о сложеніи казенныхъ взысканій, въ путяхъ Монаршаго Милосердія, въ большомъ количествѣ разрѣшаются просьбы о допущеніи для отдѣльнаго случая изъятія изъ дѣйствующаго закона. Пока Власть Царская признавалась неограниченною, не было надобности въ Основныхъ Законахъ упоминать о правѣ Царя допускать такія изъятія. Въ настоящее же время, когда съ высоты Престола подтверждено о неуклонномъ соблюденіи законности, слѣдуетъ или Царской Власти отказаться отъ прежней своей прерогативы, или о ней особо упомянуть въ Основныхъ Законахъ.

Вопросъ самъ по себѣ, конечно, можетъ казаться спорнымъ; найдутся, вѣроятно, голоса и въ сегодняшнемъ Совѣщаніи, которые

укажутъ Вашему Величеству на опасность допущенія изъятій изъ закона хотя бы и тогда, когда примѣненіе закона къ данному случаю не соотвѣтствуетъ понятію справедливости.

Я лично придерживаюсь иного взгляда.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ государствѣ, въ которомъ издавна водворена законность, основанная на законахъ, дѣйствительно ограждающихъ не только интересы государства, но и отдѣльныхъ лицъ,—строгое соблюденіе закона и возможно, и желательно, и полезно. Но едва-ли наше Отечество въ настоящее время находится въ такомъ положеніи. Встрѣчаясь ежедневно, и уже много лѣтъ, съ этимъ вопросомъ, я вполнѣ убѣжденно заявляю, что строгое примѣненіе закона у насъ пока немыслимо. Пройдутъ еще многіе годы, пока исчезнетъ у насъ потребность благодѣтельнаго вмѣшательства Верховной Власти въ это постоянное противорѣчіе между положительнымъ правомъ и справедливостью.

Мнѣ могутъ возразить, что ни въ одномъ иностранномъ законодательствѣ о такомъ правѣ не упомянуто. Мнѣ это хорошо извѣстно, но я утверждаю, что и передъ этимъ останавливаться не слѣдуетъ.

Думаю, что народъ Вашего Величества не повѣрилъ бы тому, что ему нельзя къ Вамъ обращаться съ просьбами по всѣмъ его нуждамъ, и убѣжденъ, что по его понятіямъ для Вашего Величества слова „Я не могу“ не существуютъ. Пусть эта вѣра въ народѣ останется возможно дольше“.

По выслушаніи этой рѣчи и возраженій нѣкоторыхъ изъ членовъ Совѣщанія, Его Императорскому Величеству благоугодно было сказать:

„Я согласенъ съ барономъ Будбергомъ. Такъ и сдѣлать“.

Во исполненіе таковой Монаршей Воли въ Основные Законы была включена 23-я статья, которая гласитъ:

„Государю Императору принадлежатъ помилованіе осужденныхъ, смягченіе наказаній и общее прощеніе совершившихъ преступныя дѣянія съ прекращеніемъ судебнаго противъ нихъ преслѣдованія и освобожденіемъ ихъ отъ суда и наказанія, а также сложеніе, въ путяхъ Монаршаго Милосердія, казенныхъ взысканій и вообще дарованіе милостей въ случаяхъ особыхъ, не подходящихъ подъ дѣйствіе общихъ законовъ, когда симъ не нарушаются ничьи огражденные закономъ интересы и гражданскія права“.

Отнынѣ этимъ гуманнымъ закономъ вдохновляется дѣятельность благого учрежденія, уже сто лѣтъ служащаго посредникомъ между Царемъ и Его народомъ, проводникомъ Царской Милости къ народу. Оглядываясь на пройденный этимъ органомъ власти вѣковой путь, вспоминаешь о множествѣ сдѣланныхъ при его посредствѣ добрыхъ

дѣлъ, о десяткахъ тысячъ обездоленныхъ людей, которымъ оставалась въ жизни только одна надежда—на милосердіе Царя, и которыхъ эта надежда не обманула, о голодныхъ, которые получили кусокъ хлѣба, объ алкавшихъ хлѣба духовнаго—справедливости—и дождавшихся его, о безчисленныхъ труждающихся и обремененныхъ, горькая доля которыхъ была облегчена однимъ словомъ, однимъ маніемъ руки, о тысячахъ людей, которые только благодаря Царскимъ щедротамъ увидѣли свѣтъ знанія...

Да, много сдѣлано добрыхъ дѣлъ въ цѣлое столѣтіе на благо и народу, и власти, и учрежденіе, съ помощью котораго творилось это добро, имѣетъ право на глубокую благодарность общества [1]).

[1]) Портретъ Главноуправляющаго Канцеляріей Прошеній барона А. А. Будберга помѣщенъ въ настоящей книгѣ.

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой).

ГЛАВА IV[1]).

Конференція въ Сентъ Джемсъ Холъ.

Какъ только премьеръ и его друзья пришли въ себя отъ смущенія, овладѣвшаго ими при возстаніи націи противъ традиціонной политики, связывающей Англію съ Турціей, они стали утѣшать себя мыслью, что это былъ временный взрывъ негодованія, и что въ скоромъ времени страна возвратится къ старымъ понятіямъ. Поэтому едва закрылись двери городскихъ залъ, гдѣ происходили послѣднія многолюдныя собранія, порицавшія правительственную политику, какъ Биконсфильдовская печать объявила, что волненіе утихаетъ, что страна образумилась. Сэръ Н. Д. Вольфъ, судя по его автобіографіи, искренне вѣрилъ, что митингъ, собравшійся въ его избирательной коммиссіи Краистчерчъ (Christchurch), означалъ упадокъ антитурецкихъ чувствъ. Чтобъ уничтожить эту фантастическую иллюзію, митинги не переставали собираться во всей странѣ, но не было, очевидно, возможности собирать каждую недѣлю митинги, чтобы убѣдить тѣхъ, которые не желали убѣдиться, что Англія того же мнѣнія въ субботу, какого была въ понедѣльникъ.

Чтобъ лишить лорда Биконсфильда увѣренности въ томъ, что нація отступается отъ своей новой восточной политики, предприняты были шаги, для созыва народной конвенціи.

Благодаря г-ну Гислопъ Белль, я имѣю слѣдующій ясный разсказъ о движеніи, которое повело къ Сентъ Джемской конференціи. Г-нъ Белль былъ тогда владѣльцемъ „Сѣвернаго Эхо“ и лидеромъ

[1]) См. „Русская Старина“ апрѣль 1910 г.

Дарлингтонской и Южно-Дургамской ассоціаціи. Изъ его изложенія видно, что первоначальная цѣль движенія была гораздо честолюбивѣе той, которая осуществилась впослѣдствіи.

Когда первый порывъ гнѣва противъ болгарскихъ жестокостей утихъ, настало успокоеніе, которое немедленно было объяснено друзьями турокъ, какъ паденіе великаго народнаго движенія противъ союза съ Турціей. Требованіе осенней сессіи, сдѣланное лордомъ Гартингтономъ, распространилось по всей странѣ, но его боялись, и событія показали, что страхъ былъ ненапрасный, что правительство не уступитъ народному требованію даже въ томъ случаѣ, когда оно состоитъ въ созывѣ парламента, въ которомъ министры обладаютъ большимъ числомъ голосовъ въ обѣихъ палатахъ. Настойчивые люди на сѣверѣ съ ужасомъ представляли себѣ картину будущаго. Цѣлые мѣсяцы министры оставались самостоятельными. Обузданные, временно, взрывомъ негодованія, они были готовы, какъ опасались, возобновить свои жестокія дѣйствія, какъ только грозный голосъ народа сталъ бы ослабѣвать. Казалось настоятельно необходимымъ изобрѣсти мѣру, могущую воплотить народное желаніе въ такую форму, которая заставила бы сопротивляющійся кабинетъ согласиться съ народнымъ рѣшеніемъ. Нѣкоторое время не могли найти соотвѣтствующаго представленія народнаго рѣшенія. Наконецъ г-нъ Вильсонъ изъ Питсмура (Шефильдъ) вмѣстѣ съ г-номъ Робертомъ Лидеромъ, предсѣдателемъ Шефильской либеральной ассоціаціи, возымѣли мысль, что возможно было бы созвать представительный конвентъ для формальнаго и энергичнаго выраженія воли Англіи въ Восточномъ вопросѣ. Какъ только явилась эта мысль, въ Шефильдѣ, она была сообщена Дарлингтону, городу, который, какъ мѣсто рожденія Болгарскаго волненія, пріобрѣлъ нѣкоторое вліяніе въ рѣшительныхъ мнѣніяхъ объ обязанностяхъ Англіи на Востокѣ. Шефильдскій намекъ встрѣтилъ горячій отвѣтъ. Предварительный митингъ собрался въ Шефильдѣ, 30-го сентября, подъ предсѣдательствомъ г-на Роберта Лидера. Присутствовало много представителей изъ Шефильда, а также изъ Лидса, Брадфорда, Манчестера, Ливерпуля, Бирмингама и Дарлингтона. Было рѣшено единодушно, что конференцію созвать необходимо, но существовало различіе взглядовъ на способы созыва. Представители Дарлингтона, сильно поддерживаемые Шефильдскими, настаивали на огромномъ значеніи создать представительное собраніе, состоящее изъ выборныхъ делегатовъ отъ каждой избирательной коллегіи. Эта мысль, въ формѣ рѣшенія, была предложена Манчестерскимъ представителемъ для того, чтобы предпринять шаги къ созыву національной конвенціи по Восточному вопросу, и чтобъ конференція эта была на сколько

возможно выборная. Рѣшеніе было принято единодушно. Въ продолженіи митинга объ отсроченномъ собраніи, вторая серія негодующихъ митинговъ состоялась по инціативѣ Дарлингтона. Они были примѣромъ для другихъ: Мидльсборо, Стоктонъ, Бротонъ, Стендропъ, Сюндерландъ и Хартльспульсы. На этихъ собраніяхъ постановленіе о выраженіи сочувствія христіанамъ было принято единодушно вмѣстѣ съ рѣшеніемъ созыва парламента на осеннюю сессію.

Комитетъ, уполномоченный на созывъ національной конвенціи, встрѣтилъ серьезныя затрудненія. Вначалѣ затрудненія заключалась въ недостаткѣ какой бы то ни было организаціи, на которую можно было бы разсчитывать для составленія народной резолюціи. Хотя всѣ собиравшіеся въ Шефильдѣ, и имѣли желаніе оградить конвенцію отъ всего похожаго на партійность, но на дѣлѣ оказалось невозможнымъ избѣжать обращенія къ организаціоннымъ партіямъ. Рѣшено было обратиться къ представителямъ и секретарямъ различныхъ либеральныхъ ассоціацій всей страны съ цѣлью вызвать ихъ мнѣнія о томъ, какой способъ лучшій, чтобы создать изъ предполагаемой конвенціи настоящее представительное національное собраніе. Надѣялись, что въ отвѣтъ на это воззваніе инціаторы движенія могли бы обратиться ко всѣмъ партіямъ государства, прося ихъ, на публичныхъ собраніяхъ подъ предсѣдательствомъ мэра или другого оффиціальнаго предсѣдателя, избрать делегатовъ въ конвенцію въ такомъ же числѣ, какъ избираютъ ихъ въ парламентъ. Такимъ способомъ надѣялись, что будетъ избрано дѣйствительно представительное собраніе, которое могло бы обращаться къ министрамъ Ея Величества съ тѣмъ авторитетнымъ и вѣскимъ словомъ, которое бы исходило отъ сознанія, что они избранники народа.

Такъ какъ министры отказывались созвать законный парламентъ, въ которомъ могли бы дѣйствія ихъ подвергнуться должной критикѣ, и такъ какъ они настоятельно пользовались конституціонными прерогативами короны, чтобы вести политику, отвергаемую націей, то народъ долженъ былъ создать новое представительство, которое воплотило бы протестъ націи противъ политики правительства.

Эти надежды были жестоко обмануты. На отсроченномъ митингѣ въ Бирмингамѣ (на которомъ были представители отъ Дарлингтона, Шефильда и другихъ городовъ) проекту грозила опасность провалиться. Бирмингамъ, гордившійся своимъ выдающимся положеніемъ, не былъ расположенъ взять на себя лидерство въ этомъ дѣлѣ. Ни одинъ городъ не хотѣлъ взять на себя отвѣтственности за воззваніе ко всей націи, и благодаря нежеланію городовъ вести дѣло, конвенція, казалось, обречена была на гибель прежде своего осуществленія. Неутомимые шефильдцы,

потерпѣвъ неудачу въ созваніи конвента въ провинціи, отправились въ Лондонъ, гдѣ имъ удалось заручиться благопріятными мнѣніями относительно ихъ плана у самыхъ авторитетныхъ лицъ. Получивъ одобреніе извѣстнѣйшихъ государственныхъ людей Англіи, вопросъ былъ возбужденъ въ Девонишерскомъ клубѣ, гдѣ членъ Дарлингтонской избирательной ассоціаціи объяснилъ точное положеніе дѣлъ и горячо убѣждалъ всѣхъ присутствующихъ, чтобы инціатива созыва конвенціи или конференціи исходила изъ Лондона. Это предложеніе было принято. Открыты были сообщенія съ комитетомъ, состоящимъ изъ членовъ клуба реформъ, назначенныхъ въ послѣднію сессію слѣдить за Восточнымъ вопросомъ, и въ скоромъ времени было рѣшено, чтобы этотъ комитетъ, усиленный поддержкой именъ первыхъ составителей проекта и сочувствующихъ ему, дѣйствовалъ какъ предсѣдательствующій и обратился бы съ воззваніемъ къ странѣ выслать представителей въ національное собраніе. Циркуляры, опредѣляющіе предметъ конференціи, состоящій вообще въ обсужденіи лучшаго способа для благопріятнаго направленія Восточнаго вопроса посредствомъ европейскаго концерта державъ, а въ частности: 1) въ пріобрѣтеніи христіанскими провинціями Босніи, Герцоговины и Болгаріи, освобожденіи отъ непосредственной турецкой власти съ обезпеченіемъ имъ правъ одинаковыхъ съ нехристіанами, 2) въ распространеніи по всей странѣ здравыхъ указаній на различныя стороны вопроса,—обращались къ тѣмъ, чьи имена могли бы быть полезными въ ихъ мѣстности или своей репутаціей имѣли бы вліяніе на широкую публику, съ просьбой разрѣшенія пользоваться ихъ именами, какъ членовъ конвента. Очень вѣроятно, что, не будь рѣчи премьера въ Гильдголѣ, съ ея безразсуднымъ хвастовствомъ и жестокихъ угрозъ консервативныхъ газетъ, конференція могла бы не состояться. Но лордъ Биконсфильдъ угрожалъ странѣ цѣлыми серіями походовъ въ защиту независимости Оттоманской имперіи. Императоръ принялъ въ Москвѣ вызовъ премьера, и одно время казалось, что англійскій народъ непремѣнно вовлекутъ въ войну. Во время этого тягостнаго недоумѣнія и страха, конференція—сначала назначенная на конецъ сентября, быстро сформировалась. Лучшіе люди страны сердечно согласились на званіе членовъ конвента. Между первыми пэрами далъ свое согласіе представитель графства Дургамъ. Имена стекались со всѣхъ сторонъ, и 27-го ноября появился величавый списокъ, заключающій въ себѣ знаменитѣйшія имена Англіи, какъ членовъ конвента національной конференціи, дѣйствія которой мы представляемъ ниже.

Одна публикація списка членовъ конвента уже произвела огромный политическій результатъ. Хотя и слышались слабыя насмѣшки

съ турецкой стороны, но представительный характеръ списка, смѣлость предпріятія и безспорное убѣжденіе, одушевляющее иниціаторовъ, устрашили защитниковъ войны. Съ этой минуты попытка распространить въ странѣ бѣшеную ненависть къ Россіи была забыта.

Энтузіазмъ, съ которымъ страна встрѣтила публикацію именъ членовъ конвента, лучше всего изображенъ въ слѣдующемъ отрывкѣ одного изъ многихъ диѳирамбовъ, появлявшихся въ либеральной прессѣ сѣверной стороны. Статья интересна, какъ краткій обзоръ этого сильнаго движенія и его значенія въ исторіи Англіи.

„Болгарское волненіе доказало, что англичане достойны своихъ героическихъ предковъ, и что пылъ Кромвеля и Мильтона до сихъ поръ горитъ въ сердцахъ простого народа, тогда какъ онъ давно угасъ въ сердцахъ ихъ консервативныхъ правителей. Созывъ этой конвенціи доказываетъ, что тактъ и искусство, сила и рѣшимость, которые помогли великимъ парламентскимъ лидерамъ долгаго парламента охранить свободу страны отъ захвата деспота-короля, и въ настоящее время окажутся надежными, когда нація видитъ себя осмѣянной деспотическимъ министерствомъ. Но конвентъ сдѣлалъ больше этого. Онъ навсегда возвеличилъ значеніе англійскаго гражданства; списокъ членовъ конвента доказываетъ самому непроницательному изъ насъ богатство разума, величіе генія, которыя могутъ въ этой свободной странѣ сосредоточиться на политическомъ дѣлѣ. Слишкомъ часто говорятъ, что политика существуетъ только для людей, занимающихся политикой. Этотъ списокъ членовъ конвента показываетъ, что наша страна располагаетъ помощью всѣхъ самыхъ даровитыхъ своихъ сыновъ во времена затрудненій и опасности. Отсюда ясно, что, желая руководить политикой Англіи, мы обладаемъ содѣйствіемъ самыхъ знаменитыхъ поэтовъ, философовъ, богослововъ и историковъ нашего времени. Появленіе Томаса Карлейля въ восточной политикѣ почти такая же великая и пріятная неожиданность, какъ если бы апостолъ Павелъ воскресъ изъ мертвыхъ и далъ совѣтъ нашимъ соотечественникамъ. Соучастіе лучшихъ представителей науки, искусства, литературы, богословія и законовѣдѣнія въ служеніи общему нашему отечеству есть замѣчательное объясненіе глубокаго смысла англійскаго патріотизма. Англія была возбуждена воплемъ отчаянія мучениковъ болгаръ и, по словамъ Гладстона, мы увидѣли, что „великое сердце Англіи не переставало биться“. До средины августа Англія, казалось, отдавалась всецѣло жалкому шарлатанству. Въ началѣ сентября вся нація пылала сильнѣйшимъ энтузіамомъ, полнымъ жизненныхъ силъ, какъ въ побѣдоносное время героическаго прошлаго, горя желаніемъ очистить душу отъ окаянной отвѣтственности за согласіе на преступленія

тѣхъ, кого премьеръ и его друзья защищали во имя Англіи. Страна наша, одушевленная высокимъ чувствомъ въ святомъ дѣлѣ, точно переродилась. Казалось, вернулись героическія времена и каждый видѣлъ въ благородныхъ словахъ Карлейля, что этотъ міръ есть правда, а не вѣроятность и ложь, что самъ онъ живъ, не умеръ и не паралитикъ, и что міръ живетъ, движимый Божествомъ, прекрасный и грозный, такой же, какъ и въ началѣ бытія. Шарлатанство ушло и по всей странѣ раздался единодушный голосъ народнаго раскаянія.

Единодушіе національнаго раскаянія обыкновенно не что иное, какъ гипербола. При самой высокой степени національнаго энтузіазма, широкій слой народа остается хладнокровнымъ и равнодушнымъ къ волненію ближнихъ. Но общіе выборы 1880 г. свидѣтельствовали на этотъ разъ о дѣйствительномъ раскаяніи большинства нашего народа.

Г-жа Новикова получила болѣе десяти приглашеній въ собранія Сентъ Джемсъ Холъ, одно изъ нихъ отъ Малькольмъ Маколь (Rev Malcolm Maccoll), въ то время неизмѣннаго друга Россіи. Для нея это было новое и достойное посвященіе въ тайны демократической государственной дѣятельности. Она присутствовала въ залѣ отъ двѣнадцати часовъ до перерыва и возвратилась, чтобы слышать рѣчь Гладстона. Это было памятное собраніе тѣмъ, что оно полно было сердечнаго энтузіазма къ Россіи и русскимъ. Болѣе чѣмъ за часъ до открытія, у входовъ Сентъ Джемсъ Холъ толпились депутаты, и тотчасъ послѣ одиннадцати зала была полна. Время до начала засѣданія было употреблено на раздачу правилъ и постановленій, а также на манифестъ комитета, опредѣлявшій основу ассоціаціи, составленный наканунѣ вечеромъ. За нѣсколько минутъ до одиннадцати громкія восклицанія встрѣтили появленіе герцога Вестминстерскаго въ сопровожденіи епископа Оксфордскаго и многихъ другихъ сановниковъ. Когда водворилось спокойствіе, герцогъ Вестминстерскій обратился къ одному изъ почетныхъ секретарей съ предложеніемъ прочитать письма, полученныя отъ сочувствующихъ, которые не имѣли возможности присутствовать на митингѣ. Секретарь всталъ, но прежде чѣмъ онъ произнесъ слово, на ступеняхъ къ платформѣ показалось хорошо знакомое лицо. Какъ только увидѣли эти сѣдые волосы, эту нѣсколько сгорбленную фигуру, все собраніе мгновенно встало и привѣтствовало г-на Гладстона продолжительными и восторженными возгласами одобренія. Нельзя было ошибаться въ искренности этого энтузіазма. Опять и опять раздавались привѣтствія по всей этой переполненной залѣ. Пока г-нъ Гладстонъ, кланяясь и улыбаясь, медленно проходилъ передъ эстрадой, знаки одобренія продолжались, увеличи-

ваясь, шляпы и платки развѣвались, казалось, конца не будетъ этимъ оваціямъ. Гладстонъ сѣлъ по правую сторону председателя, все стало утихать, и всѣ заняли свои мѣста. Секретарь прочелъ письма отъ герцога Аргайльскаго и г-на Роберта Ло. Герцогъ Вестминстерскій всталъ, чтобы сказать вступительную рѣчь. Онъ говорилъ около получаса спокойно, безъ особенной выразительности, но съ большей настойчивостью. Первый взрывъ рукоплесканій возбудило заявленіе, что Англія рѣшила не идти на войну съ Россіей изъ-за Турціи. Опредѣливъ, чего, по его мнѣнію, желаетъ конференція, онъ сказалъ, что лично онъ готовъ идти далѣе. „Великіе интересы человѣчества выше всѣхъ интересовъ чисто англійскихъ. Англія въ прежнее время шла впереди всѣхъ въ усиліяхъ улучшить человѣческую расу, я надѣюсь, что она возвратится на старое мѣсто. Для того, чтобы это сдѣлать, необходимо, чтобы Россію не только поддерживали въ Палатѣ, но чтобъ флотъ и армія Англіи были посланы въ Константинополь не противъ Россіи, а для того, чтобъ сдерживать Турцію". Взрывъ рукоплесканій доказалъ, что конференція готова идти такъ же далеко, по крайней мѣрѣ, какъ ея предсѣдатель. Первымъ ораторомъ былъ сэръ Джорджъ Кампбель, членъ парламента для Кирикальди, бывшій губернаторъ Бенгаліи, только что возвратившійся послѣ долгаго пребыванія въ Турціи. Сэръ Джорджъ говорилъ ясно и по существу. Онъ искусно опредѣлилъ правительство Турціи, какъ правленіе не только худшей расы, но въ большинствѣ, какъ расы низшаго класса. Турецкое правительство не только совершенно непоправимо дурно, но дѣлается рѣшительно худшимъ, тогда какъ христіанскія племена вовсе не на такомъ низкомъ уровнѣ, какъ ихъ представляютъ. Болгарскія жестокости, сказалъ онъ, хуже того, чѣмъ ихъ описываютъ. Избіеніе въ Гленко—укушеніе блохи въ сравненіи съ ужасами въ Болгаріи. Послѣ окончанія его рѣчи было прочтено слѣдующее письмо отъ доктора Пузей изъ Краистчерчъ Оксфордъ:

„Ваша Свѣтлость.—Я очень сожалѣю о томъ, что не въ состояніи присутствовать въ важномъ собраніи, надъ которымъ Ваша Свѣтлость будете предсѣдательствовать. Я благодарю Бога, соединившаго сердца, какъ бы несчастливо они ни раздѣлялись на другихъ предметахъ, въ этомъ великомъ дѣлѣ страждущаго человѣчества. Хотя я не долженъ говорить за другихъ, какъ ихъ преставитель, всѣ, съ которыми я нахожусь въ соприкосновеніи, глубоко сочувствуютъ этому движенію и вѣрятъ, что это единеніе мыслей, расходящихся въ другомъ, докажетъ, что интересы человѣчества выше всѣхъ другихъ временныхъ интересовъ и могутъ спасти насъ отъ бѣдствія и униженія войны за Турцію".

Потомъ говорилъ Дентонъ (Reverend Wm Denton), извѣстный авторъ „Сербія и Сербы“ и другихъ сочиненій съ описаніемъ жителей Турціи, между которыми онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ. Г-нъ Дентонъ былъ сильный ораторъ, и его описаніе положенія христіанъ было трогательно. За нимъ слѣдовалъ Антони Тролопъ съ сѣдыми волосами и въ золотыхъ очкахъ, содержаніе рѣчи котораго имѣло тотъ же мотивъ, что прошли тѣ времена, когда турку позволено было разсчитывать на что-нибудь отъ нашей страны, тезисъ, подъ которымъ подписалось все собраніе. Появленіе слѣпого профессора Фаусета во время рѣчи г-на Тролопа было встрѣчено громкими рукоплесканіями. Говорилъ сэръ Бёкстонъ, за нимъ епископъ Оксфордскій, величавый служитель церкви, котораго замѣчательная наружность нѣсколько напоминала Гладстона. Заключеніе его было хорошо составлено, съ требованіемъ, чтобы Англія возстановила права угнетенныхъ, въ случаѣ нужды, даже оружіемъ. Опять продолжительныя рукоплесканія. Г-нъ Генри Ричардъ, всѣми уважаемый секретарь общества мира, всталъ, чтобъ говорить объ отвѣтственности Англіи въ турецкихъ злодѣяніяхъ. Г-нъ Ричардъ въ пылкомъ заключеніи сказалъ, что ни одной денежки англійскихъ денегъ и ни одной капли англійской крови не должно быть истрачено на поддержку этого организованнаго варварства Оттоманской имперіи. Собраніе встало и восторженно апплодировало г-ну Ричарду.

Почтенный пребендарій Морсъ, викарій Нотингамскій, произнесъ краткую рѣчь, послѣ чего г-нъ Джорджъ Хоуель, представитель рабочихъ классовъ, заявилъ, что поведеніе премьера Биконсфильда преступно, что рабочій классъ единодушно порицаетъ турка, и хотя онъ лично такой любитель мира, что готовъ иногда драться за него, но онъ думаетъ, что нужды въ войнѣ не представляется. Послѣ того, Евелинъ Ашле горячо говорилъ о дипломатическомъ положеніи. За нимъ слѣдовалъ профессоръ Брайсъ; онъ описывалъ силы, побуждающія русскаго царя дѣйствовать, и въ заключеніе сказалъ среди шумныхъ восклицаній восторга, что Турціи слѣдуетъ объявить, что мы не только не станемъ ее поддерживать, но что мы ее принудимъ силой уступить. Д-ръ Аллонъ, высокій, сѣдой, говорившій съ особеннымъ оживленіемъ о нравственной сторонѣ вопроса, возбудилъ сильные протесты, когда сказалъ, что за Россіей слѣдуетъ наблюдать въ то время, когда мы ей будемъ содѣйствовать. За нимъ говорилъ Робертъ Ликъ, а послѣ этого, съ провозглашеніемъ благодарности герцогу Вестминстерскому былъ сдѣланъ перерывъ на одинъ часъ. Поддерживая голосованіе благодарности, сэръ Генри Хавлокъ произнесъ горячую рѣчь, замѣчательную заявленіемъ его, какъ военнаго человѣка, что

на войнѣ за Турцію онъ, по совѣсти, не могъ бы поднять мечъ.

Вечернее засѣданіе было открыто графомъ Шафтсбери. Замѣчательнымъ въ его рѣчи было противорѣчіе собранія его заявленію, что лорду Дерби слѣдуетъ простить за принципы, высказанные въ его донесеніи о болгарскихъ жестокостяхъ. „Неужели недопустима мысль о раскаяніи?“ прибавилъ патетически благородный графъ, и многочисленное собраніе громогласно произнесло: „нѣтъ“. Послѣ него говорилъ каноникъ Лиддонъ; онъ изложилъ таблицу реформъ, которыя слѣдовало требовать отъ Турціи, и прибавилъ, что единственное средство достичь выполненія этихъ реформъ это военная оккупація. За нимъ говорилъ г-нъ Джорджъ Отто Тревиліанъ, который произнесъ блестящую рѣчь, покрытую аплодисментами. Онъ плохо началъ, но послѣ того, какъ онъ, въ изящной эпиграммѣ, заявилъ себя противникомъ поддѣльнаго и смѣшаннаго патріотизма, связывающаго выгоды Англіи съ тиранніей и честь Англіи съ турецкимъ безчестіемъ, онъ такъ воодушевился, что говорилъ удивительно энергично. Пускай черкесы зарабатываютъ свой честный хлѣбъ, продавая свое собственное потомство въ Константинопольскій сераль, но не допускайте ихъ распространять свою торговлю на женъ и дочерей ихъ христіанскихъ сосѣдей... въ заключеніе Тревиліанъ сказалъ, что Англія не истратитъ ни одной копѣйки и не запятнаетъ ни одного штыка на помощь турку. Ея герои не станутъ никогда въ ряды разрушителей Болгаріи, какъ бы пальцы премьера ни указывали на рукоятку шпаги, народъ позаботится о томъ, чтобы она не выходила изъ ноженъ. При шумныхъ рукоплесканіяхъ г-нъ Тревиліанъ возвратился на свое мѣсто, и лордъ Артуръ Руссель его замѣнилъ. Послѣ его краткой рѣчи историкъ г-нъ Фриманъ, встрѣченный шумными возгласами, произнесъ очень существенную и ученую рѣчь. Краснорѣчіе г-на Фримана всѣмъ извѣстно. Голосъ его слегка хриплый, но форма его періодовъ блестяща и одно мѣсто въ его рѣчи произвело громадный эффектъ. Онъ спросилъ: „станете ли вы воевать за свободу, неприкосновенность и самостоятельность Содома? Пусть пропадаютъ выгоды Англіи, пусть пропадутъ наши владѣнія въ Индіи лучше, чѣмъ мы нанесемъ одинъ ударъ, или произнесемъ одно слово въ пользу неправды противъ правоты. Пойдете ли вы воевать за варвара“? Три тысячи голосовъ заревѣли: „нѣтъ“. Послѣ г-на Фримана говорилъ высокопочтенный Левесонъ Гоуеръ и оживленную рѣчь сказалъ г-нъ Бродхёрстъ. Профессоръ Фаусетъ, въ отвѣтъ на повторенныя приглашенія, всталъ посреди восторженныхъ привѣтствій и произнесъ одну изъ самыхъ колкихъ рѣчей за этотъ вечеръ. „Лордъ Шафтсбери

просилъ насъ забыть и простить. Я не считаю себя неумолимымъ, но существуетъ министръ, которому никогда простить нельзя. Этотъ человѣкъ—премьеръ-министръ Биконсфильдъ". Нельзя достаточно изобразить силу восторженныхъ кликовъ, привѣтствовавшихъ это откровенное заявленіе. Лордъ Ельзбери возбудилъ предложеніе о томъ, чтобы сформировать ассоціацію для распространенія свѣдѣній о Восточномъ вопросѣ. Сэръ Томасъ Базлей поддерживалъ это предложеніе. Вниманіе собранія было утомлено. Было десять минутъ седьмого, а большая часть многолюднаго собранія засѣдала съ одиннадцати. Однако ни одного оратора не прервали и даже дали говорить около десяти минутъ лорду Ельзбери, ни разу не воскликнувъ: „пора кончить". Наконецъ наступила минута, вѣнчающая дѣло. Выступаетъ г-нъ Гладстонъ. Тысячи присутствующихъ встаютъ, какъ одинъ человѣкъ, и Гладстонъ видитъ шумную сцену возбужденнаго собранія; каждая рука махала шляпой или платкомъ и каждый голосъ радостно привѣтствовалъ его. Казалось, этому привѣтствію конца не будетъ. Гулъ рукоплесканій, снова и снова повторяющійся, и вдругъ все затихло, всѣ сѣли на свои мѣста; г-нъ Гладстонъ стоялъ молча передъ такой же молчаливой аудиторіей. Паденіе булавки могло бы быть слышно передъ тѣмъ, какъ ораторъ началъ: „Mylords, ladies and gentlemen (милорды, лэди и господа)". Прежде чѣмъ начать свою рѣчь г. Гладстонъ предпослалъ въ видѣ вступленія весьма юмористичный анализъ перемѣны, которая подъ вліяніемъ агитаціи произошла въ политикѣ правительства: „оцѣнка произведеннаго дѣйствія заключаетъ въ себѣ оправданіе того, что привело насъ къ устройству нынѣшней ассоціаціи". Обратясь къ рѣчи въ Гильдъ Холѣ, гдѣ ораторствовалъ лордъ Биконсфильдъ, онъ высказался противъ независимости Оттоманской имперіи и, коснувшись шовинизма правительства, г-нъ Гладстонъ заявилъ, что „намекъ на непредвидѣнные расходы на войну былъ жаломъ и жаломъ полнымъ яда". Это вѣское обвиненіе было покрыто шумными рукоплесканіями. Дѣйствіе рѣчи въ Гильдъ Хилѣ было злонамѣренно и пагубно не только для Россіи, но въ особенности для Константинополя. „Константинополь", продолжалъ ораторъ, „очевидцы описываютъ какъ земной рай. Бываетъ кромѣ земного рай дураковъ". Взрывъ хохота раздался въ залѣ. Переходя къ миссіи лорда Сальзбери, г-нъ Гладстонъ дружески заявилъ къ нему свое довѣріе, но спросилъ, благо ли для Сальзбери или злой рокъ слушать эту рѣчь? Мы хотѣли бы знать, составляла ли рѣчь въ Гильдъ Холѣ часть инструкцій лорду Сальзбери? Цѣль страны уничтожить всякое отношеніе между лордомъ Сальзбери и рѣчью Биконсфильда въ Гильдъ Холѣ для того, чтобы въ своей великой и трудной миссіи онъ могъ имѣть благо-

пріятное и ясное поприще, чтобъ защищать честь своей страны и содѣйствовать благополучію восточныхъ народовъ. Новыя рукоплесканія, еще восторженнѣе, когда онъ продолжалъ протестовать противъ недостойныхъ представителей Англіи въ другихъ государствахъ, какъ страны, могущество и вліяніе которой служатъ на поддержку власти и испорченности Оттоманской имперіи. Гладстонъ описалъ съ большимъ чувствомъ страданія болгаръ отъ совершаемыхъ надъ ними злодѣйствъ и обратился къ практической сторонѣ: „что же надо дѣлать“? Онъ отказался войти въ подробности, но настаивалъ на ограниченіи верховнаго суверенитета Турціи. Безъ этого всѣ реформы сонъ или обманъ. Необходимо вмѣшательство какого-нибудь иностраннаго государства; что касается Россіи, мы бы должны судить ее такъ, какъ сами желали бы быть судимы. Англія можетъ сколько угодно слѣдить ревностно за Россіей, но если мы хотимъ идти противъ Россіи, мы должны соперничать съ нею въ любви къ христіанскому населенію. Въ краснорѣчивой формѣ онъ привелъ примѣръ Каннинга во время греческой революціи и примѣры Италіи, Бельгіи и Греціи, какъ (полное) вознагражденіе и оправданіе за поддержку, оказанную нами въ прошедшія времена, народамъ борющимся за независимость. Среди гула одобреній онъ заключилъ тѣмъ, что пока министерство не будетъ дѣйствовать по примѣру Каннинга и не войдетъ въ дружеское содѣйствіе съ Россіей, чтобъ избавить эти народности отъ прямого владычества Порты, они никогда справедливо не могутъ воскликнуть: „мы удовлетворены“. Г-нъ Гладстонъ, говорившій почти часъ и три четверти, возвратился на мѣсто съ тѣми же бурными привѣтствіями, которыми былъ встрѣченъ. Около 8 часовъ произнесена была единодушная резолюція, и вскорѣ послѣ этого одно изъ самыхъ знаменательныхъ собраній, извѣстныхъ въ исторіи Англіи, мирно разошлось.

Легко себѣ представить, съ какимъ восхищеніемъ Ольга Алексѣевна слушала рѣчи, въ которыхъ ораторы какъ бы старались превзойти одинъ другого въ энергичномъ отрицаніи союза съ Турціей и желаніи присоединиться къ предложенному обузданію турка. Она съ жадностью слѣдила за блестящей рѣчью Гладстона, которой закончилось засѣданіе. До этой минуты она не испытывала обаянія этого великаго чародѣя; она поняла лучше всѣхъ непреодолимую силу его ораторскаго искусства. Когда между кликами восторга онъ замолчалъ, Ольга Алексѣева приготовилась уйти. Не она одна чувствовала, что этотъ день знаменательный въ ея жизни. Это дѣйствительно былъ день памятный въ исторіи народовъ. Для нея же лично это было событіе, превзошедшее всѣ ея ожиданія, но въ дополненіе къ политической демонстраціи ей су-

ждено было испытать личное торжество, совершенно неожиданное вниманіе лично къ себѣ.

Въ то время какъ Ольга Алексѣевна тихо подвигалась среди толпы, скопившейся у лѣстницы, она услышала съ удивленіемъ голосъ г-на Гладстона, обращенный къ ней. Онъ тоже уходилъ. Увидавъ Ольгу Алексѣевну въ толпѣ, онъ поспѣшилъ къ ней и, предложивъ ей руку, провелъ ее изъ залы по лѣстницѣ до улицы. Онъ только что кончилъ утомительную рѣчь, его ждалъ обѣдъ дипломатическаго корпуса, но онъ настоялъ на томъ, чтобы довести г-жу Новикову домой до Клариджъ Отель, поддерживая съ нею все время очень оживленный разговоръ.

Послѣ смерти Гладстона, описывая этотъ замѣчательный вечеръ, г-жа Новикова говоритъ:

„Случалось не разъ, что онъ сообщалъ мнѣ о своихъ намѣреніяхъ, смѣлость которыхъ меня восхищала и пугала вмѣстѣ, но колебаній передъ твердо опредѣленной цѣлью онъ не зналъ. Онъ боялся дѣйствительно Бога, но больше никого. Такъ послѣ знаменитой Сентъ-Джемской конференціи, устроенной подъ его наблюденіемъ въ пользу православныхъ славянъ въ Турціи, я ему сказала, что, идя противъ Дизраэли и королевы, онъ рискуетъ революціей. Онъ меня прервалъ.—Да, дѣйствительно. Вы вѣрно опредѣлили эту демонстрацію. Это своегорода—революція. Но совѣсть меня не упрекаетъ, такъ какъ это преимущественно христіанская революція. Кромѣ того, продолжалъ онъ, я не одинъ такъ дѣйствую. Четыре тысячи народа, присутствовавшаго въ залѣ, были единодушны въ своемъ присоединеніи и, не колеблясь, выразили свои симпатіи къ благородной роли Россіи на Балканахъ. Вы замѣтили? живо спросилъ онъ, улыбаясь, что единственный ораторъ, котораго освистали, заслужилъ эту кару за то, что онъ, желая казаться безпристрастнымъ, объявилъ, что онъ не особенный другъ Россіи. Смѣшно то, что бѣдный ораторъ совсѣмъ не руссофобъ, добавилъ онъ, я его лично знаю, никогда въ жизни не забуду этого случая“.

Это, несомнѣнно, была пріятная прогулка.

Доведя г-жу Новикову до двери ея отеля и выслушавъ ея сердечную благодарность за ударъ, нанесенный имъ въ этотъ день турецкому и поддержку англо-русскому сближенію, онъ поспѣшилъ на обѣдъ. Онъ опоздалъ на часъ и нашелъ половину пословъ и посланниковъ въ Лондонѣ, ожидающихъ его пріѣзда, чтобъ сѣсть за столъ. „Мнѣ очень жаль, сказалъ г-нъ Гладстонъ, входя, но у меня не было времени даже переодѣться. Я только что проводилъ г-жу Новикову до ея гостиницы и потому нѣсколько опоздалъ“. Въ глазахъ нѣкоторыхъ присутствующихъ дипломатовъ причина увеличивала вину. Другіе

удивлялись, и этимъ случаемъ воспользовалась турецкая пресса, чтобъ повредить Гладстону въ глазахъ его соотечественниковъ [1]).

Недавняя буря въ стаканѣ воды, поднятая потому, что Кайзеръ написалъ письмо англійскому министру, поможетъ намъ понять, и послѣ такого долгаго времени, какая нравственная смѣлость была нужна со стороны Гладстона такъ всенародно на конференціи и послѣ нея оказать столько исключительнаго вниманія Ольгѣ Алексѣевнѣ. Въ этомъ Гладстонъ показалъ примѣръ, которымъ многіе другіе не имѣли храбрости воспользоваться.

Два или три года спустя въ письмѣ къ г-ну Гладстону о вліяніи и роли г-жи Новиковой въ восточномъ кризисѣ, я сдѣлалъ замѣчаніе на этотъ счетъ, которое мнѣ кажется сущей правдой (la vérité vraie). Ольга Алексѣевна не измѣнила нашихъ убѣжденій, но она ихъ страшно усилила.

Сообщено Е. С. М.

[1]) Напримѣръ: „г-жа Новикова, русскій агентъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ графомъ Шуваловымъ, она сестра генерала Кирѣева и невѣстка русскаго посла въ Вѣнѣ. Это та особа, съ которой нашъ эксъ-премьеръ заключилъ публичный и частный союзъ во время Балканскихъ жестокостей. Но когда достигнута была высшая точка про-русскаго движенія и устроители его считали паденіе лорда Биконсфильда неминуемымъ, г-нъ Гладстонъ, по окончаніи конференціи въ Сентъ-Джемсъ Холѣ, подошелъ къ г-жѣ Новиковой, подалъ ей руку и торжественно повелъ ее среди недоумѣвающей толпы, чтобы представить ей доказательство анти-турецкаго союза, заключеннаго наконецъ Англіей съ Россіей: такимъ образомъ публично призналъ, что отношенія его къ этой дамѣ чисто политическаго характера и должны обсуждаться какъ таковыя. Несомнѣнно, страна будетъ того же мнѣнія, какъ только смыслъ этихъ отношеній станетъ ей яснымъ“.

С.-Петербургская духовная академія

(1809—1909) [1].

(Краткій очеркъ ея исторіи за 100 лѣтъ существованія).

I.

17 февраля 1909 года исполнилось 100 лѣтъ со дня открытія С.-Петербургской духовной академіи. Хотя свою исторію эта академія ведетъ именно съ 17 февраля 1809 года, когда произошло торжественное открытіе ея, однако начало ея, своего рода ея эмбріональный періодъ, восходитъ къ гораздо раннѣйшему времени. Уже въ 1721 г., вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, указомъ архіепископа Велико-Новгородскаго Ѳеодосія было предписано „учредить въ общую пользу при Александроневскомъ монастырѣ... *словенскую школу*“... Вотъ эта-то „словенская школа“ Александроневскаго монастыря и была тѣмъ первоначальнымъ зерномъ, изъ котораго, путемъ постепеннаго преобразованія и расширенія соотвѣтственно нуждамъ времени, и выросла нынѣшняя С.-Петербургская духовная академія [2]).

Словенская школа Александроневскаго монастыря была низшимъ приготовительнымъ училищемъ и при томъ болѣе народнымъ, нежели спеціальнымъ церковнымъ. Для обученія въ нее принимали дѣтей всѣхъ сословій, но главнымъ образомъ поступали служительскія дѣти изъ монастырскихъ вотчинъ, также дьяческія, подъяческія и посадскія, а церковническихъ дѣтей было очень не много. Содержаться школа должна была на обычныя монастырскія средства.

Въ 1725 г. по повелѣнію Императрицы Екатерины I Алексѣевны эта „словенская школа“ была преобразована: она получила уже харак-

---

[1]) По поводу празднованія ея 100-лѣтняго юбилея 15—17 декабря 1909 г.

[2]) Историкъ с.-петербургской духовной академіи, ея проф. И. Чистовичъ съ этого именно и начинаетъ ея исторію.

теръ спеціальнаго учрежденія для образованія достойныхъ служителей церкви.

Въ число предметовъ преподаванія были введены греческій и латинскій языки; преподавались также—богословіе, философія, риторика и т. д. Самая школа была переименована въ „славено-греко-латинскую семинарію“. Эта „славено-греко-латинская семинарія“ ничѣмъ не отличалась отъ другихъ, еще ранѣе открытыхъ по разнымъ епархіямъ семинарій. Въ этомъ видѣ она продолжала существовать до 1788 года, когда, по ходатайству митрополита Гавріила, Высочайше разрѣшено было преобразованіе ея въ „главную семинарію“ для приготовленія учителей въ другія семинаріи.

По указу Св. Синода 1788 г., епархіальныя семинаріи, ближе примыкавшія къ С.-Петербургу, нежели къ Москвѣ и Кіеву, гдѣ уже ранѣе существовали академіи для той же, что и главная семинарія Александроневскаго монастыря, цѣли, должны были присылать сюда (не болѣе чѣмъ по два изъ каждой) лучшихъ воспитанниковъ изъ окончившихъ уже ученіе не ниже риторическаго класса. Здѣсь они изучали богословіе, философію и математику, и, по окончаніи образованія, возвращались обратно въ семинарію уже для занятія въ ней учительской должности.

Такое возвышеніе Александроневской славено-греко-латинской семинаріи надъ другими семинаріями (ближайшихъ епархій) произошло въ параллель и по примѣру образованія главныхъ (на-ряду съ малыми) народныхъ училищъ, послѣдовавшаго вслѣдъ за утвержденіемъ Императрицею Екатериною II въ 1786 г. выработаннаго особою комиссіею „Устава народныхъ училищъ Россійской имперіи“.

Въ кругъ наукъ преобразованной семинаріи введены были новые предметы,—церковная исторія, механика, естественная исторія, математика и опытная физика. Въ качествѣ учебниковъ были приняты изданія „комиссіи по учрежденію народныхъ училищъ“; по тѣмъ же предметамъ, для которыхъ не было руководствъ на русскомъ языкѣ, употреблялись учебники иностранные.

Вслѣдъ за переименованіемъ семинаріи въ главную, для нея отданъ былъ особый корпусъ (Ѳеодоровскій) въ лаврѣ [1]).

Вотъ въ этой-то самой главной семинаріи и былъ—вначалѣ въ качествѣ присланнаго изъ Владимірской семинаріи для обученія „богословскимъ и философскимъ наукамъ и высшей математикѣ“

---

[1]) До 1741 г. она помѣщалась въ особомъ зданіи по сѣверную сторону Черной рѣчки „подлѣ самыхъ слободскихъ, служительскихъ и мастеровыхъ людей дворовъ при самой перспективной улицѣ“ (Невскій проспектъ), а съ 1742 г. въ выстроенномъ для нея деревянномъ зданіи за (прежнимъ) стекляннымъ заводомъ по Шлиссельбургскому проспекту.

*

ученика, а потомъ въ качествѣ учителя „высшаго, преимущественно церковнаго краснорѣчія и чистой математики", и наконецъ—префекта ея,—знаменитый впослѣдствіи государственный дѣятель эпохи Александра I, оставившій памятникомъ по себѣ полное собраніе и сводъ законовъ Россійской имперіи и много полезныхъ учрежденій по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія, Мих. Мих. Сперанскій.

Въ 1797 г. произошло преобразованіе главной семинаріи: въ этомъ году она была переименована въ „Александроневскую академію". Такимъ образомъ она была приведена къ типу существовавшихъ уже и до того времени академій въ Москвѣ и Кіевѣ. Кругъ наукъ въ академіи былъ расширенъ и дополненъ (сравнительно не только съ семинаріями вообще, но и съ бывшей, главной Александроневской семинаріей) новыми предметами.

Такъ было расширено преподаваніе по богословію, философіи [1], введены языки — еврейскій, нѣмецкій, французскій. Еврейскій и греческій языки были обязательны для всѣхъ, а изъ прочихъ—одинъ по выбору учащихся.

Академіи и ректору ея было поручено наблюденіе за преподаваніемъ во всѣхъ семинаріяхъ своего округа, такъ что эти послѣднія были поставлены въ ближайшее отношеніе къ академіи. Съ 1804 г. въ преподаваніи академіи былъ принятъ методъ народныхъ училищъ, какъ болѣе цѣлесообразный. Въ число предметовъ академическаго курса съ 1802 г. было повелѣно Императоромъ Александромъ I „ввести врачебную науку, въ видахъ большаго распространенія въ духовномъ сословіи основательныхъ медицинскихъ познаній".

Эта новооткрытая Александроневская академія не была высшимъ ученымъ учрежденіемъ. Цѣлью ея было лишь приготовленіе наставниковъ для духовнаго юношества. Въ первые классы ея принимались кончившіе лишь духовныя и народныя школы, лица, „заправленныя въ чтеніи церковной и гражданской печати, въ письмѣ, нотномъ пѣніи, знаніи катихизиса и въ началахъ русской грамматики" [2].

Приготовленію же къ наставническимъ должностямъ служили классы—философскій и богословскій: въ эти классы и поступали присылаемые изъ другихъ семинарій воспитанники. Обучавшіеся въ философскомъ и богословскомъ классахъ (вначалѣ всѣ, а потомъ лишь лучшіе) носили званіе студентовъ. По окончаніи академическаго курса они имѣли право держать публичный диспутъ для

---

[1]) Преподаваніе на латинскомъ языкѣ.

[2]) Чистовичъ, Исторія С.-Петербургской духовной академіи, стр. 141.

соисканія ученой степени кандидата богословія (установленной въ 1800 г. митрополитомъ Амвросіемъ).

Число воспитанниковъ этой Александроневской академіи было въ разные годы не одинаково, но въ среднемъ приблизительно отъ 150 и до 270. (Такъ въ 1807 г. было 277 воспитанниковъ). Къ слушанію академическихъ наукъ допускались и посторонніе (въ качествѣ вольнослушателей), при чемъ могли слушать или всѣ предметы, или нѣкоторые изъ нихъ (по желанію).

Матеріальныя средства Александроневской академіи были очень скудны. Окладъ ея вначалѣ оставался тѣмъ же самымъ, что и до преобразованія, т. е. 12 тысячъ рублей. Понятно, что при такой ничтожности этой суммы плата наставникамъ и начальствующимъ лицамъ академіи была очень маленькая. По вѣдомости 1800 года ректору полагалось жалованья 250 рублей въ годъ, префекту 250—300 руб. въ годъ, учителямъ отъ 100 и до 250 руб. Только уже въ послѣдующее время окладъ этотъ былъ постепенно увеличенъ, такъ что въ 1807 г. онъ уже равнялся 24 тыс. рублей.

Но, несмотря на эту скудость средствъ, академія все же старалась не суживать, а расширять кругъ своей обычной благотворительности по отношенію къ своимъ воспитанникамъ. Такъ въ 1800 г. была открыта бурса со всѣмъ казеннымъ содержаніемъ на 100 человѣкъ; въ послѣдующее время были открыты еще 50 полуказенныхъ вакансій. Не имѣвшимъ возможности поступить въ число этихъ казенныхъ и полуказенныхъ воспитанникамъ выдавалось денежное вспоможеніе (отъ 12 и до 18 рублей въ годъ). Вообще академія старалась дать своимъ воспитанникамъ не только даровое обученіе, но и содержаніе.

Александроневская академія въ своемъ первоначальномъ устройствѣ существовала только 11 лѣтъ (1797—1808 г.г.). Но и за этотъ краткій срокъ она все же успѣла опредѣлить свою физіономію,—физіономію учебнаго заведенія, предназначеннаго къ приготовленію наставниковъ для духовнаго юношества. Уже изъ опытовъ первыхъ годовъ можно было видѣть, что она эту свою задачу выполняла вполнѣ удовлетворительно. Какъ первый, такъ и послѣдующіе выпуски Александроневской академіи съ публичными диспутами и т. д. достаточно ясно показали, что воспитанники ея старшихъ классовъ получали всестороннее и основательное (по тому времени) образованіе въ наукахъ богословскихъ и философскихъ. Они могли даже (по крайней мѣрѣ лучшіе) свободно изъясняться на одномъ изъ новыхъ языковъ [1]).

---

[1]) Чистовичъ, Исторія С.-Петербургской духовной академіи, стр. 142.

Такова исторія С.-Петербургской духовной академіи до коренного преобразованія ея въ 1809 г.

II.

Преобразованіе 1797 г. безъ сомнѣнія шло навстрѣчу вѣяніямъ времени, такъ что на первыхъ порахъ и оно (при всѣхъ своихъ несовершенствахъ) было хорошо, поскольку соотвѣтствовало нуждамъ времени. Но именно только на первыхъ порахъ и для перваго случая. Недостатки всей вообще организаціи духовнаго образованія неизбѣжно должны были съ теченіемъ времени открыться и потребовать коренного измѣненія ея. Это и послѣдовало въ великую, достопамятную эпоху царствованія Александра I, эпоху переустройства и преобразованій всего государства въ духѣ просвѣщенныхъ и гуманнѣйшихъ началъ и стремленій, которыми былъ проникнутъ какъ самъ Государь, такъ и его приближенные друзья и сотрудники.

Горячо заботясь о просвѣщеніи вообще, Императоръ Александръ Павловичъ, разумѣется, желалъ, въ частности, поднятія уровня и духовнаго просвѣщенія. Это тѣмъ болѣе понятно, что геніальнымъ вдохновителемъ и исполнителемъ всѣхъ его начинаній и плановъ былъ М. М. Сперанскій, самъ прошедшій духовную школу и потому хорошо знавшій ее, человѣкъ, вышедшій изъ духовнаго сословія и потому далеко не равнодушный къ его интересамъ.

Высочайшимъ указомъ отъ 29 ноября 1807 г. былъ учрежденъ „комитетъ объ усовершенствованіи духовныхъ училищъ", въ составъ котораго вошли: Амвросій, митрополитъ с.-петербургскій и новгородскій, Ѳеофилактъ (Русановъ), епископъ калужскій, протопресвитеръ С. Ѳ. Краснопѣвковъ, оберъ-свящ. И. С. Державинъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода кн. А. Н. Голицынъ и статсъ-секретарь М. М. Сперанскій. Задача комитета состояла въ томъ, чтобы 1) разсмотрѣть планъ къ усовершенствованію духовныхъ училищъ и 2) исчислить всѣ необходимыя для этого усовершенствованія суммы, съ изысканіемъ способовъ, „коими суммы сіи удобнѣе составить можно". По первому пункту Комитетъ нашелъ, что духовныя училища должны быть четырехъ родовъ: 1) академіи, 2) семинаріи, 3) училища уѣздныя и 4) приходскія. Академій предположено было открыть 4: въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Казани, соотвѣтственно количеству учебныхъ округовъ, во главѣ которыхъ эти академіи и должны стоять.

Выработанный комитетомъ проектъ былъ Высочайше утвержденъ 26 іюня 1808 г., и тогда же дѣло завѣдыванія всѣми духовно-учебными заведеніями было поручено учрежденной при Св. Синодѣ „ко-

миссіи духовныхъ училищъ". Первою по времени рѣшено было открыть С.-Петербургскую академію. 12 ноября 1808 г. было составлено временное правленіе для пріисканія профессоровъ, комплектованія состава учащихся перваго академическаго курса и т. д. Тѣмъ временемъ М. М. Сперанскій и архіепископъ Ѳеофилактъ занялись выработкой проекта устава для будущей С.-Петербургской духовной академіи и къ 9 февраля 1809 г. окончили его. Собственно подборъ историческихъ матеріаловъ и первый планъ академическаго устава былъ сдѣланъ еще ранѣе митрополитомъ Евгеніемъ Болховитиновымъ по порученію митрополита с.-петербургскаго Амвросія и потомъ, пересмотрѣнный и исправленный Анастасіемъ Братановскимъ, сданъ въ 1808 г. во вновь образованную комиссію духовныхъ училищъ и оказалъ послѣдней значительную помощь въ ея работахъ по составленію новаго устава. Эта предварительная и въ то же время основная работа митрополита Евгенія Болховитинова, кромѣ этого, имѣла еще и другое чрезвычайно большое значеніе, именно для опредѣленія направленія и цѣли академіи, какъ особаго учебно-ученаго учрежденія. Дѣло въ томъ, что самою жизнью требовался такой типъ высшей православно-русской духовной школы, которая, будучи воздвигнута на развалинахъ старой, къ тому же чужой школы, вполнѣ удовлетворяла бы православно-русскимъ запросамъ и нуждамъ. Митрополитъ Евгеній Болховитиновъ, какъ человѣкъ, принадлежавшій къ числу новыхъ, передовыхъ русскихъ людей начала XIX в., человѣкъ научно-любознательный и, главное, на себѣ испытавшій всю тяжесть и неудовлетворительность господствовавшей въ старой духовной школѣ схоластики, прекрасно понималъ это и залогъ будущихъ успѣховъ для новой школы видѣлъ именно въ самой тѣсной связи съ литературно-общественными и религіозно-философскими теченіями своего времени. Все это, конечно, не могло не отразиться не только на составленномъ м. Евгеніемъ Болховитиновымъ планѣ-наброскѣ устава духовныхъ академій, но и на уставѣ, выработанномъ впослѣдствіи комиссіею.

Первое „начертаніе правилъ" вмѣстѣ съ докладомъ комиссіи о преобразованіи духовныхъ училищъ было напечатано еще въ 1808 г. По этимъ „начертаніямъ" цѣль академіи троякая: 1) образованіе духовнаго юношества къ высшимъ духовнымъ должностямъ, 2) распространеніе и поощреніе учености въ духовенствѣ своего округа и 3) управленіе училищами своего округа. Сообразно съ этимъ академія имѣетъ: 1) академическій институтъ (учебная часть академіи) и 2) академическую конференцію (для цензуры книгъ, производства частныхъ и публичныхъ экзаменовъ, присужденія ученыхъ степеней и т. д.). Выработанный М. М. Сперанскимъ (введеніе и

первая часть) и архіеп. Θеофилактомъ (вторая часть) проектъ устава данъ былъ для руководства академической конференціи С.-Петербургской духовной академіи на первый курсъ (который имѣлъ продолжаться 6 лѣтъ) съ тѣмъ, чтобы она доводила до свѣдѣнія комиссіи о всѣхъ недочетахъ его при проведеніи въ жизнь и о необходимыхъ исправленіяхъ.

Въ составъ наукъ академіи по проекту входили слѣдующіе предметы: I классъ богословскихъ наукъ: догматическое, нравственное, политическое богословіе, свящ. герменевтика, гомилетика, каноническое и церковное право. II классъ философскихъ наукъ: философская терминологія (въ качествѣ повторенія семинарскихъ свѣдѣній въ этой области) и философская исторія (это, собственно, не отдѣльные предметы, а лишь объемъ преподаванія философіи). III классъ наукъ словесныхъ: теоретическая и практическая эстетика. IV классъ наукъ физико-математическихъ: первоначальная, высшая и физико-математика. V классъ историческихъ наукъ: хронологія, географія, русская географія, церковная исторія и исторія древностей церковныхъ, гражданская исторія. VI классъ языковъ: греческій, латинскій (оба одинаково обязательны), еврейскій, французскій и нѣмецкій.

Вопросомъ первой важности было конечно пріисканіе профессоровъ для открывшейся академіи. Эту задачу взяли на себя: м. Амвросій (для богословскихъ предметовъ), оберъ-свящ. Державинъ (историч. науки), кн. А. Н. Голицынъ (математика и новые языки) и М. М. Сперанскій (философія и древніе языки). Относительно новыхъ языковъ было постановлено, чтобы ихъ преподавали природные нѣмцы и французы.

Первыми профессорами для перваго академическаго курса были слѣдующія лица: 1) для богословскаго класса архим. Евграфъ (Музалевскій-Платоновъ), 2) философскихъ—Игнатій Фесслеръ, ученый нѣмецъ, докторъ церковнаго права и богословія; первоначально онъ былъ вызванъ М. М. Сперанскимъ (по рекомендаціи проф. С.-Петербургскаго педагогическаго института Лодія, къ которому вначалѣ обратились съ предложеніемъ занять каѳедру въ академіи, но который отказался) для преподаванія еврейскаго языка (съ увеличеннымъ жалованьемъ въ 2.500 р. въ годъ), а для философскихъ предметовъ въ качествѣ профессора вначалѣ былъ назначенъ іеромонахъ Евгеній (Казанцевъ). Но когда Сперанскій изъ бесѣдъ съ Фесслеромъ убѣдился, что онъ имѣетъ „отличныя свѣдѣнія въ философскихъ наукахъ“, то вмѣсто іеромонаха Евгенія онъ предложилъ комиссіи предоставить Фесслеру и каѳедру философіи. Это было уже по истеченіи перваго учебнаго года, въ январѣ 1810 г.

Во время экзамена по философіи обнаружилась малоуспѣшность студентовъ по этому предмету. Комиссія отнесла это къ недостаткамъ преподавательскихъ способностей Евгенія и постановила „замѣнить іеромонаха Евгенія въ послѣдство времени другимъ способнѣйшимъ“. 3) Науки словесныя взялся безплатно преподавать архіеп. Өеофилактъ; 4) для историческихъ наукъ проф. Я. В. Орловъ, 5) математическихъ—академикъ С. Е. Гурьевъ, 6) языковъ: еврейскаго—Фесслеръ, греческаго—Скинасъ, нѣмецкаго Отто Смольяно и французскаго—де-Бое.

Профессоръ богословскаго класса архим. Евграфъ 26 января 1809 г. былъ утвержденъ въ должности ректора.

Въ помощь каждому профессору назначены были баккалавры.

Должно сказать, что подборъ ученыхъ силъ для будущей академіи сдѣланъ былъ очень удачно. Такъ, въ лицѣ архим. Евграфа академія пріобрѣтала „весьма даровитаго ученаго и многообѣщавшаго наставника, проницательнаго и дальновиднаго начальника“ [1]). Его стараніями былъ привлеченъ въ С.-Петербургскую духовную академію (въ качествѣ баккалавра) знаменитый впослѣдствіи ректоръ (1814—1819) и затѣмъ митрополитъ московскій, а въ то время еще іеромонахъ Филаретъ Дроздовъ, префектъ Виөанской семинаріи.

Игнатій Фесслеръ представлялъ изъ себя уже большую ученую силу. Это былъ широко и глубоко образованный человѣкъ своего времени, знатокъ философіи и древнихъ языковъ (восточныхъ и классическихъ), писатель, уже пріобрѣтшій за границей значительную извѣстность своими сочиненіями въ разныхъ областяхъ [2]).

Въ лицѣ Фесслера академія пріобрѣтала для философскихъ предметовъ въ высшей степени серьезнаго и компетентнаго преподавателя.

Архіепископъ Өеофилактъ, взявшій на себя обязанность безвозмездно преподавать въ академіи словесныя науки, также былъ человѣкъ очень даровитый, европейски образованный, отлично знавшій новые языки и западно-европейскую литературу. Архіеп. Өеофилактъ любилъ свой предметъ, даже прямо увлекался имъ, такъ что для академіи это былъ въ полномъ смыслѣ желательный профессоръ-педагогъ.

Особенно много обѣщалъ академіи перешедшій въ нее изъ Москвы Филаретъ Дроздовъ. Не даромъ митроп. московскій Платонъ усиленно просилъ комиссію и Синодъ возвратить Филарета въ

---

[1]) 50-лѣтіе С.-Петербургской дух. академіи, СПБ. 1859 г.

[2]) Особенно замѣчательны два его сочиненія: а) „Institutiones linguarum orientalium, hebreae, chaldaicae, syriacae, arabicae“ и 2) „Anthologia hebraica, e sacris Hebreorum libris depromta“.

Московскую академію, какъ такого воспитанника послѣдней, „въ отношеніи котораго онъ прилагалъ свое особливое отеческое попеченіе“ и отъ котораго надѣялся имѣть „утѣшеніе въ старости“. Но Филаретъ былъ оставленъ въ назначенной ему „толико важной должности баккалавра богословскихъ наукъ“ при С.-Петербургской духовной академіи и съ теченіемъ времени сдѣлался въ ней истиннымъ свѣточемъ науки.

Въ составъ перваго академическаго курса рѣшено было вызвать 100 человѣкъ, именно столько, сколько позволяло помѣщеніе. (Вновь открываемая академія должна была пока, т. е. до сооруженія новаго зданія для нея[1]), помѣщаться въ томъ же Θеодоровскомъ корпусѣ въ оградѣ Лавры, въ которомъ помѣщалась Александровская академія). Въ составъ курса рѣшено было принять: часть изъ студентовъ богословія Александроневской академіи по выдержаніи ими испытанія, а остальныхъ вызвать изъ другихъ академій и семинарій. При этомъ отъ присылаемыхъ студентовъ требовались „отличныя способности къ наукамъ и доброе поведеніе, знаніе, кромѣ латинскаго, другого языка — греческаго, французскаго или нѣмецкаго“. Возрастомъ должны быть не старѣе 22-хъ лѣтъ, но предоставлялась возможность исключеній для особенно даровитыхъ.

Вызванные студенты собрались въ январѣ 1809 г. Вновь назначенный ректоръ архим. Евграфъ, по порученію митрополита Амвросія, произвелъ испытаніе „въ знаніи ихъ и способностяхъ“.

Многочисленность наукъ, пройти которыя, по проекту, долженъ былъ первый курсъ С.-Петербургской духовной академіи, не позволила ограничить время для этого 4 годами, какъ это было предположено по „начертаніямъ“ комитета 1807 г. Пришлось растянуть срокъ на 6 лѣтъ. Начало учебнаго года рѣшено считать съ января и къ этому времени, по истеченіи каждаго года, производить испытанія. Лекціи въ академіи могли слушать и посторонніе, но не иначе, какъ „по испытаніи правленіемъ способности ихъ къ сему“.

Наконецъ 17 февраля 1809 г. послѣдовало торжественное открытіе С.-Петербургской духовной академіи. На торжественномъ собраніи профессоръ богословскихъ наукъ и ректоръ академіи архим. Евграфъ прочелъ первый „вступительный урокъ“: „О божественномъ происхожденіи христіанской религіи, счастіи народа, на основаніи ея долгъ свой блюдущаго, достоинствѣ и евангельской истинѣ исповѣданія греко-россійской церкви и настоящихъ предна-

---

[1]) Новое каменное 4-хъ этажное зданіе (теперь по набережной Обводнаго канала, котораго въ то время еще не было) для академіи было окончено только въ 1819 г. при ректорѣ Филаретѣ.

мѣреніяхъ къ усугубленію истиннаго просвѣщенія". Затѣмъ профессоръ по классу математическихъ наукъ академикъ С. Е. Гурьевъ прочелъ „разсужденіе о математикѣ и ея отрасляхъ" (въ томъ же году по Высочайшему повелѣнію и напечатанное). Такимъ образомъ, С.-Петербургская духовная академія начала свою жизнь.

Въ основу занятій былъ положенъ принципъ самодѣятельности учащихся. „Добрая метода, говорилось въ проектѣ устава, состоитъ въ томъ, чтобы способствовать къ раскрытію собственныхъ силъ и способностей въ воспитанникахъ. Средствами для этого были признаны—требованіе отъ студентовъ" самимъ изъяснять истины, имъ (профессоромъ) открытыя, вообще самостоятельныя упражненія и критика ихъ со стороны профессора.

По первоначальному росписанію для классныхъ занятій было назначено 8 часовъ. Но такъ какъ скоро увидѣли, что эта продолжительность классныхъ занятій неблагопріятно отзывается на успѣхахъ студентовъ, слишкомъ утомляя ихъ вниманіе съ одной стороны и мало оставляя времени для самостоятельнаго послѣ-класснаго повторенія сообщеннаго на лекціяхъ—съ другой, то, по представленію ректора академіи архим. Сергія (Крылова) [1]), Комиссія назначила для классныхъ занятій вмѣсто 8 уже 6 часовъ. По плану этого ректора арх. Сергія послѣдовало сокращеніе и учебныхъ предметовъ. Всѣ предметы были раздѣлены на коренные (общеобязательные) и вспомогательные. Къ первымъ отнесены: богословіе, философія и практическая эстетика, ко вторымъ—всѣ остальные. Изъ этихъ послѣднихъ наукъ студенты должны были выбрать „по своимъ склонностямъ" (но съ соблюденіемъ равномѣрности въ количествѣ участниковъ каждой группы въ сравненіи съ другими) науки или математическія или историческія, еврейскій языкъ или одинъ изъ новыхъ (греческій и латинскій языкъ обязательны для всѣхъ). Послѣдовали нѣкоторыя и другія измѣненія въ преподаваніи. Возможность этихъ измѣненій была предусмотрѣна Комиссіей, и конференціи Академіи была предоставлена возможность дѣлать замѣчанія въ этомъ родѣ.

Измѣненія уже въ первый годъ произошли и въ составѣ профессоровъ. Замѣнившій іеромон. Евгенія (Казанцева) проф. Фесслеръ не долго оставался въ академіи. На основаніи поданнаго имъ на разсмотрѣніе Комиссіи конспекта своихъ чтеній по философіи архіеп. Ѳеофилактъ нашелъ философскія начала Фесслера „вредными для Церкви и Отечества и пагубными для студентовъ".

---

[1]) Архим. Евграфъ скончался въ ноябрѣ 1809 г.; послѣ него и былъ назначенъ Сергій.

Эти начала, по мнѣнію Ѳеофилакта, представляютъ изъ себя „преобразованный платонизмъ“. Они не только подрываютъ религію, но „что всего удивительнѣе, совершенно ниспровергаютъ самую философію“. Свою критику философскихъ началъ Фесслера Ѳеофилактъ изложилъ въ 5 пунктахъ. Несмотря на то, что М. М. Сперанскій представилъ отзывъ благопріятный для Фесслера, мнѣніе Ѳеофилакта восторжествовало. 22 іюня 1810 г. Фесслеръ былъ удаленъ изъ академіи, а на его мѣсто былъ приглашенъ проф. Дерптскаго университета докторъ богословія и философіи Іог. фонъ-Горнъ, который по своей учености могъ съ успѣхомъ замѣнить Фесслера. Горнъ восполнилъ потерю, понесенную С.-Петербургской духовной академіей въ лицѣ Фесслера.

Въ 1812 г. ректоромъ академіи былъ назначенъ архим. Филаретъ (Дроздовъ), который и занималъ этотъ постъ до 1819 г.

Вполнѣ матеріально обезпеченная вначалѣ, при своемъ открытіи, С.-Петербургская духовная академія въ 1812 г. должна была понести значительную потерю въ этомъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что, какъ это всякому извѣстно, то было время отечественной войны, потребовавшей отъ Россіи большихъ жертвъ. Духовно-учебное вѣдомство принесло свою лепту на алтарь отечества чрезъ отчисленіе отъ своего капитала $3^1/_2$ милліоновъ рублей. Конечно, это не могло не отразиться на матеріальномъ благосостояніи между прочимъ и юной С.-Петербургской академіи, содержавшейся на средства этого вѣдомства. Но вообще-то должно сказать, что вначалѣ С.-Петербургская академія не могла особенно жаловаться на недостаточность матеріальныхъ средствъ. Примѣрнымъ штатомъ духовныхъ академій на С.-Петербургскую положено было 67 тыс. рублей (на 11.200 руб. больше, чѣмъ на другія академіи).

Въ 1813 г. митроп. Амвросій доложилъ Комиссіи, что студенты С.-Петербургской духовной академіи „отъ долговременнаго въ наукахъ упражненія и отъ многотрудныхъ и разнообразныхъ занятій наконецъ утомились“ и на основаніи этого предложилъ сократить первоначально назначенный срокъ ихъ пребыванія въ академіи (6 лѣтъ) на $^1/_2$ года и кончить курсъ ихъ ученія въ іюлѣ 1814 г. Предложеніе это было принято. Были произведены испытанія студентамъ академіи, въ результатѣ которыхъ оказалось, что 26 человѣкъ были удостоены званія магистра богословія, 11-ти предоставлена возможность получить эту степень послѣ благопріятнаго для нихъ отзыва о ихъ занятіяхъ и поведеніи при духовныхъ семинаріяхъ; затѣмъ, 44 человѣка получили званіе кандидата богословія и, наконецъ, 11 остались съ званіемъ студентовъ. 12 лучшихъ воспитанниковъ (въ томъ числѣ знаменитые впослѣдствіи:

Герасимъ Павскій и Григорій Постниковъ) были оставлены при самой академіи для занятія вакансій наставниковъ, или выбывшихъ вслѣдствіе окончанія сдѣланнаго ранѣе обязательства о времени службы при академіи, или уволенныхъ въ надеждѣ замѣстить ихъ способнѣйшими.

Отчетъ о занятіяхъ и результатахъ испытаній перваго академическаго курса былъ представленъ Комиссіей на Высочайшее усмотрѣніе, въ отвѣтъ на что послѣдовали особые рескрипты на имя митрополита Амвросія и ректора академіи архим. Филарета и Высочайшій указъ Комиссіи духовныхъ училищъ. Въ рескриптѣ на имя митрополита между прочимъ говорилось: „разсмотрѣвъ докладъ Комиссіи духовныхъ училищъ объ окончаніи перваго курса новообразованной С.-Петербургской академіи, остаюсь увѣреннымъ, что сей вертоградъ наукъ дастъ въ свое время плоды обильные, поколику принялъ сѣмена благія и расцвѣлъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ искусныхъ смотрителей". Въ указѣ же на имя Комиссіи говорилось: „Я желаю, чтобы Комиссія обратила свое вниманіе какъ на сихъ новообразованныхъ учителей, такъ и на самыя училища, чтобы устроить ихъ въ прямомъ смыслѣ училищами истины... Внутреннее образованіе юношей къ дѣятельному христіанству да будетъ единственною цѣлію сихъ училищъ".

Давъ этотъ знаменитый первый выпускъ своихъ питомцевъ, С.-Петербургская духовная академія съ осени того же 1814 г. приступила къ комплектованію второго курса. Предварительно были сдѣланы нѣкоторыя измѣненія въ порядкѣ пріема и выпуска студентовъ. Прежде всего курсъ ученія былъ сокращенъ до 4-хъ лѣтъ. Затѣмъ, этотъ четырехлѣтній курсъ былъ раздѣленъ на два двухлѣтія съ особымъ, соотвѣтственно этому, распредѣленіемъ предметовъ академическаго курса.

Такимъ образомъ, пріемъ и выпуски студентовъ теперь должны были производиться черезъ каждые два года. Это, съ одной стороны, устраняло то неудобство прежней системы, что выпуски были очень рѣдки, а съ другой—этотъ новый порядокъ совпадалъ и съ выпусками семинарій.

Такъ какъ 1814 годъ приходился первымъ въ двухлѣтіи (для семинарій) и, значитъ, семинарскіе выпуски ожидались на слѣдующій (1815) годъ, то рѣшено было первую половину академическаго курса ограничить однимъ годомъ (чтобы на слѣдующій годъ можно было принять снова) и, значитъ, весь курсъ пройти въ 3 года (вмѣсто 4-хъ), принять же въ этотъ годъ только половину всего состава курса (55 воспитанниковъ), а другую половину (опять 55)—на слѣдующій годъ.

Эта система пріема и выпуска (по двухлѣтіямъ) была принята и вошла съ этого времени въ практику.

1814 годъ знаменателенъ для С.-Петербургской духовной академіи не только потому, что онъ далъ цѣлую плеяду молодыхъ работниковъ на нивѣ духовнаго просвѣщенія, но и потому, что въ этомъ году былъ утвержденъ уставъ ея. Проектъ устава, переработанный М. М. Сперанскимъ въ 1810 г., былъ отвергнутъ [1]). Вмѣсто этого, проектъ былъ окончательно пересмотрѣнъ и обработанъ Өеофилактомъ и Филаретомъ, а въ 1814 г. и утвержденъ. Этотъ уставъ 1814 г. и продолжалъ оставаться съ силѣ (хотя съ нѣкоторыми по временамъ измѣненіями) до 1869 г.

Представляя изъ себя памятникъ историческій, являясь одною изъ главныхъ и существенныхъ „достопримѣчательностей“ старыхъ академическихъ временъ, этотъ уставъ во многомъ отношеніи замѣчателенъ. Изъ характерныхъ особенностей можно отмѣтить слѣдующія.

Уставомъ 1814 г. чрезвычайно усиливалась власть ректора, который для академіи былъ все. Это „единоличное властительство“ ректора, конечно, не могло быть благопріятнымъ для процвѣтанія академіи, такъ-какъ оно отстраняло отъ общаго учебно-образовательнаго и воспитательнаго дѣла „живыхъ членовъ“ академической корпораціи, иногда низводя ихъ до положенія ничтожныхъ и безправныхъ департаментскихъ чиновниковъ. Исторія начальническихъ отношеній ректора Макарія къ (впослѣдствіи) архіеп. Никанору херсонскому, разсказанная послѣднимъ въ своей „автобіографіи“, прекрасно иллюстрируетъ широкую возможность злоупотребленій такою властью и вреда ея для общеакадемическаго дѣла.

Другая характерная черта устава 1814 г. состоитъ въ особомъ распредѣленіи предметовъ академическаго курса. Самыхъ наукъ было столь много, что въ общемъ это—почти цѣлый университетъ; не доставало лишь медицины. При этомъ, въ прохожденіи, наукамъ богословскимъ предшествовали цѣлые классы другихъ—словесныхъ, историческихъ, философскихъ и математическихъ; только классъ языковъ слѣдовалъ за богословскимъ.

Что же касается собственно ученой дѣятельности профессорской корпораціи, то въ этомъ отношеніи уставъ 1814 г., возникнувъ въ періодъ едва-едва пробуждавшейся на Руси богословской мысли,

---

[1]) Въ то время М. М. Сперанскій былъ уже въ большой немилости. Въ его уставѣ найдено было нѣчто „вольтерьянское“, вслѣдствіе чего рѣшено было „предать его сожженію“, что и приведено въ исполненіе. (Чистовичъ. Руковод. дѣят., стр. 124).

стѣснялъ идеалы чистаго знанія. Правда, п. 3 параграфа 127 этого устава предписывалъ, чтобы „профессора всегда держались на одной линіи съ послѣдними открытіями и успѣхами въ каждой наукѣ". Но не такъ-то легко было это сдѣлать, такъ какъ дѣятельность каждаго профессора въ извѣстной области была стѣснена поставленіемъ во главу угла неизбѣжныхъ авторитетовъ, долженствовавшихъ служить для профессоровъ своего рода „столпами" въ ихъ учебно-научныхъ изысканіяхъ.

Уставъ 1814 г. оставался въ силѣ до 1869 года. За этотъ довольно продолжительный періодъ времени онъ претерпѣвалъ иногда нѣкоторыя измѣненія, дополненія, а иногда и прямыя искаженія.

Относительно преподаванія наукъ академическаго курса еще въ 1819 г. сдѣлано было то общее измѣненіе, что разрѣшалось преподавать ихъ не только на латинскомъ, но и на русскомъ языкѣ (въ видахъ большей пользы). Вначалѣ это было сдѣлано только для богословскихъ наукъ, а потомъ и для всѣхъ прочихъ.

Въ самомъ же уставѣ значительныя измѣненія были сдѣланы при оберъ-прокурорѣ Св. Синода гр. Протасовѣ. Уставомъ 1814 года прокурорамъ вообще предоставлена была большая власть относительно академій въ видѣ возможности разнаго рода „усмотрѣній" и на основаніи ихъ соотвѣтствующихъ измѣненій. Гр. Протасовъ вообще въ сферѣ церковной политики заявилъ себя реформаторомъ. Такимъ же онъ хотѣлъ быть и по отношенію къ академіи. Но его реформы, какъ въ церковномъ управленіи и вообще въ сферѣ чисто церковной, такъ въ частности и въ учебномъ дѣлѣ имѣли крайне неблагопріятныя послѣдствія. Въ первомъ случаѣ послѣдствіемъ было установленіе того режима, когда члены Синода были превращены въ его безгласныхъ слугъ и когда даже „самое православіе понималось въ протасовскомъ стилѣ" [1]). Во второмъ же случаѣ, какъ результатъ требованія рабскаго уваженія къ преданію и боязни всякой живой мысли, послѣдовалъ упадокъ науки въ академіяхъ. С.-Петербургская академія особенно пострадала отъ всѣхъ протасовскихъ экспериментовъ, вѣроятно потому, что она была особенно близка къ власти [2]).

Собственно учебная часть С.-Петербургской академіи во времена Протасова ухудшилась прежде всего благодаря отмѣнѣ спеціализаціи предметовъ, послѣдовавшей по тѣмъ соображеніямъ, что академія должна приготовлять больше пастырей церкви, чѣмъ учителей духовныхъ школъ по тому или другому предмету. Въ виду того, что

---

[1]) Изъ Церков. Вѣстн. 1909 № 50—51.

[2]) Титлиновъ. Дух. школы въ Россіи въ XIX ст., вып. II, стр. 20.

всѣ науки проходить было невозможно (количество учебныхъ часовъ не было увеличено), онъ произвелъ сокращеніе свѣтскихъ наукъ, при чемъ особенно сильно пострадали: философія, общая словесность, гражданская исторія, математика и греческій языкъ. Количество обязательныхъ для всѣхъ предметовъ академическаго курса доходило до почтенной цифры 28, при чемъ число профессоровъ оставалось почти тѣмъ же, такъ что они были перегружены работой. Что же касается студентовъ, то они не имѣли никакой возможности сколько-нибудь специализироваться въ какой-нибудь наукѣ.

Относительно внутренней жизни С.-Петербургской духовной академіи за этотъ періодъ времени (т. е. съ 1814 по 1869 гг.) должно сказать, что, несмотря на многія неблагопріятныя для себя обстоятельства, она успѣшно шла впередъ. Въ 1821 г. было открыто при С.-Петербургской духовной академіи изданіе духовнаго журнала подъ названіемъ „Христіанское чтеніе", являвшагося въ первой половинѣ XIX в. почти единственнымъ въ Россіи журналомъ, исключительно посвященнымъ распространенію богословскихъ знаній за предѣлами духовной школы. Вначалѣ „Христіанское чтеніе" представляло изъ себя повременный сборникъ для религіозно-нравственнаго чтенія, но съ теченіемъ времени оно превратилось въ настоящій духовный журналъ.

Одинъ изъ отдѣловъ этого журнала былъ посвященъ переводу на русскій языкъ твореній св. отцовъ. Но въ 1848 г. рѣшено было производить переводъ и изданіе этихъ твореній полностью „въ непрерывномъ порядкѣ". Начался переводъ этотъ твореніями св. Іоанна Златоуста [1]).

Начаты были также переводъ и изданіе церковныхъ историковъ и византійскихъ писателей. Въ скоромъ времени были напечатаны въ „приложеніяхъ къ Христіанскому чтенію" историческія сочиненія Евгенія Памфила, Сократа, Созомена, блаж. Ѳеодорита, Евагрія, Ѳеодора Чтеца и Филосторгія.

За это же время былъ сдѣланъ переводъ „чина божественной литургіи св. Іоанна Златоуста" на еврейскій языкъ (въ 1847 г.) профессоромъ Левисономъ (для новообращенныхъ евреевъ). Тому же профессору было поручено пересмотрѣть и исправить переводъ Новаго Завѣта на еврейскій языкъ, что и было исполнено. Проф. В. Н. Карповъ предпринялъ и благополучно окончилъ первый въ Россіи переводъ великаго древняго философа-мудреца Платона.

---

[1]) Къ настоящему времени С.-Петербургской духовной академіей изданы переводы твореній кромѣ этого отца церкви еще творенія преп. Ѳеодора Студита (въ 1907—8 г.).

Слѣдуетъ упомянуть еще и о томъ, что за это же время профессорами С.-Петербургской духовной академіи были составлены и изданы учебныя руководства и пособія не только по богословскимъ наукамъ, но и по философскимъ и даже по математикѣ.

Въ 1858 г. ректоръ С.-Петербургской духовной академіи Григорій (Постниковъ) исходатайствовалъ у Св. Синода разрѣшеніе о передачѣ рукописей Новгородскаго-Софійскаго собора и Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря въ собственность библіотеки академіи. Чрезъ это послѣдняя обогатилась драгоцѣннымъ сокровищемъ.

При томъ же ректорѣ была открыта въ С.-Петербургской академіи новая каѳедра исторіи раскола.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ произошло раздѣленіе предметовъ младшаго курса на двѣ группы—физико-математическую и историческую съ собственнымъ выборомъ студентовъ любой изъ этихъ группъ, а также и одного изъ новыхъ языковъ.

Важнымъ явленіемъ того же времени былъ переводъ книгъ Ветхаго Завѣта на русскій языкъ, починъ котораго былъ порученъ Св. Синодомъ С.-Петербургской духовной академіи. Въ 1860—61 г. при ней былъ учрежденъ особый комитетъ, въ составъ котораго входили слѣдующіе профессора: М. А. Голубевъ, Д. А. Хвольсонъ и Е. И. Ловягинъ. Правда, со смертью М. А. Голубева (главнаго лица въ этомъ дѣлѣ по своей талантливости, знаніямъ и энергіи) дѣло перевода кончилось, но Комитетъ все же успѣлъ перевести и издать почти всѣ книги Ветхаго Завѣта. Этотъ переводъ книгъ священнаго писанія на русскій языкъ отвлекъ на нѣкоторое время академическія силы отъ предпринятаго еще въ 1848 г. систематическаго перевода и изданія твореній св. отцовъ.

III.

Въ 1859 г. С.-Петербургская духовная академія праздновала 50-лѣтній юбилей (ректоромъ ея былъ въ то время архим. Ѳеофанъ (Говоровъ), впослѣдствіи еп. тамбовскій).

Престарѣлый уже въ то время митр. московскій Филаретъ, такъ много потрудившійся на пользу этой академіи, прислалъ ей икону Богоматери и письмо на имя митрополита с.-петербургскаго Григорія (Постникова), въ которомъ выразилъ свое отношеніе къ прошлому академіи и „благопожеланія“ ей въ будущемъ.

Начало новаго 50-лѣтія С.-Петербургской академіи совпало съ временемъ окончанія крымской войны и послѣдовавшими за этимъ реформами Царя-Освободителя Александра II въ разныхъ областяхъ государственной и общественной жизни. Эти реформы, конечно,

коснулись и православнаго духовенства, а также и духовно-учебныхъ заведеній.

Инициаторомъ въ данномъ случаѣ являлся оберъ-прокуроръ Св. Синода гр. Д. А. Толстой. Образованъ былъ особый комитетъ для производства реформы духовно-учебныхъ заведеній, вначалѣ духовныхъ училищъ и семинарій, а затѣмъ и академій. Новый уставъ для академій былъ выработанъ только лишь въ 1869 г. и въ томъ же году былъ введенъ въ С.-Петербургской академіи.

Вмѣстѣ съ этимъ уставомъ 1869 г. С.-Петербургская духовная академія вступила въ новый періодъ свой жизни. Этотъ уставъ, въ противоположность уставу 1814 г., стѣснявшему идеалы чистаго знанія, подъ натискомъ шедшихъ впередъ потребностей церковно-общественной жизни, вынужденъ былъ предоставить наукѣ болѣе широкій просторъ. Архіеп. Никаноръ херсонскій въ своемъ „поученіи въ церкви Казанской академіи на молебствіи предъ началомъ преобразованій въ 1870 г.“ производитъ замѣчательную оцѣнку новаго устава примѣнительно къ началамъ и задачамъ богословскаго образованія и указываетъ существенные недостатки прежняго (1814 г.) устава—чрезмѣрное нагроможденіе на студентовъ и профессоровъ учебныхъ предметовъ, „единоначальственное“ управленіе академіи ректорами и т. д. Уставъ 1869 г., говоритъ архіепископъ, все это устраняетъ.

Съ введеніемъ въ жизнь устава 1869 г. физіономія С.-Петербургской академіи значительно измѣнилась. Перемѣна произошла прежде всего во внѣшней постановкѣ учебнаго дѣла. Выпуски студентовъ стали производиться ежегодно. Кандидатское сочиненіе они обязаны были писать на III курсѣ; на IV курсѣ они могли писать уже магистерское. Годъ пребыванія на IV курсѣ студенты должны были употреблять на специализацію въ извѣстной области.

Уставъ 1869 г. исцѣлилъ академію отъ губительныхъ для нея послѣдствій протасовскихъ реформъ и направилъ жизнь ея на настоящую дорогу. „Старая дисциплина, образцовый порядокъ во всемъ, со строгимъ исполненіемъ установленныхъ правилъ, оживленный интересъ къ знанію, усердныя занятія профессоровъ и студентовъ, при близкомъ общеніи между ними, годъ за годомъ выдающіяся сочиненія тѣхъ и другихъ, успѣхи приватъ-доцентуры въ подготовкѣ новыхъ наставниковъ академіи,—словомъ, настоящая, скромная, не показная, но неустанная, упорно-трудовая,—настоящая академическая жизнь закипѣла кругомъ со введеніемъ этого устава. И чѣмъ дальше, чѣмъ больше новый строй входилъ въ жизнь и укрѣплялся, тѣмъ академія становилась болѣе и болѣе образцовой во всѣхъ отношеніяхъ. О старой академіи и царившихъ въ ней

порядкахъ мы слышали и узнавали какъ о чемъ-то сказочно-фантастическомъ, о чемъ старые профессора неохотно вспоминали[1]). Ничего, конечно, не предвидѣлось, что̀ бы помѣшало этой работѣ. Уставъ 1869 г. заключалъ въ себѣ данныя для дальнѣйшихъ широкихъ и блестящихъ успѣховъ. Можно было вполнѣ надѣяться, что на основѣ примѣненія къ дѣлу усвоенныхъ методовъ во всей ихъ широтѣ возникнетъ прочное зданіе русской церковной научности.

Для Петербургской академіи надежды эти усиливались и потому еще, что время съ 1869 г. по 1883 г. было какъ разъ временемъ управленія этой академіей протоіерея (нынѣ протопресвитера) І. Л. Янышева. Этотъ періодъ потому и является однимъ изъ блестящихъ въ исторіи С.-Петербургской духовной академіи, что въ данномъ случаѣ достоинства новаго устава сочетались съ достоинствами ректора, человѣка, выдающагося своею ученостью, энергіею и опытомъ жизни.

При І. Л. Янышевѣ (и не безъ его стараній) въ академіи введенъ новый предметъ—педагогика, выхлопотано право академіи выписывать изъ-за границы книги и періодическія изданія наравнѣ съ университетами.

Съ 1875 г. при С.-Петербургской духовной академіи началъ издаваться новый еженедѣльный журналъ „Церковный Вѣстникъ“, ставшій оффиціальнымъ русскимъ церковнымъ органомъ и замѣнившій въ этомъ отношеніи издававшуюся до того времени по частной иниціативѣ „Духовную Бесѣду“.

Періодъ съ 1869 по 1883 г. былъ временемъ усвоенія академіею точныхъ научныхъ методовъ и опытовъ приложенія ихъ къ области русскаго церковнаго знанія. Въ этомъ тяготѣніи академіи къ начавшимъ крѣпко прививаться позаимствованнымъ (по необходимости) съ запада точнымъ научнымъ методамъ было усмотрѣно уклоненіе ея отъ служенія практическимъ интересамъ русской жизни и отъ церковно-консервативныхъ принциповъ обученія. И вотъ уже въ 1884 году (т. е. черезъ 15 лѣтъ послѣ введенія устава 1869 г.) послѣдовало введеніе новаго устава, съ наклономъ въ сторону пониженія научности въ академіяхъ и возстановленію принципа церковности въ обученіи, преобладавшаго во времена устава 1814 г.

Съ введеніемъ устава 1884 г. усилилась зависимость академіи отъ церковно-административной власти, былъ установленъ многопредметный общеобязательный курсъ, спеціализація въ обученіи устранена и т. д.

---

[1]) Изъ личныхъ воспоминаній проф. А. И. Пономарева (Церк. Вѣст. 1909 г. № 50—51).

Профессора снова (какъ и уставомъ 1814 г.) были отдалены отъ студентовъ и отъ ближайшаго, непосредственнаго участія въ „академическомъ строительствѣ“ по образовательно-воспитательной части [1]).

Уставъ 1884 г. продолжаетъ оставаться дѣйствующимъ и до настоящаго времени. Но уже съ началомъ XX стол. возникъ вопросъ о реформѣ духовной академіи и о выработкѣ новаго для нея устава. Въ 1905 г. при С.-Петербургской духовной академіи была образована комиссія по составленію проекта преобразованія этой академіи. Результаты трудовъ по этому дѣлу были представлены въ Св. Синодъ, отсюда въ Предсоборное присутствіе и наконецъ въ Высочайше утвержденную особую комиссію при Св. Синодѣ.

Въ 1908 г. была назначена и произведена ревизія духовныхъ академій (Петербургскую академію ревизовалъ архіеп. херсонскій Димитрій), результаты которой были также представлены въ комиссію.

Къ настоящему времени свои работы комиссія уже кончила, и академія стоитъ при дверяхъ, въ ожиданіи новаго устава.

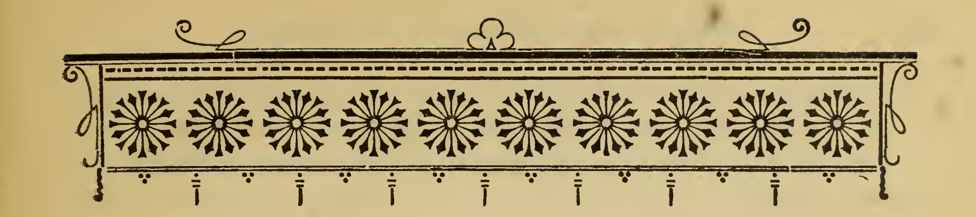
Новое столѣтіе жизни С.-Петербургской духовной академіи несетъ ей съ собою и новый уставъ. Русское общество въ лицѣ представителей разныхъ отраслей знанія въ своихъ привѣтствіяхъ С.-Петербургской духовной академіи по поводу ея 100-лѣтія произнесло свой судъ надъ ея дѣятельностью и плодами послѣдней за все время ея существованія. Но это былъ судъ, но не осужденіе. Было громко, на всю Россію сказано лишь о многоплодныхъ трудахъ С.-Петербургской академіи на пользу науки, о великихъ заслугахъ ея для церкви и государства, т. е. о томъ, что даетъ ей несомнѣнное право гордиться своимъ 100-лѣтнимъ прошлымъ и желать столь же славнаго будущаго.

Дай Богъ, чтобы новый уставъ еще шире и прямѣе сдѣлалъ этотъ трудовой путь С.-Петербургской духовной академіи въ наступившемъ новомъ столѣтіи ея жизни!

Н. Коноваловъ.

[1]) Изъ Церков. Вѣст., № 50, 1909 г.

Секретная инструкція, данная Императоромъ Николаемъ I полковнику Бартоломею передъ отправленіемъ въ Персію съ резолюціей Императора Николая I относительно Грибоѣдова и донесеніе полковника Бартоломея.

При отъѣздѣ изъ С.-Петербурга 5-го февраля 1826 г. была мнѣ вручена бумага, на коей карандашемъ собственноручно Государемъ Императоромъ было написано 16 нижеслѣдующихъ пунктовъ, на которые по Высочайшей волѣ приказано при проѣздѣ черезъ Мингрелію и Имеретію мнѣ обращать вниманіе. На бумагѣ сей, которая при задержаніи насъ на обратномъ пути въ Эривани, сожжена съ другими секретными бумагами и съ ключемъ къ шифру нашему, написано было Его Величествомъ, такъ:

Замѣчать Бартоломею:

1) Духъ войскъ и ихъ начальниковъ.
2) Порядокъ службы.
3) Пища и сбереженіе войскъ.
4) Состояніе крѣпостей.
5) Состояніе артиллеріи.
6) Состояніе госпиталей.
7) Подробности дѣлъ, бывшихъ съ непріятелемъ.
8) Кѣмъ управляются провинціи; худо ли или хорошо.
9) Наклонность народа къ покорности ли или къ возмущенію.
10) Что побуждаетъ къ возмущенію злоупотребленіе ли, навыкъ къ своевольству или другія причины.
11) Замѣчанія о торговлѣ.
12) Замѣчанія о дорожныхъ работахъ отъ Редутъ - Кале до Тифлиса.

13) Турецкая крѣпость Поти; состояніе и количество гарнизона.

14) Имѣютъ ли турки сообщеніе съ русскими подданными.

15) Часто ли Поти сообщается съ Константинополемъ и на какихъ судахъ.

16) *Беречься Грибоѣдова и отобрать о немъ свѣдѣнія.*

Не должно забыть, что это писано Государемъ скоро послѣ 14-го декабря и въ то время, когда не были еще извѣстны ни всѣ злоумышленники, ни всѣ ихъ замыслы. Грибоѣдовъ, ложно подозрѣваемый при проѣздѣ моемъ черезъ Крымъ и Тифлисъ, былъ уже отвезенъ въ Петербургъ, гдѣ и оправданъ.

На счетъ 11-го пункта даны были по Высочайшему повелѣнію разныя мнѣ порученія министромъ финансовъ, которыя и были мною выполнены.

9-го апрѣля.

Князю Меншикову. Отъ полковника Бартоломея.

Получивъ отъ вашей свѣтлости по Высочайшей волѣ порученіе при проѣздѣ отъ Редутъ-Кале до Тифлиса обращать вниманіе на разные предметы, кои именно были кратко означены рукою Государя Императора въ 16-ти пунктахъ, старался я сколько могъ сіе исполнить, какъ приказано было, скрытно, не подавая виду, что дѣлалъ по службѣ, но какъ бы съ одного любопытства. Часто видимое мною удостовѣряло въ томъ, что слышалъ; часто неудовольствіе (почти всеобщее) къ высшему начальству, отъ коего страны сіи отдалены, открывало мнѣ много. Все сіе подало мнѣ нѣсколько средствъ, въ непродолжительное время моего пути по Мингреліи, Имеретіи и Карталиніи, которыя видѣлъ я такъ сказать только мимоходомъ, отвѣчать хотя можетъ быть не совсѣмъ основательно на предметы мнѣ на видъ поставленные, тѣмъ болѣе, что многіе изъ сихъ предметовъ требуютъ и долговременнаго изслѣдованія и совершеннаго познанія тѣхъ страхъ. Я почиталъ священною по службѣ обязанностію доносить вашей свѣтлости о всемъ мною замѣченномъ съ совершенною откровенностью и точно въ томъ видѣ, какъ мнѣ казалось, не взирая ни на достоинства, ни на чины, ни на связи тѣхъ лицъ, о коихъ говорить случится, и не бравъ въ соображеніе ни довѣрія къ нимъ правительства, ни общественнаго о нихъ мнѣнія.

1) Духъ войскъ и ихъ начальниковъ.

Войска, находящіяся въ Мингреліи и Имеретіи, подвержены ужаснымъ лихорадкамъ, происходящимъ отъ сырости климата. Болотистыя мѣста, въ коихъ живутъ они и лѣтомъ, сильныя жары, причиною большой смертности. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ Редутъ-Кале, на постахъ Ріонскомъ, а наиболѣе на

Челодидскомъ умираетъ почти всегда половина, а на другихъ третья часть людей въ годъ. По сей причинѣ въ войскахъ тамъ стоящихъ уничтоженъ почти всякій духъ. Не получая даже наружнаго образованія, тѣмъ менѣе нравственнаго, коимъ только и можно внушать солдату всю важность его состоянія (чѣмъ заняться здѣсь нужнѣе нежели гдѣ, по многочисленности выписанныхъ за дурное поведеніе), солдаты почитаютъ себя здѣсь несчастными жертвами, какъ бы обреченными на погибель, и ищутъ спасенія, перебѣгая въ Поти къ туркамъ, подающимъ имъ къ тому всевозможныя угодства. Ріонскій постъ, недавно устроенный для облегченія перевозки провіанта въ Редутъ-Кале изъ Кутаиса, хотя и способствуетъ къ прекращенію сихъ побѣговъ, но за то таковые теперь дѣлаются съ сего поста, который отдѣленъ отъ Поти болотомъ и находится отъ сей крѣпости въ прямомъ направленіи въ двухъ верстахъ.

Офицеры большею частью выписаны за дурное поведеніе или выпущены изъ кадетскихъ корпусовъ, какъ худшіе противъ прочихъ товарищей, а потому или буйнаго и неспокойнаго характера, который часто не обнаруживаютъ только по неимѣнію случая и по рабской боязни къ начальникамъ, или пьяницы. Частью также набраны они изъ тамошнихъ уроженцевъ, юнкерами опредѣляющихся, и сіи послѣдніе обыкновенно глупы, безъ всякаго воспитанія и познаній и рѣдко имѣютъ даже офицерскую наружность. Ротные командиры хотя и назначаются съ нѣкоторою разборчивостью, но какъ они одни только настоящіе хозяева частей своихъ, то большая часть изъ нихъ полагаетъ службу въ стараніяхъ извлечь отъ роты собственныя для себя выгоды или въ требованіи наружныхъ только почестей. Баталіоннымъ командирамъ и прочимъ штабъ-офицерамъ, по причинѣ раздробленія баталіоновъ, поручаются обыкновенно гражданское управленіе земель, комендантскія мѣста или другія порученія; тѣ же изъ нихъ, которые ничѣмъ не заняты, обыкновенно проводятъ время въ пьянствѣ, чѣмъ весьма довольны и подчиненные и полковые командиры, имѣющіе тогда болѣе свободы дѣйствовать безъ свидѣтелей и употреблять отпускаемыя на полки суммы въ свою пользу. Вообще всѣ здѣсь начальники, какъ кажется, болѣе всего заботятся о собственныхъ выгодахъ и почитаютъ солдата и все казенное своею собственностью. Комендантъ Редутъ-Кале, маіоръ Ракоцци, сдѣланный таковымъ единственно по связи бывшаго тогда правителемъ Имеретіи и Мингреліи князя Петра Дмитріевича Горчакова съ его женою, человѣкъ глупый и безъ всякихъ достоинствъ и поддерживаемый княземъ дѣлалъ и дѣлаетъ большія злоупотребленія. Нынѣ однако же (по удаленіи князя) на-

ряжено наконецъ надъ нимъ слѣдствіе, по разнымъ доносамъ, обнаруживающимъ подлые его поступки. Есть нѣкоторые начальники, которые и могли бы быть полезными, но ни о чемъ не заботятся, видя, что высшее начальство Грузіи не обращаетъ никакого вниманія на край сей, могшій при большемъ устройствѣ и съ небольшими издержками приносить Государству пользу и сдѣлаться даже краемъ вовсе для здоровья невреднымъ. Командиръ 44-го Егерскаго полка, полковникъ Иванъ Николаевичъ князь Абхазовъ, родомъ грузинецъ, храбрый, израненный офицеръ, умомъ своимъ, знаніемъ восточныхъ языковъ и духа народовъ тѣхъ странъ, получавшій уже прежде порученія ко двору Персидскому, трудолюбіемъ, свѣдѣніями и приверженностью къ Россіи, можетъ быть весьма полезнымъ отечеству.

2) Порядокъ службы.

Вовсе не существуетъ. Люди не выправлены, не обучены и только мундиры, изрѣдка надѣваемые (ходятъ здѣсь большею частью въ разорванныхъ шинеляхъ, буркахъ, архалукахъ, въ черкесскихъ шапкахъ и проч.) заставляютъ иногда догадываться, что это должны быть солдаты. Фронтовая и гарнизонная служба въ самомъ жалкомъ положеніи.

3) Пища и сбереженіе войскъ.

Пища не совсѣмъ худая, но хлѣбъ не хорошъ, тѣмъ болѣе, что привозимый въ Мингрелію провіантъ въ весьма скоромъ времени уничтожается какими-то насѣкомыми, такъ что всѣ магазины ими однѣми наполнены. Теперь таковаго съѣденнаго провіанта въ Редутъ-Кале находится: муки 9.687 четв. 7 чет. 2 гарнца. Крупъ 723 четв. 7 чет. 7 гар. Половина жалованія солдатскаго вычитается въ артель, равно и всѣ заработываемыя ими деньги; но какъ начальники употребляютъ нижнихъ чиновъ безпрерывно на собственныя свои работы безъ платы, то и немудрено, что пища не столь хороша, какъ могла бы быть, и что солдаты отъ всегдашней работы похожи болѣе на мужиковъ. Хотя и видно изъ приказовъ по отдѣльному кавказскому корпусу, что начальство предписывало иногда для сбереженія войскъ нѣкоторыя мѣры, но не наблюдая за точнымъ выполненіемъ сихъ приказовъ оныя оставались безъ вниманія. Блѣдно-желтыя лица и истощенный видъ солдатъ можно приписать отчасти и сему несбереженію, отчасти климатнымъ болѣзнямъ сего края, почти ни одинъ человѣкъ не избѣгнулъ ее, находясь здѣсь болѣе году. Болѣзни сіи суть: во время жаровъ и сырыхъ холодныхъ ночей сильныя желчныя горячки и лихорадки. Отъ первыхъ освобождаетъ въ большомъ количествѣ даваемый меркурій, разстрап-

вающій организмъ человѣка; отъ вторыхъ сильныя дачи хины [1]), производящія обструкцію и завалы. Кровяные поносы и отъ простудъ и отъ фруктъ во множествѣ здѣсь дико произрастающихъ, часто смертельны. Простуды дѣйствуютъ весною болѣе на горло; осенью на грудь. Послѣдствіемъ различныхъ сихъ болѣзней: обструкціи въ сильнѣйшей степени, чахотка, всегда почти водяная болѣзнь и, наконецъ, неизбѣжно преждевременная смерть.

4) Состояніе крѣпостей.

Укрѣпленіе Редутъ-Кале (одно только значительное здѣсь находящееся) въ самомъ жалкомъ положеніи. Артиллерія здѣсь, какъ и на прочихъ укрѣпленныхъ здѣсь постахъ, по ветхости лафетовъ и платформъ не можетъ дѣйствовать и слѣдовательно не служитъ къ защитѣ.

5) Состояніе артиллеріи.

Полевая артиллерія (которую не удалось мнѣ видѣть, потому что лошади съ командами въ одномъ мѣстѣ, орудія и часть людей при штабъ-квартирахъ, что весьма неудобно), судя по свѣдѣніямъ мною отобраннымъ кажется въ довольной исправности. Корпусъ офицеровъ сей части примѣтно отличается отъ офицеровъ прочихъ полковъ, здѣсь находящихся.

6) Состояніе госпиталей.

Госпитали, коихъ въ Мингреліи и Имеретіи довольно достаточное число, требуютъ большаго улучшенія. Пища въ нихъ хотя и изрядная, но воздухъ вездѣ душенъ, вентиляторовъ нигдѣ нѣтъ, строенія сырыя и часто безъ половъ. Пользованіе также не отличное, потому что при раздѣленіи полка на множество частей, далеко другъ отъ друга расположенныхъ, годовая пропорція медикаментовъ (въ Грузіи хотя и усиленная) не можетъ быть на всѣ госпитали полка достаточною и потому бываетъ иногда недостатокъ въ медикаментахъ, вредный для больныхъ. Вообще на сей счетъ много упущено изъ виду. Мингрелія, Имеретія и Карталинія, напримѣръ, изобилуютъ сѣрными ключами, которые могли бы принести столь ощутительную пользу послѣ сильныхъ меркуріальныхъ пріемовъ; и какъ воды сіи находятся въ близкомъ разстояніи отъ госпиталей, то сіи послѣдніе и могли бы быть тамъ устроены, напротивъ того минеральныя воды сіи остаются безъ всякаго употребленія, и только жители

---

[1]) . . . . выписывается начальствомъ Грузіи въ большомъ количествѣ, несмотря на ужасно дорогую цѣну. Въ госпиталяхъ нельзя имъ пользовать солдатъ, а только офицеровъ. Въ противномъ случаѣ не достало бы его во всей Европѣ.

ищутъ въ нихъ облегченія отъ болѣзней. Полагаю, что не должно бы здѣсь оставлять госпиталей на попеченіе полковыхъ командировъ, но что лучше бы подвергнуть ихъ особому надзору, собравъ всѣ госпитальныя вещи, медикаменты и проч. въ одну массу и поручивъ устройство госпиталей особому начальству. Для скоропостижныхъ же и прочихъ случаевъ, гдѣ нужно тотчасъ пособія, оставлять въ командахъ слишкомъ отъ госпиталя отдаленныхъ одного доктора или фельдшера съ нужныхъ числомъ медикаментовъ. Попечительное же доставленіе въ госпитали и недопущеніе удерживать при полкахъ болѣющихъ людей, оставить на строгой отвѣтственности частныхъ командировъ, подвергая виновныхъ за малѣйшее въ семъ случаѣ упущеніе примѣрному взысканію. Мнѣ кажется таковое распоряженіе въ странѣ сей еще тѣмъ удобно, что при перемѣнѣ квартиръ войскамъ, госпитали не подвергались бы разстройству, которому теперь полковые и баталіонные лазареты неминуемо подвергаются.

7) Подробности дѣлъ, бывшихъ съ непріятелемъ.

Великихъ военныхъ подвиговъ здѣсь не происходило, исключая нѣсколькихъ сшибокъ при усмиреніи бунтовъ въ Мингреліи и Гуріи въ 1820 г. и въ Абхазіи въ 1824 годахъ, при чемъ большая потеря людей была обыкновенно на нашей сторонѣ; особенно въ Абхазіи. Причины возмущеній сихъ слѣдующія: когда экзархъ Грузіи Ѳеофилактъ въ 1819 году хотѣлъ сдѣлать описаніе всѣхъ церквей и монастырей тѣхъ странъ съ землями ихъ и прибрать, такъ сказать, тамошнее духовенство къ рукамъ своимъ, то князь Иванъ Абашидзе съ 500 человѣками хотѣлъ при проѣздѣ экзарха схватить его, но былъ удержанъ личными представленіями и убѣжденіями генералъ-майора Курнатовскаго. На другой годъ полковникъ Пузыревскій, имѣя ли на то повелѣніе высшаго начальства (что полагать должно), или подозрѣвая новое возмущеніе, 5-го апрѣля въ ночное время приказалъ схватить жившихъ близъ Кутаиса митрополитовъ Кунателя и Генателя, князя Сихнія Цулухидзе и царицу Дараджану (мать Абашидзе) и отправить всѣхъ въ Тифлисъ, первыхъ трехъ въ мѣшкахъ. Послѣ сего отправился онъ самъ въ Гурію, чтобы схватить Ивана Абашидзе, скрывавшагося тамъ у Койгостра Гуріэля. Здѣсь Пузыревскій былъ убитъ. Впослѣдствіи происходили многія сшибки, изъ коихъ важнѣйшія въ Гуріи подъ начальствомъ генералъ-маіора Вельяминова при крѣпости Шемахмети, которая и была раззорена, и въ Имеретіи при сел. Дачѣ, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Горчакова. Вскорѣ жители Мингреліи и Имеретіи добровольно покорились. Повѣсивъ главнѣйшихъ

возмутителей человѣкъ до 30-ти, хотя и возстановилось опять спокойствіе, но довѣренность сихъ народовъ къ Русскому Правительству исчезла и до сихъ поръ не можетъ еще совершенно быть внушена.

Что касается до возмущенія Абхазіи, то объ ономъ узналъ я слѣдующее: въ 1820 же году ограбленъ и схваченъ (какъ кажется самовольнымъ распоряженіемъ маіора Могилянскаго, коменданта Сухумъ-Кале) князь Абхазскій Халанъ-Бей-Ширвашидзе. Абхазцы симъ ожесточенные начали мстить за то гарнизону той крѣпости, и для усмиренія ихъ ходилъ въ 1821 году князь Горчаковъ. По смерти владѣтеля Абхазскаго князя Дмитрія Ширвашидзе (отравленнаго какъ полагаютъ неспокойною и злою его матерью, опасавшеюся, чтобы онъ, воспитанный въ Россіи въ Пажескомъ корпусѣ, не образовалъ бы дикій народъ свой) заступилъ мѣсто его, малолѣтній братъ его Михаилъ, руководимый коварною матерью. Въ 1822 году молодой Цебельдинскій князь Хошкороса Моршани, напившись пьянымъ на праздникѣ у другого князька, изъ хвастовства или для выигрыша заклада, подъѣхавъ къ форштату крѣпости Сухумъ-Кале, убилъ стоявшаго тамъ русскаго часового. Какъ передъ симъ нѣсколько убійствъ по раскаянію учинившихъ оныя были прощаемы, то семейство сего князя испрашивало и ему прощеніе; на что и получивъ обѣщаніе коменданта подполковника Михена, не прерывало дружескихъ сношеній, и абхазцы были опять покорны. Два года послѣ того, подполковникъ Михенъ, получивъ отъ начальства приказаніе доставить Моршани въ Тифлисъ, схватилъ его, пригласивъ дружески къ себѣ или какъ подтверждаютъ иные, когда Моршани пріѣхалъ въ крѣпость для совѣта съ докторомъ, бывъ часто подверженъ болѣзнямъ. Поступокъ сей былъ поводомъ новаго нападенія абхазцевъ на крѣпость, куда и прибылъ опять князь Горчаковъ съ войскомъ. Онъ отрядилъ подполковника Михена для нападенія на собравшуюся въ аулѣ Вокани шайку и для раззоренія и сожженія сего аула, что и было исполнено; но самъ Михенъ на возвратномъ пути убитъ и вообще походъ сей по ужасному мѣстоположенію стоилъ намъ много убитыми и ранеными. Съ тѣхъ поръ абхазцы уже совершенно возмутились и болѣе не покоряются; такъ что и сообщеніе сухимъ путемъ по берегу между Редутъ-и Сухумъ-Кале прекратилось и существуетъ нынѣ только моремъ, посредствомъ находящейся всегда въ семъ послѣднемъ укрѣпленіи брандвахты. Абхазцы тотчасъ послѣ сего прогнали изъ Соуксу (столица ихъ) князя Михаила, мать и сестеръ его, живущихъ нынѣ въ Редутъ-Кале и получающихъ отъ Россіи пенсію.

8) Кѣмъ управляется провинція; худо ли или хорошо?

Нынѣ никто еще не назначенъ настоящимъ правителемъ Мингреліи и Имеретіи, былъ же одинъ князь Горчаковъ, предпринимавшій иногда кой-какія мѣры для улучшенія состоянія тѣхъ земель и для устройства въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорогъ; но намѣренія его и предположенія оставались большею частью невыполняемы, или по недостатку средствъ или, какъ кажется, болѣе потому, что самъ генералъ Ермоловъ оставилъ изобильную страну сію безъ всякаго вниманія, не имѣя вѣроятно времени ею заняться, что весьма жаль. Впрочемъ не могши проѣздомъ и показывая только любопытство путешественника набрать достаточныхъ свѣдѣній о управленіи и не имѣя ни довольно времени, ни средствъ, чтобы узнать основательно судопроизводственный порядокъ тѣхъ странъ, я не смѣю подать рѣшительнаго мнѣнія о столь важныхъ предметахъ. Что могъ узнать и замѣтить мимоходомъ, это то, что гражданская часть управляется военными чиновниками и нѣсколькими азіатцами, знающими русскій языкъ; что при судопроизводственномъ порядкѣ основываются на законахъ Царя и ихъ Вахъ-Танча (законахъ хотя строгихъ, но часто странныхъ и даже смѣшныхъ), на Указахъ и Уложеніяхъ Россійскихъ, а чаще всего на собственномъ, не всегда здравомъ разсудкѣ. Злоупотребленія часты. Недовольныхъ много. Но гдѣ нѣтъ ихъ?

9) Наклонности народа къ покорности или къ возмущенію?

Народы Имеретинскій, а еще болѣе Мингрельскій весьма добры, покорны и трудно возмутить ихъ. Гуріяльцы и абхазцы болѣе къ сему наклонны. Они подстрекаемы турками, имѣющими къ несчастью безпрестанныя съ ними сношенія и доставляющими черезъ Анапу всѣ военные припасы, даже артиллерію и снаряды. Правительство наше не думаетъ имъ препятствовать, да и не можетъ препятствовать потому, что турки, имѣя свободное по Черному морю плаваніе, владѣютъ въ Абхазіи крѣпостями: Анапою и Суджукъ-Кале, а въ Гуріи Поти.

10) Что побуждаетъ къ возмущенію, злоупотребленія ли, навыкъ къ своеволію или другія причины?

Всѣ возмущенія и непокорности сихъ народовъ происходятъ: а) болѣе всего отъ сношеній ихъ съ турками. Абхазцы, исповѣдавшіе прежде законъ христіанскій, къ коему до сихъ поръ еще сохранили нѣкоторую привязанность и благоговѣніе, нынѣ магометане; б) отъ побужденій къ бунту собственными князьками; в) отъ совершеннаго неумѣнія обращаться какъ съ сими послѣдними, такъ

и съ самимъ народомъ, нашихъ комендантовъ и чиновниковъ, безъ всякаго разбора приставленныхъ, и г) отъ злоупотребленій и корыстолюбія сихъ послѣднихъ, такъ что Правительство все болѣе и болѣе теряетъ довѣрчивость сихъ народовъ, требующихъ по недовѣрчивому и сомнительному нраву своему и угнетенію, въ коемъ находятся, особенно осторожнаго обращенія.

11) Замѣчанія о торговлѣ.

Торговля ведется черезъ Редутъ-Кале свободная, но вовсе не столь обширная, какъ полагаютъ. Какъ здѣсь нѣтъ гавани и фарватеръ въ рѣкѣ Хопіи неудобенъ, то корабли пристаютъ здѣсь неохотно, и часто претерпѣваютъ кораблекрушенія. По сей причинѣ пріѣзжаютъ по большей части только турецкія плоскодонныя лодки, которыя несмотря на буруны входятъ въ рѣчку Хопію. На лодкахъ сихъ привозятся изъ Трапезонта и Константинополя: апельсины, лимоны, разныя мелочи, но болѣе всего ромъ, коего ежегодно ввозится сюда слишкомъ 50 тыс. ведеръ; и продается въ Редутъ-Кале ведро по 22 руб. асс. Какъ пропорція сія слишкомъ велика для Грузіи, то часть вѣроятно перевозится и въ Персію, и небольшое количество, иногда тайно, въ Севастополь. Мануфактурные же товары болѣе всего бараджи, хрустальныя, зеркальныя и галантерейныя вещи привозятся на турецкихъ, французскихъ и англійскихъ судахъ изъ Константинополя, иногда же изъ Одессы и Таганрога, но такъ рѣдко и не въ такомъ большомъ количествѣ, чтобы можно было почитать Редутъ-Кале транзитнымъ мѣстомъ. Правда, что грузинскіе, армянскіе и даже персидскіе купцы, не покупая болѣе товаровъ въ Россіи на Нижегородской (Макарьевской) ярмаркѣ, обратились нынѣ прямо въ Лейпцигъ, гдѣ имѣютъ своихъ агентовъ и привозятъ товары черезъ Редутъ-Кале, но въ слишкомъ большомъ количествѣ и то болѣе для торгу въ Грузіи или, лучше сказать, для одного почти Тифлиса. При томъ дальнѣйшая доставка товаровъ отъ Редутъ-Кале сухимъ путемъ частью на вьюкахъ, частью на арбахъ (двухколесныхъ телѣгъ) по неустроеннымъ почти дорогамъ и по частымъ затруднительнымъ переправамъ черезъ рѣки, сопряжена съ большими неудобствами и издержками. И потому, хотя нѣкоторые товары черезъ Редутъ-Кале и отправляются въ Персію, въ особенности бараджи, которые сбываются тамъ съ большою выгодою; но главный провозъ туда европейскихъ товаровъ, вѣроятно, дѣлается черезъ Батумъ, такъ, какъ къ горскимъ народамъ черезъ Анапу. Вывозъ же европейскихъ товаровъ изъ Персіи въ Россію, съ тѣмъ намѣреніемъ чтобы не платить болѣе 5%, черезъ Редутъ-Кале рѣшительно не производится.

Одинъ только тифлисскій негоціантъ Кастеллялъ второй годъ уже получаетъ изъ Марселя купеческое судно съ разными мануфактурными и галантерейными товарами на 300 тыс. руб. и болѣе ассигн.; но и онъ, оставляя торгъ сей, займется единственно шелководствомъ, которое здѣсь при малыхъ трудахъ и издержкахъ доводится уже до весьма хорошаго состоянія, равно какъ и разведеніе хлопчатой бумаги могло бы быть усовершенствовано. Таможенныя подати взимаются въ самомъ Тифлисѣ, исключая тогда, если купцы желаютъ отдѣлить для продажи на мѣстѣ кой-какіе товары. Въ такомъ случаѣ отбираютъ у нихъ въ Редутъ-Кале или въ Кутаисѣ по 5% съ цѣнъ, каковыя они сами назначаютъ своимъ товарамъ; что не должно быть выгодно для казны и вѣроятно подвержено большимъ злоупотребленіямъ. Всѣ товары послѣ выгрузки задерживаются въ Редутъ-Кульскомъ карантинѣ, гдѣ и окуриваются. Турецкія суда, пріѣзжающія изъ Трапезонта, получаютъ иногда отъ тамошняго французскаго консула Бейшера свидѣтельства (на французскомъ языкѣ, котораго въ Редутъ-Кале никто не понимаетъ), что въ тѣхъ странахъ нѣтъ чумы. Товары Кастелляла всегда засвидѣтельствованы марсельскимъ консуломъ и ко всѣмъ тюкамъ приложены свинцовыя клейма съ русскою печатью. Впрочемъ, какъ всѣ товары безъ разбору подвержены 15-ти дневному задержанію въ карантинѣ, то почти всѣ турецкія суда пріѣзжаютъ безъ всякихъ свидѣтельствъ и видовъ. Карантины и взиманіе пошлинъ въ Редутъ-Кале и Кутаисѣ находятся подъ вѣдѣніемъ комендантовъ и потому подвержены особенно въ Редутъ-Кале большимъ злоупотребленіямъ.

12) Замѣчанія о дорожныхъ работахъ отъ Редутъ-Кале до Тифлиса.

Дороги въ самомъ худомъ состояніи. До Кутаиса нѣтъ почти возможности ѣхать самому верхомъ, не говоря уже о вьюкахъ. Отъ Кутаиса до Тифлиса, такъ называемая Военно-Имеретинская дорога (созданная Ермоловымъ) во многихъ мѣстахъ исправлена довольно хорошо, что и не трудно потому, что всѣ нужные матеріалы находятся на ней. Главное неудобство дороги отъ Редутъ-Кале до Тифлиса состоитъ въ томъ, что нѣтъ ни мостовъ, ни паромовъ, ни даже лодокъ, почему переправы черезъ множество ручьевъ и рѣкъ во время разлитія сопряжены и съ опасностью и почти невозможны. Пропасти также не охранены перилами и подвергаютъ опасности.

13) Турецкая крѣпость Поти; состояніе и количество гарнизона.

Поти, гдѣ принимаются наши бѣглецы, недавно еще была въ довольно хорошемъ состояніи, когда она имѣла свободный торгъ съ Имеретіей, Мингреліей и Гуріей, но когда въ 1823 году, опа-

саясь чумы, и по случаю слишкомъ частыхъ у насъ похищеній жителей и побѣгу солдатъ, прекращенъ съ ней всякій торгъ; то базаръ уничтожился и Поти пришла въ бѣдность. Въ ней 50 орудій и столько же человѣкъ гарнизону. Бекъ потійскій, имѣя прежде большой доходъ отъ торгу, получилъ изъ Константинополя повелѣніе содержать крѣпость и гарнизонъ на своемъ иждивеніи, съ объявленіемъ, что въ противномъ случаѣ лишится онъ головы; нынѣ содержаніе сіе ему весьма затруднительно. Въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ, по случаю большой смертности, тамъ остается иногда только 25 человѣкъ. Бекъ потійскій относится всегда въ Трапезонтъ. Съ русскими нынѣ не имѣетъ онъ никакого сношенія, потому что суда, идущія изъ Константинополя или Трапезонта въ Редутъ-Кале, боятся теперь заѣзжать въ Поти, гдѣ бекъ или вовсе ихъ ограбитъ, или наложитъ на нихъ неимовѣрныя пошлины. Крѣпость сія можетъ имѣть сношеніе прямо съ Константинополемъ на турецкихъ судахъ. Она можетъ взята быть внезапнымъ нападеніемъ весьма легко и съ малою потерею, 200 человѣками, если сіе сдѣлается внезапнымъ нападеніемъ и туркамъ не дадутъ времени привести ее въ оборонительное состояніе.

14) Имѣютъ ли турки сообщеніе съ русскими подданными?

Имѣютъ весьма свободное, какъ выше означено, посредствомъ торговли черезъ Редутъ-Кале.

15) Часто ли Поти сообщается съ Константинополемъ и на какихъ судахъ?

Поти, какъ выше сказано, можетъ имѣть легко сношенія съ Константинополемъ; но, не бывъ значительна, она намъ не должна внушать тѣхъ безпокойствъ, какъ Анапа и Суджукъ-Кале, съ которыми турки имѣютъ непрерывное, правильное сообщеніе. По всему берегу Абхазіи отъ дистанціи до дистанціи находятся у нихъ суда въ родѣ брандвахтъ, и посредствомъ ихъ доставляются горцамъ орудія, порохъ и проч. Крейсированіе же по берегамъ симъ Черноморскаго флота такъ, какъ оно дѣлается, почти безполезно; потому что какъ приказано только допрашивать и не дѣлать призъ, и не смѣютъ стрѣлять на союзный оттоманскій флагъ; то турки, при видѣ нашихъ крейсеровъ часто сходятъ на берегъ и удаляются въ горы, пока русскій корабль не удалится, который не смѣетъ брать оставленнаго ими судна.

Вообще сдѣланы мною еще слѣдующія замѣчанія.

а) Многія происшествія, случающіяся въ странахъ тѣхъ, не доводятся въ настоящемъ видѣ до генерала Ермолова, который не имѣетъ, какъ кажется, настоящихъ понятій о Мингреліи и Имеретіи.

Онъ же, довѣряя слишкомъ любимцамъ и родственникамъ своимъ, рѣшаетъ все, не стараясь узнавать настоящей истины. Вообще сколько онъ строгъ и безчеловѣченъ до горцевъ и прочихъ народовъ, столько слабъ и снисходителенъ до окружающихъ и подчиненныхъ, употребляющихъ во зло сію его слабость.

b) Мингрелія могла бы сдѣлаться страною для здоровья невредною, если бы вырубались въ ней лѣса и тѣмъ высушивались болота. Когда кн. Горчаковъ, предполагая прорыть каналъ изъ Ріона къ морю, приказалъ вырубить лѣсъ около Ріонскаго поста, то смертность послѣ того значительно уменьшилась. Конечно для пользы страны сей должно учредить въ ней колоніи (или военныя поселенія); но не должно поручать оныхъ иностранцу Гамбѣ, какъ сіе теперь сдѣлано. Онъ же, получивъ отъ казны около Кутаиса для населенія колоній нѣсколько тысячъ десятинъ отборной земли, по 25 коп. сереб. за десятину, уѣхалъ во Францію, разбогатѣвъ и не думая о колоніяхъ. Между тѣмъ вырубилъ весь лѣсъ, получилъ черезъ то неимовѣрный доходъ, жители же, нуждаясь въ лѣсѣ, должны у него покупать оный весьма дорого и тѣмъ раззоряются.

c) Какъ для торговли, такъ и для усмиренія горцевъ нужно намъ имѣть Анапу, Суджукъ-Кале и Поти. Горы и лѣса Абхазіи тогда доставляли бы намъ въ большомъ количествѣ свинецъ и лѣсъ, годный даже для кораблестроенія. Владѣя всѣмъ восточнымъ берегомъ Чернаго моря отъ Анапы до Батума, имѣли бы мы на счетъ торговли съ Персіею все то вліяніе, которое имѣетъ теперь на нее Англія, ибо сія послѣдняя не имѣла бы другого съ нею сообщенія, какъ черезъ Индію, что при частыхъ возмущеніяхъ бирмановъ было бы сопряжено съ затрудненіями. Тогда бы могущественная Россія, единственная владычица Чернаго и Каспійскаго морей, внушала бы Англіи не пустое уже безпокойство на счетъ Индіи и могла бы уничтожить владычество Великобританіи надъ всею поверхностью земного шара.

Полковникъ Бартоломей.

№ 27.
9-го апрѣля 1828 г.
г. Тифлисъ.

Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. [1]

Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину.

5.

Середа (ноябрь 1822 г.) [2].

Петровъ [3]) цѣлъ, и весь у меня: Белизера [4]) получите вы отъ Жандра, Гольдони [5]) у моей сестры, Саша [6]) его возвратитъ. Но что *васъ* не видать, почтенный мой Николай Ивановичъ? Я живу такъ близко отъ города, что всякой день меня добрые люди навѣщаютъ; одного только любезнаго человѣка жду и не дождусь, ищу и не обрящу, прошу и не дается мнѣ. Вторникъ срокъ отъѣзда мнѣ еще неизвѣстный: отъѣздъ мой зависитъ отъ разныхъ побочныхъ причинъ, денегъ, экипажа, дороги и проч., но когда бы онъ ни былъ, неужели я не увижу васъ до него или увижу только однажды. Когда хотите, лошади мои къ вашимъ услугамъ. До свиданія прощайте.

Павелъ Катенинъ.

На оборотѣ: Николаю Ивановичу Бахтину.

---

1) См. „Русская Старина“ апрѣль 1910 г.

2) Письмо безъ даты; оно было написано, вѣроятно въ „Красномъ Кабачкѣ“, въ гостиницѣ, находившейся на Петергофской дорогѣ, гдѣ Катенинъ, высланный изъ Петербурга 7-го ноября 1822 г., проживалъ до своего отъѣзда въ Костромскую губ. (5-го декабря 1822 г.).

3) Рѣчь идетъ, вѣроятно, о сочиненіяхъ В. П. Петрова (1736—1799). М. 1811 въ 3-хъ ч.

4) „Bélisaire“, трагедія Жуи (Victor-Joseph *Etienne*, dit Jouy р. 1764 г. ум. 1846 г.) 1818 г., представл. только въ 1825 г.

5) Carlo Goldoni, знаменитый итальянскій драматическій писатель, р. 1707 г., ум. 1793 г.

6) Александръ Андреевичъ Катенинъ, р. 1803 г., ум. 1860 г., двоюродный братъ Павла Александровича, въ это время прапорщикъ Преображенскаго полка, впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, генералъ-губернаторъ оренбургскій и самарскій.

6.

28 января 1823 г. Шаево.

Ожидалъ я писемъ отъ васъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, и по сіе время не дождался, можетъ быть, вы тоже ожидали ихъ отъ меня, и осуждаете меня за лѣность: несправедливо. Во перьвыхъ, вы не должны думать что я здѣсь живу совершенно безъ дѣла и не знаю куда дѣваться съ досугомъ: есть хозяйственныя занятія, денежныя дѣла, и чѣмъ скучнѣе они тѣмъ болѣе утомляютъ; во вторыхъ, не одна праздность заставляетъ Насъ переписываться, а желаніе узнать о пріятелѣ, или о себѣ его увѣдомить, или о чемъ другомъ для него любопытномъ. Теперь я спрашиваю о чемъ писать изъ Кологрива? о пріѣздѣ ли въ здѣшній край незнакомаго съ вами умнаго Графа Толстаго, у котораго я провелъ пріятную недѣлю, но послѣ жестоко простудился? о лунномъ ли затмѣніи, котораго Петербургскіе жители вѣрно и не примѣтили, но которымъ я немогъ налюбоваться? или о надворномъ совѣтникѣ Матюшкинѣ, который отъ скуки убилъ своего старосту желѣзной плиткой изъ утюга? не думайте отговориться отъ меня тѣмъ что и у васъ побольшой части дѣлается все вздоръ: все столичное, если не мило, по крайней мѣрѣ любопытно для нещастнаго *Шаевскаго Ссыльника.* Корреспонденты же мои на бѣду никогда не были такъ неисправны: отъ Жандра получилъ я всего одно письмо, братъ Саша и не думаетъ за перо взяться; одни Каратыгины, имѣя здѣсь отца[1]) кое что сообщаютъ, и то весьма неподробно. При всемъ томъ видѣлъ я двѣ книжки Сына Отечества, 49-ю, гдѣ князь Вяземскій къ слову о Кавказскомъ плѣнникѣ отпускаетъ на мой счетъ свои остроты[2]), и 1-ю, гдѣ Г-нъ

---

[1]) Андрей Васильевичъ Каратыгинъ р. 1774 г., ум. 1831 г., отецъ знаменитаго трагика, сопровождалъ Катенина въ Костромскую губ.

[2]) Катенинъ принялъ на свой счетъ насмѣшки кн. П. А. Вяземскаго въ статьѣ о „Кавказскомъ Плѣнникѣ“ (С. О. 1822 ч. 82 № 49 стр. 115—126) надъ врагами романтической поэзіи, надъ „приверженцами старой Парнасской дикости“, надъ „раболѣпными и вялыми послѣдователями французской школы“. Первоначально Петръ Андреевичъ намѣревался нанести въ этой статьѣ болѣе рѣшительный и прямой ударъ Катенину за нападки на него въ „Письмѣ къ издателю „Сына Отечества“ (1822 ч. 76 № 13 стр. 249—261), но узнавъ о высылкѣ своего противника изъ Петербурга и не желая „бить лежачаго“, просилъ Тургенева выпустить изъ статьи все обидное для Катенина. Ост. Арх. II, 249, 280—283, 534—535.

Ж. К. пишетъ на Кавказъ[1]) *слегка* что ему мой Сидъ[2]) *не очень* понравился; слышалъ я также о премудрой критикѣ Г-на Розинга въ Благонамѣренномъ[3]), и о похвалахъ ея изъ устъ премудраго Тиграна[4]), читалъ сверьхъ того выписку изъ Полярной Звѣзды, гдѣ говорятъ обо мнѣ съ благонамѣреннымъ и благоразумнымъ воздержаніемъ отъ похвалъ и осужденій[5]); но въ это же горестное для меня время,

Quand tout, jusqu'à Pinchêne, et m'insulte et m'accable[6]), пишутъ ко мнѣ будто Г-нъ М. И.[7]) сбирается вознаградить меня за все долготерпѣніе: дай богъ ему доброе здоровье! почтенный онъ человѣкъ! впрочемъ ему самому достается, Гречь упорствуетъ, требуетъ, чтобъ М. И. объявилъ свое имя[8]), и тѣмъ уничтожилъ подозрѣніе въ личностяхъ: какое глупое требованіе! развѣ М. И. писалъ личности? развѣ безъ нихъ не льзя не любить Карамзина, имѣть мнѣніе не Гречево? будь онъ Михайло Ивановъ, или Матвѣй Ильинъ, развѣ это не все равно для сущности дѣла? я надѣюсь на М. И. онъ человѣкъ умный, и вѣрно не захочетъ тѣшить дураковъ, ни объявленіемъ своего имени по востребованію ихъ, ни молчаніемъ, которое они перетолкуютъ въ свою пользу. Его обязанность теперь стоять за себя и за правое дѣло, говорить истинну не заикаясь, смѣло хвалить хорошее и обличать дурное, не только въ

---

¹) С. О. 1823 ч. 83 № 1 стр. 3—18.

²) „Сидъ", трагедія въ 5 дѣйств соч. П. Корнеля, перев. съ франц. въ стихахъ П. Катенинъ, предст. въ 1-й разъ на Спб. Большомъ театрѣ въ бенефисъ В. А. Каратыгина 4 дек. 1822 г.

³) Въ „Благонамѣренномъ" 1823 г. были напечатаны двѣ рецензіи на Катенинскій переводъ „Сида": ч. 22-ая № 1, стр. 49—55 за подписью—Ъ—Ъ и съ подписью И. Ис—въ ч. 22, № 11, стр. 313—328 и ч. 23 № 15, стр. 186—209. Катенинъ приписывалъ первую изъ этихъ статей Розингу.

⁴) Графъ Милорадовичъ.

⁵) „Полярная Звѣзда" на 1823 г. ст. А. Бестужева „Взглядъ на Старую и Новую Словесность" стр. 35.

⁶) „Когда все до Пиншена меня оскорбляетъ и удручаетъ". Приведенный стихъ взятъ у Буало изъ его Epître V (1674 г.). См. также Epîtres VIII и X. Martin Pinchêne, племянникъ и первый издатель сочиненій Voiture, (1598—1648). (A. Ulcini „De la Vie et des ouvrages de Voiture", ст. предпосл. Собр. Соч. Voiture изд. 1856 г.).

⁷) Бахтинъ написалъ въ то время статью о стихотвореніяхъ Катенина, начало которой появилось въ „Вѣстникѣ Европы" 1823 г. № 3—4 стр. 198—214. Эту статью авторъ намѣревался подписать Д. З. См. вводную статью.

⁸) Гречъ „упорствовалъ и требовалъ, чтобы М. И. объявилъ свое имя" въ „Замѣчаніяхъ на письмо къ редактору „Вѣстника Европы" (С. О. 1822 ч. 80 № 37 стр., 160—177). Письмо М. И. т. е. Бахтина напеч. въ „Вѣстникѣ Европы" 1822. (№ 13 и 14, стр. 23—39).

*

книгахъ, но и въ поступкахъ, повторять сказанное имъ, повторять непремѣнно, чтобы плуты не могли притвориться будто не слыхали, заставить ихъ сбросить личину, выйти на поединокъ, и какъ выйдутъ забить ихъ до полусмерти: сходны ли ваши мысли съ моими, любезнѣйшій Николай Ивановичъ? я бы весьма желалъ чтобы мы въ этомъ случаѣ сошлись. По пріѣздѣ моемъ писалъ я къ Каченовскому [1]) и послалъ ему 25 рублей для полученія его журнала; и по сіе время не имѣю отъ него ни строчки въ отвѣтъ, ниже одной книжки вѣстника Европы. Отвѣтъ К. Шаликову [2]) напечатанъ, какъ говорятъ; но я не имѣлъ случая его видѣть, а въ мірѣ поэта не могла цензура не испортить одного стиха въ концѣ, поставила безъ граматики: *До будущаго пробужденье* [3]). Увы! правда, кто ныньче хлопочетъ о смыслѣ и граматикѣ? прочтите К. Вяземскаго [4]); онъ восхваляетъ характеръ Черкешенки за *неопредѣлительность*! я чаю, это въ первый разъ считается за достоинство въ характеристикѣ. Самъ же Плѣнникъ, по его мнѣнію, могъ быть оживленнѣе. Не льзя быть *удивленнѣе* моего, когда мнѣ подобныя сочиненія попадаются, и когда я слышу что всѣ ими не нахвалятся. О времена! о умы! Вяземскій, вѣроятно, чтобъ кольнуть меня заводитъ не къ стати рѣчь о трагедіяхъ, и Корнеля и Расина называетъ правильными, но блѣдными [5]). И это печатаютъ! я бы нарумянилъ его; но мнѣ теперь ничего полемическаго писать не льзя; когда Тиграны не перестаютъ меня ненавидѣть, когда уже выдумываютъ про меня разныя небылицы, когда шмели литературные рады случаю безопасно изливать на меня свой калъ, который имъ вкуснѣе меду, благоразуміе велитъ мнѣ молчать; а право языкъ чешется. Часто ли вы бываете въ театрѣ? Какія тамъ глупости даются? сдѣлайте

---

[1]) Мих. Троф. Каченовскій, историкъ, журналистъ и проф. Московскаго унив., редакторъ „Вѣстника Европы" р. въ 1775 г., ум. въ 1842 г.

[2]) Кн. Петръ Ивановичъ Шаликовъ, одинъ изъ наиболѣе крайнихъ подражателей Карамзина, р. въ1768 г. ум. въ1852 г. М. И. (т. е. Бахтинъ) задѣлъ кн. Шаликова въ статьѣ объ „Опытѣ краткой исторіи русской литературы" Греча. См. вводную статью. Возраженія кн. Шаликова появилась въ „Сынѣ Отечества" 1822 г. (ч. 81 № 46, стр. 275—278). „Отвѣтъ" М. И. въ „Вѣстникѣ Европы" 1822 г. (№ 24, стр. 295—300).

[3]) „Міръ поэта", стихотвореніе Катенина (Вѣст. Европ. 1822, №№ 20 и 21, стр. 3—12; 89—103). Во второй книжкѣ „Сочиненій и Переводовъ" Катенина (1832, стр. 68) приведенный въ письмѣ стихъ замѣненъ слѣдующимъ:

„Для нихъ нѣтъ пробужденья".

[4]) Ст. „О Кавказскомъ Плѣнникѣ" стр. 123.

[5]) Тамъ же, стр. 118—119.

милость, пишите и по подробнѣе. что Хвостовъ?[1]) Крыловъ? Гнѣдичь? Шаховской? etc. А. В. Каратыгинъ просилъ вамъ поклониться; онъ теперь въ гостяхъ въ Кологривѣ. Не забудьте моей прозьбы о книгахъ, сколько нужно денегъ я какъ разъ пришлю.

Прощайте, почтеннѣйшій, до свиданія въ Шаевѣ сего 1823 года.

Весь вашъ въ ожиданіи Павелъ Катенинъ.

7.

26-го Февраля 1823 г. Шаево.

Вѣстникъ Европы я получаю и слѣдственно надѣюсь, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, прочесть что Вами обо мнѣ написано[2]), буде только позволено въ Единодержавіи нашей словесности говорить обо мнѣ безъ брани и клеветы. Брань и клевета, напечатанныя въ Благонамѣренномъ, мнѣ извѣстны; надъ ними трудился нѣкто Розингъ, и я писалъ на этотъ счетъ къ Андрею Андреевичу. Признаюсь Вамъ, мнѣ жаль что дуракамъ дали отъ части поводъ быть дерзкими тѣмъ что не вызвали меня въ Сидѣ; мнѣ кажется несомнѣннымъ, что рѣшительно благосклонный пріемъ Каратыгина въ Эдипѣ послѣ крѣпости[3]) есть главная причина выгодной для него перемѣны со стороны Майкова[4]) и Семеновой[5]); то же бы могло быть и со мною, еслибъ поступили чистосердечнѣе и смѣлѣе. Враги же мои, какъ вы изъ многихъ опытовъ видѣли, нисколько не воздержались отъ непріятельскихъ дѣйствій, зная меня безоружнымъ; напротивъ, всѣ на перерывъ, кто прямо, кто обинякомъ, кто промолчаніемъ, продолжаютъ подвизаться, новые союзники присоединились къ нимъ, и я какъ филинъ въ темномъ дуплѣ своемъ, слышу безпрестанно говоръ нахальныхъ воронъ и сорокъ. Замѣтили ли Вы,

---

[1]) Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ р. въ 1757, ум. въ 1835 г.

[2]) Статья Бахтина „О Стихотвореніяхъ Катенина".

[3]) В. А. Каратыгинъ въ мартѣ 1822 г. былъ подвергнутъ аресту въ крѣпости, по распоряженію графа Милорадовича, за непочтительное яко-бы отношеніе его къ директору Майкову. „Этотъ урокъ", говорилъ гр. Милорадовичъ матери знаменитаго артиста, „былъ нуженъ молодому либералу, который набрался вольнаго духу отъ своего учителя Катенина". См. „Записки П. А. Каратыгина" Спб. 1880 стр. 82—89.

[4]) Аполлонъ Александровичъ Майковъ р. въ 1761, ум. въ 1838 г., директоръ Императорскихъ театровъ.

[5]) Екатерина Семеновна Семенова, знаменитая трагическая актриса, вышедшая въ 1828 г. замужъ за князя Ивана Алексѣевича Гагарина (1771—1832), р. въ 1786 г., ум. въ 1849 г.

какъ вопреки истиннѣ благовѣстители Орлеанской Дѣвы Жуковскаго увѣряютъ, что это будетъ нѣчто неслыханное по новому стихосложенію на театрѣ русскомъ, когда на немъ уже игранъ Пиръ Іоанна безземельнаго[1]), написанный имянно англо-нѣмецкимъ или романтическимъ размѣромъ; и что всего важнѣе, есть оригинальное произведеніе, безспорно единственное по сію пору въ томъ самомъ духѣ и родѣ, въ которомъ Геніи наши умѣютъ только переводить, и часто не понимая подлинника: хорошо, если вамъ пришло въ голову нѣчто объ этомъ въ вашей рецензіи. О Гризельдѣ[2]) Вы славно сдѣлали, не сказавъ ни слова; забвеніе, лучшій удѣлъ для такой дряни, писанной на заказъ изъ снисхожденія. Теперь я не дѣлаю ничего, голова моя пуста и желудокъ не варитъ; здоровіе мое примѣтно портится, грудь начинаетъ побаливать, и чѣмъ все кончится богъ вѣсть. А. В. Каратыгинъ долженъ быть уже въ Петербургѣ; я отпустилъ его ранѣе чѣмъ думалъ, видя его страшную тоску по отчизнѣ: она доводила его до нервныхъ припадковъ. Скуратовъ и К. Павелъ Голицынъ[3]) прогостили у меня двѣ недѣли и отправились во свояси: имъ было необходимо нужно ѣхать. Въ ожиданіи К. Николая Голицына, за болѣзнію оставшагося въ Москвѣ, я одинъ и тоскую. Подумайте, милый Николай Ивановичъ, о моемъ положеніи и давнишнихъ моихъ прозьбахъ, и дайте мнѣ знать, могу ли я надѣяться что Вы лѣтомъ меня посѣтите. Коляска будетъ готова хоть въ Маіѣ, если Вы прикажете. Не обращайте въ шутку моихъ челобитій; право мнѣ не до шутокъ. Благодаря васъ

---

[1]) „Пиръ Іоанна Безземельнаго"—прологъ, сочиненный Катенинымъ къ романтической комедіи кн. А. А. Шаховского: „Ивангой или Возвращеніе Ричарда Львиное сердце", предст. въ 1-й разъ на Спб. театрѣ 21-го янв. 1821 г. въ бенефисъ г-жи Валберховой. Въ предисловіи, написанномъ Бахтинымъ, въ I т. соч. Катенина объ этомъ прологѣ было, между прочимъ, сказано слѣдующее: „Въ Пирѣ Іоанна Безземельнаго" русская публика въ первый разъ услышала на театрѣ пятистопные стихи, вошедшіе съ нѣкотораго времени у насъ въ большую моду. Стихи въ семъ прологѣ то съ риѳмами, то безъ риѳмъ, смотря по большей или меньшей возвышенности разговора, но всегда съ цезурою послѣ двухъ первыхъ стопъ, что, къ сожалѣнію, не строго наблюдается тѣми, которые впослѣдствіи писали пятистопными стихами для театра". Сюжетъ пролога заимствованъ у Вальтеръ-Скотта, у котораго взята и фабула пьесы кн. Шаховскаго.

[2])„Гризельда" опера въ 2-хъ д. съ хорами, перевелъ съ итальянск. Катенинъ, предст. 22-го окт. 1817 г.

[3]) Кн. Павелъ Борисовичъ Голицынъ род. 1795 г. ум. 1879, служилъ въ Преображенскомъ полку съ 1814 по 1822, когда былъ уволенъ въ отставку въ чинѣ штабсъ-капитана. Впослѣдствіи камеръ-юнкеръ. Катенинъ посвятилъ ему свою сказку „Княжна Милуша" 1833 г.

за пріятныя извѣстія объ успѣшной игрѣ Каратыгина въ Сидѣ, сожалѣю что Вы не подробнѣе разказали что особенно вамъ полюбилось; хлопанье же Гнѣдича и Лобанова[1]) не такъ невинно какъ вы думаете: я подозрѣваю, что его[2]) хотятъ перетянуть въ ученики декламаціи у *этоего Тальмы*[3]); но я надѣюсь что онъ слишкомъ благороденъ и уменъ чтобы на *этія вещи* согласиться. О Вяземскомъ что говорить? для куріозу досталъ я отъ Гр. Өедора Толстаго стихи его (князя) на первый снѣгъ[4]), и покажу вамъ при свиданіи: Хвостовъ въ сравненіи est un soleil[5]). Все что мнѣ ни попадается въ руки изъ сочиненій сего остроумнѣйшаго шурина утверждаетъ меня въ мысли что онъ не только что сбитъ съ пути, не только что избалованъ и привыкъ врать, не только что невѣжа и безграмотный, но что онъ, въ строгомъ смыслѣ слова: *Дуракъ.*

Трагедіи Шенье[6]) достаточно доказываютъ что онъ не имѣлъ здраваго понятія о драматическомъ искуствѣ: онъ тоже что Дюсисъ, Лагарпъ[7]), Дюбелуа[8]), Жуи и многое множество. Жофруа[9]) хорошо знаетъ французскій театръ и порядочно древній; но часто вретъ нарочно. Ему хочется насильно быть христіаниномъ, католикомъ, роялистомъ: какъ это все согласить съ эстетикой и театромъ? надо биться какъ рыба объ ледъ. Читали ли Вы Шлегеля?[10]) тотъ еще въ сотеро больше софистъ; совсѣмъ тѣмъ они оба полезны, ибо въ обѣихъ много ума и познаній; одни Лагарпы никуда не годятся. Были ли Вы въ Академіи Россійской? если нѣтъ, почему? если да, разкажите много ли хорошаго тамъ было читано, и каковъ пере-

---

[1]) Михаилъ Евстафьевичъ Лобановъ род. 1787, ум. 1846; перевелъ трагедіи Расина: „Ифигенію въ Авлидѣ“ (предст. 6-го мая 1815 г.) и „Федру“ (предст. 9 ноябр. 1823 г.).

[2]) Т. е. В. А. Каратыгина.

[3]) Н. И. Гнѣдичъ проходилъ съ Е. С. Семеновой ея роли.

[4]) Элегія кн. П. А. Вяземскаго „Первый Снѣгъ“ была напеч. въ „Новостяхъ Русской Литературы“ 1822 г. кн. II № 24. стр. 173—176.

[5]) „Солнце“.

[6]) Marie Joseph. Chénier, братъ извѣстн. Андрея Шенье, драматич. писатель, род. 1764, ум. 1811.

[7]) Jean-François de La Harpe род. 1739, ум. 1803 г.

[8]) Pierre-Laurent Boirette de Belloy, драмат. писат., род. 1727, ум. 1775 г. прославился трагедіей „Siège de Calais“ (1765).

[9]) Geoffroy род. 1743, ум. 1814 г., извѣстн. франц. крит., сторонникъ классицизма.

[10]) August Schlegel, знамен. нѣм. критикъ, противникъ фрац. классицизма, род. 1767, ум. 1845 г.

водъ Жуковскаго второй пѣсни Енеиды[1]): въ ней вѣдь и Лаокоонъ. Онъ и Батюшковъ нынче даже на сценѣ читаются[2]): ей, ей, и смѣшно и досадно, а паче всего до смерти стыдно. Прощайте, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, будьте здоровы, помните насъ и по чаще пишите; мнѣ осталось одно удовольствіе: бесѣдовать издали, а въ близи не съ кѣмъ. До свиданія. Я весь Вашъ.

Павелъ Катенинъ.

8.

9-го марта 1823 г. Шаево.

Вчера получилъ я, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, письмо Ваше, не знаю отъ котораго числа, ибо Вы имѣете дурную привычку его никогда не выставлять. Въ тоже время, весьма къ стати принесли мнѣ толстую книжку Вѣстника Европы, заключающую въ себѣ два № 3-й и 4-й. Въ ней напечатано начало разбора моихъ стиховъ. Увѣряю Васъ, что все читанное мною по сіе время мнѣ очень понравилось; однако ни изъ этаго, ни изъ изложенія Вашего всей критики не могу еще вывести мнѣнія, котораго Вы отъ меня требуете, а дождусь конца и подробно Васъ увѣдомлю. Какъ много ошибаетесь Вы, полагая что ко мнѣ многіе пишутъ: напротивъ. Литературныя новости зналъ я изъ журналовъ, пересылаемыхъ ко мнѣ Каратыгиными; они же и писали хоть немного да часто, а теперь и отъ нихъ не знаю что будетъ, когда отецъ къ нимъ возвратился. Жандръ прислалъ всего одно письмо, и на мои не отвѣчаетъ. Спросите, ради бога, у него: отданы ли хоть проценты въ банкъ, и получилъ ли каретникъ свои деньги? попѣняйте также Бологовскому[3]), онъ на письмо мое ни слова, а я еще просилъ его о коляскѣ и не знаю какъ быть. Въ семъ общемъ забвеніи я тѣмъ болѣе обязанъ благодарить Васъ, милый

---

[1]) Отрывокъ изъ II пѣсни Энеиды, пер. Жуковскаго въ „Полярной Звѣздѣ" на 1823.

[2]) 3-го янв. 1823 г., въ бенефисъ Сосницкаго, была дана шарада въ дѣйствіи: Балъ-лада (сочин. Глинки), въ концѣ которой Е. С. Семенова декламировала балладу Жуковскаго „Разъ въ Крещенскій вечерокъ" (П. Араповъ „Лѣтопись русскаго театра" стр. 335). Стихи изъ Тассовой поэмы въ перев. К. Н. Батюшкова были прочтены В. А. Каратыгинымъ и Брянскимъ, изображавшими гондольеровъ въ дивертисментѣ: „Венеціанская регатта или Бѣгъ на гондолахъ", пред. въ бенефисъ Брянскаго 29-го янв. 1823 года (П. Араповъ, стр. 336—337).

[3]) Яковъ Дмитріевичъ Бологовскій род. въ 1798 г., ум. 1851, служилъ въ Преображенскомъ полку, въ 1828 уволенъ въ отставку, въ чинѣ полковника. Съ конца 1837 г. по конецъ 1842 г. состоялъ тверскимъ губернаторомъ.

другъ; Вы помните меня и другимъ обо мнѣ напоминаете. Знаете ли что̀, буде Вы хотите оставаться неизвѣстнымъ съ вашими буквами? вѣдь новая подпись Д. З. [1]) точь въ точь приходится къ Зыкову [2]) и я намѣренъ, когда она появится преусердно изъявить ему мою признательность: пусть отговаривается и краснѣетъ что онъ такъ мало заслуживаетъ мою похвалу. Только зачѣмъ Вы опять изъ М. И. попали въ Д. З? отъ какой общей подписи навсегда я васъ отговорилъ? Чѣмъ М. И. хуже всего другаго кромѣ Николая Бахтина? Не знаю, Бестужевъ ли дурно выписалъ, или Вы, или наборщикъ виноватъ, только одинъ стихъ въ Лѣшемъ [3]) не такъ напечатанъ [4]). Въ журналѣ поставлено: Филины въ *кущѣ* воютъ съ совами; а у меня въ подлинникѣ: Филины въ *гущѣ* и пр., тоесть въ густотѣ лѣса, что и дѣлаетъ родъ противуположности съ *дорогою*, гдѣ крадется воръ. *Гуща* весьма русское и употребительное слово; *куща* же тутъ ничего не значитъ. Вы говорите, почтеннѣйшій, что я васъ не въ шутку пристрастилъ: давай Богъ! Я твердо стою въ томъ что дѣльныя разсужденія въ нынѣшней словесности необходимы, что они (воля ваша не онѣ) полезнѣе хорошихъ стиховъ. Что̀ стихи, когда ихъ большая часть не знаетъ, а меньшая для своихъ видовъ старается унизить и заглушить? дурной вкусъ торжествуетъ, и одно спасеніе отъ него въ толковыхъ критикахъ. Дерзайте, батюшка.

Macte animo, generose puer: sic itur ad astra [5]).

Сія латынь можетъ Вамъ служить доказательствомъ, что лексиконы получены; деньги за оныя при семъ посылаются. Сынъ Отечества уже увѣдомилъ меня о переводѣ Жуковскимъ второй пѣсни Енеиды: я опоздалъ. Хотѣлъ бы очень прочесть ее, да не знаю гдѣ достать, и не многаго жду. Къ слову объ экзаметрахъ, упомянули ли Вы о моихъ въ Мстиславѣ [6])? Съ Мореходцами Хвостова [7]) сѣлъ я на мель. Мстиславъ Мстиславовичъ

---

[1]) Подпись Д. З. не появилась, ибо обѣщанное въ 3-мъ—4-мъ № „Вѣстника Европы“ 1823 г. окончаніе статьи не было напечатано.

[2]) Дмитрій Петровичъ Зыковъ, офицеръ Преображенскаго полка, авторъ „Письма къ сочинителю критики на поэму „Русланъ и Людмила“ (Сынъ Отечества 1820 г. ч. 64, № 38 стр. 227—229 подп. N N). Ост. Арх. II, 74 и 423.

[3]) „Лѣшій“ стих. Катенина напеч. въ Сынѣ Отеч. 1815 г. № 23.

[4]) А. Бестужевъ (С. О. 1822 ч. 77 № 20, стр. 253—269) правильно выписалъ „гуща“.

[5]) „О, прекрасный духомъ, великодушный юноша, такъ восходятъ къ звѣздамъ“ (оконч. 641-го стиха 9-ой пѣсни Энеиды).

Стихотвореніе Катенина напеч. въ С. О. 1820 г. № 1.

[7]) „Русскіе Мореходцы на Ледовитомъ морѣ“ графа Д. И. Хвостова. 1821 г.

три раза вставалъ, трижды изтекъ кровью и кончилъ тѣмъ что упалъ; такъ точно и я: три раза принимался читать, трижды вспотѣлъ надъ книгой, и наконецъ отсталъ. Не смотря на это, прошу Васъ поблагодарить почтеннаго дядюшку за его воспоминаніе и подарокъ. Нѣтъ, сударь, я не говорилъ и не скажу, чтобы мнѣніемъ невѣждъ должно было пренебрегать, въ такомъ случаѣ когда ихъ можно перетянуть на свою сторону; они очень важны по числу, они люди всякаго уваженія достойные. Надобно пренебрегать враждою злыхъ невѣждъ, безсовѣстныхъ, вредныхъ, съ этими надо сражаться до послѣдней капли чернилъ; но людей добрыхъ, заблудшихъ овецъ добрый пастырь въ горахъ ищетъ и приноситъ къ стаду. Вы весьма умно поступили, что не выпустили Анохиныхъ изъ вида. Любопытенъ я знать, въ послѣдствіи рецензіи Вашей молвили ли Вы объ услугѣ моей театру обученіемъ Каратыгина; это бы весьма хорошо.

Представте, что бездѣльникъ Розингъ напечаталъ въ Благонамѣренномъ [1]), что Каратыгинъ, не имѣя хорошаго наставника, ежедневно портился до роли Пирра, которая была nec plus ultra дурною, но потомъ (сирѣчь съ моего отъѣзда) отмѣнно поправился, что онъ подражаетъ Семеновой и долженъ непремѣнно у нее (сирѣчь у Гнѣдича) брать уроки. Я писалъ въ Петербургъ объ этомъ безстыдствѣ, и прошу Васъ настоятельно разтолковать Каратыгину, что мнѣ это крайне обидно, что я горжусь его дарованіями, и что ему почти неблагородно въ этомъ случаѣ молчать. Я не молчалъ, когда Соцъ и Я. Толстой [2]) при дебютахъ на него нападали [3]), я почти за него сосланъ; должно ли стоитъ ему объявить, что онъ обязанъ своимъ театральнымъ образованіемъ человѣку имъ уважаемому, что онъ старается играть по тѣмъ же правиламъ, которыя уже прежде удостоились одобренія публики, и что онъ отдавая всю справедливость Семеновой, съ роду не бралъ у нее уроковъ? Повѣрьте мнѣ, Николай Ивановичъ, одна робость хорошихъ людей ободряетъ дурныхъ; коль скоро имъ ротъ зажмутъ, они перестанутъ кричать. Большаго затрудненія я не вижу отвѣчать Гречу на счетъ вліянія

---

[1]) „Благонамѣренный“ 1823 г. ч. 21-ая № 23 стр. 229—232: „Нѣсколько словъ о театрѣ“, статья подп. буквою Р.

[2]) Яковъ Николаевичъ Толстой род. 1791 г., ум. 1867 г., писалъ въ С. О., сотрудничалъ въ Revue Encyclopédique. О немъ см. очеркъ Б. Л. Модзалевскаго. Спб. 1899 г.

[3]) По поводу дебютовъ В. А. Каратыгина 1820 г. на стр. „С. О.“ возникла горячая полемика между А. А. Жандромъ и Катенинымъ съ одной стороны и В. Соцемъ и Я. Н. Толстымъ съ другой (ч. 62 № 23, стр. 174—181, № 24, стр. 225—228, № 26, стр. 320—323; ч. 63 № 27, стр. 32—37, № 28, стр. 80—85).

Карамзина на новый слогъ [1]). Этотъ слогъ не только въ прозѣ очистился, но равномѣрно и въ стихахъ, это дѣйствіе времени необходимое; собственный же слогъ Карамзина путешественника и прочихъ ему подобныхъ изчезъ, надъ нимъ смѣются, самъ Карамзинъ его перемѣнилъ; не другіе къ нему принаровились, а напротивъ онъ сообразился съ общимъ вкусомъ: это ясно и неоспоримо. Рекомендую вамъ въ Вѣстникѣ Европы рѣчь Архимандрита Тобольскаго [2]), сравните ее съ рѣчью дворника Petit-Jean и подъячаго l'Intimé въ Расиновыхъ Сутягахъ [3]). Гречь вездѣ хвалитъ Раича [4]), но сей Раичь злодѣй. Читали ли Вы его переводы изъ Тасса размѣромъ Двѣнадцати спящихъ Дѣвъ [5])? риѳмы точно какъ у Зотова [6]): *благовонный* и *испещренной*! Какой вкусъ! все *отгрянуло*, *нахлынуло. Нещастнаго заря не скрылась съ небосклона, совѣтъ врага развилъ пожаръ желаній*, и все такъ. Не забудьте любезность цензуры: къ слову: *законъ пророка*, она не забыла замѣтить подъ звѣздочкой: *разумѣется лже-пророка Магомета*: ась? Каково? Не пріѣдите ли Вы лѣтомъ ко мнѣ? я все объ одномъ твержу: ахъ! какъ бы весело было! между тѣмъ, пишите по чаще и побольше, и другихъ понукайте. Спасибо, превеликое спасибо за всю вашу дружбу; въ другой разъ больше поговоримъ, сегодня ужъ бумаги не достало. Прощайте до свиданія. Вась вашъ

Павелъ Катенинъ.

P. S. Каченовскій вретъ: у Бюргера Ленора, сокращеніе Ле-

---

[1]) С. О. 1822 г. ч. 80, № 37, стр. 160—177 (замѣчанія Греча на письмо М. И. къ редактору Вѣстника Европы) и Вѣст. Европы 1822 г. № 19 стр. 183—203 (возраженія М. И. на замѣчанія Греча).

[2]) Рѣчь при открытіи губернскаго управленія Тобольской губ., произнесенная (1-го янв. 1823 г.) ректоромъ Тобольской семинаріи, архимандритомъ Евгеніемъ (Вѣст. Евр. 1823 г. № 3—4, стр. 317—321).

[3]) „Les Plaideurs“ комедія въ 3-хъ дѣйств. Расина 1668 г.

[4]) Семенъ Егоровичъ Раичъ род. 1792 г., ум. 1855 г. Его переводъ поэмы Тасса „Освобожденный Іерусалимъ“ вышелъ полностью въ 1828 г., но отрывки изъ этого перевода появлялись раньше въ журналахъ. Катенинъ въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду отрывокъ изъ 2-й пѣсни поэмы, напечатанный въ „Сынѣ Отечествѣ“ 1823 г. ч. 83 № 5, стр. 226—235. (Посольство Египетскаго Царя къ Готфреду“).

[5]) Стихотворенія В. А. Жуковскаго.

[6]) Рафаилъ Михайловичъ Зотовъ род. въ 1796 г., ум. 1871 г. романистъ, драматургъ, перевелъ болѣе 100 пьесъ, преимущественно съ нѣмецкаго, завѣдывалъ одно время нѣмецкимъ театромъ въ Петербургѣ, былъ и начальникомъ репертуара и русскаго театра.

оноры, или даже Елеоноры [1]). По исторіи Мстиславъ не раненъ; я его самовольно изкрасилъ; я же Даніила послалъ къ нему на помощь. О другихъ князьяхъ я и не упомянулъ. Мнѣ хотѣлось написать большую картину во вкусѣ Доминикина [2]) русскими красками, мастерскимъ размѣромъ, и только. Исторія тутъ дѣло совсѣмъ постороннее. Жаль мнѣ что Вы что-то пишите о Шекспирѣ [3]), чтобъ гусей не раздразнить. Повторять сказанное, особливо для притворно-глухихъ, необходимо.

Les plus opiniatres gagnent les batailles [4]).

Еще разъ, спасибо Вамъ что Вы при случаѣ Аріадны [5]) не забыли Колосовой [6]); съ Каратыгинымъ поговорите отъ себя, а не отъ меня; я не хочу, писавъ уже къ нему объ этомъ, чтобъ онъ какъ нибудь оскорбился повтореніемъ. Пишу разсужденіе о Шлегелѣ и романтикахъ по французки; какъ бы вамъ показать? Перечитывая ваше письмо, вижу что мы одно и тоже думаемъ, на счетъ прозы. Не забудьте только стихами подтвердить доводъ что время одно все сдѣлало. Не льзя ни самому Гречу въ стихахъ пологать Карамзина образцовымъ писателемъ. Хорошъ ли разказъ въ Федрѣ Лобанова?

Сообщилъ А. Чебышевъ,

---

[1]) Примѣчаніе редактора „Вѣстн. Европы“ въ концѣ статьи Бахтина о Стихотвореніяхъ Катенина, напечатанной въ Вѣст. Евр. 1823 г. Баллада Бюргера „Ленора“ появилась въ свѣтъ въ 1773 г. Катенинъ, какъ извѣстно, подражалъ этой балладѣ въ своей „Ольгѣ“.

[2]) Dominichino, изв. итальянск. художникъ, род. 1581 г., ум. 1641 г.

[3]) Въ статьѣ „О Стихотвореніяхъ Катенина“, въ той ея части, которая осталась въ рукописи.

[4]) „Наиболѣе настойчивые выигрываютъ битвы“.

[5]) Аріадна, траг. въ 5-й д. соч. Ѳ. Корнеля, перев. Катенинымъ и представл. въ 1-й разъ въ Спб. 3 февр. 1811 г.

[6]) Александра Михайловна Колосова, вышедшая замужъ за В. А. Каратыгина, извѣстн. драматическая артистка, род. въ 1802 г., ум. въ 1880 г.

М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны[1].

Черезъ нѣсколько дней послѣ представленія М. И. Драгомирова королю, прибылъ въ Берлинъ состоявшій при его величествѣ генералъ-маіоръ графъ Голенищевъ-Кутузовъ; его впослѣдствіи М. И. всегда вспоминалъ съ большимъ удовольствіемъ, какъ человѣка высокообразованнаго и въ высшей степени интереснаго собесѣдника. Сразу установившіяся между ними добрыя отношенія, обратившись въ дружескія, не прерывались до конца жизни этого достойнаго человѣка, умершаго въ 1873 году. Онъ до тонкости зналъ прусскую армію, всѣ ея порядки, обычаи и нравы; не даромъ ему посчастливилось имѣть въ ней, какъ и въ Берлинѣ вообще, обширныя знакомства.

М. И. обрадовался, когда узналъ, что онъ нашелъ возможнымъ и начальнику главнаго штаба генералу Мольтке и министру президенту князю (тогда графу) Бисмарку представиться вмѣстѣ съ нимъ.

Съ неподдѣльною искренностью Кутузовъ разсказывалъ, что, уѣзжая на два съ половиной мѣсяца изъ Берлина, онъ не могъ себѣ представить такой близости войны; ничто не предвѣщало разрыва отношеній и, если были шероховатости въ сношеніяхъ прусскаго кабинета съ австрійскимъ, то лишь такія, которыя наиболѣе близко стоявшимъ къ дѣлу людямъ казались совершенно обыкновенными, мимолетными, ничего незначившими и вообще такими, которыя не могли оставить слѣдовъ въ дальнѣйшей сосѣдской жизни двухъ такихъ крупныхъ державъ. „Довольно взглянуть теперь на короля, говорилъ онъ, чтобы придти къ убѣжденію, что два мѣсяца тому назадъ онъ ничего не подозрѣвалъ, что все теперь ему тяжело свалилось на голову, какъ снѣгъ, что онъ до сихъ поръ

[1]) См. „Русскую Старину“ апрѣль 1910 г.

не освоился съ происшедшимъ и не можетъ, даже въ мысляхъ, справиться съ предстоящей бѣдой, съ нависшею надъ его государствомъ грозой. По всему видно, что дьявольскій планъ всецѣло созрѣлъ „въ крупной башкѣ Оттона“ и что, начавъ его единолично, онъ довелъ все дѣло до конца, никому не открывъ ничего изъ намѣченнаго, а королю, быть можетъ менѣе, чѣмъ кому-либо другому“...

Такъ просто говорилъ графъ Кутузовъ [1]) Михаилу Ивановичу объ этихъ сложныхъ дѣлахъ, поразившихъ не только его, но и всѣхъ вообще своею неожиданностью, запутанностью, а также ужасающимъ ехидствомъ.

„Прибывъ въ частный кабинетъ Бисмарка, мы ни одной минуты не ждали выхода его, вспоминалъ Мих. Ив.; никогда не забуду, сказалъ онъ, что разъ въ жизни пришлось войти для представленія къ большому человѣку въ ту самую минуту, когда онъ одновременно вошелъ для встрѣчи въ другую дверь своего кабинета; онъ, видимо, насъ поджидалъ и подкарауливалъ; въ этомъ видно было что-то болѣе образцовое, чѣмъ всякая вообще пунктуальная исполнительность, свойственная и присущая нѣмцамъ.

---

[1]) Собственно въ то время графъ Василій Павловичъ Голенищевъ-Кутузовъ состоялъ въ должности нашего военнаго агента при прусской главной квартирѣ; обстоятельства войны, а также особенно близкія дружественно-родственныя отношенія между нашимъ Государемъ и его дядей—прусскимъ королемъ, выдвинули этого достойнаго генерала на постъ представителя Императора Александра II-го при особѣ Вильгельма короля—впослѣдствіи Императора; графъ Голенищевъ-Кутузовъ пробылъ въ этой должности все время австро-прусской войны; франко-германская кампанія 1870 г. особенно сблизила его съ королевской фамиліей; въ 1873 г. онъ скончался на этомъ посту въ званіи генералъ-адъютанта и въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи; съ тѣхъ поръ эта должность, созданная при вліяніи его способностей, знаній и закрѣпленная его тактомъ и умѣньемъ, была до конца царствованія Императора Александра II замѣщаема выдающимися генералами изъ числа приближенныхъ къ Государю лицъ; Императоръ Александръ III, несмотря на ломку, которой нашелъ нужнымъ подвергнуть свои отношенія къ прусскому двору, не отмѣнилъ этого принятаго его родителемъ обычая; должность эта и теперь сохранена; въ нее преемственно назначаются особыя лица по Царскому выбору.— Въ царствованіе Императора Александра III нѣкоторое время при германскомъ Императорѣ состоялъ свиты Е. В. генералъ-маіоръ графъ Александръ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ,—сынъ Василія Павловича.— Нечего говорить о томъ, что и германскій Императоръ постоянно назначаетъ довѣренное лицо состоять при особѣ нашего Государя.—Эту должность въ теченіе многихъ лѣтъ занималъ пользовавшійся большою любовью при дворѣ Императора Александра II и Императора Александра III генералъ-адъютантъ германскаго Императора фонъ-Вердеръ.

„Вышедшій [1]) намъ навстрѣчу пятидесятилѣтній, высокій, коренастый мужчина съ громадной головой, дружески протянулъ руку Кутузову, сказалъ ему по-нѣмецки вполголоса, какъ бы мимоходомъ: поражены? и, не дождавшись сконфуженно пробормотанныхъ словъ отвѣта, повернулся ко мнѣ, привѣтствуя на французскомъ языкѣ“.

„Признаюсь, большое впечатлѣніе произвела на меня при первомъ знакомствѣ эта „во всѣхъ смыслахъ крупная башка“, говорилъ М. И. Нисколько не стараясь показаться любезнымъ, Бисмаркъ держалъ себя, какъ человѣкъ вполнѣ увѣренный во всемъ, что касалось предпринятыхъ имъ дѣлъ; онъ, видимо, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ только ожидалъ скорѣйшаго хода событій и конца всей заваренной имъ кутерьмы; нетерпѣніе его сказывалось во всемъ,—между прочимъ въ томъ, что говорилъ онъ много, очень спѣшно и на разныхъ языкахъ.

Съ Кутузовымъ онъ обращался, какъ съ человѣкомъ, къ которому совершенно привыкъ, а ведя бесѣду, старался обращаться одинаково къ обоимъ. Кинувъ при встрѣчѣ нѣмецкое слово, онъ долго говорилъ по-французски, затѣмъ нѣкоторое время велъ рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ.

— Будь что будетъ, произнесъ Бисмаркъ, между прочимъ, по-русски; мы не столько надѣемся на успѣхъ исхода начатой борьбы, сколько увѣрены въ немъ. Къ тому все шло, продолжая по-французски, заторопилъ онъ свою рѣчь; къ тому все шло и продолжаетъ идти; не даромъ вся, Богомъ отмѣченная и отличенная, нація вообще и ея армія въ особенности, такъ долго и упорно работали надъ собой; иной исходъ тутъ немыслимъ; преступно было бы кому-нибудь изъ насъ думать иначе. Предстоящая кампанія должна показать, что тамъ, гдѣ Богъ посылаетъ громадную силу равномѣрной служебной работѣ всѣхъ отъ мала до велика,—побѣда уже виднѣется; всему міру извѣстенъ образецъ службы нашихъ королей; искони они были первыми слугами отечеству и уважали законъ; за ними идетъ все въ Пруссіи, а въ этомъ залогъ всевозможныхъ удачъ и успѣховъ“.

Часто вспоминая эти слова, М. И. разбиралъ ихъ на разные лады и именно по поводу нихъ, въ своемъ отчетѣ о кампаніи 1866 года привелъ замѣчанія, вполнѣ согласныя съ выводами Бисмарка о томъ, что въ Пруссіи громадное уваженіе къ закону вошло глубоко въ сознаніе каждаго человѣка, къ какому сословію онъ ни принадлежалъ бы; какъ частное проявленіе уваженія къ закону, Мих. Ив. отмѣтилъ сознаніе воинскаго долга и вы-

---

[1]) Оттонъ Леопольдъ Эдуардъ графъ фонъ Бисмаркъ Шенгаузенъ родился въ 1814 году.

ставилъ его безспорно одною изъ первыхъ причинъ, обусловливавшихъ побѣды прусскихъ армій [1]).

— „Много лѣтъ знаю я Оттона, знаю его манеры, характеръ, нравъ, умъ, сказалъ Кутузовъ, выйдя изъ кабинета Бисмарка, но теперь только впервые передо мной открылся этотъ дьяволъ во всей полнотѣ; зажалъ же онъ въ свои тиски бѣднаго Вильгельма; король, надо полагать, даже шесть недѣль тому назадъ могъ бы скорѣй повѣрить тому, что прусскій престолъ онъ будетъ обязанъ сегодня передать своему семилѣтнему внуку; ему не могло въ голову придти все то, что вызвано этимъ сатанинскимъ вихремъ; никогда не думалъ онъ, что будетъ такъ быстро вовлеченъ въ войну съ Австріей; изволь теперь справляться со всей Германіей; развѣ могъ онъ хоть одну минуту допустить мысль объ этомъ? Вотъ какой примѣръ въ новѣйшей исторіи: король сегодня не знаетъ куда завтра, умышленно и сознательно, поведетъ его и его королевство первый министръ; въ то время, когда этотъ министръ все рѣшилъ, король, за нѣсколько недѣль до объявленія войны, не зналъ, что придется ее объявить, и что это уже вполнѣ безповоротно рѣшено; быть можетъ, онъ этого не зналъ также, какъ не зналъ любой полковой командиръ, который могъ лишь чувствовать, что гроза надвигается, и вѣрить въ то, что она не надвинется.

„Все это вышло поразительно, говорилъ М. И., но многое только такъ казалось; Вильгельмъ несомнѣнно былъ однѣхъ мыслей, однихъ стремленій съ Бисмаркомъ и со всѣми пруссаками, а если этотъ министръ что-либо предвосхитилъ,—такъ развѣ моментъ объявленія войны: король, жаждавшій нѣмецкаго объединенія, вѣроятно не находилъ возможнымъ столкнуться съ Австріей такъ скоро послѣ датской войны; Бисмаркъ ускорилъ событія помимо его воли. Удивительнѣе же всего было то, продолжалъ М. И., что другой человѣкъ, которому слѣдовало быть на чеку, такъ ужасно прозѣвалъ; нельзя было не поражаться тѣмъ, что императоръ французовъ Наполеонъ III, мнившій себя распорядителемъ судебъ не только Европы, но всего міра, вздумавшій, по примѣру своего великаго дяди, создавать и раздавать престолы,—далъ Бисмарку себя обойти и упустилъ изъ виду то обстоятельство, что въ когтяхъ этого человѣка, скованнаго изъ желѣза, какъ Данію быстро смѣнила Австрія, такъ мѣсто Австріи должна была немедленно же заступить Франція....“

А. Е. К.

[1]) Отчетъ свой М. И. Драгомировъ очень скоро составилъ при содѣйствіи Генер. Штаба капитана Ѳ. А. Фельдмана. См. очерки Австро-Прусской войны 1866 г. (№ 3 журнала „Военный Сборникъ“ за 1867 годъ).

ВРЕМЕНА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX СТОЛѢТІЯ.

Какъ въ прежнія времена обуздывали тѣхъ людей, которые изъ-за собственной корысти или вообще изъ-за какихъ-либо неблаговидныхъ цѣлей мутили народъ, можно, между прочимъ, видѣть изъ нижеприведеннаго Высочайшаго повелѣнія, вышедшаго въ 1806 году.

Указъ Его Импер. Вел. Самодержца Всероссійскаго. Изъ Правит. Сената (3-го мая 1806 г.)

Объявляется всенародно:

Марта въ 30-й день Министромъ Юстиціи г-мъ дѣйст. тайн. сов-мъ и кавалеромъ княземъ Вас. Петр. Лопухинымъ въ вѣдѣніе Сенату изображено: Государь Императоръ, по дошедшимъ до Его Величества свѣдѣніямъ о безпорядкахъ, происходящихъ въ Казанской губ. отъ разныхъ ябедниковъ, высланныхъ по отрѣшеніи отъ должностей изъ Вятской губерніи и изъ другихъ мѣстъ, тамъ скопившихся, которыхъ имянной списокъ при томъ приложенъ,—Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) всѣмъ людямъ симъ запретить сочиненіе прошеній и хожденіе по дѣламъ всякаго рода, обязавъ ихъ въ томъ подписками съ тѣмъ, что ежели, въ противность запрещенію сему, осмѣлятся они брать въ дѣлахъ какое-либо участіе сочиненіемъ бумагъ самими или, подъ ихъ руководствомъ, другими, тогда съ ними поступлено будетъ какъ съ неповинующимися закону и нарушителями общественнаго спокойствія,—*почему имена ихъ сдѣлать гласными по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ*.

2) во обузданіе подобнаго ябедничества, могущаго возродить такое же зло и въ другихъ губерніяхъ, *постановить правиломъ на всегда*, чтобы прошенія по дѣламъ всякаго рода, въ судебныя мѣста и лицамъ въ должностяхъ состоящимъ представляемыя, были писаны на гербовой бумагѣ съ означеніемъ на оныхъ именъ составителя и писца [1]), безъ чего ихъ не принимать и въ дѣйствіе не производить.

---

[1]) Съ того времени и сохранилось правило, по которому въ прошеніяхъ обязательно добавляется: сіе прошеніе сочинялъ такой-то, а переписывалъ такой-то; или такой-то со словъ просителя писалъ; или сіе прошеніе подаетъ такой-то, самъ оное сочинялъ и переписывалъ.

3) ежели поданныя прошенія признаны будутъ дѣйствительно ябедническими, то бы сочинитель и писецъ оныхъ подвергаемы были отвѣту по закону и наконецъ

4) чтобы Правит. Сенатъ, обнародовавъ немедля указъ сей повсемѣстно, наблюдалъ строго, дабы оной въ теченіи 4-хъ мѣсяцевъ воспринялъ полную силу и дѣйствіе.

Въ приложенномъ къ этому указу спискѣ поименованы 24 лица; изъ нихъ 8—ремесленниковъ, чиновниковъ и разныхъ положеній люди; 16—проживающихъ праздно безъ должности въ отставкѣ. Изъ всѣхъ 24-хъ выбраны 6 чел., кои отмѣчены „особо зловредными для спокойствія".

Въ спискѣ встрѣчаются: коллегскіе регистраторы, секретари, губернскіе секретари, провинціальные секретари, канцеляристы, подканцеляристъ, актуаріусъ, архиваріусъ, копіистъ, порутчикъ, купецъ, констaвель, безмѣстный дьяконъ, отставной квартирмейстеръ—нѣкій Гилеревскій; противъ его фамиліи помѣщена замѣтка: который однакожъ находится подъ судомъ по доносамъ за лихоимство и притѣсненія.

По сохранившемуся преданію Государь приказалъ издать этотъ указъ во время одной изъ своихъ поѣздокъ по Россіи, когда въ предѣлахъ Минской губерніи получилъ прямо поданный ему въ экипажъ толстый пакетъ, въ которомъ оказалась цѣлая дюжина отчаянныхъ жалобъ на разныя злоупотребленія со стороны мѣстной высшей власти; подъ каждой изъ жалобъ значились подписи разныхъ лицъ, а между тѣмъ содержаніе каждой написано одной и той же рукой.—Проѣхавъ два перегона, Государь велѣлъ произвести разслѣдованіе, а, когда оказалось, что всѣ тѣ прошенія „въ напраслину ссчинены" и написаны прогнаннымъ съ должности „повытчикомъ", задумавшимъ такимъ путемъ отомстить отставившему его губернатору, при чемъ повытчикъ [1]) тотъ былъ разысканъ и уличенъ,—Государь приказалъ съ него строго взыскать, а въ примѣръ прочимъ издать повелѣніе о преслѣдованіи подобныхъ „бездѣльниковъ", какъ самъ Государь ихъ охарактеризовалъ.

Сообщилъ —Й.

---

[1]) Повытчикъ—регистраторъ отдѣленія суда тѣхъ временъ; онъ хранилъ поступавшія въ судъ бумаги, наблюдалъ за порядкомъ ихъ распредѣленія и движенія, при чемъ, какъ извѣстно, отъ него находилась въ зависимости большая или меньшая ускоренность этого движенія; какъ тогда выражались „отъ сего повытчикъ немало вкушалъ плодовъ земныхъ" или, по-просту, вообще имѣлъ много доходовъ.

Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера[1]).

Вслѣдъ за отъѣздомъ вице-короля, я отправился на берегъ, чтобы присутствовать при религіозной церемоніи освященія канала, которая должна была совершиться въ этотъ день. На песчаномъ берегу была устроена деревянная пристань, около которой толпились сотни лодокъ, яликовъ и ботовъ всѣхъ размѣровъ и формъ; египетскіе лодочники, французскіе, англійскіе, прусскіе и русскіе матросы перекликивались между собою, съ трудомъ пролагая себѣ путь. Весь берегъ на значительномъ протяженіи былъ украшенъ мачтами, на которыхъ развѣвались разноцвѣтные флаги. Немедленно за пристанью возвышались деревянныя довольно пестро украшенныя тріумфальныя ворота, за которыми другой рядъ флаговъ указывалъ путь, по которому должна была шествовать процессія къ трибунамъ, предназначеннымъ для богослуженія. Вдоль всей этой дороги были выстроены шпалерами египетскія войска. Шествіе всей процессіи происходило въ довольно живописномъ безпорядкѣ по узкимъ деревяннымъ мосткамъ, проложеннымъ по глубокому песку, на которомъ мѣстами стояли большія лужи морской воды. Вслѣдъ за вице-королемъ, императрицей Евгеніей и иностранными принцами, хлынула толпа зрителей и совершенно перемѣшалась съ лицами свиты; всѣ толпились и спѣшили, какъ бы только добраться первымъ, чтобы занять выгодныя мѣста. Разнообразные дипломатическіе и военные мундиры смѣшивались съ сюртуками и пиджаками мѣстныхъ жителей и бурнусами арабовъ; кое-гдѣ пробивались дамы въ нарядныхъ

---

[1]) См. „Русская Старина“ апрѣль 1910 г.

туалетахъ,—все это текло живою, пестрою струею, между войсками, вдоль ряда деревянныхъ домовъ, окна коихъ были наполнены любопытными лицами, смотрѣвшими на эту пеструю картину, освѣщенную яркими лучами солнца. Послѣ десятиминутнаго шествія мы прибыли къ мѣсту, гдѣ должна была происходить религіозная церемонія. Здѣсь, по песчаной площадкѣ между двумя пространствами воды, озеромъ Мензалэ и моремъ были выстроены три трибуны, весьма красиво разукрашенныя флагами и пальмовыми вѣтками. Въ большой средней трибунѣ были устроены мѣста для хедива и прочихъ высочайшихъ особъ; лѣвая трибуна была назначена для магометанскаго духовенства, а правая для католическаго. Говорили, что первоначальная мысль была совершить богослуженіе по обряду всѣхъ главнѣйшихъ религій, въ видѣ символа братства всѣхъ народовъ, экономическіе интересы которыхъ должны были соединиться во вновь проложенномъ пути. Это однако не вполнѣ удалось, потому что изъ представителей христіанскихъ религій никто, кромѣ католическаго духовенства, не согласился въ этомъ участвовать. По окончаніи богослуженія, оглушительные залпы артиллеріи возвѣстили, что освященіе канала совершилось.

Слѣдующій день было то 5/17 ноября, которое уже за шесть мѣсяцевъ передъ тѣмъ было провозглашено днемъ открытія канала. Входъ судовъ въ каналъ былъ назначенъ рано утромъ, такъ какъ предстоялъ довольно продолжительный путь въ Измаилію, куда первыя суда должны были придти къ вечеру. Намъ объявили, что пароходъ „Эль-Мазръ“ едва-ли пойдетъ въ этотъ день, такъ какъ вслѣдствіе его большихъ размѣровъ, онъ могъ засѣсть гдѣ-либо въ каналѣ и преградить путь другимъ судамъ; потому пассажиры „Эль-Мазра“ должны были перебраться рано утромъ на другой пароходъ, „Эль-Габіэ“, который долженъ былъ везти ихъ по каналу. Едва начало свѣтать, какъ уже всѣ пассажиры поднялись на ноги, толпясь около трапа, чтобы поскорѣе пробраться на лодки, которыя должны были перевезти ихъ на новый пароходъ, опасаясь, что въ случаѣ запозданія придется оставаться въ Портѣ-Саидѣ. „Эль-Габіэ“ стоялъ во внутреннемъ бассейнѣ, близъ входа въ каналъ, и мы причалили къ нему въ 6 часовъ утра. Пароходъ этотъ былъ нѣсколько меньше „Эль-Мазра“, но тоже довольно значительныхъ размѣровъ. Онъ отличался особенно роскошнымъ убранствомъ общаго пассажирскаго салона. Золоченая мебель, бронза и хрусталь, флорентинская мозаика столовъ, богатыя атласныя драпировки надъ дверьми и окнами, драгоцѣнные ковры, весьма артистическая живопись, которою были украшены стѣны,—все это придавало салону парохода сказочно-роскошный восточный характеръ, а

мягкіе, низкіе, атласные диваны, окружавшіе всѣ стѣны, какъ бы напоминали, что пароходъ „Эль-Габіэ",—прежде любимое судно хедива, пока онъ не пріобрѣлъ парохода „Махруся",—былъ отдѣланъ для пріема гарема вице-короля, а совершенно не для той весьма разнохарактерной и разнообразной толпы, которая въ то время въ немъ ютилась. Тутъ были и медіатизированный нѣмецкій принцъ и австрійскій ученый, и англійскій туристъ, и американскій журналистъ, и голландскій мичманъ съ военнаго судна, и кого тутъ не было. Нѣкоторые весьма безцеремонно разваливались въ сапогахъ на роскошные диваны, другіе расположились съ записными книжками около столовъ,—но всѣ оставивъ „Эль-Мазръ" натощакъ, съ особеннымъ вниманіемъ посматривали, не подадутъ ли завтракъ. Повидимому, однако, кухня не торопилась такъ же рано перебраться на нашъ пароходъ, какъ нетерпѣливые пассажиры, потому что не дѣлалось никакихъ приготовленій для питанія голодающихъ; но опасенія умереть съ голода скоро разсѣялись, когда около восьми часовъ утра къ пароходу пристали лодки съ провизіей и французскимъ кухмистеромъ. Еще не успѣли перенести всѣ ящики и корзины на пароходъ и накрыть столы, какъ уже часть хлѣба, вина и фруктовъ, привезенныхъ въ открытыхъ корзинахъ, разошлась по рукамъ пассажировъ, которые весьма безцеремонно спѣшили утолить первый голодъ. Пароходъ между тѣмъ преспокойно стоялъ на якорѣ и не дѣлалъ еще никакихъ приготовленій къ отплытію. Стали даже поговаривать, что мы въ тотъ день совсѣмъ не отправимся, что какой-то пароходъ, пошедшій впередъ, чтобы осмотрѣть, все ли въ порядкѣ въ каналѣ, засѣлъ на отмели, и что затѣмъ прочимъ судамъ невозможно войти въ каналъ. Мы уже начинали сожалѣть, что понапрасно рано поднялись съ нашего парохода, такъ какъ въ портѣ все равно, стоять ли на „Эль-Мазрѣ" или на „Эль-Габіэ",—а войти въ каналъ оставалось мало надежды, но къ счастію мы скоро убѣдились, что всѣ эти слухи неосновательны. Окружавшія насъ суда вдругъ пришли въ движеніе, и ровно въ восемь часовъ утра я увидѣлъ, какъ пароходъ „Эгль" съ императрицею Евгеніей вошелъ въ каналъ. За нимъ потянулись всѣ другіе по очереди, которая впередъ была назначена; у каждаго судна на мачтѣ висѣлъ четыреугольный синій флагъ съ номеромъ, по которому оно должно было вступить въ ряды другихъ судовъ, отправлявшихся въ каналъ. Суда шли медленно и на разстояніи 500 метровъ одно отъ другого, такъ какъ въ противномъ случаѣ, при почти одновременномъ входѣ 40 большихъ судовъ въ каналъ, береговое волненіе могло бы сдѣлаться весьма значительнымъ и размыть мѣстами песчаный берегъ канала. Дальнѣйшее теченіе канала было

скрыто отъ взоровъ лицъ, находившихся еще въ бассейнѣ, невысокою береговою насыпью, а потому идущія по каналу суда казались какъ-бы плывущими по песку пустыни, представляя такимъ образомъ весьма оригинальное и своеобразное зрѣлище. Очередь дошла до насъ довольно поздно. Около 2 часовъ и у насъ стали поднимать якорь, и ровно въ 3 часа по полудни мы прошли между двумя деревянными, выкрашенными подъ цвѣтъ краснаго песчаника, обелисками, украшенными пальмовыми вѣтвями, которыя стояли при входѣ въ Суэзскій каналъ. Послѣ долгаго ожиданія, энтузіазмъ пассажировъ возросъ значительно; многіе бросились на самый носъ парохода, чтобы первымъ войти въ каналъ. Передъ моими глазами открылось обширное низменное озеро „Мензалэ“, прорѣзываемое каналомъ почти по прямой линіи и отдѣленное отъ канала широкою не высокою насыпью. Передъ нами вдали виднѣлось до десяти пароходовъ, которые, какъ черныя точки, двигались впередъ по каналу въ равномъ разстояніи. За нами лежалъ Портъ-Саидъ.

Первыя пятьдесятъ верстъ за Портъ-Саидомъ каналъ былъ проложенъ по совершенно прямому направленію, имѣя на всемъ этомъ протяженіи полную ширину въ сто метровъ.

Пароходъ нашъ подвигался медленно, около пяти верстъ въ часъ. Волна, гонимая пароходомъ, едва доходила до берега, нисколько не размывая песчанаго берегового откоса. Все пространство, обнимаемое глазомъ, представляло пустынную равнину, безъ всякихъ признаковъ обитаемыхъ мѣстностей. Переносясь мысленно во времена древности, трудно вѣрится, что въ этой пустынѣ нѣкогда тѣснилось значительное народонаселеніе, что здѣсь стояли богатые города въ нѣсколько сотъ тысячъ жителей, какъ напримѣръ, Пелузій, подъ стѣнами которыхъ проходили войска Рамзэса, Камбиза, Дарія, Александра Македонскаго,—сюда же присталъ Помпей послѣ фарсальской битвы и былъ здѣсь убитъ по приказанію Птоломея. Нынѣ взоръ путешественника тщетно ищетъ въ этихъ мѣстахъ какихъ-либо остатковъ наполнявшей ихъ въ древности горячей жизни, признаковъ, которые бы свидѣтельствовали о прежнемъ историческомъ значеніи всего этого края. Время стерло неумолимой рукой всякое вещественное воспоминаніе его прошлаго.

По лѣвую сторону канала разстилалась однообразная песчаная волнистая степь — это былъ такъ называемый азіатскій берегъ канала. Съ правой стороны, по африканскому берегу разстилалось озеро Мензалэ. Поверхность стоячей, болотистой воды отражала, какъ зеркало, солнечные лучи. Мѣстами эта блестящая поверхность прерывалась пустынными песчаными островами. Вдали за ними виднѣлся Портъ-Саидъ, изъ-за котораго выглядывалъ маякъ, и по-

казывались мачты стоящихъ въ портѣ судовъ. Отъ времени до времени намъ попадались навстрѣчу лодки, которыя тянулись бичевою вдоль берега. Ихъ тянули бурлаки-арабы, медленно ступая босыми ногами мѣстами по песку и мѣстами по водѣ.

На пятнадцатой верстѣ отъ Портъ-Саида мы встрѣтили на берегу канала первое поселеніе Раз-эл-эхъ. Нѣсколько одноэтажныхъ деревянныхъ домиковъ служили помѣщеніемъ инженерамъ, смотрителямъ и рабочимъ на этой части канала. Кромѣ того здѣсь былъ устроенъ запасный магазинъ, госпиталь, почтовое и телеграфное отдѣленіе. Около нѣкоторыхъ домовъ уже начинали разводить сады; въ сторонѣ возвышалось чугунное цилиндрическое строеніе—резервуаръ прѣсной воды, проведенной изъ Нила вдоль всего берега морского канала. Прѣсноводный каналъ, шедшій изъ Гасасина, доходилъ только до Измаиліи и затѣмъ направлялся вправо къ Суэзу. Влѣво же прѣсная вода шла по чугуннымъ водопроводнымъ трубамъ, проложеннымъ по береговой насыпи, прерываемымъ отъ времени до времени чугунными же резервуарами.

Не имѣвъ возможности дойти раньше поздняго вечера до слѣдующей стоянки Эль-Кантара и опасаясь плыть въ темнотѣ, мы бросили якорь у Раз-эл-эхъ, рѣшившись переночевать въ этомъ мѣстѣ. Вечеръ былъ чудный, теплота воздуха напоминала наши іюльскіе вечера—а это было въ ноябрѣ. Обѣденный столъ накрыли на палубѣ, потому что никто изъ пассажировъ не рѣшался идти въ каюту, всѣ желали насладиться чуднымъ зрѣлищемъ заката солнца, которое спускалось на горизонтѣ въ воды озера Мензалэ, освѣщая всю мѣстность краснымъ заревомъ. Передъ нами слетѣли на воду два пеликана, которыхъ около этой мѣстности должно было водиться много, если судить по тому, что одинъ изъ близлежащихъ песчаныхъ острововъ назывался „островомъ пеликановъ". Населеніе Раз-эл-эха высыпало на берегъ посмотрѣть на проѣзжающихъ; по береговой насыпи прошелъ отрядъ кавалеріи по направленію къ Измаиліи; нѣкоторыя лошади рвались и бѣсились, едва сдерживаемыя сѣдоками, ловко ими управлявшими; одна лошадь скатилась съ песчаной насыпи, не причинивъ никакого вреда ни себѣ, ни своему сѣдоку. Вскорѣ послѣ обѣда совершенно стемнѣло,—но вотъ вышла луна и освѣтила серебристыми лучами всю окружающую мѣстность. Такъ какъ на палубѣ между пассажирами было много дамъ, то начались оживленные танцы; около 9 часовъ музыка смолкла, но долго еще пассажиры оставались на палубѣ въ веселой бесѣдѣ, любуясь теплою чудною ночью. Я отправился въ каюту писать письма и здѣсь уже засталъ за большимъ столомъ въ каютъ-компаніи корреспондентовъ англійскихъ, американскихъ и нѣмецкихъ

газетъ, трудившихся надъ составленіемъ отчетовъ о Суэзскомъ каналѣ и его открытіи.

Проложеніе канала по болотистой мѣстности озера Мензалэ представляло не мало затрудненій. Употребленіе машинъ ни къ чему не вело, потому что прокопанное пространство вскорѣ опять заносилось иломъ, при томъ и число самыхъ машинъ въ распоряженіи строителей было въ началѣ крайне ограничено. Затрудненіе удалось преодолѣть только благодаря трудамъ мѣстнаго населенія, разбросаннаго по озеру Мензалэ и привыкшаго работать въ водѣ и илѣ, растягивая рыболовныя сѣти. Они голыми руками выкопали первое углубленіе канала, по которому впослѣдствіи, когда барщина была прекращена, были проведены на ботахъ тѣ машины, которыми была докончена копка. Говорили, что администрація, соображаясь со способомъ копки европейскихъ рабочихъ, устроила надъ водою деревянные помостки, съ которыхъ рабочимъ предоставлялось выгребать лопатами землю изъ-подъ воды; но арабы, не привыкшіе къ употребленію этихъ орудій, никакъ не могли съ ними совладать; работа не шла, пока имъ не разрѣшили обратиться къ своему собственному, весьма элементарному способу копки: они становились ногами въ воду, выгребали руками илъ, выжимали изъ него воду и полученныя такимъ образомъ глыбы твердой липкой массы раскладывали по краямъ канала, образуя искусственную ручную плотину, достаточно крѣпкую для противодѣйствія на нѣкоторое время приливу жидкаго ила въ только что выкопанное пространство. Этимъ первобытнымъ способомъ было вырыто первое углубленіе канала на протяженіи 44 верстъ, т. е. вдоль всего озера Мензалэ.

Дальнѣйшее наше плаваніе до озера Белла было довольно однообразно; каналъ тянулся по пустыннымъ равнинамъ, отчасти песчанымъ, отчасти болотистымъ. На всемъ этомъ пространствѣ послѣ Раз-эл-эха встрѣтились только два болѣе значительныя поселенія: Эль-Кантара и Эль-Ферданъ. Кантара или Касне-Кантара значитъ поарабски мостъ сокровищъ, вѣроятно потому, что черезъ это мѣсто пролегалъ караванный путь изъ Египта въ Сирію. Арабское поселеніе, въ которомъ останавливались караваны, находилось на азіатскомъ берегу въ двухъ верстахъ отъ канала. На самомъ берегу было расположено европейское поселеніе, въ которомъ жили инженеры и рабочіе канала; характеръ построекъ и вся обстановка въ Кантарѣ и Эль-Ферданѣ походили на поселеніе Раз-эл-эхъ, только нѣсколько большихъ размѣровъ. Всѣ эти мѣстности были украшены зеленью и флагами. За Эль-Кантара начинаютъ появляться первые признаки растительности. Тощіе тамариксовые кусты были изрѣдка

разбросаны по песчаной почвѣ. Легкостью, съ которою принимаются тамариксы при малѣйшемъ орошеніи, даже на голомъ песку, намѣревались воспользоваться, чтобы засадить ими береговые откосы и такимъ образомъ утвердить песокъ, легко подверженный дѣйствію вѣтра и могшій производить заносы и засореніе канала. Берега канала впрочемъ далеко не на всемъ протяженіи состояли изъ зыбучаго песку. Пески преобладали только на срединѣ канала между Эль-Кантары и Горькими Озерами, хотя и тутъ мѣстами, какъ, напр., около Эль-Гитра встрѣчались известковые и глиняные слои, дававшіе довольно твердый грунтъ. По всему протяженію первыхъ пятидесяти верстъ, проложенныхъ по озеру Мензалэ, береговыя дамбы и откосы, состоявшіе изъ высохшаго ила съ пескомъ, уже тогда совершенно отвердѣли и не представляли болѣе никакой опасности размыва береговъ.

Доказательствомъ твердости и солидности береговой насыпи вдоль Мензалэ могло служить то обстоятельство, что проложенный по ней водопроводъ, существовавшій уже нѣсколько лѣтъ, оставался цѣлъ и невредимъ.

За Эль-Кантары песчаный берегъ образуетъ значительные холмы высотою отъ 8 до 10 саженей. Эти холмы достигали наибольшей высоты около Эль-Фердана, такъ что въ этой мѣстности пришлось не только съузить мѣстами ширину канала до 80 и даже до 60 метровъ, но кромѣ того допустить довольно сильный изгибъ канала, чтобы воспользоваться естественной ложбиной между двумя холмами. Вотъ почему проходъ этого пространства представлялъ нѣкоторую трудность, что намъ и пришлось испытать на собственномъ опытѣ. Нѣсколько не доходя до Эль-Фергана нашъ пароходъ коснулся берега и долженъ былъ остановиться. Благодаря ловкимъ распоряженіямъ капитана, онъ однако скоро снялся съ мели, но при этомъ былъ выведенъ изъ нормальнаго положенія, не могъ немедленно стать по фарватеру и нѣсколько далѣе опять врѣзался въ берегъ уже гораздо глубже прежняго. Послѣ первыхъ попытокъ сняться съ мели, оказалось, что на это потребуется нѣсколько часовъ работы. Пассажирамъ предложили пересѣсть на два небольшихъ рѣчныхъ парохода, которые оказались подъ рукою; всѣ наскоро перебрались на нихъ съ своимъ багажемъ, который занялъ большую часть палубы, такъ что съ трудомъ можно было отыскать мѣсто присѣсть гдѣ-либо на чемоданѣ или ящикѣ. Странствованіе на этихъ пароходахъ продолжалось впрочемъ не долго; часа полтора послѣ выхода изъ озера Белла, мы вошли въ обширный бассейнъ озера Тимза, который былъ наполненъ судами, шедшими впереди насъ, и передъ нашими взорами открылся городъ Измаилія.

Городъ лежитъ въ нѣсколькихъ тысячахъ шаговъ отъ берега озера, отъ котораго онъ отдѣленъ прѣсноводнымъ каналомъ. Широкая песчаная равнина между озеромъ и городомъ представляла удивительное зрѣлище; казалось, что всѣ племена востока сошлись на этомъ пространствѣ съ представителями всѣхъ европейскихъ странъ. Трудно было представить себѣ болѣе пестрое смѣшеніе костюмовъ и лицъ... Вся равнина, лежащая передъ городомъ, была преобразована въ импровизированный лагерь; на ней были раскинуты сотни палатокъ для пріюта прибывшихъ гостей. Въ каждой палаткѣ помѣщались по двѣ постели и самая необходимая мебель; передъ палатками валялись чемоданы, картонки, ящики; нѣсколько въ сторонѣ были раскинуты арабскія палатки, въ которыхъ пріютились представители мѣстнаго населенія, приглашенные хедивомъ на праздникъ открытія канала. На дорогѣ отъ пристани до города и по главной улицѣ были выстроены египетскія войска; повсюду двигалась густая пестрая толпа, въ которой съ трудомъ пробивали себѣ дорогу ослы съ погонщиками, всадники на кровныхъ арабскихъ лошадяхъ и экипажи всѣхъ возможныхъ формъ и самой разнообразной упряжи: тутъ были обыкновенныя коляски, похожія на любой фіакръ въ Вѣнѣ или Парижѣ, коляски, запряженныя верблюдами, и изящные фаэтоны à la Daumont, шестерикомъ съ жокеями верхами.

Измаилія, названная такъ въ честь тогдашняго вице-короля, Измаила-паши, былъ уже тогда довольно значительный городъ, расположенный по правильно разбитому плану, перерѣзанный прямоугольно довольно широкими улицами, изъ которыхъ нѣкоторыя были даже и съ тротуаромъ по краямъ. Главная улица, Quai Mehmet Ali, шедшая вдоль прѣсноводнаго канала, обращенная лицомъ къ озеру Тимза, была обстроена красивыми каменными и деревянными одноэтажными домами, украшенными по фасаду деревянной рѣзьбой, въ родѣ швейцарскихъ шалэ. Передъ каждымъ домомъ былъ разведенъ красивый садикъ, въ которомъ акаціи перемежались съ бананами, а между деревьями были раскинуты клумбы съ яркими цвѣтами. На этой улицѣ жили главнѣйшіе дѣятели Суэзскаго канала—Лессепсъ, Лаваллэ, Гишаръ и другіе. Отыскивая знакомаго, я вошелъ въ одинъ изъ этихъ домовъ; внутри дома, на четырехъугольномъ дворѣ былъ разведенъ въ восточномъ вкусѣ второй садъ, нѣсколько меньшихъ размѣровъ, въ которомъ прогуливались ручныя серны, пугливо посматривая на пришельца; кругомъ сада была обведена четыреугольная галлерея, по угламъ которой были выставлены глиняные арабскіе сосуды съ водою, которой приходящій могъ утолять жажду, возбужденную палящими лучами солнца. На концѣ улицы возвышался дворецъ Измаила-паши, тогда еще не

совершенно оконченный, въ которомъ вечеромъ долженъ былъ происходить блестящій балъ. На этомъ балу оказалась такая масса приглашенныхъ, что несмотря на присутствіе разныхъ Высочайшихъ особъ едва можно было двигаться, такъ какъ дворецъ вообще не очень великъ; о танцахъ не могло быть и рѣчи. Такимъ образомъ, несмотря на блестящую обстановку, балъ оказался далеко не удавшимся; при высокой температурѣ, въ залахъ царствовала тропическая жара,—можно было только о томъ помышлять, какъ бы скорѣе выбраться изъ этихъ роскошныхъ покоевъ.

За набережной Мехметъ-Али, считавшейся аристократическимъ кварталомъ, расположены четырехъ-угольниками группы каменныхъ домовъ, чисто и хорошо построенныхъ; въ одной изъ внутреннихъ улицъ расположены въ видѣ базара лавки, магазины, кофейни, трактиры и разныя увеселительныя заведенія; ими же наполненъ такъ называемый греческій кварталъ. По значительному числу увеселительныхъ заведеній, можно было заключить, что запросъ на нихъ не маловаженъ. Въ Измаилію стекалось рабочее населеніе со всего канала, чтобы запастись нужными вещами, а вмѣстѣ и повеселиться. Компанію Суэзскаго канала упрекали въ томъ, что она слишкомъ покровительствовала увеселительнымъ заведеніямъ, изъ которыхъ многія были устроены на ея счетъ. Въ этихъ винныхъ погребахъ, пивныхъ лавкахъ, рулеткахъ и т. п. притонахъ, рабочіе спускали заработанныя деньги, такъ что многіе изъ нихъ послѣ продолжительной тяжкой работы возвращались домой почти нищими.

Посреди города на большомъ скверѣ, обстроенномъ каменными домами, былъ разведенъ городской садъ, богато убранный цвѣтами и красивыми вьющимися растеніями. Тутъ же въ саду, при всѣхъ, какой-то арабъ совершалъ молитву; снявъ верхнее платье и положивъ его на траву, онъ сталъ на колѣни и, обратившись лицомъ къ солнцу, по правиламъ корана, погрузился въ молитву, не обращая никакого вниманія на проходящихъ. При выходѣ изъ сада мнѣ попался навстрѣчу большой четыреугольный ящикъ, везомый на двухколесной телѣжкѣ; на немъ была надпись „Compagnie d'usage publique, точь-точь, какъ въ Парижѣ, но въ телѣжку былъ запряженъ верблюдъ, котораго велъ арабъ въ дырявомъ бурнусѣ.

На углу одной изъ улицъ былъ помѣщенъ въ стѣнѣ памятникъ графу Сала изъ бѣлаго мрамора. Графъ Сала, одинъ изъ первыхъ строителей канала, умеръ за нѣсколько лѣтъ до окончанія этого громаднаго предпріятія. Вообще многимъ изъ главныхъ дѣятелей не суждено было видѣть осуществленія дѣла, которому они посвятили всѣ свои труды и заботы. Такъ, напримѣръ, Боррель, производив-

шій вмѣстѣ съ Лаваллэ машинную копку большей части канала, умеръ за нѣсколько мѣсяцевъ до его открытія.

Впослѣдствіи мнѣ удалось еще разъ побывать въ Измаиліи. Видѣвъ Суэзскій каналъ въ праздничномъ нарядѣ, мнѣ хотѣлось посмотрѣть на него въ обыкновенное время. Нѣсколько дней послѣ окончанія всѣхъ празднествъ, мы отправились въ обществѣ нѣкоторыхъ соотечественниковъ изъ Каира обратно въ Измаилію, снабженные рекомендаціей къ Лессепсу отъ нашего генеральнаго консула. Благодаря этой рекомендаціи мы получили возможность нѣсколько ближе познакомиться съ этимъ замѣчательнымъ дѣятелемъ и провести почти цѣлый день въ его обществѣ. Лессепсъ принялъ насъ просто, но любезно, и сейчасъ же объявилъ намъ, что, пріѣхавъ къ нему въ Измаилію, мы должны отобѣдать и переночевать у него,— такъ какъ онъ насъ не отпуститъ раньше слѣдующаго утра.

Лессепсъ тогда уже былъ не молодъ; ему было за шестьдесятъ лѣтъ, но, несмотря на то, все въ немъ дышало еще необыкновенной энергіей и даже относительною моложавостью, хотя умныя черты лица его и были уже окаймлены густыми сѣдыми волосами. Во всѣхъ его движеніяхъ высказывалась нѣкоторая живость и даже отрывочность; по всему было видно, что это человѣкъ способный на неутомимую дѣятельность и привыкшій не терять ни минуты дорогого для него времени. Замѣчательна была во всемъ проявлявшаяся у него простота; до какой степени онъ мало заботился о комфортѣ для себя, я могъ лично убѣдиться на другое утро, когда засталъ его при купаньѣ въ каналѣ. Для него не было устроено ни купальни, ни какихъ-либо особенныхъ приспособленій, онъ купался, просто раздѣвшись на маленькомъ плотикѣ, на которомъ даже не было скамеекъ, и при томъ обходился безъ всякой прислуги.

Мы случайно пріѣхали въ Измаилію нѣсколько дней послѣ свадьбы Лессепса. Онъ женился на молодой и красивой дѣвушкѣ, креолкѣ, дочери богатаго судостроителя въ Марсели. Я познакомился съ его женою, которая обращалась съ посѣтителями ея знаменитаго мужа нестѣсненно и очень любезно. Самый домъ, находившійся на набережной Мехметъ-Али, былъ не великъ; по размѣрамъ и устройству комнатъ онъ напоминалъ наши дачи средней величины. Комнаты были меблированы просто, но со вкусомъ и украшены цвѣтами. Большой букетъ въ красивой вазѣ, стоявшій на столѣ въ гостиной, напоминалъ, что это жилище новобрачныхъ. Около дома, въ боковомъ флигелѣ былъ расположенъ цѣлый рядъ маленькихъ комнатъ для пріѣзжихъ гостей, чисто, уютно, но тоже весьма просто убранныхъ. Лессепсъ былъ отличнымъ верховымъ ѣздокомъ и большой любитель арабскихъ лошадей. Послѣ обѣда,

каждый день все общество, онъ, его жена и гости отправлялись кавалькадой гулять по степи. М-мъ Лессепсъ, разговаривая со мною, разсказала мнѣ, что нѣсколько дней тому назадъ она была въ большой опасности. Она выѣзжала также верхомъ, вдругъ ея лошадь чего-то испугалась и понесла, не было никакой возможности остановить ее, и она бросилась бы съ своею наѣздницею въ каналъ, если бы въ послѣднюю минуту проходящій арабъ не набросилъ ей на голову свой бурнусъ. Лишенная возможности смотрѣть, лошадь остановилась какъ вкопанная, и м-мъ Лессепсъ была спасена.

Въ этотъ день послѣ обѣда была тоже устроена кавалькада. Когда мы сѣли на лошадей, и я подъѣхалъ къ м-мъ Лессепсъ, она сказала мнѣ: „Vous avez justement le cheval, qui m'a emporté avant hier“. Сознаюсь, что это сообщеніе подѣйствовало на меня не очень пріятно, однако прогулка обошлась благополучно. По городу мы всѣ проѣхали шагомъ, и только что выѣхали въ пустыню, вся кавалькада пустила лошадей въ карьеръ. На ровной песчаной мѣстности эта ѣзда оказалась очень пріятною, такъ какъ арабскія лошади скачутъ мягкимъ ровнымъ шагомъ, безъ всякаго движенія въ сторону. Проѣхавшись этимъ аллюромъ часа два, наши лошади нѣсколько устали, и мы совершенно спокойно доѣхали до дома. Однообразная песчаная степь, которая окружаетъ Измаилію, служила для Измаильскихъ жителей, хорошо знакомыхъ съ нею по всѣмъ направленіямъ, мѣстностью весьма разнообразныхъ прогулокъ. Какъ мнѣ разсказывала м-мъ Лессепсъ, они окрестили въ воспоминаніе Парижа, различныя мѣстности ихъ прогулокъ, болѣе или менѣе свойственными названіями, напоминавшими парижскія окрестности. Такъ напр. мѣстность, обросшая низкимъ можжевельнымъ кустарникомъ, по дорогѣ въ Туссуми, называлась у нихъ Bois de Boulogne, находившееся посреди ея болото—les lacs и т. п.

Лессепсъ на постройкѣ канала не обогатился; несмотря на то, что онъ ворочалъ сотнями милліоновъ, онъ не позаботился составить себѣ большое состояніе. Зная, съ какою нецеремонною легкостію французскіе антрепренеры и учредители разныхъ обществъ наживаютъ милліоны, нельзя было не преклониться съ почтеніемъ передъ безкорыстіемъ Лессепса, который въ то время служилъ только дѣлу и своей идеѣ, не заботясь о всемъ остальномъ и высказывая равное пренебреженіе какъ къ деньгамъ, такъ и орденамъ, которыми его осыпали со всѣхъ сторонъ.

Грустно подумать, какъ печально закончилась судьба этого знаменитаго дѣятеля, стоявшаго послѣ окончанія постройки Суэзскаго канала въ зенитѣ своего величія.

Извѣстно, что нѣсколько лѣтъ спустя, группа капиталистовъ съ

Лессепсомъ во главѣ предприняли прорытіе Панамскаго перешейка. Результаты этого новаго предпріятія обрушились тяжелою бѣдою на бѣднаго Лессепса. На это предпріятіе были потрачены сотни милліоновъ, до милліарда франковъ, и дѣло оказалось неудачнымъ; пришлось все бросить, затраченные капиталы обратились въ ничто. Оказалось, что почвенныя, климатическія и санитарныя условія той мѣстности, по которой долженъ былъ пролегать каналъ, были до того неблагопріятными, что казалось невозможнымъ продолжать дѣло. Въ настоящее время Америка взяла въ свои руки сооруженіе Панамскаго канала, но достигнетъ ли она лучшихъ результатовъ, еще вопросъ.

Очевидно, въ началѣ изысканія были сдѣланы слишкомъ поверхностно, такъ что строители не предвидѣли тѣхъ трудностей, съ которыми имъ пришлось встрѣтиться. Сотни милліоновъ расходовались, и дѣло не подвигалось; первая смѣта оказалась превзойденною уже въ самомъ началѣ работъ; предприниматели, однако, не хотѣли бросать дѣло, приходилось добывать все новыя и новыя сотни милліоновъ, и для того описывать дѣло, уже погибшее, въ самомъ розовомъ свѣтѣ; подъ конецъ, для финансированія дѣла правленіе стало прибѣгать къ такимъ биржевымъ уловкамъ, которыя подходили близко подъ категорію мошенничества; кончилось дѣло все же полнѣйшимъ разореніемъ, и главные дѣятели и самъ Лессепсъ попали на скамью подсудимыхъ. Крахъ панамскаго дѣла раззорилъ массу мелкихъ рантьеровъ, которые вѣрили блестящимъ обѣщаніямъ, распространявшимся въ журналахъ, и беззавѣтно бросали свои капиталы въ эту бочку Данаидовъ. Панамскій крахъ сдѣлался на долгое время нарицательнымъ прозваніемъ всякихъ мошенническихъ биржевыхъ спекуляцій.—Какъ же Лессепсъ, такъ умно и безкорыстно дѣйствовавшій при постройкѣ Суэзскаго канала, могъ увлечься на такія сдѣлки? По всей вѣроятности дѣйствовалъ не онъ, а окружавшіе его люди, которые его увлекали и пользовались его именемъ. Въ моментъ краха ему было уже за 80 лѣтъ; очевидно, такой старикъ не могъ энергически вести новое трудное предпріятіе и находился въ рукахъ второстепенныхъ дѣятелей. Его старость и болѣзнь избавили его самого отъ печальной необходимости сѣсть на скамью подсудимыхъ и избавили Францію отъ такой же печальной необходимости преслѣдовать уголовнымъ порядкомъ человѣка, на котораго она привыкла смотрѣть какъ олицетворяющаго геній Франціи. Въ моментъ, когда панамское дѣло перешло въ судъ, Лессепсъ былъ уже въ такомъ старческомъ и умственномъ упадкѣ, что онъ, кажется, не могъ отдавать себѣ отчета въ томъ, что происходило; семейство же его, вѣроятно, скрывало передъ нимъ весь трагизмъ

положенія. При такихъ условіяхъ, хотя приговоръ суда коснулся и его, но его оставляли въ покоѣ,—онъ доживалъ свои дни въ загородной дачѣ и скоро послѣ того скончался.

Окончательная удача Суэзскаго предпріятія, которое, во время постройки, тоже испытывало критическія минуты, вѣроятно заставляла предпринимателей Панамскаго канала разсчитывать, что и тутъ дѣло оправдается, лишь бы привести каналъ къ окончанію. Сооруженіе Суэзскаго канала ко времени его открытія обошлось около 420 мил. франковъ. Изъ нихъ 200 милліоновъ были внесены акціонерами [1]), сто милліоновъ получены выпускомъ облигацій, реализація которыхъ, при низкой ихъ биржевой цѣнѣ, обошлась компаніи по $10^0/_0$, остальные сто двадцать милліоновъ составились изъ 80 милліоновъ, полученныхъ отъ египетскаго правительства, и 20 милліоновъ отъ вице-короля, который при томъ отказался отъ дивиденда, причитавшагося на его акціи. А затѣмъ требовались еще капиталы на достройку канала, средства на его содержаніе, ежегодный расходъ на платежъ процентовъ и расходы по содержанію канала, всего 30 милл. франковъ. Высказывались потому, повидимому, основательныя сомнѣнія въ томъ—окупится ли когда-либо это предпріятіе—и все же оно окупилось. Замѣчательно, что даже Англія вначалѣ смотрѣла съ недовѣріемъ на все это дѣло и сторонилась отъ него, — а впослѣдствіи она пріобрѣла почти всѣ акціи, такъ что теперь Суэзскій каналъ изъ рукъ Франціи перешелъ въ руки Англіи.

И такъ какъ суэзское дѣло выгорѣло только благодаря помощи, оказанной египетскимъ правительствомъ, поэтому можно было ожидать, что и Панамское дѣло какъ-нибудь, à la longue, выгоритъ, нужно было только не бросить дѣло, а чтобы не бросить его, требовались все новыя и новыя сотни милліоновъ, которыя добывались уже крайне неразборчивыми средствами; ставъ разъ на эту наклонную плоскость, трудно было остановиться, дѣло должно было дойти до полнаго раззоренія и до скамьи подсудимыхъ для дѣятелей.

Но возвращаюсь, послѣ этого отступленія, къ продолженію описанія моего путешествія и къ первому пребыванію въ Измаиліи.

Въ Измаиліи все поражало удивительнымъ смѣшеніемъ востока съ европейской цивилизаціей. Восточный отсталый консерватизмъ и послѣднее слово европейскаго комфорта,—такъ напримѣръ поразительно была красивая коляска, запряженная верблюдами.

---

[1]) Замѣчательно, что изъ всего количества акцій въ Россіи было подписано 24.000, такъ что послѣ Франціи и Австріи Россія являлась третьею изъ Европейскихъ странъ по участію въ Суэзскомъ предпріятіи. Къ сожалѣнію, эти акціи вѣроятно не остались въ нашихъ рукахъ.

Самымъ рельефнымъ контрастомъ въ этомъ отношеніи служили съ одной стороны красивыя европейскія постройки, дворецъ хедива, масса европейцевъ на улицахъ, и съ другой стороны арабскій лагерь. Для участія въ торжествѣ открытія канала изъ разныхъ мѣстностей Египта стеклись къ этому дню въ Измаилію до 30.000 арабовъ со своими шейхами; они размѣстились въ палаткахъ, на большомъ свободномъ пространствѣ между городомъ и каналомъ. Особенно эффектный видъ арабскій лагерь представлялъ вечеромъ. Каждая палатка была освѣщена внутри, кромѣ того повсюду между палатками были развѣшаны фонарики и лампіоны,—въ разныхъ мѣстахъ пускали фейерверкъ. Все это въ темнотѣ ночи представляло особенно оживленную картину.

Шейхи принимали гостей въ своихъ палаткахъ, въ которыхъ они сидѣли съ восточною важностью, курили, а нѣкоторые изъ нихъ занимались игрою въ шахматы; въ другихъ палаткахъ молились, визжали и вертѣлись дервиши, въ разныхъ мѣстахъ сирійцы выдѣлывали съ дѣтьми акробатическіе фокусы, плясали алмеи, за перегородками слышно было пѣніе арабскихъ пѣвицъ. И посреди всего этого двигалась густая толпа арабовъ въ богатыхъ восточныхъ костюмахъ, въ бѣлыхъ и полосатыхъ бурнусахъ и т. п.

Трудно передать впечатлѣніе, производимое на зрителя этимъ восточнымъ праздничнымъ стеченіемъ мѣстныхъ жителей—оно напоминало картину изъ сказокъ тысячи и одной ночи.

На другой день международный флотъ, собравшійся въ озерѣ Тимза, отправился въ дальнѣйшій путь. При входѣ въ каналъ изъ озера на этотъ разъ не было соблюдено того строгаго очередного порядка, какъ въ Портъ-Саидѣ. Одно судно старалось перебить путь у другого и опередить его; такъ какъ поднялся небольшой вѣтеръ, то не разъ случалось, что судно, идущее впереди, вытѣснялось вѣтромъ изъ фарватера, ибо при медленномъ ходѣ трудно было дѣйствовать рулемъ. Такою неудачею немедленно старались воспользоваться другія суда, чтобы занять очистившееся передовое мѣсто. Несмотря на происходившій нѣкоторый безпорядокъ, всѣ суда къ вечеру благополучно вошли въ каналъ. Русскій Черноморскій пароходъ „Адмиралъ Коцебу", на которомъ мнѣ удалось помѣститься въ Измаиліи и на которомъ я засталъ наше русское общество—С. А. Мордвинова, Кирѣева съ женой, Сущова и др.,—вошелъ въ каналъ около трехъ часовъ и благополучно продолжалъ плаваніе до вечера. Каналъ пролегаетъ на этомъ пространствѣ между высокими песчаными берегами. Къ вечеру мы подошли къ самому опасному мѣсту „Серапеумъ", у котораго каменный кряжъ прорѣзываетъ каналъ поперекъ; въ этомъ мѣстѣ ко дню открытія

удалось углубить каналъ только до 19 футовъ (нормальная глубина всего канала считалась въ 27 футовъ). Мы шли медленно, слѣдуя усиленнымъ вниманіемъ за движеніемъ предшествующихъ намъ судовъ. Еще не совершенно стемнѣло, какъ шедшій передъ нами громадный пароходъ Messageries Impériales „Пелузій“ сталъ на мель; пришлось и намъ бросить якорь.

Въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ пассажировъ я отправился на лодкѣ осмотрѣть то мѣсто, гдѣ останавливался пароходъ. Объѣхавъ „Пелузій“, мы вышли на азіатскій берегъ и взобрались по высокой насыпи—ноги тонули въ пескѣ почти по колѣни. Съ вершины насыпи взоръ блуждалъ по безконечной волнистой песчаной степи, освѣщенной бѣловатымъ луннымъ свѣтомъ.

Утромъ „Пелузій“ лежалъ все еще на прежнемъ мѣстѣ. Мы рѣшились обойти его, хотя нашъ пароходъ, какъ колесный, занималъ довольно много мѣста. Послали промѣрить глубину части канала, оставшейся свободною, и оказалось, что она достаточна. Очевидно было, что „Пелузій“ сѣлъ на мель не вслѣдствіе недостатка глубины, а вслѣдствіе затруднительности управлять рулемъ при медленномъ ходѣ столь громаднаго судна, недостаточно нагруженнаго и потому въ значительной мѣрѣ подвергавшагося дѣйствію вѣтра;—оно на ходу отклонилось отъ средины канала и сѣло на мель, упершись въ берегъ. Тихо и осторожно нашъ пароходъ подошелъ къ „Пелузію“; поровнявшись съ нимъ, перебросили на него канаты, чтобы сдерживаться во время прохода и не уклониться въ другую сторону. Всѣ пассажиры съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за движеніемъ судна; черезъ нѣсколько минутъ восторженные крики „ура“ возвѣстили, что мы благополучно прошли,—съ „Пелузія“ экипажъ и пассажиры махали шапками и кричали: bravo!

Послѣ непродолжительнаго плаванія между тѣми же однообразными песчаными берегами, мы вошли въ Горькія озера. Здѣсь видъ мѣстности совершенно измѣнился; пароходъ плылъ по обширному водному пространству, небольшой вѣтеръ волновалъ поверхность воды, берегъ виднѣлся только издали;—Горькія озера это не болотистая и иловая лужа, какъ Мензалэ, а настоящее озеро. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега уступами возвышались три хребта горъ: Джебель, Генефе, Авебель и Джебель-Атака, подходящій къ Чермному морю, около самаго Суэза. Скалистые хребты горъ, освѣщенные весеннимъ солнцемъ, представляли всѣ оттѣнки цвѣтовъ, отъ бураго до свѣтло-желтаго и ярко-краснаго. Растительности на нихъ не было замѣтно.

Горькія озера—остатки прежняго древнѣйшаго углубленія въ материкъ Суэзскаго залива—представляли до начатія работъ совер-

шенно высохшій бассейнъ, мѣстами покрытый слоемъ морской соли. Для наполненія его потребовалось впустить до 1.720 милліоновъ кубическихъ метровъ воды (для наполненія озера Тимза потребовалось всего четыре милліона), изъ которыхъ до 300 милліоновъ были поглощены почвой и испареніемъ во время процесса наполненія озеръ. Вслѣдствіе своей величины Горькія озера служатъ уравнителемъ прилива и отлива воды въ каналѣ. Приливъ и отливъ, не существующіе въ Средиземномъ морѣ, проявляются въ Чермномъ морѣ въ довольно значительномъ размѣрѣ, потому что послѣднее имѣетъ характеръ открытаго бассейна, находящагося въ непосредственномъ сношеніи съ океаномъ. Приливъ и отливъ бываетъ на берегахъ Чермнаго моря отъ 1 до 2½ футовъ; въ исключительныхъ случаяхъ онъ доходитъ даже до 6 футовъ, между тѣмъ въ Горькихъ озерахъ уровень воды никогда не измѣняется болѣе, чѣмъ на полъ-фута, а за ними всякое вліяніе прилива и отлива въ каналѣ исчезаетъ.

Мы плыли по Горькимъ озерамъ (ихъ два, большое и малое, соединенныя проливомъ) часа три, по пути, проложенному по срединѣ озера между рядомъ маяковъ и вѣхъ. Чугунные плавучіе маяки на якоряхъ устроены по новой системѣ и вечеромъ освѣщаются электрическимъ огнемъ. Существовало предположеніе освѣтить электричествомъ все протяженіе канала.

Отъ Горькихъ озеръ до Суэза всего 20 или 25 верстъ; эта послѣдняя часть канала проходитъ по глинисто-каменистой мѣстности. Окружающія горы все болѣе возвышаются, выступая яснѣе и приближаясь къ морю.

Въ четвертомъ часу по полудни предъ нами открылся широкій бассейнъ Суэзскаго залива, за нимъ Чермное море и позади, какъ бы прислоняясь къ горному хребту Атака—самый городъ Суэзъ, который однако въ дѣйствительности лежитъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ горнаго хребта, не доходящаго въ этомъ мѣстѣ до морского берега.

Такимъ образомъ мы употребили на проходъ канала отъ Портъ-Саида до Суэза ровно три дня. Но въ числѣ этихъ трехъ сутокъ заключались: цѣлый день, проведенный въ Измаиліи, и двѣ ночевки въ Раз-эл-эхѣ и въ Сарапеумѣ. При нормальномъ, хотя и медленномъ ходѣ пароходовъ, полагалось допустить скорость до 10 верстъ въ часъ—при чемъ на проходъ всего канала потребовалось бы только 16 часовъ, если бы впослѣдствіи оказалось возможнымъ обходиться безъ ночевки на озерѣ Тимза.

Суэзскій портъ отдѣлялся отъ стараго города мелководными лагунами, по временамъ высыхавшими, поперекъ этихъ лагунъ проходила, на разстояніи отъ 2 до 3 верстъ, песчаная насыпь саже-

ней 10 ширины, соединявшая портъ съ городомъ, по которой были проложены рельсы для желѣзной дороги. Вплоть у самаго порта начиналъ уже возникать новый городъ, который, можно было ожидать, превзойдетъ значеніемъ Старый Суэзъ. У порта уже былъ сооруженъ громадный сухой докъ, въ который могли входить для исправленія величайшіе пароходы англійской компаніи (Peninsular-Oriental), содержавшей періодическія сообщенія между Суэзомъ и Индіею. Возлѣ дока былъ построенъ большой каменный домъ, принадлежавшій той же компаніи; нѣсколько правѣе былъ уже расположенъ на берегу цѣлый рядъ другихъ построекъ. Можно было ожидать, что примѣру англійской компаніи послѣдуетъ большая часть другихъ пароходныхъ компаній, а за ними переселятся изъ Стараго Суэза въ новый городъ купцы, комиссіонеры, агенты, маклера. Въ то время уже приступлено было къ осушенію мелководныхъ лагунъ, лежавшихъ между портомъ и городомъ, и большая часть вновь созидаемой мѣстности уже была роздана египетскимъ правительствомъ разнымъ компаніямъ для постройки пристаней, доковъ, агентуръ и подобныхъ учрежденій. Французская компанія Messageries Impériales, австрійскій лойдъ, русское Черноморское Общество находились въ числѣ первыхъ обществъ, получившихъ такіе надѣлы. Старый Суэзъ былъ тогда преимущественно арабскій городъ, тѣсный, грязный, съ немощеными пыльными улицами, проходившими между мазанками, окруженными грудами разнаго сора. Въ европейской части города дома, большею частью съ плоскими крышами, были построены изъ желтаго необожженнаго кирпича. Почти во всѣхъ домахъ нижній этажъ былъ занятъ лавками, трактирами, кофейными, передъ дверями которыхъ сидѣли разодѣтыя женщины... По всему было видно, что это городъ, въ которомъ главную роль играли матросы и офицеры, съѣзжавшіе на берегъ отдохнуть послѣ продолжительнаго морского путешествія, повеселиться, покутить и запастись въ магазинахъ необходимыми предметами жизненнаго обихода и разными издѣліями восточной роскоши. Въ Суэзѣ, лежащемъ на перепутьи изъ Китая и Японіи въ Европу, находился въ то время между прочимъ извѣстный магазинъ китайскихъ и японскихъ фарфоровыхъ вещей, принадлежавшій торговому дому Бурдонъ и К°. Но кромѣ того, цѣлыя улицы наполнены лавчонками, въ которыхъ продаются исключительно издѣлія японскія, индійскія и малайскія. Между ними попадаются впрочемъ и поддѣльныя европейскія издѣлія. Такъ въ одной такой лавкѣ я сталъ разсматривать небольшой складной наргилэ и хотѣлъ уже купить его, какъ повернувъ его, я увидѣлъ на днѣ штемпель нѣмецкой фабрики; на память я пріобрѣлъ въ Суэзѣ двѣ небольшія красивыя

японскія фарфоровыя вазочки краклэ, которыя до сихъ поръ стоятъ въ моемъ кабинетѣ и напоминаютъ мнѣ объ интересномъ путешествіи, совершенномъ болѣе чѣмъ тридцать лѣтъ тому назадъ.

Близъ дебаркадера желѣзной дороги возвышались большіе, красивые каменные дома, въ томъ числѣ двѣ громадныя гостиницы Hôtel d'Orient и Hôtel de Suez, устроенныя на англійскій ладъ. Вся прислуга въ нихъ состояла изъ китайцевъ. Со времени постройки канала, къ его открытію народонаселеніе Суэза возросло съ 4 до 10 тысячъ жителей. До проведенія прѣсноводнаго канала, жители Суэза много страдали отъ недостатка воды, которая подвозилась издали на верблюдахъ, а впослѣдствіи по желѣзной дорогѣ въ особенныхъ вагонахъ цистернахъ. Расходъ на доставку воды доходилъ ежегодно до 120.000 фр. Вотъ почему, когда былъ открытъ прѣсноводный каналъ (соединяющійся съ моремъ шлюзами), радость мѣстныхъ жителей была безпредѣльна; арабы бѣгали по берегу канала, погружали въ воду голову и руки и никакъ не хотѣли вѣрить, что эта драгоцѣнная вода не утечетъ вся въ море, а навсегда сдѣлается достояніемъ всѣхъ жителей Суэза.

На другой день рано утромъ мы отправились съ экстреннымъ поѣздомъ желѣзной дороги, предоставленнымъ въ распоряженіе русскаго посла, изъ Суэза въ Каиръ. Дорога пролегаетъ нѣсколько часовъ по голой песчаной степи, почти параллельно съ прѣсноводнымъ каналомъ, берега котораго едва начинали покрываться растительностью: мелкій кустарникъ и трава окаймляли его узкой зеленоватой лентой. Мѣстами однообразіе степи прерывалось небольшими каменными станціями, между которыми отъ времени до времени попадались убогія мазанки, въ которыхъ помѣщались сторожа дороги—арабы, какъ и вся прислуга поѣзда. Странно было смотрѣть, какъ изъ этихъ полукруглыхъ кучекъ глины выходили арабы въ лохмотьяхъ и совершенно по-европейски отдавали честь проходившему поѣзду, поднимая рукою небольшой четыреугольный зеленый флагъ. Поровнявшись съ Измаиліей у станціи Нефишъ, поѣздъ поворачиваетъ почти подъ прямымъ угломъ налѣво, продолжая путь по песчаной степи еще съ полчаса до станціи Максама. Отсюда онъ выходитъ изъ степного пространства въ полосу растительности, которая, по мѣрѣ приближенія къ Загазигу и Каиру, становится все роскошнѣе. Мѣстность эта, называемая долиною Гессенъ, издавна славилась плодородіемъ. Слово „Гессенъ" значитъ по-арабски земли пастбищъ; о плодородіи этой мѣстности упоминается уже въ Ветхомъ Завѣтѣ. Поля маисовыя, рисовыя, хлопковыя чередовались по обѣимъ сторонамъ дороги; далѣе попадали поля сорго и сахарнаго тростника, между полями были разбросаны

группы тѣнистыхъ деревъ: акацій, платанъ и финиковыхъ пальмъ; повсюду были проведены канавы для орошенія полей, на которыхъ были поставлены для этой цѣли ручные черпальные проводы. Орудія обработки полей были самаго первобытнаго устройства, плугъ замѣнялся срубленнымъ деревомъ съ заостренным сукомъ, которое влекли два верблюда, сопровождаемые арабомъ - погонщикомъ. Мѣстами верблюды замѣнялись въ упряжѣ буйволами; на нѣкоторыхъ поляхъ жали хлѣбъ или молотили его подъ открытымъ небомъ волами, медленно двигавшимися около круговыхъ приводовъ. Стаи голубей летали надъ поверхностію земли, нерѣдко попадались ибисы. Вся эта мѣстность дышала какою-то древнею библейскою поэзіею; воспоминанія о временахъ фараоновъ и о судьбахъ еврейскаго народа невольно возникали въ памяти, даже если бы древнія библейскія имена, какъ напр. Источники Моисея, и не напоминали здѣсь почти на каждомъ шагу путешественнику, что онъ находится на почвѣ самыхъ древнихъ и самыхъ богатыхъ историческихъ преданій. Въ Суэзѣ намъ показывали то мѣсто, гдѣ по преданію евреи перешли по сушѣ Чермное море и гдѣ затѣмъ потонулъ гонявшійся за ними фараонъ со всею своею ратью. Это родъ отмели, соединяющей оба берега; во время прилива эта отмель покрывается водою, а во время сильнаго отлива, особенно при большомъ восточномъ вѣтрѣ, почва отмели временно почти совершенно оголяется. Вотъ такимъ моментомъ, по объясненію мѣстныхъ ученыхъ, евреи и воспользовались для перехода черезъ море, устремляясь изъ Египта въ Аравійскую пустыню.

Но только что путешественникъ, забывъ, что онъ летитъ на поѣздѣ желѣзной дороги, успѣвалъ погрузиться мысленно въ глубокую древность священныхъ временъ, какъ взоры его внезапно поражались представителями новѣйшей промышленной цивилизаціи въ видѣ локомобиля или парового плуга, стоявшаго на срединѣ поля. Большая часть плодородныхъ и богатыхъ полей, лежавшихъ по обѣимъ сторонамъ дороги, принадлежали вице-королю или частнымъ капиталистамъ; феллахскія земли были расположены вверхъ по Нилу. Впрочемъ, около Загазига начинали появляться изрѣдка и арабскія деревни; это были груды грязныхъ землянокъ, мазанокъ съ плоскими крышами, тѣсно скученныхъ на одномъ мѣстѣ, свободное пространство между двумя землянками было обыкновенно наполнено навозомъ; легко себѣ представить, какая въ этихъ жилищахъ,—въ коихъ люди часто помѣщались вмѣстѣ со скотомъ,—должна была господствовать нечистота, и до какой степени они должны были изобиловать разными насѣкомыми. Если несмотря на то въ средѣ этого населенія рѣдко развивались по-

вальныя болѣзни, то это только благодаря благотворному, здоровому и сухому климату; впрочемъ, почти всѣ арабы страдали разными глазными болѣзнями.

Отчасти вслѣдствіе низкой степени умственнаго и промышленнаго развитія, отчасти вслѣдствіе обремененія разными налогами, египетскій народъ, отличающійся необыкновенною добротою, представлялъ картину крайней бѣдности, несмотря на то, что онъ живетъ посреди плодородной мѣстности, богато надѣленной всѣми дарами природы. Одною изъ главныхъ причинъ его бѣдности слѣдовало считать существовавшую долгое время въ Египтѣ систему монополій. Эта система была введена или по крайней мѣрѣ развита до крайности при Мехметъ-Али. Земледѣлецъ и вообще всякій сельскій производитель былъ принужденъ, подъ опасеніемъ строгаго взысканія, сдавать хлѣбъ и всѣ свои произведенія, за исключеніемъ небольшого количества, необходимаго для собственнаго потребленія, въ казенные магазины, гдѣ они принимались по извѣстной таксѣ. Если собственныхъ запасовъ однако не хватало для продовольствія семейства земледѣльца на весь годъ, то производитель принужденъ былъ, для покупки недостающаго ему количества хлѣба, обращаться въ тѣ же казенные магазины, гдѣ ему приходилось платить за него гораздо дороже, чѣмъ сколько онъ самъ получилъ при сдачѣ въ казенный магазинъ. Результатомъ подобной системы была страшная бѣдность народа; голодъ и болѣзни господствовали въ деревняхъ, здоровое населеніе которыхъ истощалось кромѣ того войнами, которыя постоянно велись при Мехметъ-Али. Смертность развилась ужасающая; цѣлыя деревни совершенно пустѣли, поля превращались въ пустынныя земли, которыя, подъ названіемъ Гифликъ (покинутыя селенія), присоединялись къ имуществу вице-короля, раздававшаго ихъ членамъ своего семейства.

Эта убійственная монополія была отмѣнена, когда вступилъ на престолъ Саидъ-паша. Феллахамъ была дарована возможность продавать и покупать произведенія своей культуры по вольнымъ цѣнамъ и право произвольно мѣнять мѣсто жительства; эта реформа была нѣчто вродѣ освобожденія крестьянъ. Лучшія земли остались однако въ рукахъ вице-короля и его семейства, которымъ принадлежала въ то время восьмая часть годныхъ для обработки земель. Самое выгодное производство, воздѣлываніе хлопка было преимущественно сосредоточено на земляхъ хедива. Обработка хлопка получила уже въ то время такое развитіе въ Египтѣ, что эта культура стала вытѣснять даже мѣстами воздѣлку зерновыхъ хлѣбовъ до того, что Египетъ, всегда считавшійся житницею Европы, самъ сталъ нуждаться въ привозѣ хлѣба. Изъ всѣхъ земель, которыя

воздѣлывались феллахами, около одной пятой принадлежало имъ въ собственность, остальныя же четыре пятыхъ составляли собственность казны; за пользованіе ими они платили оброкъ или отбывали барщину. Съ собственныхъ земель они платили 10-процентную подоходную подать. Какъ тѣ, такъ и другія земли состояли у нихъ въ личномъ владѣніи, общинное владѣніе было неизвѣстно въ Египтѣ. Значительную часть дохода селянина составляли финиковыя пальмы—каждая пальма давала ежегодно среднимъ числомъ около 6 таларисовъ (т. е. до 30 франковъ) дохода, но зато онѣ и были обложены спеціальнымъ налогомъ по одному таларису (5 франковъ) съ дерева.

Послѣ получасовой остановки въ Загазигѣ, довольно большомъ арабскомъ городѣ, въ которомъ производилась значительная торговля хлѣбомъ и разными сельскими произведеніями, поѣздъ желѣзной дороги тронулся въ дальнѣйшій путь; намъ оставалось только около двухъ часовъ ѣзды до Каира.

Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали пріѣзда въ этотъ волшебный городъ. До сихъ поръ мы видѣли только берега канала и степную часть Египта. Александрія не могла дать понятія о восточномъ городѣ — это Петербургъ Египта. Но столица Египта, священный городъ Мазръ-Эль-Каиръ, городъ пальмъ, мечетей, арабскихъ базаровъ и дворцовъ, представлялся нашему воображенію чѣмъ-то сказочнымъ, какъ бы явленіемъ изъ тысячи и одной ночи. Наконецъ, въ семь часовъ вечера поѣздъ остановился у станціи Каиръ. Уже совершенно стемнѣло и потому при въѣздѣ нельзя было составить себѣ понятія о видѣ города. У станціи толпилось множество людей и экипажей. Въ то время, какъ мы возились съ нашимъ багажемъ, къ намъ подошелъ египетскій комиссаръ и объяснилъ намъ по-французски, что мы можемъ ѣхать прямо въ Shepherds-Hotel, въ которомъ для гостей хедива были приготовлены комнаты. Пользуясь указаніемъ любезнаго комиссара, мы сѣли въ коляску и отправились въ Shepherds-Hotel по улицамъ, обстроеннымъ европейскими домами, освѣщенными газомъ и представлявшими совершенно видъ европейскаго города, къ немалому нашему разочарованію. Въ гостиницѣ, помѣщавшейся въ большомъ каменномъ домѣ на Эзбекіэ и устроенной на англійскій ладъ, мы дѣйствительно немедленно нашли приготовленное для насъ помѣщеніе.

Гостепріимство хедива (т. е. вице-короля) было по-истинѣ баснословное. Всѣ приглашенные къ открытію канала считались его гостями и были размѣщены на его счетъ. У меня была красивая комната, каждый день превосходный кофе, завтракъ и обѣдъ съ шампанскимъ, и за все это не приходилось платить. Не желая жить все время на счетъ хедива, я на третій день послѣ пріѣзда въ

Каиръ объявилъ, что я теперь желаю помѣститься и жить на собственный счетъ, такъ какъ я еще нѣкоторое время думаю пробыть въ Каирѣ. Мнѣ дѣйствительно отвели другую комнату, но когда въ день отъѣзда, послѣ десятидневнаго пребыванія, я потребовалъ счетъ, мнѣ объявили, что я, какъ гость хедива, ничего платить не долженъ, и несмотря на всѣ мои протесты, взыскали съ меня только нѣсколько франковъ за сельтерскую воду, которую я требовалъ внѣ обычныхъ часовъ ѣды. По всей вѣроятности содержателямъ гостиницъ было выгоднѣе имѣть жившихъ у нихъ лицъ на счетъ хедива,—которому пришлось платить несомнѣнно болѣе того, что можно было поставить на счетъ частнымъ лицамъ. Впрочемъ, мнѣ говорили, что цѣны въ то время были довольно опредѣленныя и умѣренныя, платилось по наполеондору, т. е. 20 фр. въ главныхъ гостиницахъ за комнату съ пансіономъ, при чемъ кормили очень хорошо, слѣдовало платить особо только за вина, а такъ какъ намъ за каждымъ обѣдомъ кромѣ другихъ винъ подавалось еще шампанское, то наше содержаніе обходилось вѣроятно хедиву гораздо дороже.

Едва мы размѣстились въ гостиницѣ, какъ пришлось собираться на балъ, который вице-король давалъ въ этотъ вечеръ во дворцѣ Казръ-Эль-Нилъ. Экипажи по этому случаю были внѣ всякой цѣны; за коляску, которыхъ въ Каирѣ было немного, платили по сто франковъ за вечеръ и даже за эту цѣну трудно было получить экипажъ. При такомъ положеніи дѣла я рѣшился послѣдовать примѣру большинства пріѣзжихъ и отправиться на балъ верхомъ на ослѣ. Подобное путешествіе во фракѣ и бѣломъ галстухѣ имѣло довольно комичный видъ. Дорога въ Казръ-Эль-Нилъ, версты три, шла по хорошему шоссе, окаймленному каменными тротуарами, между садами и неоконченными постройками, изъ-за которыхъ мѣстами выглядывали пальмы. Дорога эта, тогда только что отдѣланная, напоминала нѣкоторыя изъ боковыхъ аллей (Avenues) въ Champs Elysées въ Парижѣ. На концѣ улицы горѣлъ весь въ разноцвѣтныхъ огняхъ дворецъ Казръ-Эль-Нилъ. Такъ какъ приглашенныхъ была масса, всѣ прибывшіе европейцы съ дамами, то при теплой ночи, жара въ залахъ, роскошно убранныхъ, была тропическая. Пробывъ часа два въ этой толпѣ, я отправился обратно тѣмъ же способомъ, т. е. верхомъ на моемъ осликѣ. Послѣ пребыванія въ жаркихъ залахъ, совершенно въ испаринѣ, пришлось проѣхать такимъ образомъ ночью обратныя три версты, всего въ легкомъ пальто—и несмотря на то, никто изъ насъ не простудился, до того восхитительны египетскія ночи; вотъ почему Каиръ считается однимъ изъ лучшихъ климатическихъ пунктовъ для легочныхъ больныхъ; говорили, что спеціальность каирскаго воздуха

вызывать быстрое заживленіе (cicatrisation) всякихъ ранъ какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ.

Казръ-Эль-Нильскій дворецъ, казавшійся ночью, при блестящемъ освѣщеніи, волшебнымъ зданіемъ, представлялся днемъ въ совершенно другомъ видѣ. Это длинный рядъ строеній, окружающій съ трехъ сторонъ два большихъ четыреугольныхъ сквера, прилегающихъ четвертой стороной непосредственно къ берегу Нила. Правая половина этихъ построекъ составляла собственно дворецъ, а лѣвая половина—казармы, непосредственно граничившія съ дворцомъ. Несмотря на то, что зданіе было построено очень недавно, оно находилось уже въ полномъ разрушеніи; стекла въ окнахъ были разбиты, рамы переломаны, на дворѣ груды мусора и обломковъ, посреди которыхъ растянулись палатки, въ которыхъ жили солдаты, такъ какъ самое строеніе было уже почти необитаемо. Это одинъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ египетской системы экономіи. Каждый годъ почти строились новые дворцы и казенныя зданія, но ничего не расходовалось на поддержаніе ихъ; когда зданіе приходило въ ветхость, его покидали и строили новое. Тотъ же халатный порядокъ я замѣтилъ нѣсколько лѣтъ спустя и въ Константинополѣ. Это, кажется, общее правило на востокѣ.

Въ Каирѣ я познакомился съ нашимъ знаменитымъ маринистомъ Н. К. Айвазовскимъ, такъ какъ насъ помѣстили съ нимъ въ одной комнатѣ. Я съ нимъ съ самаго начала очень сблизился, имы оставались съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ до самой его смерти.

На слѣдующій день, когда я проснулся, теплое каирское солнце освѣщало небольшой, но красивый садъ гостиницы, который былъ разбитъ на дворѣ передъ моими окнами. Этотъ садъ былъ наполненъ тѣнистыми акаціями, огромными пенданеа (деревья, пускающія корни изъ вѣтвей, находящихся на разстояніи двухъ, трехъ саженей отъ земли), разнообразными кустарниками, между которыми отличалось индѣйское растеніе съ большими красными цвѣтами (polincetia pulcherrima), розами и другими цвѣтами; посреди сада возвышался фонтанъ изъ бѣлаго мрамора. Я поспѣшилъ одѣться и отправиться на подъѣздъ гостиницы, устроенный въ видѣ балкона. Отсюда можно было обнять взоромъ почти всю европейскую часть города.

Передъ гостиницею находился обширный скверъ и садъ Эзбекіэ, обнесенный красивою желѣзною рѣшеткой. Эзбекіэ былъ окруженъ красивыми каменными постройками, большею частью гостиницами, Shepherds Hotel и Oriental Hotel въ углу сквера, окруженный группою пальмъ, наконецъ, New-Hotel, громаднѣйшее зданіе изъ сѣраго камня, похожее на старинный дворецъ и устроенное со всѣми удобствами утонченнаго европейскаго комфорта. Передъ New-Hôtel

были расположены три большія зданія: опера, французскій театръ и циркъ. Эта часть города напоминала отчасти Брюссель, отчасти итальянскіе города. Парижъ Гаусмана напоминали только новыя неоконченныя постройки, которыя встрѣчались на каждомъ шагу; вездѣ строили, ломали, подвозили кирпичъ и известку, обдававшую пылью проходящихъ при малѣйшемъ вѣтрѣ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Oriental-Hôtel начинается арабскій городъ съ улицею Муски. Небольшой, мало замѣтный переулокъ соединяетъ эти двѣ части города, отъ чего получается удивительное впечатлѣніе. Изъ центра европейскаго города вдругъ переносишься въ самую глубину арабскаго города, гдѣ все дышетъ востокомъ, гдѣ ничего не напоминаетъ Европу, какъ-будто въ Каирѣ и не существуетъ европейской части города. Ощущаешь такое чувство, какъ будто въ мигъ человѣкъ перелетѣлъ на коврѣ-самолетѣ изъ одной части свѣта въ другую.

Улица Муски это Невскій проспектъ арабскаго Каира; это самая широкая изъ арабскихъ улицъ Каира, не шире, однако, любого изъ нашихъ переулковъ,—она была окаймлена высокими домами, построенными въ восточномъ стилѣ. Мѣстами черезъ всю улицу, съ одной крыши на другую были переброшены зеленые и красные ковры, для защиты отъ лучей солнца. Эти покрывала, въ обыкновенное, не праздничное время замѣнялись просто досками, которыя раскладывались съ крыши на крышу и оттѣняли улицу. По всей длинѣ Муски нижніе этажи домовъ были заняты магазинами и лавками, которые придавали этой улицѣ чрезвычайно пестрый видъ: сначала шли разные европейскіе магазины: модные, галантерейные, книжныя лавки, аптеки; затѣмъ магазины начинаютъ перемежаться арабскими лавками, число которыхъ постоянно увеличивается, по мѣрѣ того, какъ подвигаешься далѣе по улицѣ. Передъ каждой лавкой стояли стулья и скамьи, на которыхъ сидѣли покупатели, разговаривая съ хозяиномъ лавки и разсматривая товары, часто самъ лавочникъ-ремесленникъ, тутъ же на улицѣ, занимался выдѣлкою предметовъ своей торговли. Около средины улицы возвышалась мечеть, которая издали казалась сложенною изъ бѣлаго и краснаго мрамора, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывалось, что она была отштукатурена известкой и раскрашена бѣлымъ и краснымъ цвѣтомъ. Муски всегда была наполнена массой народа; тутъ толпились и европейцы и арабы въ полосатыхъ бурнусахъ и нубійскіе негры, черные какъ смоль, одѣтые въ лохмотья, и армяне въ полуевропейскомъ, полуазіатскомъ костюмѣ, наконецъ, евреи. То же разнообразіе представлялось и въ женскихъ типахъ; тутъ можно было видѣть и арабскую женщину-работницу, въ синемъ или черномъ бу-

мажномъ балахонѣ, перетянутомъ черезъ голову и соединенномъ съ нижнею частію одежды металлическимъ украшеніемъ, которое приходилось у нихъ противъ носа, такъ что видны были только одни глаза, и турчанку въ пестромъ одѣяніи изъ той же бумажной ткани, и левантинку, никогда не выходящую пѣшкомъ, а разъѣзжающую всегда на ослѣ, завернутою въ широкое, черное, тафтяное одѣяніе, которое она поддерживала съ обѣихъ сторонъ растопыренными руками, такъ что издали походила на какой-то черный пузырь; и представительницъ восточнаго demi-monde, въ голубыхъ и розовыхъ атласныхъ одѣяніяхъ, и, наконецъ, европейскихъ дамъ въ роскошныхъ парижскихъ модныхъ костюмахъ,—все это образовало одну густую пеструю толпу.

Посреди этой толпы можно было видѣть бѣгущаго и кричавшаго на постороннихъ человѣка, въ красивомъ бѣломъ одѣяніи, опоясанномъ широкою пестрою шалью, съ босыми ногами, длинные бѣлые рукава котораго развѣвались на воздухѣ какъ крылья—это саисы; передъ ними толпа расходилась въ сторону, давая дорогу экипажу, который несся за саисомъ. Въ Каирѣ ни одинъ экипажъ не проѣзжалъ по городу безъ саиса или скорохода; даже часто всадники вмѣсто жокеевъ сопровождались саисами; при узкихъ, невымощенныхъ, постоянно наполненныхъ народомъ улицахъ, безъ саиса трудно было бы и ѣздить, такъ какъ экипажъ катится по мягкой дорогѣ безъ шума; приходилось бы или ѣхать шагомъ или постоянно подвергаться опасности задавить кого-либо изъ проходящихъ; вотъ почему даже простые извозчики имѣли передъ экипажемъ саиса, хотя и въ лохмотьяхъ и грязно одѣтаго. По Муски проходили постоянно религіозныя процессіи; тутъ можно было встрѣтить почти ежедневно или свадебную процессію, ведущую невѣсту, закутанную съ головы до ногъ въ красное кумачевое покрывало, обвѣшанную разными золотыми монетами и украшеніями, тихо и мѣрно шествующую подъ балдахиномъ, поддерживаемымъ четырьмя копьями, при оглушительныхъ звукахъ болѣе или менѣе значительнаго оркестра музыки, въ сопровожденіи всего семейства, родственниковъ и мусульманскаго духовенства,—тутъ же можно было встрѣтить погребальную процессію, такъ называемыхъ арабскихъ святыхъ, гробъ которыхъ несутъ на плечахъ, окруженный разными знаменами, и разныя другія процессіи. Пробравшись съ трудомъ черезъ всю эту пеструю толпу до средины улицы и поворотивъ налѣво, посѣтитель входилъ въ безконечный рядъ самыхъ узкихъ переулковъ, исключительно наполненныхъ лавками—это знаменитый базаръ Ханъ-Халифъ. Тутъ продавались арабскія, сирійскія и другія восточныя ткани, шитые золотомъ и шелкомъ готовые костюмы, ковры,

туфли и разныя кожанныя издѣлія, драгоцѣнные чубуки, древнее оружіе, бирюза, золотыя и серебряныя издѣлія—и все это въ маленькихъ, грязныхъ лавчонкахъ. Продавецъ, обыкновенно арабъ, не понимавшій ни слова ни на одномъ европейскомъ языкѣ; ему покупатель-европеецъ показывалъ какую-либо вещь въ его лавкѣ и знаками спрашивалъ цѣну; на это онъ молча, пальцами начиналъ отсчитывать число франковъ или золотыхъ, смотря по достоинству товара, составляющихъ его цѣну. Покупателя и продавца немедленно обступала толпа зѣвакъ, которые съ интересомъ слѣдили за результатомъ торга; изъ толпы отдѣлялся обыкновенно армянинъ, предлагавшій служить переводчикомъ; наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ покупка совершалась по цѣнѣ значительно пониженной. Посѣтитель отправлялся дальше, но услужливый переводчикъ, если разъ обратиться къ его посредничеству, уже не отставалъ отъ посѣтителя и продолжалъ все время служить ему переводчикомъ, довольствуясь весьма умѣреннымъ вознагражденіемъ, двухъ-трехъ франковъ за нѣсколько часовъ, проведенныхъ съ нимъ.

Противъ базара Ханъ-Халифа, направо изъ Муски вела улица къ Каирской цитадели, окруженной гробницами халифовъ. Цитадель вмѣстѣ съ мечетью Мехметъ-Али лежитъ на высокомъ скалистомъ холмѣ, господствуя надъ всѣмъ городомъ. Необыкновенно высокіе и стройные минареты мечети, какъ два исполинскія копья, возвышаются на переднемъ фасадѣ строенія. Въ этой мечети погребенъ Мехметъ-Али, его великолѣпную гробницу, высѣченную изъ камня съ разными арабскими надписями и золотыми украшеніями, показывали путешественникамъ, при чемъ обыкновенно проводникъ разсказывалъ разные факты изъ жизни этого замѣчательнаго лица, такъ высоко поднявшаго въ свое время значеніе Египта. Всѣ подобные разсказы были интересны тѣмъ, что они рисовали нѣсколькими рельефными чертами, легко врѣзывавшимися въ память слушателя весьма удачную характеристику той смѣси жестокости, энергіи и грандіозности, которыми отличались всѣ дѣйствія Мехметъ-Али. Такъ, напр., какъ мнѣ разсказывалъ проводникъ, находясь на пути въ Верхній Египетъ, Мехметъ-Али получилъ извѣстіе о вспыхнувшемъ въ Каирѣ бунтѣ; съ быстротою молніи возвратился въ столицу для подавленія возстанія и наказанія виновныхъ; его несчастный саисъ палъ мертвымъ отъ изнеможенія, въ тотъ самый моментъ, какъ онъ въѣзжалъ въ Каирскія ворота.

Въ этой же цитадели происходила 1-го марта 1811 года рѣзня мамелюковъ. Мамелюки, какъ извѣстно, составляли въ Египтѣ родъ преторіанской гвардіи, пользовавшейся необычайнымъ вліяніемъ и накопившей несмѣтныя богатства. Желая избавить страну отъ па-

губнаго вліянія этого всемогущаго войска, Мехметъ-Али пригласилъ начальниковъ мамелюковъ на пиръ въ цитадель. Они явились въ праздничныхъ одѣяніяхъ, безъ оружія; но едва только они вошли въ цитадель, какъ въ узкомъ проходѣ бросились на нихъ албанцы, которые для этой цѣли предварительно были помѣщены въ засадѣ по приказанію Мехметъ-Али, и всѣхъ ихъ перерѣзали. Изъ приглашенныхъ на пиры мамелюковъ спасся только одинъ, Гананъ-Бей, соскочившій на конѣ съ высоты восьми-саженной скалы. Мѣсто это все еще показывалось путешественникамъ; оно такъ и называлось Прыжокъ Мамелюка (Le Saut du Mameluk). Конь его палъ мертвымъ,—всадникъ же отдѣлался нѣсколькими ушибами и ему удалось спастись, но ощущенія, испытанныя имъ во время этой катастрофы, подѣйствовали на несчастнаго такъ сильно, что вслѣдъ за тѣмъ онъ сошелъ съ ума. Все громадное имущество мамелюковъ было конфисковано въ пользу хедива. За мечетью находится небольшой дворъ, на которомъ похоронены всѣ вмѣстѣ мамелюки, умерщвленные 1 марта 1811 года. Находясь въ мечети возлѣ гробницы Мехметъ-Али, я видѣлъ изъ окна у самой стѣны мечети кладбище мамелюковъ. Такимъ образомъ и виновникъ этой рѣзни и его жертвы покоились мирно вѣчнымъ сномъ въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга.

У подошвы холма, на которомъ стоитъ цитадель, по обширному пустынному каменисто-песчаному мѣсту были разбросаны въ безпорядкѣ гробницы прежнихъ халифовъ. Это были полу-разрушенныя четвероугольныя постройки изъ желтаго песчаника, въ древнемъ арабскомъ стилѣ, накрытыя куполомъ, разукрашеннымъ самыми затѣйливыми арабесками и арабскими письменами, высѣченными въ камнѣ. Къ сожалѣнію, почти ничего не дѣлалось для сохраненія этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ древней арабской архитектуры.

Съ террасы цитадели взорамъ посѣтителя представлялась чудная панорама. Почти необозримая масса домовъ, между которыми были разбросаны группы роскошныхъ тѣнистыхъ деревъ и пальмъ, мѣстами возвышались куполы мечетей и шпицы легкихъ минаретовъ; на второмъ планѣ виднѣлась широкая сѣрая полоса Нила, окаймлявшая городъ, за нимъ степь, а на горизонтѣ пирамиды Гизé. Вдоль самаго Нила была расположена загородная часть Каира— форштадты. Здѣсь многое напоминало Италію, напр., высокія стѣны, окаймлявшія по обѣимъ сторонамъ улицы, изъ-за которыхъ выглядывала темная зелень апельсинныхъ деревъ. Въ архитектурѣ Каирскихъ домовъ проявлялась какая-то смѣсь восточнаго стиля съ греческимъ и итальянскимъ. Очевидно, что греки, какъ въ южной Италіи, такъ и здѣсь оставили свой отпечатокъ. Даже утварь, ко-

торая попадалась на глаза путешественнику, часто представляла необычайное сходство съ утварью, открытой въ древней Помпеѣ. Въ Помпеѣ вино хранилось въ большихъ, глиняныхъ остроконечныхъ къ низу сосудахъ, которые устанавливались въ нѣсколько рядовъ вдоль стѣны дома и засыпались по горло землей, для сохраненія прохлады. Тѣ же сосуды и совершенно въ томъ же видѣ расположенные я видѣлъ и въ Каирѣ. Замѣчательно, что такіе же большіе глиняные сосуды встрѣчаются и у насъ въ Крыму.

Такимъ образомъ въ Египтѣ сохранились въ первообразномъ своемъ видѣ формы и обычаи, которые господствовали въ южной Италіи около 2.000 лѣтъ тому назадъ. Вообще можно было замѣтить, что самый способъ народной производительности оставался въ Египтѣ на той же самой степени развитія, на которой онъ находился сотни лѣтъ тому назадъ, весьма мало затронутый тѣмъ внѣшнимъ напускомъ цивилизаціи, которую уже болѣе тридцати лѣтъ египетское правительство стремилось укоренить въ странѣ.

Осмотрѣвъ самый городъ, оставалось еще ознакомиться съ окрестностями Каира. Дорога, параллельная съ Ниломъ, ведущая въ Шубру,—роскошный садъ, въ которомъ помѣщался гаремъ Галимъ-паши, дяди вице-короля, жившаго въ Константинополѣ, представляла любимую прогулку каирскихъ жителей. Ряды величественныхъ сикоморъ и акацій, окаймляя дорогу, придавали ей видъ безконечной тѣнистой аллеи. Зелень этихъ деревъ была до того густа, что лучи солнца почти не могли проникать на дорогу. По обѣимъ ея сторонамъ были расположены дворцы и виллы родственниковъ и приближенныхъ вице-короля. Все это были зданія большею частію въ новѣйшемъ итальянскомъ стилѣ, окруженныя небольшими, но очень красиво устроенными садами. На второй или третьей верстѣ отъ Каира строенія прекращались и передъ глазами гуляющаго открывался широкій кругозоръ: съ лѣвой стороны Нилъ, а за нимъ безпредѣльная степь; на берегахъ Нила мелькали вдали пальмы и группы лиственныхъ деревъ; съ правой стороны разстилались богатыя поля, прорѣзываемыя прѣсноводнымъ каналомъ. Каждый день около трехъ часовъ по полудни весь каирскій beau monde прогуливался и разъѣзжалъ по шубрской аллеѣ. На концѣ аллеи за желѣзной рѣшеткой, въ боскетѣ кустовъ и тѣнистыхъ деревьевъ, возвышался, окаймленный самыми яркими цвѣтами востока, дворецъ, въ которомъ помѣщался гаремъ Галимъ-паши. Рѣдко приходилось видѣть такую массу мандариновыхъ деревьевъ, вѣтки коихъ изгибались подъ тяжестью спѣлыхъ плодовъ, обдававшихъ всю мѣстность душистымъ ароматомъ,—какъ въ шубрскомъ саду. Для посѣтителей, снабженныхъ входными билетами, садъ былъ ежедневно

открытъ до трехъ часовъ, послѣ чего предоставленный въ исключительное распоряженіе обитательницъ дворца, онъ закрывался для нескромныхъ взоровъ посѣтителей.

Кромѣ шубрской аллеи по обоимъ берегамъ Нила было разбросано еще нѣсколько дворцовъ Измаилъ-паши, изъ которыхъ несомнѣнно самымъ красивымъ былъ дворецъ Эль-Джезиръ, лежавшій по ту сторону Нила и отличавшійся особенною роскошью убранства; мраморныя колоннады, фонтаны, золотыя и другія богатыя украшенія останавливали взоры посѣтителя на каждомъ шагу (Нынѣ этотъ дворецъ превращенъ въ гостиницу).

Напротивъ Эль-Джезира, по лѣвой сторонѣ Нила, находился знаменитый Булакскій музей египетскихъ древностей, открытыхъ большею частью въ гробницахъ и древнихъ храмахъ, находившихся вблизи пирамидъ. Музей этотъ былъ устроенъ египетскимъ правительствомъ по указаніямъ знаменитаго археолога Маріэтта и состоялъ подъ его управленіемъ.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Шубры, внизъ по Нилу было расположено поперекъ рѣки громадное каменное сооруженіе, шлюзы, извѣстные подъ названіемъ barrage du Nil. Эта постройка изъ краснаго кирпича, сооруженная въ готическомъ стилѣ, представляла рядъ каменныхъ шлюзовъ поперекъ всего Нила, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ развѣтвляется на Розетскій и Даміетскій рукава. Главная задача этихъ шлюзовъ—регулированіе воды Нила послѣ его разлитія. Когда разливъ бываетъ сильный, то шлюзы открываются и лишняя вода стекаетъ безпрепятственно въ Средиземное море. Если же весенній разливъ, вслѣдствіе недостатка дождей, невеликъ, то шлюзы закрываются и вода, сдержанной въ своемъ теченіи рѣки, возвышается въ уровнѣ и распредѣляется почти на то же пространство, какъ и въ года сильныхъ разливовъ. Около этого же мѣста было устроено значительное укрѣпленіе для защиты Каира отъ непріятеля, который вздумалъ бы подняться вверхъ по Нилу—это Каирскій Кронштадтъ.

Поѣздка на знаменитыя пирамиды Гизе́ представляетъ нѣсколько болѣе дальную экскурсію. Пирамиды эти находятся верстахъ въ десяти отъ берега Нила, на рубежѣ воздѣлываемой плодоносной земли отъ голой степи, рѣзкая линія отдѣляетъ зеленый цвѣтъ первой отъ желтой степи. Противъ пирамидъ, полупогрузившійся въ степной песокъ, лежитъ громадный каменный сфинксъ, нѣсколько тысячелѣтій уже смотрящій на пирамиды. Осмотрѣвъ пирамиды, я отправился на ослѣ еще дальше въ степь, до развалинъ храма Сераписа, лежащаго близъ древняго Мемфиса.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Каира, близъ Аббассіэ былъ устроенъ ипподромъ для скачекъ.

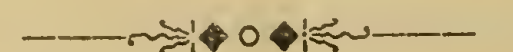
Послѣ десятидневнаго пребыванія въ Каирѣ и вторичнаго посѣщенія Измаиліи, о которомъ я упоминалъ выше, пришлось собраться въ обратный путь.

Остается только упомянуть еще о двухъ курьезныхъ эпизодахъ послѣднихъ дней моего пребыванія въ Каирѣ.

Какой-то аферистъ явился къ нашему обществу съ предложеніемъ устроить для насъ представленіе извѣстнаго арабскаго танца алмей, „муха", La mouche. Онъ таинственно сообщилъ намъ, что такъ какъ при этомъ танцѣ происходитъ раздѣваніе танцующихъ алмей, то въ настоящее время эти танцы воспрещены въ Египтѣ, но что у хедива исходатайствовали разрѣшеніе устроить такое представленіе для европейскихъ посѣтителей и что потому это надо было сохранять въ тайнѣ. Представленіе это должно было обойтись въ 2.000 франковъ, такъ какъ, по его словамъ, надо было для того нанять большое роскошное помѣщеніе, устроить угощеніе шампанскимъ и довольно дорого заплатить алмеямъ.

Какъ это ни странно, но большинство нашего общества увлеклось этимъ нелѣпымъ предложеніемъ, нашлось около двадцати человѣкъ, согласившихся внести по 100 франковъ. Меня обѣщанное зрѣлище совершенно не прельщало, тѣмъ болѣе, что нѣсколько дней тому назадъ, гуляя вечеромъ съ однимъ изъ моихъ спутниковъ по улицамъ Каира, нашъ проводникъ предложилъ намъ войти въ одинъ домъ, чтобы посмотрѣть на танецъ „муха". Мы послѣдовали за нимъ и вошли въ какую-то конуру, въ которой довольно пожилая и грязная женщина стала выдѣлывать передъ нами это довольно отвратительное представленіе, за которое мы заплатили ей 20 франковъ.

Не желая однако выдѣляться изъ нашего общества, я согласился также внести сто франковъ. На этотъ разъ намъ обѣщали чудеса красоты и изящества. Въ назначенный день все наше общество отправилось на мѣсто представленія, лежавшее въ одномъ изъ дальнихъ закоулковъ города. И что же—оказалось довольно грязное, хотя пространное помѣщеніе, убранное разными тряпками, и въ немъ двѣ или три немолодыя и некрасивыя женщины кривлялись, представляя танецъ „мухи",—къ тому же въ одной изъ нихъ я узналъ ту же женщину, которая нѣсколько дней тому назадъ, за 20 франковъ, угощала насъ тѣмъ же отвратительнымъ зрѣлищемъ. Такимъ образомъ мы заплатили 2.000 франковъ за мало изящное представленіе, которое можно было видѣть за какихъ-нибудь двадцать франковъ. Хорошо же посмѣялись надъ нами мѣстные аферисты.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118415352